БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет социокультурных коммуникаций
Кафедра культурологии

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных статей
по материалам
VI Международной научно-практической конференции

(Минск, 8–9 апреля 2021 г.)

Минск
«Колорград»
2021

УДК [008+316.77](082)
ББК 71я43
Н35

Рекомендовано
Советом факультета социокультурных коммуникаций БГУ
26 октября 2021 г., протокол № 3

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук, зав. кафедрой культурологии М. Ю. Шода (главный редактор); старший преподаватель Т. С. Супранкова (ответственный редактор); доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор С. В. Снапковская; кандидат филологических наук, профессор Г. В. Синило; кандидат культурологии, доцент И. В. Воробьева; кандидат культурологии, доцент Э. А. Усовская; старший преподаватель Е. К. Сельченок; старший преподаватель Т. В. Зайдаль

Рецензенты:
директор департамента по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, кандидат культурологии, доцент *Воронович Ирина Николаевна* (Минск, Беларусь); профессор кафедры зарубежной литературы Ереванского государственного университета *Симян Тигран Сержикович* (Ереван, Армения)

Национальные культуры в межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 8–9 апреля 2021 г.) / редкол.: М. Ю. Шода (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2021. – 348 с.
Н35
ISBN 978-985-896-068-1.

В сборник вошли статьи, подготовленные по результатам выступлений на VI Международной научно-практической конференции «Национальные культуры в межкультурной коммуникации». Конференция была проведена 8–9 апреля 2021 г. кафедрой культурологии факультета социокультурных коммуникаций БГУ. В статьях, вошедших в сборник, рассматриваются актуальные проблемы межкультурного взаимодействия в историческом, региональном, глобальном, социально-педагогическом, художественном, лингвистическом и других аспектах. Рекомендовано студентам, преподавателям и всем интересующимся проблемами межкультурного взаимодействия.

УДК [008+316.77](082)
ББК 71я43

ISBN 978-985-896-068-1

© БГУ, 2021
© Оформление. ООО «Колорград», 2021

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ДИНАМИК УТВЕРЖДЕНИЯ И РАЗМЫВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫМИ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ ТЕЛЕКАНАЛАМИ

В. А. Будучев

Университет Лотарингии, факультет социальных и гуманитарных наук, департамент информации и коммуникации
Ile du Saulcy, 57045, Metz, France
e-mail: *vbuduchev@gmail.com*

Статья рассматривает, каким образом телевидение способствует созданию и поддержанию культуры на национальном уровне и вне национальных границ. Национальные телевидения и транснациональные проекты являются инструментами укрепления культуры, ее проводниками. Но при этом, способствуют ли транснациональные и супранациональные медиапроекты размыванию национальных культур? Концепция методологического космополитизма указывает на то, что ответ на данный вопрос неоднозначен. Транснациональные медиапроекты позволяют сосуществование национальных культур с другими культурными проектами, содействуя культурному плюрализму и осознанию общности судьбы одновременно на нескольких уровнях.

Ключевые слова: массмедиа; национальная идентичность; медийное поле и медийное пространство; транснациональная медиакультура; методологический национализм; космополитизм.

COSMOPOLITICAL COEXISTENCE OF THE DYNAMICS OF THE APPROVAL AND DILUTION OF THE NATIONAL CULTURE BY NATIONAL AND TRANSNATIONAL TV CHANNELS

V. Buduchev

University of Lorraine, UFR SHS
Departament of Information – communication
Ile du Saulcy, 57045 Metz, France
e-mail: *vbuduchev@gmail.com*

The article examines the creation and maintenance of culture at the national level and beyond national borders. National and transnational tv channels are instruments to strengthen culture. Transnational media projects allow national cultures to coexist with other cultural projects, and help the growth of cultural pluralism and awareness of common destiny at several levels.

Key words: massmedia; national identity; media field and media space; transnational media culture; methodological nationalism; cosmopolitism.

Массмедиа и поддержание национальной культуры

Национальная принадлежность, вне всякого сомнения, участвует в формировании идентичности. Что касается национальных медиа, они формируют рамки, которые позволяют нам воспринимать мир. Бенедикт Андерсон подчеркивал, что понятие нации, как «воображаемого сообщества», тесно связано с развитием прессы – важнейшего актора медиаиндустрии [4, с. 18-20]. Благодаря данному медиа, читатели смогли осознать принадлежность к национальному сообществу. Сопоставимую, по Андерсону, с прессой роль в современном публичном пространстве играет национальное телевидение. Можно сказать, что телевидение является сегодня доминирующим массмедиа. По словам Эрика Мэгрэ, телевидение непосредственно участвует в формировании медиакультуры [10].

Пьер Бурдьё в своем кратком эссе, очерчивающем место медиа в схеме легитимации и репродукции социальных норм, утверждает, что медиа смотрят на мир через «определенные очки». Пользуясь данной метафорой, мы можем утверждать, что национальная принадлежность позволяет нам смотреть на мир через определенные очки, представляющие нам окружающую реальность под определенным углом [6, с. 18]. В данном случае, как и отбор медийных событий, так и их интерпретация, вписываются в национально-очерченную медийную повестку и национально-детерминированный контекст.

Национальная принадлежность создает институциональные рамки для медиа, социальные нормы и непосредственно

влияет на социальные практики. Бурдьё говорит о доминирующей культуре, генератором которой являются институты власти. Государство, согласно Бурдьё, является в некоей мере «Высшим трибуналом», который определяет правила символической борьбы и фиксирует распределение сил между агентами [12, с. 129].

Массмедиа в данной схеме уготована скромная, но важная роль института легитимации норм доминирующего класса. Таким образом, согласно логике Бурдьё, медиа, и в частности телевидение, которое согласно анализу социолога является инструментом «символического насилия» [6, с. 16], выполняет функцию создания и поддержки национального восприятия медийных событий.

Развивая логику автора, мы можем утверждать, что вне зависимости от политического устройства, массмедиа являются важнейшим социализирующим инструментом, посредством которого граждане усваивают социальные нормы. Информационный продукт информирует, но кроме этого он развлекает, воспитывает, убеждает, создает социальные связи [9, с. 39]. Выполняя данные функции, совокупность информационных продуктов создает определенную картину мира. И так как, согласно логике Пьера Бурдьё, массмедиа, которые создают иллюзию плюрализма, выбирая при этом, в условиях конкуренции, события соответствующие общепринятым критериям, ограничиваются на самом деле «*игрой зеркал которые отражаясь друг в друге создают эффект ментального закрытия*» [6, с. 25], формальное присутствие или отсутствие плюрализма не играет решающей роли в создании общественных представлений.

Данная особенность освещения медийных событий приводит к тому, что информация, создаваемая в рамках определенного медийного поля, крайне однородна. СМИ медиатизируют определенные события, определенные лица, под определенным углом. И так как поле журналистики функционирует на национальном уровне, отдавая предпочтение определенным национальным персонажам, национальным событиям и наци-

ональной логике, массмедиа непосредственно участвуют в создании общенациональной картины мира, «общности судьбы» на уровне национального дискурса. Общеустановленный медийный дискурс, легитимирующий взаимоотношения сил на национальном уровне, влияет на социальные практики посредством ретрансляции репрезентаций, создающих социальные нормы.

И хотя Бурдьё не употребляет термин национальной культуры, следуя его логике, стоит предположить, что национальная принадлежность является образующим элементом «общности судьбы» в национальных конструктах. Так как социальный институт медиа формирует во многом представление об общности судьбы, проект создания, поддержания и обновления национальных культур напрямую связан с деятельностью массмедиа.

Данная позиция Бурдьё сходна с наблюдением над российским медийным пространством Елены Вартановой, согласно которому «в 2000-х гг. телевидение приобрело важное значение не столько в определении федеральной новостной повестки дня, сколько в поддержке и укреплении национальной идентичности и сохранении национальной культуры» [1, с. 11]. При этом если российская исследовательница рассматривает влияние массмедиа на поддержание национальной культуры, не давая данному феномену однозначной оценки, то анализ Бурдьё носит исключительно критичный характер. Но, несмотря на различную интерпретацию феномена взаимного влияния массмедиа и национальной культуры, оба автора указывают на общность принципов взаимодействия медиа и национальной культуры, несмотря на различия национальных контекстов во Франции и в России.

Напомним, что Бурдьё привлекает внимание к чрезмерной автономизации массмедиа, к погоне медиа за рейтингом, срочности информации, поверхностности в освещении общественно-политических проблем. Все это, согласно автору, неизбежно ведет к репродукции стереотипов и уничтожению плюрализма

предлагаемых массмедиа точек зрения. Вслед за исследователями франкфуртской школы, Бурдьё крайне пессимистично настроен по отношению к медиаиндустрии, направленной прежде всего на получение финансовой прибыли и алиенацию масс. Что касается российской медийной системы, Елена Вартанова подчеркивает, что «взаимоотношения между государством, его ведомствами, с одной стороны, и журналистикой, СМИ – с другой, традиционно определяли (и до сих пор продолжают) характер и состояние российской медиасистемы» [1, с. 14]. Так, несмотря на существенные различия медийных моделей, исследователи указывают на ключевую роль медиа в формировании и поддержании национальных культур.

Логика структурирования информации на уровне национального медийного пространства прослеживается в работах и других авторов. Данному принципу подчиняется, на наш взгляд, общеизвестная концепция «повестки дня» (*Agenda Setting*).

Описывая данный подход, Дарина Черепанова указывает что «средства массовой информации оказывают значительное влияние на общественное мнение путем отбора информации и ее освещения» [3, с. 137].

Канадский исследователь Жан Шаррон отмечает, что «Термин «аженда-сеттинг» создает прямую связь между событиями, которым медиа уделяют внимание, и представлением публики о важности данных событий» [8]. Согласно данному подходу, если медиа не решают, что думает публика, они определяют то, о чем она думает и говорит.

Так как повестка дня в медиа национально-ориентирована (в том числе в освещении международных событий), мы можем утверждать, что, несмотря на то, что публике фактически свойственна принадлежность к различным культурным пространствам (город, регион, интересы, социальная принадлежность, профессиональная культура и т.д.), общенациональные массмедиа увеличивают чувство принадлежности к национальной культуре.

Возможности размывания национальной культуры транснациональными медиапроектами

Телевидение выполняет функцию централизации и стабилизации национальной идентичности, является институтом утверждения национальной культуры.

При этом современная модель медиа неоднородна. Работы, реализованные в рамках *cultural studies*, указывают на роль транснациональной циркуляции в формировании культуры. Французский исследователь медиа Тристан Маттлар указывает на то, что Стюарт Холл деконструирует идеологизированное представление о национальной идентичности, ведущее к нивелированию внутреннего разнообразия, связанного с классовой, гендерной, этнической, региональной принадлежностью, в целях представления нации в качестве однородной составляющей [11, с. 17]. Современные медиа, наоборот, проявляют способность ориентироваться на различные типы публик внутри национальных пространств. Национальные медиарынки включают СМИ, имеющие различные эдиториальные проекты и ориентирующиеся на различные типы публики.

Так, согласно данной логике, реапроприация форматов медийных программ и проектов на международном уровне неизбежно приводит к циркуляции общих репрезентаций в транснациональном пространстве, создает общую медиакультуру [10], что ослабляет роль медиа, и прежде всего телевидения, как генератора национальной культуры.

С этой точки зрения, сходство программ национальных телеканалов приводит к гомогенности культурных репрезентаций. Так, Жером Бурдон объясняет, что начиная с 1980-х годов, телевидению свойственна тенденция к транснационализации телевизионных форматов [7, с. 211]. В этой ситуации, супранациональные и транснациональные телеканалы в еще большей степени способствуют размыванию национальной идентичности.

История теле- и радиовещания знает множество примеров данного «размывания». Например, во Франции такую роль

играли периферийные радиостанции «Европа N°1» и «Радио Люксембург», во время государственного контроля над телерадиовещанием (который был упразднен лишь в 1982 году). Как объясняют А. А. Ефанов и Н. Э. Ефендиева, в целом массмедиа, начиная с двадцатых годов прошлого века, осуществляли информационное сопровождение общественно-политических процессов на международном уровне [2]. BBC, «Московское Радио», «Deutsche welle», «Радио Свобода», «CNN», «PT» и так далее – несомненно являются примерами международных СМИ, которые либо целенаправленно размывают идентичность национально-ориентированной публики, посредством создания транснационального взгляда, либо стремясь к расширению публики в коммерческих целях, создают универсальную картину мира за счет распространения универсального контента.

Несомненно, не стоит рассматривать все «иноСМИ» как однородный проект. На первоначальном этапе речь идет о сопровождении государственной политики, поддержке государственных интересов на международном уровне. Позже, с обретением автономии международных медиа, геополитические проекты международного информационного сопровождения государственной политики в большинстве случаев уступают место коммерческим и культурным интересам. Некоторые СМИ преследуют исключительно коммерческие цели. Некоторые, как, например, французский канал «TV5 Monde», созданы для поддержки франкоговорящей идентичности, для других медийных проектов главной целью остается поддержка культурного и политического влияния в международном пространстве. Международная экспансия Российского телевидения в его различных проявлениях соответствует, на наш взгляд, последней логике. Что касается франко-немецкого канала «ARTE», его конечной целью является конструирование коллективной немецко-французской идентичности, вписывающейся в более широкий европейский конструкт.

Но при этом, несмотря на множество медийных проектов, каждый из которых преследует различные цели и выстраивает

эдиториальную политику согласно различным принципам, все они так или иначе оказывают влияние на публики, которые теряют качество национальных зрителей и становятся участниками транснационального сообщества.

Несомненно, житель белорусского Бреста, находясь перед экраном «BBC» или «РТР», не перестает быть белорусом, так же как житель французского Бреста остается французом, останавливая свой выбор на канале «ARTE». Но при этом, конкуренция между телеканалами «BBC», «РТР» и «Беларусь 1» может способствовать размыванию национальной идентичности и осознанию общности судьбы на нескольких уровнях. Данные опасения возможного декультурирования понятны и объяснимы.

При этом, на наш взгляд, угроза потери национальной идентичности является преувеличением, так как культурная идентичность многополярна.

Циркуляция форматов культурной и медийной индустрии вовсе не свойственна лишь современной эпохе. Циркуляция культурных репрезентаций не является следствием процесса глобализации и либерализации. Наоборот, так как циркуляция идей сопровождает развитие цивилизации, глобализация лишь одно из современных проявлений культурной коммуникации. При этом история знает и другие модели циркуляции репрезентаций на глобальном уровне.

Становясь потребителем культурно-информационных продуктов различных уровней, телезритель приобретает новую идентичность, не теряя ее первоначальной формы. Постулат, согласно которому культурная открытость обогащает, может показаться наивным, но на наш взгляд он позволяет осознать, что культурная идентичность является многоуровневой и космополитичной. Космополитизм осознается не через общность классовых или национальных интересов, а через включенность сразу в несколько культурных конструктов, которые опираются на репрезентации нескольких уровней. Таким образом, теория легитимности Бурдьё, подчеркивающая роль массмедиа в поддержании установившегося между доминирующим и домини-

руемым классами баланса, в котором государство играет роль высшего арбитра, может быть подвергнута сомнению.

Немецкий социолог Ульрих Бек призывает к преодолению методологического национализма, который, согласно автору, дает ошибочное представление об объектах исследований в социальных науках. Так, согласно логике автора, который противопоставляет методологическому национализму более справедливую на его взгляд концепцию методологического космополитизма, различные идентичности сосуществуют, что и делает современный мир космополитичным. Как объясняет Бек, «методологический национализм поощряет территориальное восприятие культуры и культурного плюрализма. Если мы рассматриваем культуру в рамках определенной территории, вопрос плюрализма ведет в тупик альтернативы: униформизация (макдональдизация) противопоставляется невозможности сравнения между национаьными перспективами» [5, с. 60]. Таким образом, применяя подход методологического национализма, мы несомненно придем к выводу, что приведенный нами выше в качестве примера житель Бреста либо останется белорусом с помощью белорусского телеканала, который ему даст уже готовую картину мира, либо потеряет свою белорусскость, подвергаясь чуждой «культурной программе», заданной западной глобализацией либо российским культурно-геополитическим проектом.

На наш взгляд, данная категоричная логика неприменима. В связи с этим, вслед за Ульриком Беком, стоит подчеркнуть ограниченность методологического национализма как метода: «Методологический национализм рассматривает социальную, культурную и политическую сферу как эксклюзивные категории (или... или); методологический космополитизм рассматривает социальную и политическую сферу с помощью комбинируемых категорий (и... и)» [5, с. 65]. Методологический космополитизм – не новый аргумент глобализма, который ищет лазейки для более эффективного разрушения национальных культур, а попытка избегания упрощенного взгляда на социальную реальность, культуру и идентичность.

Так, плюрализм методологического космополитизма позволяет нам воспринимать потребителя культурно-информационных программ, транслируемых телеканалами «ВВС», «РТР» и «Беларусь 1» как полноправного представителя белорусской культуры с ее национальными особенностями, принадлежащего одновременно к европейскому пространству с его ценностями, а так же разделяющего общую культуру с восточным соседом. Продолжая использовать данную метафору, мы можем утверждать, что наш телезритель одновременно принадлежит к трем пространствам, несмотря на то, что вовлеченность его в три пространства неодинакова. В соответствии с данной логикой, размывание национальной идентичности может рассматриваться как осознание множественности связей, которые создают представление об «общности судьбы».

Литература

1. Вартанова, Е. Л. К вопросу о рамках теоретического анализа и национальных особенностях медиасистемы России / Е. Л. Вартанова // Медиа Альманах. – 2019. – № 2. – С. 8–18.
2. Ефанов, А. А. Становление иновещания в России и за рубежом: историко-генетический и компаративистский анализ / А. А. Ефанов, Н. Э. Эфендиева // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – № 4 (25). – С. 746–755.
3. Черепанова, Д. А. Информационная повестка как механизм формирования политического имиджа государства / Д. А. Черепанова // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 5 (56). – С. 136–141.
4. Anderson, B. L'imaginaire national. Réflexions sur l'origine et l'essor du nationalisme / B. Anderson. – Paris : La Découverte, 1996. – 224 p.
5. Beck, U. Qu'est-ce que le cosmopolitisme ? / U. Beck. – Paris : Aubier, 2006. – 384 p.
6. Bourdieu, P. Sur la télévision / P. Bourdieu. – Paris : Raisons d'agir, 2008. – 95 p.
7. Bourdon, J. Genres télévisuels et emprunts culturels. L'américanisation invisible des télévisions européennes / J. Bourdon // Réseaux. – 2001/3. – № 107. – P. 209–236.
8. Charron, J. La reconnaissance sociale du pouvoir symbolique des journalistes politiques. Une question de rhétorique / J. Charron // Hermès. – 1995. – №. 16. – P. 229–240.
9. Guibert, G. Médias, culture et numérique. Approches socioéconomiques / G. Guibert, F. Rebillard, F. Rochelandet. – Paris : Armand Colin, 2016. – 237 p.

10. Maigret, E. «Médiacultures » et coming out des cultural studies en France / E. Maigret // Cahiers de recherche sociologique. – 2009. – № 47. – P. 11–21.
11. Mattelart, T. Médias, migrations et cultures transnationales / T. Mattelart. – Bruxelles : De Boeck Supérieur, 2007. – 158 p.
12. Lenoir, R. L'État selon Pierre Bourdieu / R. Lenoir // Presses de Sciences Po «Sociétés contemporaines». – 2012/3. – № 87. – P. 123–154.

СОВРЕМЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КУЛЬТУРЕ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ

И. Б. Горбунова, А. А. Панкова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Учебно-методическая лаборатория
«Музыкально-компьютерные технологии»,
наб. реки Мойки, 48, 191186, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: *gorbunovaib@herzen.spb.ru*

В ситуации всё более активизирующихся процессов взаимодействия и взаимопроникновения различных культур на межгосударственном, межнациональном и межконтинентальном уровнях особое значение приобретают современные средства трансляции культуры. Ставшая сегодня реальной возможность передачи информации online практически любого формата открывает новые горизонты адекватной трансляции данных, многократно ускоряет «обменные процессы» в рамках проблемы культурного диалога.

В современном цифровом социуме наряду с традиционными акустическими музыкальными инструментами большое распространение в концертной практике и образовательном процессе получили музыкально-компьютерные технологии (МКТ), которые играют особую роль в формировании новой структуры музыкального образования и возникновения особых закономерностей взаимодействия образно-смысловых пространств.

В статье рассматриваются особенности реализации музыкально-образовательного процесса в современных условиях реализации электронного обучения и использовании дистанционных образовательных технологий в культуре и межкультурной коммуникации.

Авторы приходят к выводу о возможности МКТ сыграть значительную роль в процессе освоения, трансляции и сохранения музыкальной культуры народов мира, а также сохранения, развития и популяризации традиционного культурного наследия народов мира.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; музыкально-компьютерные технологии; электронные музыкальные инструменты; дистанционные технологии; электронное обучение.

CONTEMPORARY MUSICAL EDUCATION IN CULTURE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION: REMOTE FORMAT

I. B. Gorbunova, A. A. Pankova

Education and Methods Laboratory Music Computer Technologies at the Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika River Embankment, 48, 191186, St. Petersburg, Russia
e-mail: *gorbunovaib@herzen.spb.ru*

In the situation of increasingly active processes of interaction and interpenetration of different cultures at the intercontinental, interethnic and interstate levels, modern means of broadcasting culture are of particular importance. The possibility of transmitting information online in almost any format, which has become real today, opens up new horizons for adequate data transmission, and repeatedly accelerates the "exchange processes" within the framework of the problem of cultural dialogue.

In the modern digital society, along with traditional acoustic musical instruments, music computer technologies (MCT) and digital musical instruments have become widely used in concert practice and the educational process. MCT plays a special role in the formation of a new structure of musical education, as well as the emergence of special patterns of interaction of figurative and semantic spaces.

The article deals with the features of the musical and educational process and creativity in the modern conditions of e-learning implementation and the use of distance learning technologies in culture and intercultural communication.

The authors come to the conclusion that the MCT can play a significant role in the process of mastering, broadcasting and preserving the musical culture of the peoples of the world, as well as preserving, developing and popularizing the traditional cultural heritage of multinational Russia.

Key words: cross-cultural communication; music computer technologies; electronic musical instruments; remote technologies; e-learning.

Начиная с середины XX века, электронное музыкальное творчество создало мощный фундамент средств выразительности музыки, проникая в пространство не только академических жанров, но и в сферу музыки для театра и кино, всевозможных по своей стилистике спектаклей. На рубеже XX и XXI веков возникло новое направление в музыкальном творчестве и музыкальной педагогике, обусловленное быстрым развитием информационных технологий и цифровых музыкальных инструментов (от простейших синтезаторов до мощных музыкальных компьютеров), новая междисциплинарная сфера профессиональной деятельности музыканта, связанная с созданием и применением специализированных музыкальных программно-аппаратных средств, требующая знаний и умений – музыкально-компьютерные технологии (МКТ) [1; 2]. Данное понятие используется специалистами в различных музыкальных областях. Семантические и морфологические свойства музыкальных композиций, созданных с помощью МКТ, можно рассматривать как абстрактные уровни музыкальной культуры, получившей своё развитие в условиях функционирования высокотехнологичной информационной творческой сферы – виртуальной образовательной и творческой среды в области культуры [3; 4]. Являясь феноменом киберкультуры, идея виртуальности, которая находит своё логическое и художественное осмысление и воплощение в музыкальном творчестве различных жанровых и стилевых направлений, определяется сегодня включением МКТ в сферу музыкальной культуры и трактуется как искусственно созданный медиум [5; 6; 7; 8].

МКТ дают практически неограниченные возможности в создании элементов звучания, определяемые только художественно-эстетическими потребностями носителей и исследователей фольклора, музыкантами-фольклористами и более широким кругом профессионалов и слушателей.

В современном цифровом социуме наряду с традиционными акустическими музыкальными инструментами большое распространение в концертной практике и образовательном про-

цессе получили музыкально-компьютерные технологии (МКТ) [7–8] и электронные музыкальные инструменты (ЭМИ) [9]. МКТ играют особую роль в формировании новой структуры музыкального образования, а также возникновения особых закономерностей взаимодействия образно-смысловых пространств.

Различные аспекты (образовательный, культуротворческий, синестетический и др.) МКТ и исполнительства на ЭМИ в современном культурогенном процессе подробно рассматриваются нами в ряде исследований (см., например, работы: [10–14]).

Возникновение и развитие современной компьютерной студии звукозаписи как инструмента музыкального творчества и феномена современной музыкальной культуры [15; 16] содержит в себе элементы, позволяющие сохранить традиции и механизмы культурного наследования в условиях исторической преемственности и трансляции культурных ценностей и смыслов сегодня.

В ситуации всё более активизирующихся процессов взаимодействия и взаимопроникновения различных культур на межконтинентальном, межнациональном и межгосударственном уровнях особое значение приобретают современные средства трансляции культуры. Ставшая сегодня реальной возможность передачи информации online практически любого формата открывает новые горизонты адекватной трансляции данных, многократно ускоряет «обменные процессы» в рамках проблемы культурного диалога.

Авторы статьи приходят к выводу о возможности МКТ сыграть значительную роль в процессе освоения, трансляции и сохранения музыкальной культуры народов мира, а также сохранения, развития и популяризации традиционного культурного наследия многонациональной России. Исторические, мировоззренческие и ментальные аспекты развития теории культуры в условиях существования информационно-коммуникативного пространства, система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре в виртуальной творче-

ской среде, возникновение и развитие современного феномена культуры – компьютерной студии звукозаписи как инструмента сохранения музыкального творчества, становление нового культурного и культурологического феномена МКТ – все эти особенности распространения и воспроизведения ценностей культуры в перспективе Digital Humanities создают дополнительные возможности сохранения и трансляции традиционных музыкальных культур народов мира.

В наши дни учёные формулируют новые исследовательские задачи: необходимо исследовать ресурсы и возможности применения современных информационных и коммуникационных технологий, новейших МКТ для сбора, адекватной обработки, сохранения, передачи и трансляции традиционной музыкальной культуры, а также осмысления их роли и значения в сфере культурного диалога и межкультурной коммуникации.

Музыкально-компьютерные технологии – уникальный инструмент передачи музыкальной культуры

МКТ в сфере академической музыкальной культуры

МКТ являются современным инструментом взаимодействия в сфере академической музыкальной культуры народов мира

Пути взаимодействия в сфере академической музыкальной культуры, помимо уже ставших традиционными практик (преемственность в области музыкального исполнительства и образования), могут и должны включать взаимодействие в сфере композиторского творчества

МКТ как инструмент сохранения и трансляции музыкальной культуры народов мира

МКТ – уникальная культурно-трансляционная система, инструмент сохранения и трансляции

МКТ – особые инструменты сбора и обработки музыкального материала, современные информационные ресурсы и технологии в области сохранения и трансляции музыкального творчества

МКТ и комплексная модель семантического пространства музыки

МКТ играют особую роль в формировании новой структуры музыкального пространства, а также возникновения особых закономерностей взаимодействия образно-смысловых пространств

МКТ – одно из проявлений комплексной модели семантического пространства музыки

МКТ в музыкально-педагогическом образовании

Развиваются направления подготовки, связанные с МКТ.

Развивается новая технология обучения и подачи учебного материала.

Учебно-методическая лаборатория «Музыкально-компьютерные технологии» Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Занятия со студентами по программам подготовки бакалавров и магистратров образования по направлению «Музыкально-компьютерные технологии»

Подготовка бакалавров образования по программе «Музыкально-компьютерные технологии»

Подготовка магистров образования по программе «Музыкально-компьютерные технологии в образовании»

В учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» проводится обучение в дистанционном формате по программам повышения квалификации:

1. Музыкально-компьютерные технологии
2. Компьютерное музыкальное творчество
3. Методика преподавания музыкальных дисциплин с использованием музыкально-компьютерных технологий
4. Электронный музыкальный синтезатор
5. Искусство исполнительского мастерства и аранжировки на клавишном синтезаторе
6. Современные методы преподавания музыкальных дисциплин с использованием компьютерных технологий
7. Информационные технологии в музыкальном образовании

8. Планшетные и облачно-ориентированные технологии в музыкальном образовании

9. Создание мультимедийных пособий с использованием музыкально-компьютерных технологий

10. Интерактивные сетевые технологии обучения музыки (программа «Soft Way to Mozart»)

11. Музыкальная звукорежиссура

12. Технологии создания аудиовизуальных проектов.

13. Цифровые технологии в современной концертной практике.

14. Использование ресурсов интерактивной доски в обучении музыке

15. Музыкальная информатика.

16. Дистанционные технологии в музыкальном образовании.

17. Дистанционные технологии и электронное обучение в музыкальном

18. Создание аудиовизуального контента в системе дистанционного музыкального образования

19. Создание электронной образовательной среды для дистанционного музыкального обучения

20. Создание цифрового образовательного контента в условиях реализации дистанционного обучения.

21. Методика преподавания музыкальных дисциплин с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения.

Программам профессиональной переподготовки:

1. Преподавание музыкальных дисциплин с использованием музыкально-компьютерных технологий

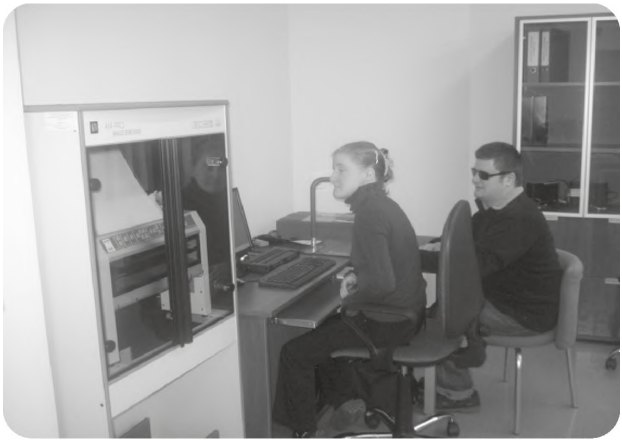
2. Преподавание электронного клавишного синтезатора.

3. Технологии создания и художественной обработки звуковой информации.

4. Информационные технологии в музыке и музыкальном образовании

5. Дистанционные образовательные технологии в музыке и музыкальном образовании.

Система инклюзивного образования: равные возможности получения музыкального образования



Учебно-методическая лаборатория «Музыкально-компьютерные технологии» является организатором творческих мероприятий всероссийского и международного уровня.

Среди них отметим:

• ежегодный Открытый всероссийский конкурс-форум музыкального творчества «КЛАРИНИ XXI века»,

• ежегодные Международные семинары практикумы «Мир искусства без границ» (совместно с Сегедским университетом, Венгрия),

• ежегодный Всероссийский конкурс электронного музыкального творчества детей и юношества «DEMO»,

• Всероссийский фестиваль творчества «Музыка XXI века»,

• ежегодная Международная научно-практическая конференция «Музыкально-компьютерные технологии в системе современного образования»,

• ежегодная Международная научно-практическая конференция «Современное музыкальное образование: творчество, наука, технологии».

С 2002 года УМЛ «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А. И. Герцена совместно с Санкт-Петербургской консерваторией им. Н. А. Римского-Корсакова проводится ежегодная Международная научно-практическая конференция «Современное музыкальное образование: творчество, наука, технологии», которая объединяет участников более 50-ти стран мира. В рамках конференции проводятся секционные заседания по следующим основным направлениям:

• музыкальное образование в системе целостного художественного образования,

• проблемы профессионального музыкального образования,

• школа-училище-вуз: проблемы преподавания музыкально-исполнительских и музыкально-теоретических дисциплин,

• сольфеджио: вчера, сегодня, завтра,

• музыкальная наука в фокусе естественнонаучного и гуманитарного знания, теория и практика. (*Посвящается памяти Ю. Н. Рагса*),

• современное музыкальное образование на Дальнем Востоке России,

• электронные музыкальные инструменты (*Памяти Алексея Ортина*),

• интеграция общего и дополнительного музыкального образования – средство формирования единого образовательного пространства,

• музыкально-компьютерные технологии,

• информационные технологии в музыке и музыкальном образовании,

• интерактивные сетевые технологии в обучении музыке (совместно с учёными и педагогами из США),

• инклюзивное музыкальное образование.

С 2018 года в рамках конференции проводится секция «Современное музыкальное образование на Дальнем Востоке России» в Хабаровском государственном институте культуры.

В 2020 году XIX Международная научно-практическая конференция «Современное музыкальное образование – 2020» прошла полностью в дистанционном формате. Были организованы встречи учёных и педагогов в виртуальном формате. Как оказалось, эти особые обстоятельства не только не снизили интерес к международному научному форуму, а, напротив, создали условия для расширения масштабов его репрезентативности. Так, участниками конференции были более 300 представителей из 40 регионов России и многих стран мира (более 30-ти). Участниками конференции впервые выступили Бакинская музыкальная академия имени У. Гаджибейли, Азербайджанский государственный университет культуры и искусств, Азербайджанская национальная консерватория, Институт математики и механики Национальной академии наук Азербайджана. В рамках конференции в 2020 году проведена секция «Современное музыкальное образование в Азербайджане – 2020: творчество, наука, технологии» и принято решение о включении Бакинской музыкальной академии имени У. Гаджибейли в качестве соучредителя ежегодной Международной научно-практической конференции «Современное музыкальное образование: творчество, наука, технологии».

Выступления на конференции стало важной площадкой для высказывания научных, исследовательских, учебно-методических идей учёных и педагогов, композиторов и исполнителей, представляющих различные научные школы и художественно-культурные традиции различных стран и регионов. Результаты обсуждения проблем, затрагиваемых участниками конференции, способствуют развитию современной музыкальной культуры и плодотворному взаимодействию существующих в этой области художественных, научно-исследовательских и педагогических традиций, включая современные тенденции межкультурных коммуникаций.

Литература

1. Gorbunova, I. B. Music Computer Technologies in the Perspective of Digital Humanities, Arts, and Researches / Gorbunova, I. B. – Opcion. 2019. V. 35. No. SpecialEdition24. – Pp. 360–375.
2. Горбунова, И. Б. Музыкально-компьютерные технологии в системе современного музыкального воспитания и образования / И. Б. Горбунова // Педагогика и психология, культура и искусство. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Педагогика и психология, культура и искусство: проблемы общего и специального гуманитарного образования». Министерство образования и науки Российской Федерации; Министерство культуры республики Беларусь; НОУ ВПО "Российский университет" (Рос НОУ) Климовский филиал; УО "Белорусский государственный университет культуры и искусств" (БГУКИ), кафедра хореографии. 2013. – С. 7–12.
3. Gorbunova, I. B. The Integrative Model for the Semantic Space of Music: Perspectives of Unifying Musicology and Musical Education / I. B. Gorbunova, M. S. Zalivadny // Music Scholarship. – 2018. – № 4 (33). – С. 55–64. DOI: 10.17674/1997-0854.2018.4.055-064.
4. Комплексная модель семантического пространства музыки. Сборник статей. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. – 183 с.
5. Горбунова, И. Б. Компьютерная музыка в системе подготовки педагога-музыканта / И. Б. Горбунова, А. А. Панкова // Медиамузыка. 2014. № 3. С. 4. URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/3_4.html
6. Горбунова, И. Б. Компьютерная музыка. Том 2: Лаборатория звука / И. Б. Горбунова, А. А. Панкова, П. Д. Родионов. – Санкт-Петербург : Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2016.
7. Горбунова, И. Б. Музыкально-компьютерные технологии: к проблеме моделирования процесса музыкального творчества : Монография / И. Б. Горбунова, С. В. Чибирёв. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – 159 с.
8. Горбунова, И. Б. Музыкально-компьютерные технологии и проблема моделирования процесса музыкального творчества / И. Б. Горбунова, С. В. Чибирёв // Региональная информатика "РИ-2014". Материалы XIV Санкт-Петербургской международной конференции. – СПб. – 2014. – С. 293–294.
9. Gorbunova, I. B. Electronic musical instruments: to the problem of formation of performance mastery [Electronic Resource] / I. B. Gorbunova. – Int'l Conference Proceedings, Budapest (Hungary). 2018. Pp. 23–28. – Mode of access: https://doi.org/10.17758/URUAE4.UH10184023. – Date of access: 14.01.2021.
10. Белов, Г. Г. Новый инструмент музыканта / Г. Г. Белов, И. Б. Горбунова // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 6. – С. 135–139.

11. Бергер, Н.А. Общее музыкальное образование в Школе XXI века / Н. А. Бергер, И. Б. Горбунова, Н. А. Яцентковская // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 6 (55). – С. 147–151.
12. Горбунова, И. Б. Музыкальный звук: методические аспекты толкования / И. Б. Горбунова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 4. – С. 95–100.
13. Gorbunova, I. Music Computer Technologies in Informatics and Music Studies at Schools for Children with Deep Visual Impairments [Electronic Resource] / I. Gorbunova, A. Govorova // Experience. Informatics in Schools. Fundamentals of Computer Science and Software Engineering. ISSEP 2018. Lecture Notes in Computer Science, vol. 11169. Springer, Cham. Pp. 381–389. 2018. – Mode of access: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02750-629. – Date of access: 14.01.2021.
14. Gorbunova, I. B. The concept of music computer pedagogical education in Russia [Electronic Resource] / I. B. Gorbunova // International Journal of Advanced Science and Technology. – 2020. – Volume 29, no. 6s. – P. 600–615. – Mode of access: http://sersc.org/journals/index.php/IJAST/article/view/8881. – Date of access: 14.01.2021.
15. Алиева, И. Г. Музыкально-компьютерные технологии как инструмент трансляции и сохранения музыкального фольклора (на примере Дальнего Востока России) / И. Г. Алиева, И. Б. Горбунова, С. В. Мезенцева // Проблемы музыкальной науки. – 2019. – № 1. – С. 140–149.
16. Алиева, И. Г. Музыкальное творчество устной традиции: к проблеме сохранения нематериального культурного наследия / И. Г. Алиева, И. Б. Горбунова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6 (67). – С. 314–318.

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ПРАСТОРА І ЗМЕСТ ЦІ СРОДАК І МЭТА

А. Д. Крывалап

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў,
вул. Рабкораўская 17, 220007, Мінск, Беларусь
email: *2krivolap@gmail.com*

Тэкст прысвечаны разгляду пераасэнсавання зместу паняцця нацыянальная культура, які адбываецца ў межах дыскурсу постколаніяльных даследаванняў. Мэтай даследавання з'яўляецца спроба паказаць магчымыя вымярэнні нацыянальнай культуры, якая можа разглядацца адначасова як прастора і змест, сродак і мэта. Тэкст грунтуецца на працах такіх аўтараў як Ф. Фанон, Х. Баба, Дж. Батлер, М. Харт і А. Негры.

Ключавыя словы: нацыянальная культура; каланізацыя; постколаніяльныя даследаванні; ідэнтычнасць; практыка.

NATIONAL CULTURE: SPACE AND CONTENT OR TOOL AND AIM

A. Krivolap

Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya st, 17 220007, Minsk, Belarus
email: *2krivolap@gmail.com*

The text is devoted to the consideration of the reinterpretation of the content of the concept of national culture, which occurs within the discourse of postcolonial studies. The aim of the study is to attempt to show possible dimensions of national culture, which can be seen simultaneously as space and content, means and purpose. The text is based on the works of such authors as F. Fanon, H. Bhabha, J. Butler, M. Hart and A. Negri.

Key words: national culture; colonization; postcolonial studies; identity; practice.

Сам факт наяўнасці нацыянальнай культуры звычайна ўспрымаецца як дадзенасць. Відавочна, што яна ёсць, што ж

тут яшчэ даказваць? Пытаннямі існавання нацыянальнай культуры займаюцца самыя розныя даследаванні: ад этнаграфіі да псіхалогіі. Але калі задаваць пытанні на ўдакладненне, то можна знайсці шмат цікавага. Нацыянальная культура – гэта такі тэрмін да якога ўсё ўжо прызвычаіліся і вельмі складана прыдумаць нешта новае. Калі мы разважаем пра працэс утварэння нацыянальных дзяржаў у XIX ст. то, канешне, павінны абавязкова прысутнічаць і нацыянальная культура. Але ўсё гэта робіцца больш цікавым і складаным, калі мы дадаём сюды пытанні якія ўзнікаюць у дыскурсе посткаланіяльных даследаванняў. Калі разважаем не толькі пра еўропацэнтрычнае бачанне культуры ў глабальным свеце, а спрабуем зазірнуць у нейкія іншыя інтэрпрэтацыя таго, што такое нацыянальная культура і не толькі еўрапейская. Традыцыйны набор пытанняў пра ідэнтычнасць, культурную ідэнтычнасць, нацыянальную ідэнтычнасць – робіцца ізноў актуальным.

Таму магчымыя вымярэнні ці разуменні таго, што нацыянальная культура можа разглядацца адначасова як прастора і змест, сродак і мэта. Безумоўна, нацыянальная культура можа быць той самай прасторай, у якой існуе пэўнае грамадства. Прасторы гістарычных, этнаграфічных і іншых музеяў – з'яўляюцца доказам існавання той ці іншай культуры. Нацыянальная культура як змест адсылае нас да таго, што вынікі культурніцкай дзейнасці павінны быць нейкім чынам увасобленая ў творах літаратуры і мастацтва. Мы звяртаем увагу на змест ці на форму, ці на іх спалучэнне? Нацыянальная культура як сродак, які забяспечвае існаванне дзяржавы, нацыі, грамадства, супольнасці... Сродак павінен прадугледжваць пэўныя мэты свайго выкарыстання. Навошта ўсё гэта робіцца, якая можа быць мэта існавання нацыянальнай культуры.

Як варыянт аб'яднаць разам усе гэтыя інтэрпрэтацыі таго, чым можа быць нацыянальная культура, магчыма звярнуцца да посткаланіяльных даследаванняў, а дакладней да спадчыны Франца Фанона і яго разумення таго, што такое нацыянальная культура.

Каб стаць сваім у сваёй культуры, неабходна не адрывацца ад народу, які змагаецца з каланіялізмам, што прадугледжвае радыкальнае пераасэнсаванне нацыянальнай культуры, якая традыцыйна ўспрымаецца як экзотыка для турыстаў. «Нацыянальная культура – гэта не фальклор і не абстрактны папулізм, які лічыць, што можа выявіць сапраўдную прыроду людзей. Яна складаецца не з інертных выкідаў дабрачынных дзеянняў, гэта значыць дзеянняў, якія ўсё менш і менш звязаны з наяўнай рэчаіснасцю людзей. Нацыянальная культура – гэта цэлы комплекс намаганняў людзей, накіраваных на апісанне, апраўданне і ўхваленне дзеянняў, якімі народ стварыў сябе і падтрымлівае ўласнае існаванне» [3, с. 233]. Гэта тое, што пазней П. Бурдьё назаве практыкай ці практычным сэнсам, а таксама тое, што сцвярджае значнасць культуры штодзённасці, не высокіх элітарных формаў, а звыклай штодзённай практыкі. Разуменне культуры як пэўнай форма барацьбы вядзе да асэнсавання феномену гвалту. Гвалт падпарадкаваных у дачыненні да каланізатараў успрымаецца як абаронай ці дзеяннямі ў адказ. У такім выпадку калектыўны катарсіс можа мець не сімвалічную форму змагання, а форму бязлітаснага рэвалюцыйнага гвалту. На думку Ф. Фанона будзе памылкай імкнуцца пазбегнуць канфлікту паміж культурай падпарадкаванай і каланіяльнай, таму што гэта не прывядзе да перагляду каланіяльных межаў. «Культура – гэта найперш выражэнне нацыі, выражэнне яе пераваг, табу і патэрнаў. <...> Нацыянальная культура – гэта агульная сума ўсіх гэтых ацэнак; гэта вынік унутранай і знешняй напружанасці ў грамадстве ў цэлым, а таксама на ўсіх узроўнях гэтага грамадства. У каланіяльнай сітуацыі культура, якая ўдвая пазбаўленая падтрымкі нацыі і дзяржавы, адпадае і гіне. Таму ўмовай яе існавання з'яўляецца нацыянальнае вызваленне і адраджэнне дзяржавы» [3, с. 244]. Пасля аднаўлення незалежнасці дзейнасць у сферы культуры не толькі не павінна спыніцца, а наадварот – актывізуецца, каб кожны дзень сцвярджаць уласнае існаванне, што будзе патрабаваць новых культурных формаў. «Барацьба за свабоды не вяртае нацыянальнай культуры яе папярэднія сэнсы

і формы; гэтая барацьба, скіраваная на прынцыпова іншы набор адносін паміж людзьмі, наўпрост не можа пакінуць некранутымі ні форму, ні змест народнай культуры. Пасля канфлікту знікне не толькі каланіялізм, але і знікне каланізаваны чалавек» [3, с. 245–246]. Каб зрабіць гэты працэс больш плённым Ф. Фанон прапануе інтэлектуалам пабудаваць сваю нацыю. Безумоўна – гэта гучыць вельмі амбіцыйна, але не гарантуе аўтаматычнай лепшай будучыні для ўсіх.

Нацыянальная культура гэта пра існаванне тут і зараз. Наяўнасць каланізатараў для Афрыкі – гэта змаганне і выжыванне, як барацьба за права захаванне не экзатычнасці, а самабытнасці. Сёння, калі мы разважаем пра глабальны свет, то часам нацыянальная культура ўспрымаецца як чарговая праява экзотыкі. Турысты калі трапляюць у новую культуру, у новы асяродак, то цікавяцца нейкімі экзатычнымі рэчамі. Тым, што адрознівае іх ад нас, ці чым мы адрозніваемся ад іх. Такім экзатызмам часам з'яўляецца нацыянальная культура, як чарговы элемент адрознення. Для Ф. Фанона гэта прынцыпова іншая рэч, гэта не для знешняга спажывання, а тыя намаганні, якія прыкладаюць людзі каб з гэтым жыць далей.

Ідэі, у свой час сфармуляваныя Ф. Фанонам, былі заўважаны і па ранейшаму досыць актыўна абмяркоўваюцца ў розных акадэмічных кантэкстах. Далей мы спынімся на тым, якім чынам ідэі Ф. Фанона выкарыстоўваюцца далей. Зразумела, што немагчыма ахапіць усіх аўтараў, якія адчулі на сабе ягоны ўплыў, але адзначым некаторых, без якіх складана разважаць пра посткаланіяльныя культурныя даследаванні.

Пачынаць тут варта з Хомі Баба, які дарэчы напісаў разгорнутую прамову да перакладу на англійскую мову Ф. Фанона «Чорная скура, белыя маскі», а пазней прапануе ўласную канцэпцыю культуры. Х. Баба тлумачыць механізм каланіяльнага расшчаплення свядомасці праз падвоеную практыку ідэнтыфікацыі каланізаваных культур: «Існаваць – значыць быць выкліканым да існавання ў дачыненні да Іншага, да яго знешнасці ці месца. <...> Само месца ідэнтыфікацыі,

схопленае ў напружанні патрэбы і жадання, з'яўляецца тым самым месцам расшчаплення» [4, с. xv]. Лакацыі культуры, што нацыянальная культура яна не ў вакууме, а павінна быць лакалізавана. нацыянальная культура фармулюецца як дыялектыка розных часоў.

Такім чынам, «сучаснасць гісторыі народа з'яўляецца практыкай, якая разбурае пастаянныя прынцыпы нацыянальнай культуры, якія спрабуюць вярнуцца да «сапраўднага» нацыянальнага мінулага, якое часта прадстаўлена ў рэалізаваных формах рэалізму і стэрэатыпаў. <...> Менавіта з гэтай няўстойлівасці культурных значэнняў нацыянальная культура фармулюецца як дыялектыка розных часоў – сучасная, каланіяльная посткаланіяльная, «родная» – якая не можа быць ведамі, якія стабілізуюцца пад час свайго прамаўлення» [1, с. 218–219]. Дыскусіі ці імкненне да захаванне славутага мінулага нацыянальнай культуры, часам зводзіцца да закліку «назад у лапці». Давайце вернемся ў часы да каланізатараў. Але гэта фактычна ўжо немагчыма і задача не ў тым, каб разважаць пра тое, што страцілі, што згубілі.

У выпадку з каланізаваным станам культуры толькі абвастрае каланіяльнае расшчапленне свядомасці: «Замест сімвалічнай свядомасці, якое надзяляе праявы ідэнтычнасці адзінствам і глыбінёй, мы сутыкаемся з вымярэннем падваення; прасторавае вымярэнне суб'екта, якое абмяжоўваецца ілюзорнай перспектывай таго, што я назваў «трэцім вымярэннем» міметычнага кадра альбо візуальнага вобраза ідэнтычнасці. Фігура двайніка – да якой я зараз звяртаюся – не можа змяшчацца ў аналагічным знаку падабенства» [1, с. 71]. Патрэба ў наяўнасці ідэнтычнасці трансфармуецца ва ўніверсальныя адказы на іншыя пытанні з боку культуры і грамадства, а таксама стварае неўратычную магчымасць наяўнасці двайніка асобы, які і з'яўляецца вынікам каланіяльнага расшчаплення. Наяўнасць двайніка ці цень асобы перашкаджае магчымасці аднаўлення страчанага адзінства свядомасці.

Пытанне ў тым, каб паспрабаваць зразумець, што нацыянальная культура, негледзячы на яе стабільнасць ці коснасць, адсутнасць імкнення да інавацый, што яна ўвесь час з'яўляецца сучаснай. Яна выпадае з гэтага бегу ці імкнення да моды і пагоні ў пошуках будучыні. Нацыянальная культура кожны раз актуалізуецца, калі мы працягваем разглядаць яе як форму быцця, форму існавання таго ці іншага народу, фактычна яна проста не можа быць не сучаснай. Калі мы кажам, што гэта народ існуе сёння, то сёння і будзе пэўная форма існавання нацыянальнай культуры. Яна з'яўляецца сучаснай па вызначэнню.

Не менш цікавым будзе інтэрпрэтацыя Джудзіт Батлер зулікам яе захадаў да цялеснасці і практык падпарадкавання. Для яе каланіяльнае разбурэнне свядомасці было звязана таксама і з падпарадкаваннем цела. Праявы нацыянальнай культуры, праявы таго, што адбываецца ў грамадстве мы можам заўважыць на цялесным узроўні. Звяртаючыся да тэкстаў Ф. Фанона, яна разважае, што пад час вайны за незалежнасць у Алжыры каланізаваныя мужчыны маюць выбар: «Прадэманстраваць гатоўнасць змагацца і быць забітым; ці саступіць, прынізіць сабе і згубіць чалавечую годнасць; сорам і страх праз расшчапленне разбураць яго характар і асобу» [2, с. 7]. Падпарадкаванне каланізаванага цела запускае ўнутраны канфлікт і разбуральны для свядомасці. «Разбітае і маўклівае цела – гэта не проста прыклад стану каланіяльнага кіравання; гэта яго інструмент і вынік, і, акрамя таго, каланіяльнае кіраванне не існуе без такіх інструментаў і эфектаў» [2, с. 16].

Для Д. Батлер прынцыповым з'яўляецца пераход ад імкнення да вызвалення і свабоды падпарадкаванага, да праблемы выжывання ў сітуацыі каланіяльнага гвалту. Яна гаворыць пра падпарадкаванае цела. І для яе каланізацыя – гэта разбітае і маўклівае цела. Гэта не праява ці прыкмета каланізацыя, а гэта сама яго сутнасць. Калі мы прымушаем замаўчаць тое, што мы ведаем пра нацыянальную культуру. Нават на ўзроўні цялеснасці, то фактычна гэта класічны прыклад таго,

што ўсё працуе так, як было загадзя запланавана каланізатарамі.

Таксама вельмі цікавым можа быць ідэя М. Хард і А. Негры, якія прапаноўваюць дэкаланізаваць інтэлектуалаў у былых калоніях з улікам прапаноў Ф. Фанона. Каланізацыя як праект мадэрну – гэта Асветніцтва, якое далучае адсталыя народы да праекту сучаснасці, прагрэсу.

Аднак М. Хард і А. Негрі спрабуюць больш канцэптуальна патлумачыць тыя самыя тры стадыі вызвалення каланізаванага інтэлектуала. Першы этап – татальная асіміляцыя тлумачыцца распаўсюдам праекту мадэрну, калі каланізатары прыўносілі цывілізаванасць і культуры тубыльцам. Другі – антымадэрнасць як адмаўленне ўсяго навязанага каланізатарамі і спроба вяртання да страчаных каранёў. Гэткі бунт супраць еўрапейскасці з пашырэннем ідэй негрыцюда (*Négritude*) і з'яўленнем панафрыканізму. Трэці – альтернатыўная мадэрнасць як тое, што мадэнізацыя не абавязкова сведчыць пра вестэрнізацыю. Менавіта гэты пераход ад антымадэрнасці да альтэрмадэрнасці і з'яўляецца самым напружаным і складаным.

Асноўная цяжкасць палягае ў тым, што існуе «рызыка таго, што ўмацаванне ідэнтычнасці і традыцый, прысвечаных мінулым пакутам ці былым дасягненням, стварае статычную пазіцыю нават у тым выпадку калі яна супрацьстаіць дамінаванню сучаснасці. Інтэлектуал не мусіць захраснуць у антымадэрне і прайсці праз яго ў трэцюю стадыю. Ідэнтычнасць таксама не застаецца зафіксаванай, але хутчэй яна павінна трансфармавацца ў рэвалюцыйнае станаўленне. Канчатковым вынікам рэвалюцыйнага працэсу для Ф. Фанона павінна быць стварэнне новага чалавецтва, якое выходзіць за межы статычнага супрацьстаяння мадэрнасці і антымадэрнасці і праявіцца як дынамічны, творчы працэс. Пераход ад антымадэрнасці да альтэрмадэрнасці вызначаецца не апазіцыяй, а разрывам і трансфармацыяй» [5, с. 103–104]. Падкрэсліваецца неабходнасць выхаду з бінарнасці і пераадолення апазіцыі мадэрн – антымадэрн. «Альтэрмадэрнасць прадугледжвае

не толькі ўключэнне ў доўгую гісторыю антымадэрнай барацьбы, але і разрыў з любой фіксаванай дыялектыкай паміж суверэнітэтам мадэрну і антымадэрным супрацівам» [5, с. 106]. Антыкаланізацыя – калі адмаўляецца ўсё, што створана каналізатарамі, што неабходна разбурыць і стварыць нешта свае. Можна сфармуляваць надзённую задача для культуралогіі – пераасэнсаванне досведу культурных практык і неабходнасць зразумець, што гэта значыць для нас сёння. Калі каланізацыя – гэта практыка падпарадкавання, то актуальным будзе пытанне, што з гэтым рабіць і якую стратэгію пераадольванне абраць: антыкаланіялізм ці альтэрмадэрнасць?

Калі чалавек атрымаў адукацыю ў метраполіі, але вяртаючыся назад, няма аніякай гарантыі, што яго намаганні будуць належным чынам ацэнены. Выйсцем з гэтага можа быць варыянт трэцяга шляху, праз пераасэнсаванне. Спачатку неабходна дэкаланізаваць тых людзей, якія ствараюць нацыянальную культуры, праекты, якія адказваюць за тое, чым з'яўляецца нацыянальная культура. Што тое, як гэтыя людзі бачаць свет, як яны бачаць сваё месца ў гэтым свеце – вельмі істотна ўплывае на тое, якім чынам можа развівацца нацыянальная культура. Калі першыя два ўзроўні (каланізацыі і антыкаланіялізм) маюць вялікую гісторыю, то трэці (альтермадэрнасць) найбольш складаны, але і найбольш перспектыўны. Для каланізаваных інтэлектуалаў, адказных за стварэння новых культурных формаў і зместу існуе пэўная рызыка, што яны не будуць запатрабаваны ў гэтай абноўленай сістэме. Яна будзе створаная, а ці знойдуць яны сабе месца ў ёй? Мы можам убачыць гэтыя прыклады, як пасля знікнення СССР значная колькасць людзей, якія выкладалі гісторыю КПСС, гістмат-дыямат, базавыя і вельмі запатрабаваныя ў былыя часы існавання веды, засталіся па-за сістэмай. Гэта небяспека застаецца і прысутнічае і для каланізаваных інтэлектуалаў. Калі працэс дэкаланізацыя і пераасэнсавання мінулага досведу будзе паспяховым, ён абсалютна не гарантуе беспраграмнага існавання ў будучым.

Падсумоўваючы, варта падкрэсліць, што нацыянальная культура – гэта не толькі і не столькі праява экзотыкі, для

турыстычнага масавага спажывання, але і праект для перабудовы і пераасэнсавання таго, што адбываецца ў грамадстве. Ідэя выхаду з тупіковага супрацьстаяння мадэрну і антымадэрну праз трэці шлях можа быць дастаткова прывабнай, як і ідэя неабходнасці дэкаланізацыі інтэлектуалаў. Сёння, у пачатку XXI ст., тэксты Ф. Фанона чытаюцца і ўспрымаюцца інакш, чым у пачатку другой паловы XX ст., але праблемы каланізацыі свядомасці і падпарадкаванасці застаюцца і толькі абвастраюцца. Культурная ідэнтычнасць можа быць аформлена і акрэслена ў пэўных праявах штодзённай дзейнасці больш і лепш вядомых як культурная форма, якая заўсёды мае практычнае ўвасабленне. Культурная ідэнтычнасць залежыць ад вызначаных часовых рамак і не мае ўніверсальнага характару, які б быў пазбаўлены часовага вымярэння. Сацыяльна-культурны кантэкст у якім адбываецца фарміраванне культурнай ідэнтычнасці патрабуе наяўнасці адпаведнай культурнай формы і пэўных прынцыпаў структурнасці. Стварэнне культурнай ідэнтычнасці тут і цяпер непазбежна выклікае неабходнасць выпрацоўкі адказаў на аксіялагічныя пытанні адносна разумення мінулага і ўяўлення праекта будучыні. Гэта спроба адысці ад рэстаўрацыі таго, што было ў мінулым, пазбегнуць татальнай асіміляцыі і здолець не прыняць пункт гледжання каналізатараў на карысць спробы пераасэнсавання і пошукаў новых сэнсаў і новых прастораў, сродкаў і адпаведна мэтаў для свайго ўласнага існавання далей.

Літаратура

1. Bhabha, H. The Location of Culture / H. Bhabha. – London : Routledge, 1994. – 408 p.
2. Butler, J. Violence, Non-Violence : Sartre on Fanon / J. Butler // Graduate Faculty Philosophy Journal. – 2006. – vol. 27, № 1. – P. 3–24.
3. Fanon, F. The Wretched of the Earth / F. Fanon. – New York : Grove Weidenfeld, 1963. – 320 p.
4. Fanon, F. Black skin, white mask / F. Fanon. – London : Pluto Press, 1986. – 232 p.
5. Hardt, M. Commonwealth / M. Hardt, A. Nergi. – Cambridge : Belknap, 2009. – 434 p.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕСТИНАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. Б. Сташкевич

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова,
5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *as.belicom@gmail.com*

В статье рассматриваются методологические и этические аспекты развития нематериального культурного наследия как туристического направления, с учетом его специфики, в сравнении с другими категориями наследия; анализируется роль связанных с ним сообществ, групп, а также отдельных носителей и практиков; приводятся примеры эффективного использования данного типа наследия как туристического актива; исследуются факторы, позволяющие обеспечить сбалансированное управление процессами взаимодействия нематериального культурного наследия и туризма, принимая во внимание рекомендации ЮНЕСКО и Всемирной туристической организации.

Ключевые слова: наследие; нематериальное культурное наследие; сообщество; устойчивый туризм; туристическая дестинация; «живое наследие».

INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE AS A TOURIST DESTINATION: METHODOLOGICAL AND ETHICAL ASPECTS

A. B. Stashkevich

Belarusian State University, Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: as.belicom@gmail.com

The article examines the methodological and ethical aspects of the development of intangible cultural heritage as a tourist destination, taking into account its specificity compared to other categories of heritage,

analyses the role of the communities concerned, groups, and individual bearers and practitioners. Some examples of the effective use of this heritage as a tourism asset are given. The factors that ensure balanced management of the interaction processes between intangible cultural heritage and tourism are investigated from the perspective of the recommendations of UNESCO and the World Tourism Organization.

Keywords: heritage; intangible cultural heritage; communities concerned; sustainable tourism; tourist destination; "living" heritage.

Концепция нематериального культурного наследия занимает вполне устойчивое положение в интегрированной системе наследия, сконструированной и продвигаемой ЮНЕСКО. Это концепция, рождение которой состоялось еще в середине 1990-х годов, получила широкое распространение в начале 2000-х, с принятием Конвенции об охране нематериального культурного наследия. На сегодняшний день ее ратифицировало 189 государств из 195 членов ЮНЕСКО. Именно она ввела в научный и культурный оборот новое понятие для обозначения разнообразных форм творческого самовыражения, включая традиционные знания и практики, а также культурные экспрессии. Предполагается, что данное понятие в качестве всеобъемлющего и инструментального определения заменило такие понятия как «фольклор», «традиционная культура», возможно, «массовая культура», убрав из своего дискурса все ссылки на неравенство, неполноценность или социальную принадлежность, которые, как считается, были присущи этой прежней терминологии.

В структуре наследия нематериальное культурное наследие – это новая парадигма, провозглашающая существование иного его типа, как контроверсии материального наследия – так называемого «живого» наследия, под которым подразумевают «обычаи, формы представления и выражения, знания и опыт, а также связанные с ними артефакты, инструменты и культурные пространства» [1, с. 5]. Нематериальное культурное наследие (далее – НКН) передаются из поколения в поколение, может изменяться, постоянно эволюционируют, но остается маркером идентичности для определенных сообществ. У части НКН от-

сутствуют связи с конкретным местом, оно может распространяться на большие территории или быть рассредоточенным по территории, либо остается локализованным и существует в привычных (традиционных) рамках [7, с. 146–48].

Кардинальное отличие НКН от любого другого типа наследия проявляется на уровне основных критериев, что убедительно демонстрирует попытка их систематизации в таблице 1.

Таблица 1: Критерии оценки культурного наследия

Критерии	Нематериальное культурное наследие	Материальное культурное наследие
Аутентичность и целостность	Не применимо к наследию, которое постоянно изменяется	Ключевые определения
Принадлежность, ответственность (основные бенефициары)	Заинтересованные сообщества, группы, отдельные практики и носители	Государство или частный собственник
Сохранение	Поддержка жизнедеятельности и повышение информированности общества, устойчивое развитие	Консервация, реставрация, устойчивое использование
Роль государства и экспертного сообщества	Вторичная, как брокеров (медиаторов)	Основная
Законодательная политика	Поддержка носителей НКН, защита их прав, межсекторальная политика	Защита объектов наследия, в основном культурная политика и право

Таким образом, в центре всех действий в отношении НКН лежат интересы и права конкретных сообществ, которые в современном мире понимаются иначе, чем в прошлом, хотя и несут в себе черты исторического значения. Понятие «сообщество» указывает на социальную сплоченность, взаимодействие, принадлежность, близость интересов. Сообщества могут быть свя-

заны разнообразным социальным и культурным опытом, они сегментированы по различным критериям – объективным (этническая принадлежность, язык, местоположение, социальные связи) или субъективным (самоидентификация, солидарность).

Участие сообщества в охране своего НКН – это мобилизация его членов вокруг наследия и способность взять ответственность за него. Однако современные сообщества по своей природе неоднородны. В каждом сообществе присутствуют различные социальные слои и связи. Есть активные сторонники традиционной культуры, есть и другие, кто отрицает само существование нематериального наследия, предпочитая инновации или рассматривая НКН исключительно как коммерческий или туристический продукт. В сообществе также существуют прямые носители и практики, те, кто его сохраняет и постоянно воспроизводит, но есть и те, кто не является активными практиками, но с энтузиазмом поддерживает их и является пропагандистами наследия.

Конструирование НКН (признание ряда культурных практик наследием) и его сохранение, безусловно, усложняет явную и неявную иерархию внутри вовлеченных сообществ, одновременно предлагая хорошие возможности для взаимодействия. В процессе взаимодействия может измениться предыдущий статус части членов сообщества, скажем, через получение ими новых ролей в связи с использованием их культурного опыта или раскрытием их организаторского или административного таланта в процессе действий по охране и продвижению НКН.

Таким образом, активная роль сообщества или сообществ, владеющих НКН, должна распространяется в том числе и на практики, способствующие его продвижению и устойчивому развитию. Туризм, безусловно, является одной из таких практик и фактором воздействия на НКН. Он может способствовать его сохранению и развитию, или наоборот, содержит в себе определенные риски и может привести к деконстектуализации или коммерциализации нематериального культурного наследия.

В туризме материальное и нематериальное наследие рассматривается прежде всего в качестве туристических активов (ресурсов и продуктов). В процессе туристической деятельности объекты наследия, как правило, выступают как точки показа, они лишены субъектности. В отношении нематериального культурного наследия данный подход неприемлем, поскольку последнее существует только в процессе воспроизводства его носителями, конкретными людьми, и поэтому всегда субъектно. Люди, сохраняющие и практикующие определенные элементы НКН, не являются профессиональными актёрами или «перформерами», они не заинтересованы в демонстрации на публику своих творческих достижений и не относятся к ним как таковым. Все культурные проявления или социальные практики являются частью их жизнедеятельности, в которую можно быть вовлеченным, участвовать в ней, но не рассматривать ее с точки зрения зрительского подхода.

В последние годы ЮНЕСКО уделяла большое внимание изучению возможностей, которые предлагает туризм в отношении НКН. Для ЮНЕСКО важно, чтобы заинтересованные сообщества, группы и отдельные лица, связанные с НКН, были основными бенефициарами туризма и играли ведущую роль в его управлении. Со стороны государства также необходимо принимать законодательные и административные меры, чтобы «подобный туризм ни в коей мере не снижал и не ставил под угрозу жизнеспособность, социальные функции и культурное значение» НКН [2, п. 187], а также не препятствовало развитию современной жизни сообществ НКН или каким-то образом угрожало их репутации [2, п. 102 (b)], не приводило к незаконному присвоению или злоупотреблению знаниями и навыками сообществ, групп, отдельных носителей НКН (2, п. 102 (d)), **к** излишней коммерциализации, которая может угрожать жизнеспособности НКН (2, п. 102 (e).

Такое понимание лежит и в основе современного движения за устойчивый туризм, которое выступает за более активное участие сообществ в разработке и реализации туристических

программ. По мнению английского исследователя Колина Хантера, устойчивый туризм «включает в себя набор принципов, политических предписаний и методов управления, которые определяют путь развития туризма таким образом, чтобы основные экологические ресурсы туристической дестинации (включая природные и культурные особенности) были сохранены для будущего развития» [6, с. 851].

С точки зрения нематериального наследия, при работе над развитием туристических направлений очень важно сотрудничество с активными практиками в области НКН, поскольку они являются ключевыми игроками в развертывании проектов, способных привлечь туристов, и могут отвечать за содержание и развитие туристического продукта. Нематериальное культурное наследие предлагает хорошие возможности для организации такого взаимодействия. Но говоря о взаимодействии, предполагается свободное и информированное участие членов сообщества на всех этапах планирования и реализации туристических проектов и программ. Как уже отмечалось ранее, сообщества носителей НКН не единообразны как с точки зрения пола, возраста, социальной и этнической принадлежности, так и с точки зрения выполнения различных ролей, профессиональных компетенций и возможностей участия. Скажем, среди них могут быть носители традиционных знаний и практик, представители власти, местной интеллигенции, локальных бизнесов, молодежных объединений и пр. У них есть свои интересы и предпочтения в отношении туризма, им понятнее существующие возможности и ограничения воздействия на природную и культурную среду, поэтому их опыт и участие незаменимы при создании маркетинговой стратегии использования НКН и создания на его базе соответствующих туристических продуктов.

Все вышесказанное хорошо согласуется с основными тенденциями в исследованиях туризма, проводимыми Всемирной туристической организацией (далее – ВТО) на протяжении последних 10 лет, и отчасти отраженными в Глобальном кодексе этики для туризма, принятом ВТО еще в 1999 г. В частности,

в статье 5 данного кодекса подчеркивается, что «местное население должно участвовать на равной основе в туристической деятельности, так и в получении экономических, социальных и культурных благ, в частности, в форме прямого и косвенного создания рабочих мест [5].

В публикации ВТО 2012 г., посвященной взаимоотношением туризма и НКН, исследуются основные проблемы, риски и возможности развития туризма, связанного с НКН, предлагаются практические шаги по развитию и маркетингу туристических продуктов на основе НКН. Сборник также содержит лучшие проекты развития туризма, относящиеся к шести основным категориям НКН: ремеслам и народному творчеству; гастрономии; социальным практикам, ритуалам и праздникам; музыке и исполнительским искусствам; устным традициям; знаниям и практикам, относящимся к природе и вселенной [8].

К примеру, одной из форм использования НКН в туризме может быть организация с этой целью локальных и региональных фестивалей. В упомянутой публикации ВТО, как одна из удачных практик устойчивого туризма, называется этнофестиваль в горном регионе Козара (пограничье Сербии, Боснии и Герцеговины) [8]. Только в 2010 г. фестиваль посетило 400 участников из 8 европейских стран, а также более 10 000 зрителей, из которых от одной до двух третей составили туристы. Еще 1000 человек навестили этот регион в другое время года. Местные жители активно участвуют во всем процессе организации и проведения фестиваля. Многие из них прошли через специальные учебные курсы, в области сельского туризма, устойчивого развития, законодательства, маркетинга и фандрайзинга. Часть из них приобрела новые профессии и изменила свои социальные роли внутри местного сообщества, благодаря приобретённым навыкам и развитию туристической дестинации. Во время фестиваля активно работают местные сельские рынки, где продаются экологически чистые продукты и изделия ремесленников. Фестиваль, таким образом, способствует продвижению локальных продуктов, привлекая потребителей и в другое, нефестиваль-

ное, время, содействуя развитию сельского предпринимательства и социально-культурных мотиваций местных жителей. Балканский опыт, безусловно, будет полезен тем регионам Беларуси, где уже есть попытки организации подобных фестивалей[1]. Отличие между белорусским и балканским опытом в том, что у нас максимально используется административный ресурс и преимущественно государственное финансирование. Кроме того, как показывает практика, местные жители недостаточно вовлечены в менеджмент подобных событий. Иногда встречаются и примеры их прямой эксплуатации, либо использования в качестве зрителей, но не участников. Выгоды от фестиваля также в большинстве случаев получают не сами носители, в третьи лица, что недопустимо.

Еще один удачный пример взаимодействия местного сообщества и туристических организаций – это проект «Руна Тупари»[2], реализуемый фермерами нескольких сельских сообществ в кантоне Котакачи (Эквадор), который является инициативой Союза крестьянских и индейских организаций кантона Котокачи (UNORCAC) [3]. Туристам предлагается проживание в домашних условиях в небольших местных фермерских хозяйствах, предоставляющих посещающим их туристам жильё и еду. Местные фермеры и землевладельцы соорудили для данных целей гостевые домики, используя традиционные материалы и методы, способствуя тем самым сохранению местных технологий строительства. Фермеры учат посетителей традиционному образу жизни индейской семьи, в том числе уходу за домашним садом и приготовлению пищи. Турагентство «Руна Тупари» предлагает также туры по региону и знакомство с НКН местных сообществ. В турагентстве работают местные жители, и около 25 из них об-

[1] Фестивали, связанные с НКН, проводятся повсеместно в Беларуси. Наиболее известные из них – фестиваль «Берагіня» в г/п Октябрьский (Гомельская область), фестиваль «Мотальскія прысмакі» (Ивановский район, Брестской области), фестиваль традиционной культуры «Скарбы Гродзеншчыны» (Гродненская область) и другие.

[2] *Руна Тупари* означает «встреча с коренными жителями» или «встреча с индейцами».

учались проведению экскурсий, основам этноботаники, наблюдению за птицами и английскому языку. Министерство туризма Эквадора выдает подготовленным гидам лицензии.

На основании исследования, инициированного и проведенного ВТО в 2012 г., были разработаны методологические подходы к организации и осуществлению туристических проектов в области НКН [8]. Их можно условно представить в виде 4 ключевых факторов, которые необходимо учитывать и имплементировать в данную деятельность.

Первый и основной фактор – это обеспечение реального взаимодействия сторон. При планировании и развитии туризма в сфере НКН все заинтересованные стороны (представители сообщества НКН, медиаторы (трансляторы и посредники), а также внешние игроки (например, туристические компании) должны хорошо разбираться в обеих концепциях (туризм и НКН) и полностью осознавать связи между ними. Очень важно учитывать обратную связь с разных точек зрения в менеджменте, разработке продукта, маркетинге и бизнес-стратегии.

Второй фактор касается разработки и создания туристических продуктов. Создание специальных туристических продуктов зачастую необходимо для того, чтобы ограничить воздействие публики непосредственно на НКН. Среди таких продуктов могут быть – культурные площадки (пространства) для демонстрации НКН; набор сувенирной продукции, арт-продуктов для для большей рыночной привлекательности; использование существующих схем или возрождение исторических сетей, таких как маршруты паломничества; организация новых или возрождение прежних фестивалей и массовых мероприятий.

Третьим фактором является – сохранение оригинального контекста НКН. Туристические интервенции не должны угрожать жизнедеятельности элементам НКН. Необходимо найти приемлемый баланс между продуктами НКН: сделать их коммерчески жизнеспособными, но не позволить им быть чрезмерно востребованными. Кроме того, чрезвычайно важно всегда устанавливать предел допустимых изменений, который опре-

деляется только в результате тесного взаимодействия с сообществом носителей НКН. Все туристические активы (объекты наследия и специально создаваемые туристические продукты) могут трансформируются только с участием всех заинтересованных сторон. Кроме того, местное культурное и природное пространство, в отличие от так называемого «туристического пространства» должно использоваться с осторожностью.

Наконец, *четвертый фактор связан с использованием туристических активов,* которое должно быть целесообразным и устойчивым. Все участники этого процесса нуждаются в постоянном повышении своего потенциала, в дополнительном образовании и консультировании, чтобы гарантировать сохранение условий, при которых НКН рассматривается не просто как инструмент для получения дохода, а является важным мотивирующим и консолидирующим аспектом для связанных с ним сообществ, индикатором их самоопределения и социально-культурного позиционирования. Необходимо всегда документировать все изменения и риски, связанные с влиянием туризма на НКН, реализовывать и продвигать все существующие возможности по защите человеческих и интеллектуальных прав носителей НКН.

Таким образом, только взаимодействие и установление партнерских отношений с создателями и практиками нематериального культурного наследия позволят определить и реализовать устойчивые перспективы в развитии туристических проектов в области НКН, одновременно обеспечив его защиту и преемственность, непрерывную передачу «живого наследия» от поколения к поколению.

Литература

1. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия//Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. – Париж : ЮНЕСКО, 2018. – С. 1–22.

2. Операционное руководство по выполнению Конвенции об охране нематериального культурного наследия // Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. – Париж : ЮНЕСКО, 2018. – С. 22 –143.
3. Туристический проект «Руна Тупари» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.runatupari.com/. – Дата доступа: 01.08.2021.
4. Союз крестьянских и индейских организаций кантона Котокачи: UNORCAC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unorcac.org/. – Дата доступа: 01.08.2021.
5. Global Code of Ethics for tourism: UNWTO [Electronic resource]. – Access mode://https://www.unwto.org/global-code-of-ethics-for-tourism. – Date of access: 01.08.2021.
6. Hunter, C. Sustainable Tourism as an Adaptive Paradigm / C. Hunter // Annals of Tourism Research : A Social Sciences Journal. – 1997. – 24(4). – P. 850–867.
7. Smeets, R. Intangible Cultural Heritage and its Link to Tangible Cultural and Natural Heritage / R. Smeets // Utaki in Okinawa and Sacred Spaces in Asia. Edited by M. Yamamoto and M. Fujimoto. – Tokyo: The Japan Foundation, 2004. – PP. 137–50.
8. World Tourism Organization (2012), Tourism and Intangible Cultural Heritage, UNWTO, Madrid, DOI [Electronic resource]. – Access mode: https://doi.org/10.18111/9789284414796. – Date of access: 01.08.2021.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ИСКУССТВЕ

Э. А. Усовская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *elina-rain@mail.ru*

В статье рассматриваются подходы к понятию женской субъективности, выявляются историко-культурные и интеллектуальные контексты его появления. Женская субъективность определяется в первую очередь как отличность от мужской идентичности. В то же время подчеркивается конструирование женской субъективности с точки зрения мужской культуры. Проблемы стереотипизации образа женщины и женского, модели мышления и деятельности, женственности и многие другие репрезентированы и спровоцированы художницами разных стран и культур, в том числе белорусской.

Ключевые слова: женщина; женская субъективность; власть; патриархатность; стереотипность; женственность; материнство; художницы.

CATEGORIZATION OF FEMALE SUBJECTIVITY IN ART

E. A. Usouskaya

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus.
e-mail: *elina-rain@mail.ru*

The article examines approaches to the concept of female subjectivity, identifies the historical, cultural and intellectual contexts of its emergence. Feminine subjectivity is defined primarily as being distinct from masculine identity. At the same time, the construction of female subjectivity from the point of view of male culture is emphasized. The problems of stereotyping the image of women and female, models of thinking and

activity, femininity and many others are represented and provoked by artists from different countries and cultures, including the belarusian one.

Key words: woman; female subjectivity; power; patriarchy; stereotyping; femininity; motherhood; artists.

Женская субъективность – категория, возникшая не так давно, можно сказать, на волне постмодернистских интеллектуального и социального движений во второй половине XX в. и в рамках так называемых культурных поворотов. Конечно, было бы несправедливо полагать, что внимание к проблеме «женского», «женщины» ранее не существовало. Большой вклад в формирование и развитие понимания женской субъективности внесло феминистское движение в целом, признание либеральных установок свободы и равенства, эмансипации как основополагающих, социалистического по сути тезиса о неравенстве полов как маркера социального неравенства и эксплуатации.

В изучении женской субъективности как научной проблемы накоплен достаточно богатый опыт. Отправной точкой для экспликации женской субъективности может служить книга Симоны де Бовуар «Второй пол» и далее целое направление в антропологии, культурологии, получившее название «женских исследований» (Feminist Studies и затем Women's Studies). Женские исследования подчеркивали многогранность так называемой женской проблематики, под которой понимались исследования любого вопроса, написанные на «женскую тему» и чаще всего самими женщинами [1, с. 293].

Феминистская теория и практика по-разному подходила и подходит к пониманию и анализу женской субъективности, нередко, как нам кажется, нивелируя, растворяя «женскость» в «человеческом», лишая ее таким образом субъективности, неповторимости. Впрочем, есть и иные концептуальные конфигурации, подчеркивающие и настаивающие на исключительности женской субъективности, радикально отличающейся от мужской. Наиболее интересными в интерпретации подходов женской субъективности являются позиции Д. Хэрэуэй, Р. Боайдоти, Дж. Батлер, Л. Иригарэ и других исследовательниц.

Существует и целое направление исследования женской субъективности в искусстве, представленное концептами Л. Липпард, Г. Поллок, Р. Паркер, М. Тлостановой, А. Усмановой, спектр проблемного поля которых объемен. Он включает изучение истории так называемого женского и мужского искусства, особенности женского «письма», проблемы патриархатной доминанты в искусстве, выявление властных структур, основ гендерного неравенства и стереотипизации в искусстве, образность женской чувствительности и сексуальности.

Несмотря на большой опыт исследования женской субъективности, четко устоявшейся ее формулировки, пожалуй, мы не встретим. Попробуем разобраться, так сказать, в структуре женской субъективности с тем, чтобы попытаться дать ей определение, учитывающее мнение исследователей и исследовательниц данной проблематики и авторскую позицию.

Как правило, женская субъективность рассматривается сквозь призму отличного, отличающегося от мужского, как Другое. При этом Другое трактуется весьма по-разному: от категоризации в качестве отличного от привычных норм и стандартов, имеющегося всегда и во всем (значит, уникального) до трактовки как враждебного, неправильного (значит, недопустимого и запрещаемого) и специально сконструированного для поддержания порядка. Последнее утверждение раскрывается в фокусе специально подчеркиваемой субъективности, в данном случае женской, конфигурация которой продуцируется социальными, идеологическими, политическими, экономическими структурами исходя из половой принадлежности и, соответственно, приписываемыми женщине ролями. Поскольку данные роли созданы мужским миром, мужской культурой, они изначально отводят женщине так называемое второе место и зависимое положение. Их цель – контроль и власть.

Нужно признать, осознание того, что человек, личность представляет собой не просто абстрактное существо, наделенное уникальными признаками, а включающее в себя половые признаки, уже в некотором роде признание двух отдельных

субъектов – мужчины и женщины. Человек – это не исключительно мужчина, человек – это мужчина и женщина. Признание же за женщиной субъективности, то есть возможности обладать уникальными качествами и способностями и проявлять себя в разных сферах, быть личностью – еще один шаг в атрибуции субъективности. Быть женщиной не значит быть вторым, пассивным, вторичным полом.

В искусстве (а мы обратимся к живописи) тезис о субъективности как уникальности женщины, женского раскрыт с помощью самых разных форм и способов. Одним из важнейших является открытие того мира, который атрибутируется как исключительно женский, отличающийся от мужского не только на основе приписываемых женщине гендерных ролей, но и подчеркивающих ее самость. Часто этот мир рассматривается глазами мужчин и нередко выглядит, как мир стереотипизированных представлений о женщине. В этом отношении достаточно убедительны пассажи Барбары Крюгер.

Американская художница широко известна своими монохромными фотографиями с наложенными на них лозунгами, подчеркивающими сконструированными властью и идеологией «вторичность» женщины. Основные темы работ Барбары – пол, идентичность, контроль и его влияние на разные сферы человеческой деятельности. Ее «реди-мейд»-прием в виде сбора фотовырезок из разных журналов с последующим нанесением смелых фраз вызывает эффект разорвавшейся бомбы. Излюбленный красный цвет – еще один способ привлечения внимания зрителя к арт-объекту и предупреждение об опасности для патриархатного сознания существующих в нем коннотаций.

Образность, которую создает Самах Шихади, палестино-израильская художница, это мир женщины, состоящий из забот, радостей жизни и повседневности, традиций, стереотипов и вторгающихся в обыденность, сознание новых предметов, форм и типов поведения. Зарисовки традиционной жизни арабо-палестинской повседневности («Готовка») одновременно пронизаны любовью к семье, той жизни, которой живет женщина, и ироничным контекстом: ни «новый» быт, ни относитель-

ная эмансипация не отменяют ежедневно повторяющихся обязанностей – «стояния у плиты», уборки, стирки и т.д.

Женская субъективность как форма идентичности фигурирует в работах Самах в виде сомнений и вопроса «Кто я?». Она часто теряется и растворяется в стереотипных представлениях и, сталкиваясь с взглядом традиционной культуры, исчезает. Собственно «женское» или, скорее, личностное, индивидуальное ютится между традициями и нормами родной культуры, патриархатными устоями, еврейской культурой, европейскими и глобализированными образами-моделями существования, а также тем, чего хочет сама женщина-личность.

Поиску ответов на заданный вопрос вторят работы Дженни Савиль, современной британской художницы, представительницы «Молодых британских художников», получившей известность благодаря монументально-тяжеловесным образам женщин. Ее работы сравнивают с картинами Люсьена Фрейда и Рубенса. Тела и предметы на картинах художницы обычно гораздо больше, чем в натуральную величину. Подобная гипертрофированность подчеркивает особенности женской телесности как маркера субъективности. Это особенно заметно в образности беременных и женщин с детьми. С одной стороны, такие пассажи рождают понимание сути женского мира, с другой – представляют ироничный жест в сторону так называемой природной и социальной обусловленности женского бытия.

Сара Лукас – еще одна представительница движения «Молодые британские художники», пожалуй, еще более саркастично и критично выглядит в своих арт-высказываниях. Британская культура, сексуальность и гендерные стереотипы – основные объекты ее сарказма. Используя найденные предметы, она делает нарочито непристойные скульптуры, инсталляции, фотографии и смешанные работы на бумаге, полные сексуально-фрейдистских подтекстов. Ее «обнаженные истины», как называет Сара Лукас свои объекты, отсылают к самым разным болезням современного общества – насилию, озабоченности масс-медиа и людей сексом, жестокостью, смертью. Тема женского и жен-

ской субъективности занимает далеко не последнее место в ее работах и раскрывается через мир повседневных объектов – еды, сигарет, мебели, одежды, чаще всего колготок, нижнего белья. Чаще всего они превращаются в уродливые гиперсексуализированные гениталии и фрагментированные человеческие тела. Художнице удается сконструировать шокирующе непристойные и не лишенные юмора, иронии объекты, указывающие на неравноправие полов и стереотипы, которыми полны представления людей о сексе и отношениях между мужчиной и женщиной [2].

Проблема неравенства гендеров-полов, отношений между мужчинами и женщинами, уходящая в область традиций воспитания в семье, находится в центре внимания белорусской художницы Жанны Гладко. Использование тематики гендера, психологических концептов, феминистских теорий и медиа, личного опыта позволяет ей эксплицировать и конструировать амбивалентные женские образы и переосмысливать/деконструировать столь сложные и неоднозначные понятия, как «гендерная политика», «патриархат», «религия» и «культура», «искусство» и «общество». Художница исследует проблему взаимодействия полов через анализ отношений с собственным отцом. Гендерное неравноправие является следствием навязанных патриархатным мировидением ролей, продуцируемых семьей: «…принципы патриархата означают [двойную власть]: мужчин над женщинами и старших – над младшими» [3, с. 150]. Жанна Гладко создала серию автопортретов, актуализирующих данную тему, в частности, проект *Inciting Force.*

Несколько иначе рассматривает вопросы гендерных взаимоотношений и женской субъективности Синди Шерманн. Ее фотопассажи говорят о возможности и необходимости самостоятельного их выбора. Обладая арсеналом костюмов, париков, макияжа, Шерман создает ряд интригующих образов и персонажей, от милой домохозяйки до страстной любовницы. Основной мыслью такого видения женской субъективности, пожалуй, является «Я сама примеряю на себя разные роли».

Еще одним важным маркером женской субъективности является женственность, которую рассматривают по-разному, в том числе с позиции приписывания как должного – женщина обязана быть обаятельной, привлекательной, манкой. В такой интерпретации она часто выступает как эротический объект. Но с точки зрения женской субъективности как уникальности, женственность не выглядит лишь как навязывание гендерных ролей. Эстетика женского сама по себе прекрасна. Польская художница Эмилия Вилк – яркий пример нарратора женской красоты и изящества, привлекательности и обаятельности.

Мир женской субъективности в работах белорусской художницы Марии Редько раскрывается через диалог с самой собой, семьей, мужским миром, миром мужа. Он, мужчина, не антагонист и не олицетворение жесткой иерархии должного и обязательного, а человек, личность, обладающая собственными чувствами, желаниями. Мария наблюдает над тем, как он спит, работает, думает: мир его забот и мыслей связан с жизнью семьи и жены. Тонкий психолог, Мария, рассказывает «его историю».

Каждая из художниц представляет свое видение женщины и женской субъективности. Большинство полотен в той или иной мере раскрывает суть женского *иного,* рассматриваемого, с одной стороны, во взаимосвязи с мужским миром (или просто существующим миром), с другой – как альтернатива патриархатным установкам и культуры. В любом случае женская субъективность репрезентируется, заявляет о себе и по-разному.

Литература

1. Пушкарева, Н. Л. Гендерная теория и историческое знание / Н. Л. Пушкарева. – Спб. : Алетейя, 2007. – 496 с.
2. Шулева, В. Сара Лукас {Электронный ресурс] / В. Шулева. – Режим доступа: https://artifex.ru скульптура/сара-лукас/ – Дата доступа 20.10.2021
3. Миллет, К. Сексуальная политика (главы из книги) / К. Миллет // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 148–172.

КРУГЛЫЙ СТОЛ 1
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

К. А. Талейко

Белорусский государственный университет,
факультет международных отношений, ул. Ленинградская, 20,
220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *carina-read1@rambler.ru*

В статье рассматривается специфика методической организации лексикона на иностранном языке. Наибольшее внимание уделяется тематическому принципу организации лексического материала. Автор демонстрирует, как предлагаемый способ презентации ключевых слов той или иной учебной темы в тематическом словаре позволяет показать практически все наиболее существенные лексико-семантические связи слов, составляющих то или иное тематическое поле. Количественное совершенствование лексикона на основе тематических полей предусматривает увеличение активного словарного запаса студентов.

Ключевые слова: лексическая единица; парадигматический и синтагматический принципы организации словесных значений; gринцип тематической организации лексики.

LINGUISTIC SUPPORT OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

K. A. Taleika

Belarusian State University, Faculty of International Relations,
ul. Leningradskaya, 20, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *carina-read1@rambler.ru*

The article discusses the specifics of the methodological organization of the lexicon in a foreign language. The greatest attention is paid to the thematic principle of the organization of lexical material. The author demonstrates how the proposed method of presenting the keywords of a particular educational topic in a thematic dictionary allows you to show almost all the most significant lexical and semantic connections of words that make up a particular thematic field. Quantitative improvement of the lexicon based on thematic fields provides for an increase in the active vocabulary of students.

Keywords: lexical unit; paradigmatic and syntagmatic principles of the organization of verbal meanings; principle of thematic organization of vocabulary.

Под организацией лексического материала в методике понимается объединение отобранной для усвоения лексики в некоторые группы. Как указывают К. Виллинг, Н. И. Гез, П. Б. Гурвич, В. Я. Ляудис и др., оптимальная организация лексического материала имеет решающее значение для усвоения иноязычных слов. Более того, первый из названных авторов считает, что главным фактором, определяющим успех овладения лексикой, является организация лексического материала. В основе организации лексического материала лежит учение о формировании вербальных ассоциаций, оптимальных для запоминания, а это значит, что не всякое группирование слов можно отнести к организации лексического материала [1, с. 204].

Согласно современным лингвистическим представлениям, в языке можно выделить два совершенно различных принципа организации словесных значений: парадигматический (порождающий понятия) и синтагматический (порождающий высказывания) [2, с. 158]. Парадигматические связи отражают способность слова к объединению в группы по различным признакам. Это могут быть семантические признаки: рисунок, картина, картинка, фотография и т. п.; звуковые: кошка, крошка, окошко, мошка плошка и т. п.; графические: по первой букве, правилам написания и морфологические: по которым слово *переводчица* может вызывать слово *учетчица* и т. п. Одним из условий проч-

ного сохранения слова в памяти и легкости его воспроизведения в различных условиях является его способность входить в различные группировки слов. Отсюда вывод: учить, объединяя лексические единицы в парадигматические группы. Психологический смысл группировки слов на парадигматической основе состоит в том, что в процессе общения говорящий осуществляет выбор нужного ему слова из целого комплекса слов, всплывающего в памяти. Парадигматическая группировка слов, кроме того, дает возможность более гибкого ситуативного поведения в различных ситуациях общения. Парадигматические связи обеспечивают выбор наиболее подходящих по смыслу и ситуации слов, в то время как синтагматические связи присущи цепочкам последовательно и логично соединенных слов [3, с. 26].

Синтагматический принцип заключается в том, что в основе организации высказывания лежит не иерархия противопоставления, а плавные переходы от одного слова к другому, от одного элемента к другому. Речь идет об организации слитного высказывания. Синтагматические связи дают возможность сочетать слова с другими словами в предложении. Мы говорим цепочками, есть определенная настроенность одного слова на другие. Значит, учить надо, объединяя слова в синтагматические группы. Синтагматические связи могут быть более или менее жесткими, например, *любить Родину*, *любить свою работу*, *любить цветы*, но *наверстать упущенное.*

А. А. Уфимцева указывает, что специфика словесных знаков заключается в том, что им свойственна двойная структурная организация – парадигматические (оппозиционные) отношения, и синтагматические (контрастирующие) связи, удовлетворяющие потребностям его синтагматической деятельности [4, с. 21]. По мнению исследователя, каждому словесному знаку присуща как номинативная ценность – способность обозначать, называть предметы, явления и их свойства, так и синтагматическая ценность (валентность) – способность в силу своей семантики вступать в лексические связи в синтагматическом ряду.

В основе правил оптимального составления лексических групп должен лежать учет этих двух видов связей. Чтобы сформировать группы новых лексических единиц следует обеспечить максимум парадигматических и синтагматических связей между единицами лексической группы, принимая во внимание их тематическую однородность [3, с. 27].

Использование такого свойства терминологии как системность является важным при презентации специальной и неспециальной лексики. Это дает возможность вводить лексику не как список изолированных лексических единиц, а как систему взаимосвязанных и взаимозависимых терминов, покрывающих тематическое поле, соответствующее текущей проблеме изучения. При таком подходе терминология рассматривается как множество, каждый элемент которого связан с другими его элементами, повторяющимися системными отношениями, которые и обуславливают место каждого из элементов в системе [3, с. 27].

В настоящее время наибольшее распространение в учебных пособиях получил тематический принцип организации лексического материала. Языковой материал группируется вокруг определенной темы, например, “My family”, “My day”, “Shopping” и т. д. Тематический принцип работы с лексикой предполагает презентацию студентам лексических единиц, систематизированных по определенной теме. Объединение слов в тематически связанные группы облегчает семантизацию слов, способствует лучшему запоминанию, так как формулирует ассоциативные лексические связи и обеспечивает потребности межкультурной коммуникации в пределах тех тем, которые выделены для изучения и усвоения согласно учебной программе.

Принцип тематической организации лексики дает возможность упорядочить весь учебный материал в учебном пособии, способствует овладению лексикой и практическому употреблению её в речи [5, с. 40]. Каждая тема, изучаемая в течение нескольких занятий или цикла занятий, включает в себя ряд подтем, лексическое содержание которых представляет собой тематическую группу. В тематической группе содержится как

подлежащий активизации в речи материал, так и материал, не предназначенный для активного употребления, однако без знания, которого невозможно понимание высказываний.

И все же общение всегда происходит в конкретных ситуациях, которые связаны с той или иной темой. Поэтому правильнее будет назвать такой принцип как ситуативно-тематический принцип подачи языкового материала. На занятиях должно предлагаться множество ситуаций, которые создают условия для речевого общения. Чтобы научить студентов владеть языком практически, необходимо использовать такие условия тренировки, которые были бы максимально приближены к условиям реальной речевой среды. На занятиях постоянно должна возникать потребность в общении. Преподаватель должен создавать такие ситуации, в том числе игровые, которые способствуют устно-речевому общению [6].

В основе коммуникативной ситуации лежит проблема, которая вызывает речевое действие. Тема охватывает потенциальный запас социального опыта, не включенного в контекст личной деятельности, что и отличает ее от личностно значимого характера ситуации. Тема представляет интерес для обсуждения, однако ни в коей мере не является личной проблемой, которая требует своего разрешения. В то же время ситуативность и тематичность общения зачастую взаимосвязаны. Социальный контакт определяется как статичный вид социальной связи, содержащий некую ценность в качестве основы контакта, это «норма» общения в определенных локальных экстралингвистических условиях («Примерка одежды» – в магазине, «Заказ обеда» – в ресторане), тогда как ситуация – «нарушение» нормы, которую субъект стремится преобразовать в норму.

«Маршрут» идея – язык – текст (и обратно), вероятно, проходит не через весь лексикон человека, а лишь через определенную, тематически существенную, часть этого лексикона – через одно (или несколько) из составляющих его тематических полей. Поиск необходимых номинативных средств выражения той или иной мысли осуществляется в области особых блоков лексико-

на, запрограммированных в языковом сознании людей в качестве тематических полей, которые возбуждаются в первую очередь при разговоре на выбранную тему [7, с. 130].

Таким образом, мы правомерно можем допустить, что каждое тематически существенное слово (кино, спорт, человек, дом, транспорт и т.п.) имеет свои типичные контексты, свое социально значимое лексическое окружение, представляющее реальную языковую системность [7, с. 131].

Из этого следует тематический принцип является наиболее эффективным способом организации и презентации лексики. Недостатком данного принципа является то, что в таких группировках могут отсутствовать системные связи. Овладение тематической лексикой позволяет студентам общаться в различных ситуациях, тем не менее, тематическая лексика, представленная в учебных пособиях для студентов, не в полной мере способствует формированию в сознании студентов системного представления о связях между лексическими единицами, что является важным для сформированности лексикона высокого уровня [7, с. 132].

Использование полевого принципа организации лексических единиц (при ведущей роли ситуативно-тематического принципа) является необходимым для системной презентации лексического материала в вузе. Анализ лингвистических работ по теории поля позволяет выделить следующие основные черты поля:

1. наличие общего компонента, объединяющей все единицы поля;

2. обширность;

3. специфическая полевая структура, в которой выделяется центральная часть (ядро) и периферия (ближе к центру расположены более частотные лексические единицы);

4. наличие составных частей - групп;

5. наличие в составе поля слов разных частей речи и фразеологизмов (отдельных слов и других лексических единиц);

6. специфичность полей для разных языков.

По мнению З. Д. Поповой в ядре поля обычно находятся высокочастотные единицы, относящиеся к данному полю. К ближней периферии относятся единицы, как правило, однозначные, конкретные по значению, которые слабо зависят от контекста. Дальнюю периферию образуют низкочастотные, многозначные, имеющие яркие значения единицы, которые часто относятся также к другим полям [8, с. 162].

Создание тематического вокабуляра из лексических единиц требует предварительного решения ряда практических вопросов. Основные из них следующие:

1. Вопрос о круге учебных тем, включаемых в вокабуляр и его объеме. Общепризнано, что вокабуляр должен иметь строгую практическую направленность и быть рассчитан на тот или иной контингент студентов.

2. Структура подачи лексического материала, определяемая его объемом, и в первую очередь – количеством и качеством (характером) включаемых в него тем, подтем, разделов и т.п.

3. Формирование вокабуляра по определенной теме, что и есть представленное соответствующим образом тематическое поле того или иного ключевого слова.

Приведем некоторые примеры тематического словаря по теме «Shopping». В результате выборки из источников необходимой лексики по теме «Shopping» были составлены списки всех полнозначных слов и устойчивых словосочетаний. Затем на основе тематической классификации субстантивных наименований были выделены 23 учебные подтемы:

1. People in Shops
2. Ways to Pay
3. Shops
4. Shopping Places
5. *Food Stores*
6. *Food and Drinks*
7. *Departments in*
8. *Clothes and Other Things*
9. Finding the Right Store / Shop

10. Opening Times
11. Selecting Goods
12. Making Payment
13. Returns and Complaints
14. Things Written on Signs That you Might See
15. Using a Credit Card
16. Prices and Numbers
17. Purchase Types
18. To shop or to Go Shopping
19. Shop Fittings and Equipment
20. Selling Events
21. Markets and Market Stalls
22. Famous Shops and Shopping Streets
23. Measures

Приведем пример отнесения новых лексических единиц к концепту ***Shopping places:***

shopping center; shopping mall; department store; shoe store; computer store; bookstore; supermarket; grocery store; food store; food market; farmers' market; bakery; fair; annual fair; book fair; trade fair; trade center; market; market place; flower market; flea market; bazaar; newsstand; fruit stand; street vendor.

Предлагаемый способ презентации ключевых слов той или иной учебной темы в тематическом словаре позволяет, по нашему мнению, показать практически все наиболее существенные лексико-семантические связи слов, составляющих то или иное тематическое поле. Количественное совершенствование лексикона на основе тематических полей предусматривает увеличение активного словарного запаса студентов.

Литература

1. Ефанова, Л. Д. Пути реализации системного подхода к организации лексического материала / Л. Д. Ефанова // Филологические науки. – 2016. – №1(55). – С. 204–207.
2. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.

3. Пассов, Е. И. Урок иностранного языка / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. – М. : Русский язык. Курсы, 2010. – 640 с.
4. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы / А. А. Уфимцева. – М. : Изд. АН СССР, 1962. – 287 с.
5. Колесникова, И. Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И. Л. Колесникова, О. А. Долгина. – СПб. : Из-во БЛИЦ, 2001. – 224 с.
6. Программа спецкурса «Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения для студентов-нефилологов» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web-local.rudn.ru/web-local/disc/?id=388&rasd_id=23088&v=504 – Дата доступа: 04.04.2021.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Полевые структуры в системе языка: коллективная монография / З. Д. Попова [и др.]. – Воронеж : ВГУ, 1989. – 200 с.

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УНИВЕРСИТЕТАХ И КОЛЛЕДЖАХ США

Я. С. Слуцкий

Донбасский государственный колледж технологий и управления,
цикловая комиссия гуманитарных дисциплин,
ул. Е. Седнева 3-а, 85200, Торецк, Донецкая область, Украина
докторант ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет», Славянск, Донецкая область, Украина
e-mail: *yaroslav.slutskiy.mail@gmail.com*

В статье рассматриваются основные технологии поликультурного образования в университетах и колледжах США, а именно: информационно-социокультурная и личностно-программная. Исследуются программы практического формирования навыков межкультурного взаимодействия для организации образовательной деятельности в микро (академическом) и макро (социальном) пространствах.

Ключевые слова: иностранный студент; технология; поликультурализм; межличностное взаимодействие; социальная поддержка; академическая и социальная деятельность.

TECHNOLOGIES OF MULTICULTURAL EDUCATIONAL PROCESS AT THE UNIVERSITIES AND COLLEGES OF THE USA

Y. S. Slutskiy

Donbass State College of Technology and management,
Cycle Commission of Humanitarian Disciplines
Sedneva st. 3-a, 85200, Toretsk, Donetsk region, Ukraine
Doctoral Candidate of SHEI «Donbas State Pedagogical University»
Slovjansk, Donetsk region, Ukraine
e-mail: *yaroslav.slutskiy.mail@gmail.com*

The article discusses the main technologies of multicultural education at the universities and colleges of the United States, namely: the informational-sociocultural and the personal-programmatic. The pro-

grams for the practical intercultural interaction skills formation for the organization of educational activities in micro (academic) and macro (social) spaces are considered.

Key words: foreign student; technology; multiculturalism; interpersonal interaction; social support; academic and social activity.

Технология поликультурного образования особенно актуальна для учебных заведений, в которых присутствует значительное количество иностранных студентов, что требует создания соответствующей структуры межкультурной адаптации. В случае если технология поликультурного образования эффективно задействована, она, согласно исследованию О. Окойе-Джонсон [1], поможет снизить проявления негативных культурных представлений о других нациях и будет способствовать разностороннему развитию студентов в качестве активных членов социума, а также повысит академическую успеваемость. Кроме того, проведение мероприятий и занятий, стимулирующих культурную направленность (например, знакомство с музыкальными, художественными, кулинарными особенностями представителей других стран) обеспечит, согласно М. Рид, развитие навыков познавательного мышления и творческой активности [2]. Поэтому, роль консультационных центров по подготовке иностранных студентов заключается в создании и поддержке технологии поликультурной академической среды, которая должна сократить как образовательный, так и социокультурной разрыв между гражданами принимающей страны и иностранными студентами [1].

Важно также отметить, что технология поликультурного образования должна предотвращать негативные факторы, влияющие на поликультурную образовательную систему. Одним из факторов такого характера можно считать, по утверждению Г. Амени-Диксон [3], убеждение в необходимости подавления личностью собственных культурных традиций, для того, чтобы быть принятым социумом принимающего государства.

Кроме того, важным аспектом является решение проблем культурного разнообразия. Так, ошибочно относиться к поли-

культурной группе студентов как к личностям, которые идентичны между собой, и применять ко всем студентам одинаковую образовательную стратегию, а также тестирование для измерения успешности и дальнейшего адаптационного распределения. В таком случае, студенты будут распределены согласно одинаковым критериям. Такого рода действия могут привести к академической неуспеваемости студентов, особенно тех, кто представляет немногочисленные национальные группы. Таким образом, одной из задач технологии поликультурного образования является предоставление дифференцированных задач и инструкций [4].

В итоге, Дж. Данзи, К. Реул и Р. Смит [5] выделили составляющие успешной технологии поликультурализма, среди которых:

– достаточный профессиональный уровень работников консультационного центра, которые способны на проведение взаимодействия с представителями других культурных групп и предоставления им социальной, а также психологической поддержки;

– техническое оснащение учебных заведений и консультационных центров (которые обеспечивают возможность совместного обучения, отдыха), а также других помещений, которые необходимы для проведения культурных мероприятий (таких как конференции, национально-направленные вечера и т.д.);

– необходимость дифференциации учебного и подготовительного материала, который будет учитывать культурные особенности индивида.

Поликультурное образование требует, как заявляли Т. Ховард, Г. Гэй [6] и Ф. Илмаз [7], чтобы студенты, которые представляют другие государства, имели равенство возможностей, независимо от их расового, национального, языкового, культурного происхождения. А это, в свою очередь, предусматривает нейтральное отношение к таким личностям со стороны принимающего общества, которого можно достичь организацией образовательных и подготовительных программ в соответствии с поликультурными принципами.

Исходя из приведенных характеристик поликультурного образования, мы можем выделить два вида технологий, каждый из которых имеет практическое применение в университетах и колледжах США.

Так, *первый вид* представлен получением знаний об особенностях других культур и наличием отличий от культуры собственной. Соответственно, эта технология предусматривает проведение информационно-направленных мероприятий, примером организации которых может выступать колледж Санта Моники, в котором проводятся Международные образовательные недели (International Education Week) [8], которые дают возможность объединения более 3300 иностранных студентов из более 100 стран мира, проходящих обучение в данном учебном заведении. Организация такого мероприятия является совместной инициативой Государственного департамента и Министерства образования США.

В рамках Международной образовательной недели организовывается большое количество встреч, фестивалей, имеющих культурную значимость, среди которых:

1. *Фестиваль глобального общества (Global Citizenship Day Festival)* [9] – имеет целью ознакомление студенческого сообщества с разнообразием культур учащихся колледжа, что включает музыкальный компонент, игры, кулинарию и т.д.;

2. *Международный киноэкран (International Film Screening)* [10]. Инициатива имела место в период проведения «Международной образовательной недели» 2014 года и была направлена на прославление известного китайского режиссера путем просмотра его фильма. Культурное знакомство с творчеством представителя другой страны проводилось профессорами киноведения (Джош Канин (Josh Kanin)) и современных искусств (Сяочжоу Ву (Xiaozhou Wu));

3. *Международный день (International Day)* [11]. Мероприятие предоставляет возможность проведения межличностного контакта со студентами из разных стран мира, а также позволяет оз-

накомиться с интересными фактами относительно других стран и культур;

4. *Международная площадка для разговора (World Chat Sessions)* [11], в рамках которой предоставляется возможность проведения общения с иностранными студентами на их родном языке. Соответственно, студенты из других стран предоставляют информацию об основах своего языка и культуры.

Таким образом, первый технологический вид представлен на примере колледжа Санта-Моники мероприятиями, во время проведения которых, иностранные студенты и студенты принимающей страны получают возможность усвоения новой культурной информационной составляющей и может быть нами сформулирован как *информационно-социокультурная технология поликультурного образования*.

В свою очередь, *второй вид* технологий определяется индивидуально направленной адаптационной деятельностью иностранного студента, которая может включать участие в культурных сообществах, преодоление проблемных ситуаций, возникающих во время пребывания в незнакомой культурной среде.

Для примера рассмотрим программу, которая действует в Техасском университете в Остине, а именно *«Ориентация иностранных студентов и проведение мероприятий» (New International Student Orientation & Events)* [12], которая способствует организации ознакомительных и приветственных мероприятий для иностранных студентов в весенний и осенний периоды. Данные мероприятия дают возможность познакомиться со своими будущими сокурсниками и получить базовую социокультурно- направленную информацию об учебном заведении, штате Техас и Соединенных Штатах в целом. Программа «Ориентация иностранных студентов...» предусматривает проведение информационных сессий, а также мероприятий развлекательного плана (состоящих из посещения родео и совместных походов к известным природным достопримечательностям).

Таким образом, данная программа направлена на повышение межличностного взаимодействия между американскими

и иностранными студентами и предусматривает ознакомление последних с культурными особенностями Техаса. Совместное посещение мероприятий способствует созданию коллективной атмосферы и более эффективной адаптации новых студентов из других стран.

Интересный опыт участия студентов в межкультурных организациях представлен в Йельском университете, в котором действует не только множество программ культурного плана, но и созданы культурные центры для студентов из других стран на базе обособленного структурного подразделения университета – Йельского колледжа. В культурных центрах размещаются студенческие организации, которые могут проводить встречи, выставки и т.п. Кроме конференц-залов, каждый центр имеет библиотеку, компьютерную технику и другие условия, позволяющие им выступать в качестве центров социального плана для иностранных студентов (имеющих различные культурные особенности) и способствовать развитию поликультурного общества университета [13].

Йельский университет координирует деятельность четырех культурных центров: афро-американского (Afro-American Cultural Center), азиатско-американского (Asian American Cultural Center), латинского (La Casa Cultural), а также культурного центра коренных жителей Америки (Native American Cultural Center). Рассмотрим более подробно основные положения этих центров:

1. *Афро-американский культурный центр* направлен на сохранение и развитие традиций исторического, культурного, интеллектуального и социального движения африканской диаспоры в Йельском университете и г. Нью-Хейвен. Центр (который был основан в 1969 году) имеет богатую историю своего существования в качестве площадки для объединения афроамериканской общины и ознакомления других студентов университета с культурным разнообразием африканской диаспоры. Основными своими целями центр определяет: предоставление студентам африканской диаспоры пространства для поиска со-

циальной поддержки и формирование уважения к своей культурной идентичности; поддержка личностного, академического и профессионального развития иностранных студентов-афроамериканцев посредством проведения консультационных мероприятий и т.д. Основными мероприятиями центра являются: *церемония приветствия нового студента (Jubilee! New Student Welcome Ceremony), выходные для семьи и друзей (Family & Friends Weekend), зимний праздник (Winter Gala)* [14];

2. *Азиатско-американский культурный центр* играет ключевую роль в развитии более тесного сотрудничества между университетом и азиатским сообществом иностранных студентов. Центр оказывает помощь азиатским студентам в повышении их «присутствия» в учебном заведении, что выражается в совместной деятельности студентов из Азии, представителей Йельского университета и представителей общины Нью-Хейвен в изучении культур, участия в традиционных мероприятиях [15]. Основным образовательно-культурным событием центра можно считать *Паназиатско-американский месяц наследия (Pan Asian American Heritage Month (PAAHM)*;

3. *Латинский культурный центр* [16] способствует объединению латиноамериканских студентов и предоставлению им пространства, в котором культурное наследие латиноамериканских стран может изучаться студентами университета и сообществом Нью-Хейвен. Главным мероприятием, организуемым Центром является *Месяц латинского наследия (Latinx Heritage Month)* [17];

4. *Культурный центр коренных жителей Америки* имеет целью поддержку постоянного присутствия в качестве студентов университета представителей коренных народов Соединенных Штатов. Основными ценностями, которые продвигает центр, являются: развитие индивидуальной и общественной целостности народов; поддержка культурного наследия путем изучения истории и т.д. Основными мероприятиями, которые проводит центр выступают: *урок гавайского языка (Hawaiian Language Class), встреча Ассоциации коренных американцев в Йельском*

университете (The Association of Native Americans at Yale (ANAAY) Meeting), класс крикского языка (Mvskoke Language Class) [18].

В итоге, второй технологический вид предполагает индивидуально-направленное участие иностранного студента в программах социокультурного плана, а также национальных сообществах, где предоставляется возможность получить информационную составляющую о культурных особенностях принимающей страны, а также совершенствовать навыки межкультурного взаимодействия, что предусматривает, в частности, формирование способностей преодоления ситуаций проблемного характера. Опираясь на характеристику деятельности данного вида технологий, мы можем ее выделить в качестве *личностно-программной технологии поликультурного образования*.

Таким образом, рассмотрев существующие практически направленные программы университетов и колледжей США, мы выделили два основных типа технологий поликультурного образования, а именно информационно-социокультурный и личностно-программный. Однако, следует учитывать, что их применение отдельно друг от друга может привести к положительным результатам аккультурации иностранных студентов только частично. Поэтому, наиболее эффективным является одновременное использование всех типов во время проведения адаптационного процесса, что позволит выстроить взаимосвязь *«информирование – межличностное взаимодействие – личностно-программное участие»*.

Однако поликультурное образование не может происходить самостоятельно. Поэтому, необходимо рассмотрение элементов, которые используются для эффективной социокультурной адаптации, при объединении создающих технологию медиа-образования, что демонстрирует перспективность дальнейшего исследования данной темы.

Литература

1. Okoye-Johnson, O. Does multicultural education improve students' racial attitudes? Implications for closing the achievement gap / O. Okoye-Johnson // Journal Of Black Studies. – 2011. – № 42 (8). – P. 1252–1274.

2. Reed, M. T. Multicultural music: A partner for 21st century skills / M. T. Reed // Illinois Music Educator. – 2010. – № 71 (2). – P. 94–95.
3. Ameny-Dixon, G. M. Why multicultural education is more important in higher education now than ever: A global perspective / G. M. Ameny-Dixon // International Journal of Scholarly Academic Intellectual Diversity. – 2004. – № 8 (1). – P. 1–9.
4. Alghamdi Y. Multicultural Education in the US: Current Issues and Suggestions for Practical Implementations / Y. Alghamdi // International Journal of Education. – 2017. – Vol. 9. – №. 2. – P. 44–52.
5. Danzi, J. Improving student motivation in mixed ability classrooms using differentiated instruction / J. Danzi, K. Reul, R. Smith. – Chicago, Illinois: Saint Xavier University & Pearson Achievement Solutions, Inc., 2008. – 76 p.
6. Gay, G. Multicultural teacher education for the 21st century / G. Gay, T. Howard // The Teacher Educator. – 2000. – №36. – P. 1–16.
7. Yılmaz, F. Multiculturalism and multicultural education: A case study of teacher candidates' perceptions / F. Yılmaz // Cogent Education. – 2016. – P. 3–13.
8. International Education Week. Santa Monica College [Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.smc.edu/GlobalCitizenship/Events/Pages/International_Education_Week.aspx. – Date of access: 22.03.2021.
9. International Education Week 2013 Newsletter / Santa Monica College [Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.smc.edu/GlobalCitizenship/ Documents/IEW/IEW_2013.pdf. – Date of access: 22.03.2021.
10. International Education Week 2015 Newsletter / Santa Monica College[Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.smc.edu/GlobalCitizenship/Documents/IEW/IEW_2015.pdf. – Date of access: 22.03.2021.
11. International Education Week 2016 Newsletter / Santa Monica College[Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.smc.edu/GlobalCitizenship/Documents/IEW/IEW_2016.pdf. – Date of access: 22.03.2021.
12. New International Student Orientation & Events / The University of Texas at Austin [Electronic Resource]. – Mode of access: https://world.utexas.edu/isss/programs/orientation. – Date of access: 22.03.2021.
13. Cultural Affairs & Centers / Yale College [Electronic Resource]. – Mode of access: https://yalecollege.yale.edu/campus-life/cultural-affairs-centers. – Date of access: 22.03.2021.
14. Signature Events & Traditions / Afro-American Cultural Center / Yale College [Electronic Resource]. – Mode of access: https://afam.yalecollege.yale.edu/calendarevents/calendar-events. – Date of access: 22.03.2021.
15. Mission & Vision / Asian American Cultural Center / Yale College [Electronic Resource]. – Mode of access: https://aacc.yalecollege.yale.edu/about-us/mission-vision. – Date of access: 22.03.2021.

16. Mission Statement / La Casa Cultural: Latino Cultural Center / Yale College [Electronic Resource]. – Mode of access: https://lacasa.yalecollege.yale.edu/. – Date of access: 22.03.2021.
17. Latinx Heritage Month / La Casa Cultural: Latino Cultural Center / Yale College [Electronic Resource]. – Mode of access: https://lacasa.yalecollege.yale.edu/calendar-events/latinx-heritage-month. – Date of access: 22.03.2021.
18. NACC Mission. NACC Core Values. Upcoming Events / Native American Cultural Center / Yale College. – Mode of access: https://nacc.yalecollege.yale.edu/. – Date of access: 22.03.2021.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНЛАЙН-ДОСКИ MIRO В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Т. Ю. Павельева

Липецкий государственный педагогический университет,
институт филологии,
ул. Ленина, 42, 398050, Липецк, Россия
e-mail: *tatianapavelieva@live.com*

В статье рассматривается потенциал онлайн – доски MIRO в организации дистанционного обучения. Перечисляются этапы работы с доской, описывается номенклатура коммуникативно-речевых умений, развиваемых при использовании доски MIRO.

Ключевые слова: дистанционное обучение; онлайн – доска; коммуникативно–речевые умения.

THE USE OF ONLINE WHITEBOARD MIRO IN DISTANT LEARNING

T. Y. Pavelieva

Lipetsk State Pedagogical University,
42, Lenina st, 398050, Lipetsk, Russia
e-mail: *tatianapavelieva@live.com*

The article deals with the potential of the online whiteboard MIRO in the organization of distant learning. The stages of work with the board are enumerated. The range of communicative skills is given.

Key words: distant learning; online whiteboard; communicative skills.

В 2020 году мир столкнулся с совершенно неизученным феноменом Covid-19. Жизнь каждого человека изменилась до неузнаваемости. Все сферы жизни начали перестройку и планирование в условиях пандемии. Эти вызовы также потребовали коренных изменений в системе образования. В кратчайшие сроки был осуществлён переход на дистанционное обучение, как в школах, так и в системе высшего образования. Перед препода-

вателями остро встал вопрос выбора эффективных инструментов для организации дистанционного обучения. Остро встала необходимость выстраивания учебного процесса в режиме реального времени, обеспечивающего контакт учитель-ученик [4, с. 860].

Одним из эффективных инструментов выстраивания дистанционного учебного процесса являются онлайн-доски, в частности электронная доска (MIRO) Миро, позволяющая решать разнообразные учебные задачи. Данный сервис предполагает совместное выполнение упражнений, позволяет видеть действия всех участников образовательного процесса, делать пометки прикреплять ссылки, картинки, видеофайлы, делать определённые исправления и использовать повторно, что в принципе невозможно с обычной доской. То есть виртуальная доска – это универсальный онлайн инструмент для демонстрации учебного материала и работы в группе и индивидуально. Рассмотрим более подробно этапы работы с онлайн-доской – МИРО [2].

1-й этап. Регистрация.

В любом браузере набираем в поисковой строке – Miro. В результатах поиска открываем соответствующий сайт. На сайте нажимаем кнопку «Вход». В открывшемся окне заполняем регистрационные данные – адрес вашего почтового ящика и пароль, который нужно придумать. Затем необходимо повторно ввести данные для подтверждения и нажать кнопку «Регистрация». После выполнения действий на почтовый ящик пользователя придет письмо о регистрации на сайте.

2-й этап. Работа с шаблонами.

Войдя на сайт, можно увидеть предложение выбрать шаблон. Имеется масса готовых шаблонов по различной тематике: карта памяти, мозговой штурм, сторителлинг, планирование, организация встреч, обсуждения, возможность обратной связи, проведение мастер-класса, возможность презентации в картинках. Каждый из шаблонов открывается. После выбора внешнего вида необходимо нажать кнопку «Применить». Пользователь попадает в конструктор.

3-й этап. Работа с панелью инструментов.

Панель инструментов для взаимодействия с участниками включает следующие элементы: создание нового «фрейма», нового слайда для контента, запуск режима презентации, просмотр комментариев, режим чата.

Карточки. Этот инструмент удобно использовать в эджайл форматах совместной работы.

Скриншеринг. В этом режиме участники могут только следовать за экраном преподавателя.

Голосование. Можно назначить количество голосов на каждого участника и выбрать элементы, за которые можно голосовать: тексты, изображения или стикеры.

Режим видеочата. Доступен только в платных версиях, но для видеосвязи при работе с Miro можно использовать сторонние ресурсы.

Таймер. Вы можете ограничить время на выполнение заданий. История изменений. Если кто-то удалит весь контент, можно легко узнать, кто это сделал.

Как следует из всего вышесказанного, использование онлайн-доски МИРО имеет ряд преимуществ:

1) Управление доской ведется прямо из браузера, нет необходимости загружать приложения, файлы и т. д.

2) Пространство доски безгранично, она представляет собой неограниченное пространство, то есть все записи, тексты, ссылки и файлы сохраняются. Неограниченность пространства также позволяет следить за прогрессом каждого ученика, своевременность выполнения заданий.

3) Доска – это общее пространство, что способствует созданию командного духа, формирует умение работать в команде.

4) Дает возможность совместно работать над проектом, выделяет зону ответственности каждого участника.

5) Обеспечивает наглядность [3, с. 80].

Необходимо отметить, что использование доски МИРО способствует развитию целого ряда коммуникативно–речевых умений.

Умения чтения:

1) выделять необходимые факты, сведения;

2) отделять основную информацию от второстепенной;

3) оценивать важность и достоверность получаемой информации;

4) выбирать значимую информацию в тексте.

Умения письменной речи:

1) описывать события, явления;

2) сообщать и запрашивать информацию;

3) кратко передавать содержание текста;

4) создавать тексты различной коммуникативной направленности;

5) составлять тезисы и план теста;

6) обобщать информацию.

Умения говорения (опосредованно):

1) участвовать в беседе;

2) запрашивать информацию;

3) уточнять информацию;

4) высказывать свою точку зрения;

5) описывать события;

6) излагать факты [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что онлайн-доска МИРО является полифункциональным образовательным инструментом, позволяющим эффективно выстраивать учебный процесс в дистанционном формате.

Литература

1. Глотова, А.В. Онлайн-доска как средство организации групповой работы студентов на занятиях по иностранному языку в вузе в условиях электронного обучения [Электронный ресурс] / А.В. Глотова // Открытое образование. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-doska-kak-sredstvo-organizatsii-gruppovoy-raboty-studentov-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku-v-vuze-v-usloviyah. – Дата доступа: 01.04.2021.
2. Дербуш, М. В. Инновационные подходы к использованию информационных технологий в процессе обучения математике [Электронный ресурс] / М. В. Дербуш, С. Н. Скарбич // Непрерывное образование: XXI век. – Ре-

жим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-podhody-k-ispolzovaniyu-informatsionnyh-tehnologiy-v-protsesse-obucheniya-matematike. – Дата доступа: 04.04.2021.
3. Marzano, R. The Art and Science Of Teaching / R. Marzano // J. Educational Leadership. – 2009. – P. 80-82.
4. Wall, K. The visual helps me understand the complicated things: pupil views of teaching and learning with interactive whiteboards. / K. Wall, S. Higgins // British Journal Of Educational Technology. – 2005. – Vol. 36, iss. 5. – P. 851–867.

АПОВЕД ПРА СВЕТ ЯК ПРАБЛЕМА НОБЕЛЕЎСКАЙ ЛЕКЦЫІ ВОЛЬГІ ТАКАРЧУК

М. Ю. Шода

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
факультэт сацыякультурных камунікацый, вул. Курчатава, 5,
220108, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: *marshoda@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца адна з праблем, якую падымае ў сваёй нобелеўскай лекцы Вольга Такарчук, а менавіта – праблема нарацыі, аповеду, як стварэння свету. Аўтарка даводзіць, што нас атачае рэчаіснасць шматгалосых аповедаў ад першай асобы, якую паступова змяняе інтанацыя прыпавесцевага аповеду.

Ключавыя словы: нобелеўская прамова; нарацыя; эпас; міф; прыпавесць.

THE NARRATIVE OF THE WORLD AS A PROBLEM OF OLGA TOKARCHUK'S NOBEL LECTURE

M. Shoda

Belarusian State University, Faculty of Social
and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *marshoda@gmail.com*

The article discusses one of the problems that Olga Tokarchuk raises in her Nobel Lecture, namely, the problem of narration, the story of how the world was created. The author proves that we are surrounded by the reality of polyphonic stories from the first person, which gradually changes the intonation of the parable story.

Keywords: Nobel speech; narration; epic; myth; parable.

10 кастрычніка 2019 года польская пісьменніца Вольга Такарчук была аб'яўленая лаўрэаткай Нобелеўскай прэміі ў вобласці літаратуры на 2018 г. «за апавядальнае ўяўленне, якое

з энцыклапедычнай жарсцю рэпрэзентуе перасячэнне межаў як форму жыцця» [1].

Зачараванасць межамі і падарожжамі Вольга Такарчук называе адным з сваім самых галоўных захапленняў. Слова «межы», ключавое ў фармулёўцы Нобэлеўскага камітэту – як ніводнае іншае выразна вызначае спэцыфіку яе творчасці, якая заўсёды на мяжы. На мяжы жанраў, напрыклад, яе раман «Ана Ін у магільнях свету» – пераказ у кіберпанкаўскім стылі шумэра-акадзкага міфу. Гэты раман быў напісаны як унёсак у міжнародны праект «Міфы», у якім прымалі ўдзел таксама Маргарэт Этвуд, Віктар Пялевін, Джэнет Уінтэрсан і іншыя сусветна вядомыя пісьменнікі. На мяжы фактаграфіі і фікцыі даследаванне феномену падарожжа і вандроўнікаў – раман «Бегуны". На мяжы ведання і няведання пра смерць – зборнік апавяданняў «Апошнія гісторыі".

Жанравая нявызначанасць – свядомая ўстаноўка аўтаркі. "Добрая кніга не павінна даваць справаздачы пра сваю жанравую прапіску. Дзяленне на жанры – рэзультат камерцыялізацыі літаратуры, вынік стаўлення да яе як да аб'екта продажу з усёй меркаванай тут філасофіяй брэндаў, таргетавання і іншымі вынаходніцтвамі сучаснага капіталізму" [2, с. 268].

Гэтаксама як кнігі Вольгі Такарчук нівелююць межы жанраў, яе героі заўсёды перакрочваюць межы або імкнуцца гэта зрабіць – выйсці з правінцыйнага мястэчка у вялікі свет ("Правек і іншыя часы"), або перасячы мяжу паміж дзвюма краінамі, некалькі разоў за адну прагулянку, каб адчуць свабоду, якой не чакалася ў 80-я ("Вядзі свой плуг праз косткі мёртвых"), або мяжу паміж святлом і цемрай "Дзённага і начнога дамоў" – выйсці за межы цела і розуму, культуры і рэлігіі. Нездарма яе opus magnum "Якубавы кнігі" мае падзагаловак "Доўгае падарожжа праз сем межаў, пяць моваў і тры вялікія рэлігіі, не лічачы тых невялікіх".

Расійская паэтка і журналістка Алена Фанайлава неяк заўважыла, што "Такарчук прапускае праз сябе цывілізацыйныя, палітычныя праблемы, якія ёсць адначасова праблемамі глыбіннага перажывання свайго жыцця як працягласці і каштоўнасці" і

называе такое пісанне “глыбока антрапалагічным пісаннем пра чалавека” [3].

На самым пачатку сваёй лекцыі, нобелеўскай прамовы, якую яна назвала “Чуллівы апавядальнік” (*Czuły narrator*), Вольга Такарчук расказвае пра сваё дзяцінства і размову з мамай, якая ўзрушыла яе ўяўленне настолькі, што натхніла на жыццё, прысвечанае аповедам розных гісторый.

Метафара, якую далей яна разварочвае ў сваёй лекцыі, не новая. Пісьменніца кажа, што свет – гэта тканіна, якая сплятаецца са слоў. Асацыяцыя чалавечага свету або чалавечага жыцця з працэсам ткацтва або прадзення сыходзіць каранямі ў далёкую мінушчыну. Адразу згадваюцца старажытнагрэчаскія паркі-мойры, адказныя за чалавечыя жыцці, або “Песня валькірый” са “Старэйшай Эдды”, дзе валькірыі плятуць палатно чалавечых лёсаў, праўда, выкарыстоўваючы трошкі іншы, крывавы, матэрыял. Але, варта адзначыць, што аўтарка гэтай можа нават несвядомай алюзіяй ілюструе сваю ўласную думку, далей у тэксце сцвярджаючы, што нам не хапае новых міфаў і метафар, новых магчымасцей апісання свету, што мы спрабуем апісаць цяперашнюю рэальнасць і магчымую будучыню з дапамогай недарэчных, заржавелых, старых наратываў.

Такарчук сцвярджае, што не толькі прафесійныя літаратары, а мы ўсе, хто піша і гаворыць, удзельнічаем у стварэнні нашага свету. “Тое, як мы думаем пра свет і – што важней – як мы пра яго распавядаем, мае вялікае значэнне. Нешта, што здараецца і не бывае расказанае, перастае існаваць і памірае. Пра гэта добра ведаюць не толькі гісторыкі, але таксама (а можа перадусім) рознага кшталту палітыкі і тыраны. Кіруе той, хто вядзе і тчэ аповед” [с. 263].

Кажучы пра тое, што мы жывём у рэчаіснасці шматгалосых аповедаў ад першай асобы і адусюль ад нас даносіцца шматгалосы шум, Такарчук беларускай пісьменніцы Святланы Алексіевіч (“за шматгалосую творчасць – помнік пакутам і мужнасці ў наш час” [4]). “Аповед, які вядзецца ў першай асобе, вельмі характэрны для сучаснай наратыўнай оптыкі, у якой асоба выкон-

вае ролю суб'ектыўнага цэнтру свету. Заходняя цывілізацыя ў вялікай ступені збудаваная і абапіраецца на гэтае адкрыццё ўласнага "я", якое ёсць адной з найважнейшых мер рэчаіснасці". Тэрмін "ад першай асобы" Такарчук выкарыстоўвае не ў мовазнаўчым сэнсе. Гаворка пра творчы індывідуалізм і суб'ектывізм.

Аповед ад першай асобы паўстае адначасова са станаўленнем родаў літаратуры. Першы род літаратуры – эпас, аб'ектыўная аповесць пра свет як месца дзеяння багоў і герояў, на якіх мы не маем уплыву – саступае месца індывідуальнай гісторыі: унутранай – у лірыцы і вонкавай – у драме. Разважаючы пра суб'ектыўны аповед, Такарчук зноў выкарыстоўвае свой любімы вобраз – межы – і сцвярджае, што дзякуючы эмпатыі, эмацыянальнаму паразуменню, якое ствараецца пры ўзаемадзеянні паміж наратарам і чытачом/слухачом межы паміж "я" наратара і "я" чытача нівелююцца.

Але выяўленне аўтарскага "я" не гарантуе ўніверсальнасці. Чытач пачынае блытацца ў шматлікіх "я"-гісторыях, у нонфікшн, які запаланіў сучасны кніжны рынак. "Чаго нам не дастае, дык гэта прыпавесцевага вымярэння ў аповедзе. Бо герой прыпавесці – гэта той, хто здольны адначасова быць сабой, чалавекам, які жыве ў пэўных гістарычных ці геаграфічных умовах, і рашуча размыкаць гэтае акрэсленае кола абставінаў, робячыся Кожным і Паўсюль" [2, с. 266–267].

Адпаведнай формай, якая набліжаецца да новага аповеду пра будучыню, да падгонку наратыву да новай рэальнасці, Такарчук называе серыял як новы спосаб апісання і разумення свету. Пачатак XXI стагоддзя яна называе эпохай серыялу. "Серыял упісваецца ў новы неўпарадкаваны рытм свету, выяўляючы агульную прыроду з яго хаатычнай камунікацыяй, яго зменлівасцю і плыннасцю /…/ Серыял у цяперашнім сваім абліччы не толькі рассоўвае часавыя межы нашага ўдзелу ў працэсе апавядання, нараджаючы новую тэмпаральнасць, правакуючы сюжэтныя адгалінаванні і перастаўляючы акцэнты. Ён уносіць у апавяданне і новы парадак" [2, с. 269].

Такарчук кажа пра прызначэнне серыялу ўводзіць гледачоў/чытачоў у стан трансу і сцвярджае, што неабходнасць адкрытага фіналу пазбаўляе рэцыпіента спадзявання на катарсіс. "Такі тып ускладнення і фабульнай незавершанасці, сталая адтэрміноўка ўзнагароды, якой з'яўляецца катарсіс, нараджае новую залежнасць і зачароўвае" [2, с. 269]. Гэтая думка польскай пісьменніцы тлумачыць ролю серыялаў як сродку эскапізму у апошнія дзесяцігоддзі. У якасці пацвярджэння можна згадаць, што ў 2015 годзе брытанскі слоўнік Collins аб'явіў словам году *binge watching* (тэлевізійны запой).

Парадаксальна, але польская аўтарка бачыць серыяльны жанр сродкам выратавання аповеду пра свет, які фрагментарызуецца ў нашай свядомасці шмат у чым дзякуючы інтэрнэту, які аперуе велізарнай колькасцю інфармацыі, але выкарыстоўвае гэтыю інфармацыю кліпава, перарывіста, а не пансафістычна (тэрмін Я. А. Каменскага). Карыстаючыся рознымі крыніцамі і маючы доступ да шматлікай інфармацыі пра разнастайныя факты, мы перастаем бачыць прычынна-выніковыя сувязі паміж тым, што адбываецца вакол нас.

Такім чынам Такарчук кажа пра неабходнасць пошукаў для новага тыпу аповеду пра свет – універсальнага, цэласнага, непадзельнага на сваё і чужое, які помніць пра карані і кантэксты і адначасова адкрыты і зразумелы ўсім – і новага тыпу апавядальніка – ад "чацвёртай асобы", "якая не зводзіцца да пэўнага граматычнага канструкту, але здольная ўвабраць у сябе пункт гледзішча кожнага з персанажаў, і выйсці за кругагляд любога з іх" [2, с. 283].

І там адкрыецца кропка, перспектыва, з якой бачна ўсё. "Бачыць усё – гэта прыняць існаванне ўзаемнай сувязі рэчаў, нават калі траекторыі іх пакуль не зразумелыя. Бачыць усё – падразумявае і іншы род адказнасці за свет, бо цяпер відавочна, што кожны рух "тут" звязаны з водгукам "там", што рашэнне, прынятае ў адной частцы свету, адгукнецца ў іншай яго частцы, што мяжа паміж "маім" і "тваім" сатрэцца сама сабой" [2, с. 285].

Не менш важнай прадстаўляецца аўтарцы сувязь з міфам і ўсім арсеналам чалавечага ўяўлення, якая аднаўляецца на працягу дзесяцігоддзяў. “Такое вяртанне да шчыльных структураў міфу магло бы даць адчуванне ўстойлівасці ў той невызначанасці, у якой мы сёння перабываем” [2, с. 286]. Вольга Такарчук такім чынам зноў падкрэслівае агульную для даследчыкаў міфа думку, чаму міфатворчасць так на стала вяртаецца ў нашую тэхнагенную культуру.

Неабходнасць абнаўлення мастацкай міфапаэтычнай прасторы зрабілася відавочнай яшчэ на мяжы XIX–XX стст. Для мастацкай свядомасці гэтай эпохі міф, які перадае ўспрыманне свету ў цэласнасці, у еднасці чалавека і прыроды, дае магчымасць структураваць стыхію, якой ёсць жыццёвы хаос. І міф пачынае выкарыстоўвацца з мэтаю мадэлявання паэтычнага сусвету. Сучасны чалавек актуалізуе для сябе міфалагічную рэчаіснасць тады, калі знаходзіць у міфе адказ хаця б на адно важнае для яго пытанне. Выключаючы невырашальныя праблемы, імкнучыся растлумачыць складанае праз зразумелае, міф ужо другое стагоддзе пазіцыянуецца ягонымі даследчыкамі як сродак пераадолення хаосу, як стрыжань або вось сістэмы, у якую ўпісваецца навакольная рэчаіснасць. Цэнтральнай праблемай міфа ёсць сувязь чалавека са светам як універсумам, а не аб’ектам навуковых даследаванняў.

За некалькі год да ўручэння Вользе Такарук Нобелеўская прэміі польская пісьменніца трохі маладзейшага за Такарчук пакалення Кінга Дунін напісала, што уважлівае чытанне твораў Вольгі Такарчук – гэта па сутнасці радыкальны праект перабудовы нашай грамадскай самасвядомасці. А яна сама завяршыла сваю лекцыю словамі: “Я веру, што мушу пісаць так, як калі б свет быў жывым адзінствам, якое няспынна на нашых вачах робіцца такім, а мы яго малой і адначасова магутнай часткай” [2, с. 288]. Варта сапраўды падумаць пра вяртанне да успрымання свету ў яго цэласці, да спасціжэння свету як макракосму.

Литература

1. Olga Tokarczuk. The Nobel Prize in Literature 2018 [Электронны рэсурс] / O. Tokarczuk. – Рэжым доступу: https://www.nobelprize.org/prizes/literature/ 2018/tokarczuk/facts/ – Дата доступу: 15.03.2021.
2. Tokarczuk, O. Czuły marrator / O. Tokarczuk. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2020. – 300 s.
3. Фанайлова, Е. Нобель Ольги Токарчук [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://www.svoboda.org/a/30256836.html – Дата доступу: 15.03.2021. 4. Svetlana Alexievich. The Nobel Prize in Literature 2015 – Рэжым доступу: https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2015/alexievich/facts/– Дата доступу: 15.03.2021.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

С. К. Видишева, Т. В. Ситникова

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *nota-bena@rambler.ru*; *sitnikova77@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности формирования коммуникативной компетенции в процессе обучения студентов чтению профессионально-ориентированных текстов.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; компетентностный подход; профессионально-ориентированный; речевую деятельность.

COMMUNICATIVE COMPETENCE AS THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY ORIENTED TEXTS READING SKILLS

S. K. Vidisheva, T. V. Sitnikova

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *nota-bena@rambler.ru*; *sitnikova77@mail.ru*

The article considers the competence-based approach in the process of teaching for reading the professionally oriented texts. Communicative competence has a structure that is formed by a number of components that are regarded in the article.

Key words: communicative competence; competence-based approach; foreign language; reading skills.

Communicative competence was one of the basic competences, defined as the ability to identify, understand, express, create and interpret concepts, feelings, facts and opinions in both oral and writ-

ten forms, using visual, sound/audio and digital materials across disciplines and contexts. It implies the ability to communicate and connect effectively with others in an appropriate and creative way [1, p. 8]. For the last few decades there have been various definitions of communicative competence and it plays a great role while developing reading skills at non-linguistic universities.

The competence-based approach includes a set of general principles for determining the goals of education, selecting its content, organizing the educational process and evaluating the results of it. The peculiarity of competence-based training is not in the assimilation of ready-made knowledge, but in the fact that the students themselves formulate the concepts necessary for solving problems of varying complexity on the basis of existing knowledge. With this approach, educational activity takes on a research character, being a significant component of the process of teaching students to read.

The concept of the competence-based approach is closely related to the concept of communicative competence. In the theoretical methods of teaching foreign languages, this phenomenon is considered as the ability to carry out speech activity by means of the target language in accordance with the goals and situations of communication within a particular field of activity. It is based on a set of skills that allow to participate in verbal communication in its productive and receptive forms.

Communicative competence has a structure that is formed by a number of components. Also most researchers consider it as a macro-competence, synthesizing the following (micro) competencies: linguistic, sociolinguistic, discursive, strategic, social, socio-cultural, subject and professional types. The focus of communicative competence is carried out on the form, i.e. on verbalized thought (on situations of communication from the position of the addressee and on the subject context) – the verbal representation of the subject of communication. The level of the students' mastery of one or another type of communicative competence directly depends on the extent to which the teacher takes into account the importance of all other components.

The formation of linguistic competence indicates that the students have knowledge of vocabulary, morphology, syntax in professionally oriented texts; provide a clear direction of thoughts and actions in the process of reading.

Sociolinguistic competence implies knowledge and the ability to use certain linguistic means, depending on the purpose and stage of the proposed reading, on the social status of the communicants, their national origin, and the nature of professional activity.

The original professionally oriented texts reflect the culture of another people, their mentality, customs and traditions. Formed sociocultural competence allows adequately perceiving and decoding information in the process of reading.

As for social competence, it also allows students to independently navigate, act and make decisions in the reading process in accordance with personal and professional needs, motives, experience, and attitude towards the material being read.

The possession of strategic competence makes it possible, in the course of reading, not only to guess the content of the text by its title, but also to guess the meaning of unfamiliar words, based on the context, topic, and situation.

The discursive competence is the students' ability to use specific strategies for constructing and interpreting text while reading. This competence allows learners to evaluate their creativity, their methodological literacy on the basis of the texts they read. The formation of such competence in the process of teaching for reading makes it possible to comprehensively study the specifics of foreign language communication and make learning closer to real conditions.

Subject competence is directly related to the experience gained by the students in the course of reading. Professionally oriented texts give the information on a specific topic from various fields of human activity. The ability to navigate in a particular area, as well as to have knowledge on a particular problem, is an important component of the professionalism of a future specialist. The formation of this competence presupposes the use of the acquired knowledge and skills in their future professional activities.

Thus, the competence-based approach to the development of reading skills allows solving a number of problems related to improving the quality of education, defining its goals and estimating the results, substantiating the forms, methods and means of teaching, organizing the entire educational process taking into account modern requirements for higher education. The competence-based approach, along with specific knowledge and skills, focuses on readiness for knowledge, self-education, social interaction in a new environment of the educational process for students, and it is aimed at the formation and development of abilities for analysis, planning, reflection, actions that ensure decision-making in a professionally oriented problem, tasks and situations.

Литература

1. Council of the European Union. [Electronic resource]: Council Recommendation of 22th May, 2018 on Key Competences for Lifelong Learning / Council of the European Union. – : Brussels, Belgium, 2018. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri= CELEX:32018H0604(01)&from=EN. – Date of access: 24.02.2021.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ И РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В КОНТЕКСТ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЛАКУН (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. В. Тучинский

Белорусский государственный университет,
факультет международных отношений, ул. Ленинградская, 20,
220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *prof.1968@list.ru*

В. Н. Занчук

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *Valya.Zanchuk@mail.ru*

В статье представлен комплекс культуроведчески ориентированных коммуникативных упражнений для обучения трансляции без эквивалентной лексики в контекст иноязычных лакун.

Ключевые слова: перевод; реалия; упражнение; экспликация; культурный концепт; концептуальный анализ.

FORMATION OF SKILLS AND DEVELOPMENT OF HABITS OF TRANSLATING REALIA IN THE CONTEXT OF FOREIGN LACOONS (LANGUAGE LEARNING ASPECT)

A. V. Tuchynski

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *prof.1968@list.ru*

V. N. Zanchuk

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *Valya.Zanchuk@mail.ru*

The article presents a set of culturologically oriented communication exercises the aim of which is to teach the translation of non-equivalent lexicon in the context of foreign language lacoons.

Key words: translation; realia; exercise; explanation; cultural concept; conceptual analysis.

Формирование навыков и развитие умений перевода реалий в контекст иноязычных лакун осуществляется с помощью культуроведчески ориентированных коммуникативных упражнений, которые учат владеть методами смыслового анализа, находить межъязыковые эквиваленты в рамках изучаемой тематики, определять способы перевода реалий.

Представляемый комплекс культуроведчески ориентированных коммуникативных упражнений для обучения трансляции без эквивалентной лексики в контекст иноязычных лакун имеет целью формирование речевых лексических навыков употребления без эквивалентной лексики и развитие переводческих умений.

Презентация семантики реалий возможна на основе контекстуальной догадки (инференции), которая основана на понимании общего содержания речевой ситуации, на знании фактов культуры. Это становится возможным при том условии, что обучающиеся владеют достаточными фоновыми знаниями, которые мы рассматриваем как основу для формирования социокультурной компетенции. Способность к инференции признается исследователями важным атрибутом коммуникативной компетенции переводчика. При этом конкретная контекстуально-прагматическая релевантность страноведческих знаний достигается за счет применения им лингвистической компетенции в соединении с социокультурной компетенцией. Только приступая к изучению иностранного языка человек узнает, что другие народы (и это отражается в их языках) могут членить действительность иначе, чем его родной язык и его народ: семантическая разбивка мира на языковые ареалы является произвольной, и семантическая карта каждого языка отличается от семантических карт всех других языков. При коммуникатив-

но-культуроведческом подходе в центре внимания оказываются те элементы языковой модели мира, которые детерминируют ее национально-культурную специфику. При такой постановке вопроса место и значимость реалий в лексической системе языка зависит уже не от самого языка как такового, а от онтологической сущности обозначенного и его прагматической ценности. Кроме того, использование контекста развивает языковую догадку, увеличивает практику в языке, стимулируя мотивацию обучающихся, создавая опоры для запоминания и усиливая необходимые ассоциативные связи.

Важным условием успешного выполнения рецептивных (аудитивных)_упражнений является умение обучающихся распознавать и понимать содержащиеся в звучащем тексте реалии, т.е. способность правильно декодировать многообразную и разноуровневую информацию, объективированную в текстовой деятельности языковой личности. А это означает, что в процессе обучения мы должны сформировать способность обучающихся воспринимать звучащий текст как совокупную вербально-смысловую сущность, т.е. единицу коммуникации в параметрах текстовой деятельности.

Например, выполнение следующего упражнения поможет обучающимся систематизировать свои знания о жизни белорусского и русского народов в ее традиционных формах (верованиях, семейных и календарных обрядах, праздниках и деталях быта):

Прокомментируйте следующие реалии славянской культуры, учитывая то обстоятельство, что в дальнейшем эти лексические единицы будут восприниматься представителями иной культуры: малолеточка, калачи, роженица, прялка, родиться в рубашке, сошечка, керосинка, по старинке, артель, заневестившаяся, на выданье, бобыль, поленце, семечки, вредина, на людях, кормилец, фата, чета, вовеки, сноровка, рукодельница, преподобный, гурьба, запевала, наугад, оладьи, касаточка, снедь, обновы, бубенцы, клюка, по заслугам. *Скажите, как, по Вашему*

мнению, повлияли английские приблизительные соответствия на восприятие инофоном фактов славянской культуры?

При обучении переводу реалий большое значение мы придаем контекстуальному объяснению: являясь структурным компонентом текста, реалия находится в естественных условиях речепорождения. Поэтому обучение переводу реалий с помощью контекстуального объяснения является конкретным и наглядным. Кроме того, контекст на практике и в естественных языковых условиях иллюстрирует грамматическую структуру, в которой употребляются реалии, поэтому обучающиеся могут не только распознать, правильно понять и осмыслить их значение, но и в дальнейшем правильно транслировать их на языке перевода в речевой ситуации.

Далее выполняются упражнения на аналитическую обработку содержания речевого высказывания, выделение смысловых вех (основных и второстепенных), после чего – упражнения на формирование навыков речевой компрессии (на уровне словосочетаний, фраз и сверхфразовых единств).

Для достижения указанных целей необходимо сформировать ряд переводческих механизмов: студент должен научиться распознавать, понимать и выбирать нужную лексическую единицу среди других, использованных в речевом высказывании, а далее посредством сравнения, сопоставления и анализа характерных особенностей данных единиц идентифицировать и группировать их. Далее формируются механизмы аргументации, описания и толкования.

Прежде, чем студент приступит непосредственно к переводу, ему необходимо научиться анализировать, оценивать и корректировать с самых разных позиций переводы, выполненные другими, сопоставлять все предложенные варианты перевода и, сделав все необходимые и оправданные коррекции и допущения, выбрать либо предложить оптимальный, т.е. адекватный вариант перевода. Так формируется механизм комбинирования и адаптации своего или других вариантов перевода в зависимости от предполагаемого реципиента. Например,

Понятно, что поиск возможного аналога должен вестись с учетом конкретного языкового сообщества, для которого предназначается перевод. В связи с этим объясните, почему не вполне удовлетворительным представляется приблизительный перевод традиционного cathédrale *при переводе на русский язык* собор *в значении 'главный христианский храм'. Приведите аргументы, подтверждающие обоснованность вашей точки зрения.*

Таким образом, доминирующими механизмами, обеспечивающими эффективное развитие способности адекватной трансляции реалий, являются комплексные, интегративные механизмы идентификации, коррекции и комбинирования.

Для понимания социальных и психологических законов, которые способствуют сближению и уважению контактирующих культур у обучающихся должны быть сформированы умения интерпретировать и оценивать культурные отличия. Решение этой задачи достигается в процессе выполнения продуктивных упражнений, ориентированных на употребление реалий, отражающих различную степень сходства культурных концептов в соизучаемых языках и являющихся средством приобщения к иной культуре. Коммуникативный аспект этих упражнений предполагает овладение социально-обусловленными сценариями и национально-специфическими моделями коммуникативного взаимодействия, принятыми в данной культуре. Культуроведческий аспект предусматривает развитие умений ориентироваться в ценностных категориях соизучаемых культур. Основой культуроведческой подготовки выступает ценностно-ориентационный смысл явлений культуры.

Для активизации употребления реалий различных типов в речи студентов разработаны продуктивные упражнения культуроведчески ориентированного коммуникативного блока, которые, моделируя различные речевые ситуации со страноведческой направленностью, способствуют усвоению социокультурных коннотаций реалий. При этом важно, чтобы страноведческие учебно-речевые ситуации обеспечивали информирование студентов о фактах иноязычной культуры, овла-

дение моделями и стереотипами речевого и неречевого поведения, сопоставление соизучаемых культур.

Продуктивные упражнения характеризуются коммуникативной направленностью, проблемностью и культуроведческой непредвзятостью. Особое внимание обращается при этом на факты культуры и решение задачи по преодолению культурных барьеров, препятствующих взаимопониманию. Формирование ценностных ориентаций личности связано с формированием норм, ценностей как системы социальных установок, а также личностных смыслов через семантизацию реалий различных типов. Таким образом происходит культуроведческое обогащение личности будущего специалиста в области межкультурной коммуникации, распредмечивание лингвострановедчески маркированных единиц речи в процессе интерактивного и перцептивно-аксиологического способов коммуникации. Например,

Сделайте краткое информационное сообщение на французском языке объемом 3 – 6 фраз на тему: «Традиционные блюда национальной французской кухни» (в инструкции могут быть указаны лексико-грамматические единицы, которые следует использовать в сообщении).

Разверните представляемый для обсуждения тезис в связное высказывание. Приведите аргументы в пользу доказательности Вашей позиции (например, «Француз стремится жить не в коллективе, а на виду у коллектива. Характерная черта современного француза заключается в его противоречивости: порывы великодушия при сильно развитом характере крестьянина-собственника; любовь к дискуссиям при резком предпочтении свершивших фактов; пылкая гордость за Францию при слабой информированности о том, что думают о ней за границей; живой интерес ко всем идеям, но консерватизм по отношению к окружающей действительности»).

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ Г. МЮЛЛЕР «КАЧЕЛИ ДЫХАНИЯ»

Е. В. Андрианова

Белорусский государственный университет,
филологический факультет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *kandryanava@gmail.com*

В статье рассматривается роман Г. Мюллер «Качели дыхания». Особое внимание уделяется поиску идентичности главного героя.

Ключевые слова: идентичность; самоидентификация; травма; Герта Мюллер; Качели дыхания.

THE SEARCH FOR IDENTITY IN HERTA MÜLLER'S NOVEL "THE HUNGER ANGEL"

K. V. Andryanava

Belarusian State University, Faculty of Philology,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *kandryanava@gmail.com*

The article considers the novel "The Hunger Angel" by Herta Müller. Special attention is given to the protagonist's search for identity.

Keywords: identity; self-identification; trauma; Herta Müller; The Hunger Angel.

В 2009 г. был опубликован роман «Качели дыхания» («Atemschaukel») [1] известной немецкой писательницы родом из Румынии, лауреата Нобелевской премии по литературе Герты Мюллер (Herta Müller). На русский язык роман переведен в 2011 г. Марком Белорусцем [2].

Роман «Качели дыхания» рассказывает историю семнадцатилетнего Лео Ауберга, который в 1945 г. был депортирован на принудительные работы в трудовой лагерь на территории Украины. Писательница затрагивает проблему, которая имеет реальную историческую основу – это депортация немецкоязыч-

ного населения Румынии в советские трудовые лагеря. Долгое время любые упоминания о депортации были в Румынии под запретом, потому что вызывали в памяти фашистское прошлое страны. Своим романом Г. Мюллер прервала это молчание, так как в ее жизни всегда опосредованно присутствовало лагерное прошлое ее матери, которая провела в трудовом лагере пять лет, а также земляков из Ницкидорфа. О лагере они мало рассказывали.

Своими лагерными воспоминаниями писательнице помог известный немецкий поэт (родом из Румынии) Оскар Пастиор, который также был в числе интернированных. Приняв решение писать книгу вместе, авторы даже предприняли поездку в бывший трудовой лагерь, в который в свое время был депортирован О. Пастиор. Но в 2006 г. известный поэт внезапно умер. Лишь спустя год писательница приступила к работе над романом. По ее словам, ей никогда бы не удалось осуществить задуманного без тех подробностей лагерной повседневности, о которых рассказал Пастиор [1, S. 300]. Ведь она хотела создать роман не столько о лагере, сколько о человеке в нем, на примере конкретной истории жизни показать, как разрушается личность, каким образом коллективное становится первостепенным, что позволяет человеку выжить в нечеловеческих условиях и как это влияет на всю его жизнь [3, S. 200].

Рассказчиком в романе «Качели дыхания» является не семнадцатилетний юноша, а взрослый мужчина с большим и сложным жизненным опытом. Уже в первой главе романа перед читателем предстает человек, которому удалось вернуться из заключения. Воспоминание становится способом самоидентификации главного героя, но от лагерного прошлого, к сожалению, невозможно избавиться, это травма, которая препятствует обретению целостной идентичности. По этой причине даже спустя шестьдесят лет после возвращения из лагеря Лео Ауберг чувствует себя несвободным, зависимым от чувства голода, страха, одиночества, он боится смерти и боится вновь оказаться

в неволе. «Качели дыхания» – это история выживания, но не исцеления, герой не может обрести душевную свободу:

– «Ich esse seit meiner Heimkehr aus dem Lager, seit sechzig Jahren, gegen das Verhungern» [1, S. 25] («После возвращения из лагеря я вот уже шестьдесят лет потребляю пищу, чтобы не умереть голодной смертью» [2, с. 25]);

– «Seit sechzig Jahren will ich mich in der Nacht an die Gegenstände aus dem Lager erinnern. <…> Ich muss mich erinnern gegen meinen Willen» [1, S. 33] («Вот уже шестьдесят лет я по ночам вспоминаю вещи, связанные с лагерем. <…> Я против своей воли принужден вспоминать» [2, с. 33]);

– «Aber wenn ich Karfiol auf dem Teller habe, esse ich seit 60 Jahren die Läuse vom Pulloverzipfel in der ersten Morgendämmerung» [1, S. 235] («Но и теперь, шестьдесят лет спустя, когда на тарелке у меня лежит цветная капуста, я будто ем вшей, собравшихся к утру на краешке свитера» [2, с. 247]);

– «Und 60 Jahre später träume ich: Ich bin zum zweiten, dritten, manchmal sogar zum siebten Mal deportiert» [1, S. 238] («А теперь, шестьдесят лет спустя, мне часто снится, что меня депортировали то ли во второй, то ли в третий, то ли даже в седьмой раз» [2, с. 250]) и др.

Символично вступление романа «Качели дыхания»: главный герой берет с собой в лагерь вещи, которые ему не принадлежат либо не отвечают своему назначению, даже чемодан – это ящик от патефона. Укладка импровизированного чемодана символизирует постепенное отчуждение Лео Ауберга, утрату целостности его идентичности. Абсурдны и трагичны сборы и содержимое чемодана, как и сама ситуация. Главный герой не осознает, через что ему предстоит пройти, и вначале испытывает затаенное нетерпение, так как мечтает покинуть город, где все друг друга знают, где может быть раскрыта его тайна (гомосексуализм), за что полагалась тюрьма. «…Steckte ich mit meinen siebzehn Jahren immer noch in einer hellen dummen Kindheit. <…> Für das Wort LAGER war mein Hirn taub» [1, S. 11] («…Я в свои семнадцать лет все еще торчал в светлом и глупом детстве. <…> К слову ЛАГЕРЬ мой мозг был глух» [2, с. 10]). Г. Мюллер не слу-

чайно использует прописные буквы в написании слова «лагерь» и других слов – таким образом она акцентирует внимание на наиболее важных эпизодах в романе, фразах, географических названиях, иноязычной лексике и др., что придает еще большую убедительность повествованию и всему произведению в целом. Слово «ЛАГЕРЬ» меняет эмоциональную окраску предложения – из невосклицательного оно становится восклицательным и вбирает в себя всю боль, обиду, злость, непонимание, разочарование и сочувствие к самому себе, которые испытывает главный герой. Из всех вещей, взятых в лагерь, лично Лео принадлежат только винно-шелковый шарф и несессер. Несессер удается сберечь в лагере, а винно-шелковый шарф присваивает комендант Тур Прикулич. Несессер не подчеркивается в романе как важный для героя предмет, он служит для хранения вещей, а утрата шарфа могла стоить Лео жизни.

Еще по дороге в лагерь Лео Ауберг начинает понимать, с чем он столкнется, а именно с обесцениванием человеческой жизни, непринятием чужой индивидуальности, несвободой выражения мыслей, чувств, эмоций, тотальным контролем над личностью. Ужасающей в романе является сцена совместного оправления интернированных на пустынном поле в зимнюю морозную ночь: «Ringsherum die Maschinenpistolen im Anschlag. Und jetzt: Hosen runter. Diese Peinlichkeit, das Schamgefühl der ganzen Welt <…> Ich musste nicht aufs Klo, ließ aber die Hose herunter und setzte mich in die Hocke. <…> Wie armselig unsere Eingeweide wurden in dieser Gemeinsamkeit» [1, S. 20] («Со всех сторон нацелились взятые наизготовку автоматы. А теперь – спускай штаны. Неловкость. Ощущение стыда за целый мир <…> Мне не нужно было, но я тоже спустил штаны и присел на корточки. <…> Какими жалкими в такой сообщности стали наши потроха» [2, с. 19]). В один миг ужас героя стал взрослым.

На протяжении всего романа автор подчеркивает незначительность, ничтожность человеческой жизни в лагере, утрату идентичности, в том числе гендерной. Хронический голод превращает людей в «кожу да кости». Интернированные по-

степенно уподобляются бесполым существам, состоящим «из запухших глаз, торчащих носов и запавших щек, из ног и животов, разбухших от водянки» [2, с. 26]. Мужская униформа интернированных ничем не отличается от женской; и мужчины, и женщины выполняют тяжелый физический труд. Даже имена интернированных писательница сопровождает артиклями die и der (die Irma Pfeifer, die Trudi Pelikan, die Planton-Kati, der Albert Gion и т. д.), что противоречит нормам немецкого языка, но способствует раскрытию художественного замысла произведения. Ведь только артикль позволяет определить половую принадлежность интернированных – настолько сильно они истощены в моральном и физическом планах. Примечательно, что и после того, как условия в лагере улучшатся (интернированные будут получать зарплату, смогут приобрести одежду и еду), и даже после возвращения интернированных из лагеря их имена будут использоваться с артиклями, что свидетельствует о невозможности человека избавиться от лагерного прошлого, о его глубокой психологической травме.

Для того чтобы оставаться, насколько это возможно, самим собой, несмотря на все происходящее, сохранять свою индивидуальность и преодолевать в лагере чувства страха, голода, одиночества, усталости, тоски по родине и близким людям, Лео Ауберг использует различные стратегии (техники) выживания.

Противостоять опасности и трактовать ее себе во благо главному герою позволяют воображаемые домашние запахи. Именно поэтому многое в романе «Качели дыхания» «пахнет» нафталином, обувным кремом, хризантемами, цветками лимонного дерева, глицериновым мылом и др., всякий раз напоминая о доме, о родных и близких людях, возвращая в мир детства и юности. Запахи в романе являются поводом для героя выразить свои чувства.

Детские воспоминания – это еще одна из стратегий выживания Лео, один из способов его самоидентификации. Например, одно из самых ярких и приятных детских воспоминаний Лео – каникулы в Венхе. Это время марципановых трюфелей, орехово-

го рулета, эклеров, блинчиков с мармеладом, нуги, шоколадных пряников, мороженого и др. Это восемь недель, проведенных с матерью, когда он был по-настоящему счастлив. Чувствуется, что герой эмоционально привязан к своей матери, он часто вспоминает о ней, поэтому новость о рождении младшего брата Руди он воспринимает как личную трагедию, ему кажется, что мать его предала и поставила под сомнение его право на жизнь и свободу.

Важную роль в лагерной жизни Лео Ауберга играют сказанные ему на прощание слова бабушки «Я ЗНАЮ, ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ» и подаренный русской женщиной платок, ставший символом надежды и спасения, которых Лео так жаждал.

Кроме воображаемых запахов и мысленного возвращения в детство спасительную функцию в романе выполняют неологизмы, которые Лео придумывает, описывая жестокую лагерную действительность. Новые слова (например, Mundglück – «ротовое счастье» и Kopfglück – «головное счастье», а по сути это голод; Eintropfenzuvielglück – «последняя капля счастья», то есть смерть и др.) помогают герою, с одной стороны, скрывать, а с другой – иначе выражать свои истинные мысли, чувства и желания, абстрагироваться от лагерной жизни, создавать другую реальность.

К стратегиям выживания Лео Ауберга относится и его увлеченность тяжелым физическим трудом и другими испытаниями лагеря. В стремлении побороть страх смерти, противостоять непосильному для человека труду, опасности и хроническому голоду, главный герой придерживается следующего правила: «Wenn man seine Todesangst bezwingen will, ihr aber nicht entkommen kann, schaltet sie um auf Betörung» [1, S. 72] («Если хочешь преодолеть страх смерти, но не в силах избавиться от него, пытайся проникнуться его очарованием» [2, с. 74]). Именно по этой причине, работая в подвале, Лео каждый слой песка сравнивает с произведением искусства; занимаясь же погрузкой и разгрузкой угля «сердцелопатой», каждый ее новый взмах юноша ассоциирует с элементами фигурного катания, фехтования, балета и феерического танго, плавно перетекающего в фигуры вальса

[1, S. 83–84]. Лео концентрирует свое внимание на прекрасном и не допускает мысли о голоде и смерти, которые разрушают его изнутри. По тому, как виртуозно Лео создает новые слова и образно описывает наиболее сложные моменты лагерной действительности, можно предположить, что он творческая личность, которая, однако, пока еще не осознает своего потенциала.

Несмотря на попытки героя найти точки опоры в своей самоидентификации, он не решается заглянуть вглубь себя и подобен герметически запечатанному флакону, который он сохраняет в память о лагере. Его сковывают страх смерти, хронический голод, одиночество. В романе нет открытой постановки вопросов: «Почему именно я оказался в лагере? / За что?», «Почему именно я выжил? / Для чего? / Каково мое предназначение?» и др. Основополагающими становятся вопросы: «Кем я стал в лагере?», «Уехать домой или остаться здесь – противоположные ли вещи?» и др., но и они остаются без ответа. Как известно, в январе 1950 г. Лео вернется на родину, окончит строительные курсы, устроится инженером, создаст семью, но в итоге в поисках новой жизни сбежит в Австрию.

Таким образом, лагерь навсегда остается неотъемлемой частью жизни Лео Ауберга, даже оказавшись на воле, герой не может не думать о нем. Сложное переплетение прошлого, настоящего и будущего в романе, обращение героя к различным техникам выживания отражают его сложное психологическое состояние и попытки обрести собственную идентичность. Тем не менее, самое важное в романе остается не высказанным, а прочувствованным и прожитым глубоко внутри.

Литература

1. Müller, H. Atemschaukel / H. Müller. – München : Carl Hanser Verlag, 2009. – 304 S.
2. Мюллер, Г. Качели дыхания / Г. Мюллер, пер. с нем. М. Белорусца. – СПб. : Амфора, 2011. – 319 с.
3. Müller, H. Mein Vaterland war ein Apfelkern / H. Müller. – München : Carl Hanser Verlag, 2014. – 239 S.

МОТИВ САМОУБИЙСТВА ДИДОНЫ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛАТИНСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. ШЕКСПИРА

Н. С. Зелезинская

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *zelennew@tut.by*

В статье рассматривается мотив смерти Дидоны в двух античных источниках: «Энеиде» Вергилия» и «Героидах» Овидия, в елизаветинском переводе «Энеиды» в и творчестве Шекспира. Цель компаративного анализа – выявить изменения в семантике, структуре и аксиологии мотива, связанные с различиями в менталитетах авторов. Особое внимание обращается на эстетику мотива самоубийства, причины и способ самоубийства царицы и значимость этого мотива в сюжете об Энее.

Ключевые слова: мотив самоубийства; сюжет; Дидона; аллюзия; Уильям Шекспир.

THE MOTIF OF DIDO'S SUICIDE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF LATIN SOURCES AND SHAKESPEARE'S WORKS

N. S. Zelezinskaya

Belarusian State University, Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *zelennew@tut.by*

The article discusses the motive for the death of Dido in two ancient sources: Virgil's «Aeneid» and Ovid's «Heroids», in the Elizabethan translation of «Aeneid» and in the works of Shakespeare. The purpose of the comparative analysis is to identify changes in the semantics, structure and axiology of the motive associated with differences in the mentality of the authors. Particular attention is paid to the aesthetics of the motif

of suicide, the causes and method of suicide of the queen, and the significance of this motive in the plot about Aeneas.
Keywords: the motif of suicide; Dido; allusion; William Shakespeare.

Проводя параллели с уже известными данными об использовании Шекспиром источников [1–6], мы сомневаемся, что Шекспир после школьных лет возвращался к древнегреческому, который, может, плохо знал (если доверять Бену Джонсону (Ben Johnson), может, просто не любил. А знал и любил английский драматург Вергилия [7, 8] и Овидия [9], которых читал и в оригинале, и в переводе. У обоих множество примеров мифических самоубийц. Среди прочих, Дидона. Оба автора заинтересовались знаменитыми приключениями героя Энея, оба ярко описывают любовь и смерть карфагенской царицы, что отличает их от древнеримских историков. Последних любовный сюжет не тронул: ни у Тита Ливия в «Истории Рима от основания города», ни у Дионисия Галикарнасского в «Римских древностях» в жизнеописаниях Энея карфагенского эпизода нет. Но Овидий и Вергилий, конечно, не могли пройти против столь поэтического материала.

В IV книге «Энеиды» подробно описана трагическая история любви Энея и Дидоны. Когда Энея вышвырнуло на африканский берег, Венера, чтобы уберечь его от воинственно настроенных племен, внушила карфагенской царице любовь к путешественнику. Дидоне тоже на руку была помощь героя, хотя первоначально она намеревалась хранить верность памяти первого мужа. Дождь застал их в уединенной пещере, Дидона ответила Энею взаимностью. Оба отдались любовным отношениям, но богов это не устроило: ведь по их плану Эней должен был плыть в Лациум (кроме того, боги вняли жалобам отвергнутого Дидоной соседнего царька). Явившийся Энею Меркурий передал ему волю богов, герой не мог противиться их решению и принялся собираться в путь – тайно, потому что понимал чувства Дидоны и предвидел ее реакцию. И хоть Дидона узнала о предстоящем отъезде, ее слезы и мольбы не сломили решимость Энея следовать своей Судьбе.

Обреченная любовь и неминуемое расставание привели карфагенскую царицу к гневу и безумию [7, IV, 300], а затем и к жестокой («crideli» [ibid., IV, 308]) смерти. Брошенная Энеем, царица призывает в помощь железо, т. е. смерть: «quin morere, ut merita es, ferroque averte dolorem» [ibid., IV 547]. «Haec ait, et partis animum versabat in omnis, invisam quaerens quam primum abrumpere lucem» [ibid., IV 630–631]. Дидона взошла на костер и пронзила грудь мечом [ibid., IV 645–665]. Причину самоубийство Дидоны часто видят в несчастной любви, но такие интерпретации неверны. Любовная история – лишь канва, сюжет, а причину добровольной смерти Вергилий усматривает в стыде, в потере доброго (славного) имени брошенной женщиной: «te propter eundem exstinctus pudor et, qua sola sidera adibam, fama prior» [ibid., IV, 321–323] и далее «qui te tamen ore referret, non equidem omnino capta ac deserta viderer» [ibid., IV, 329–330].

В елизаветинском переложении Ричарда Станихёрста (Stanyhurst, Richard, 1547–1618) этот отрывок выглядит таким образом:

I doe craue (yf toe prayers as yeet soom nouke be reserued)
Beat downe thy purpose, thy mynd from iournye reclayming.
For thy sake in Lybical regions and in Nemod hateful
I liue: my Tyrian subiectes pursue me with anger.
For thy sake I stayned whillon my chastitye spotlesse:
And honor old battered, to the sky with glorye me lifting.
And now, guest, wheather doe ye skud from deaths fit of hostace?
That terme must I borowe, syth I dare not cal the myne husband.
Why do I breath longer? shal I liue til cittye mye broother
Pigmalion ransack? or too tyme I be prisoner holden
By thee Getul Järb? yf yeet soom progenye from me
Had crawld, by the fatherd, yf a cockney-dandiprat hopthumb,
Prittye lad Aeneas, in my court, wantoned, ere thow
Took'st this filthye fleing, that thee with phisnomye lyckned,
Ine then had reckned my self for desolat owtcaste.
Shee sayd [8, 332–347].

Как мы видим, в версии Станихёрста мотивами самоубийства Дидоны («the poore soul») остаются потеря славы и чести («glory», «honour»), но добавляются христианские мотивы: молитвы, запятнанное целомудрие («prayers», «I stayned whillon my chastitye spotlesse»). Именно этим набором причин объясняется самоубийство шекспировской Лукреции, тоже обнаружившей себя в положении женщины, потерявшей целомудрие [10]. (Это, кстати, наглядно демонстрирует необходимость работы именно с тем текстом, который непосредственно читал Шекспир, если этот текст известен). И самоубийство Дидоны, и Лукреции были неотвратимы: это те исключительные платоновские случаи, которые не предполагают другого достойного исхода.

Ситуация Дидоны передана и Овидием в седьмом письме «Героид». Автор жалеет царицу, называет ее несчастной («miseram»). Дидона постоянно говорит о своей любви как о сильном и глубоком чувстве, равному которому нет. Потеря чистоты и стыда осознается Дидоной с самого начала, именно из-за этого и из-за того, что предала память первого мужа, а не из-за самоубийства она не надеется мольбами разжалобить богов. Уже в 20 строке появляется мотив обмана: «Scilicet alter amor tibi restat et altera Dido; / Quamque iterum fallas altera danda fides» [11, 18–19] и оказывается центральным для всей элегии [ibid., 57–58, 67–68, 81–82]. Дидона то надеется, что образ обманутой возлюбленной («deceptae imago» [ibid., 69]) всегда будет стоять перед глазами Энея, то призывает его остаться в Карфагене и править с нею.

По тексту Овидия не ясно, бросилась ли она в огонь, как у Вергилия, или на погребальный костер положили ее тело после того, как царица закололась кинжалом. Но овидиевский образ женщины, пылающей, как факел, от любви, метафорически отзывается на описанное Вергилием самосожжение: «Uror, ut inducto ceratae sulpure taedae, / Ut pia fumosis addita tura focis» [ibid., 23–24]. Отличается Овидий от Вергилия и постоянным упоминанием слов *culpa* (‘вина’) и *poena* (‘наказание’): «Exige, laese pudor, poenas! violate Sychaei ... /

Ad quas, me miseram, plena pudoris eo» [ibid., 97–98], а о божественном вмешательстве и судьбе он почти не вспоминает.

Самыми значимыми английскими версиями повествования о Дидоне являются «Дидона, карфагенская царица» Кристофера Марло и Томаса Нэша («The Tragedie of Dido, Queen of Carthage, play in five acts» by Christopher Marlowe and Thomas Nashe, published 1594) [12] и «Легенда о Дидоне» – одна из «Легенд о добрых женах» – Джеффри Чосера (Geoffrey Chaucer «The Legend of Dido») [13]. Чосер изменяет любовный сюжет: уже не боги и Судьба вмешиваются в отношения Дидоны и Энея, но сам Эней постепенно охладевает к совращенной им женщине. В таком ракурсе, конечно, оба героя действуют и чувствуют иначе, на первый план выходит мотив обмана. К сожалению, рассмотреть подробно эти важные произведения нам не позволяет объем статьи.

Шекспир упоминает Дидону двенадцать раз. В трагедии «Тит Андроник» Тамора завлекает Аарона:

My lovely Aaron…[14, 2.2[3].10] (…)
Under their sweet shade, Aaron, let us sit [ibid., 16],
And, after conflict such as was supposed
The wandering prince and Dido once enjoy'd,
When with a happy storm they were surprised
And curtain'd with a counsel-keeping cave,
We may, each wreathed in the other's arms,
Our pastimes done [ibid., 21–26].

Тамора вспоминает о Дидоне, видя уединенную пещеру в лесу, в таком же месте вергилиевские Эней и Дидона впервые предались любви, топос в литературе имеет архетипическое значение. Контекст аллюзии – сексуальный, Таморой она использована с положительной коннотацией, но, учитывая омерзение, которое вызывали у аудитории Тамора и Аарон и их прелюбодеяние, это не самое лестное для Дидоны сравнение. Вторая аллюзия в «Тите Андронике» служит, в сущности, частью парафразы для обозначения Энея, легендарного предка англи-

чан. Но интересен эпитет: «To love-sick Dido's sad-attending ear». Т.е. Дидона упоминается в связи с несчастной любовью.

В Гамлете упоминается рассказ Энея Дидоне о Троянской войне. Протагониста волнует убийство царя Приама, аллюзия на Дидону малозначима [15]. В «Ромео и Джульетте» Меркуцио перечисляет известных красавиц (Лауру, Клеопатру, Дидону, Геро, Елену, Фисбу), чтобы сказать, что они, по мнению Ромео, его возлюбленной в подметки не годится [16]. Упоминание Дидоны в этом контексте апеллирует к идеалу женской красоты. В «Буре» Гонзало и Антонио в шуточном диалоге упоминают Дидону также как прекрасную царицу Туниса (Карфагена).

Во второй части Генриха VI королева Маргарита произносит монолог, в котором проклинает свое замужество и сетует, что не вняла голосу Судьбы, которая посылала когда-то ее кораблю встречный ветер. Маргарита сравнивает себя с Дидоной, а короля – с обманщиком Энеем.

How often have I tempted Suffolk's tongue,
The agent of thy foul inconstancy,
To sit and witch me, as Ascanius did
When he to madding Dido would unfold
His father's acts commenced in burning Troy!
Am I not witch'd like her? or thou not false like him?
Ay me. I can no more! die. Margaret!
For Henry weeps that thou dost live so long.

(«Как часто Сеффолка просила я – / Орудье твоего непостоянства – / Сесть предо мной и чаровать речами, / Как некогда повествовал Асканий / Дидоне, обезумевшей от страсти, / Деяния, свершенные отцом / С тех пор, как в пламени погибла Троя. / Я не подобна ль ей, а ты – лжецу Энею? / Терпеть нет сил! Умри же, Маргарита! / Твой муж скорбит, что ты еще жива» – пер. Е. Бируковой) [17, 3.2.114–121].

В конце монолога Маргарита прямо выражает желание умереть. Причина этого желания – крушение надежд, крах всей жизни, несостоявшейся любви, брака, королевской славы. Фраза «I can no more» отсылает нас к концепции отчаяния, инкор-

порированной в мотив самоубийства христианина в литературе данного периода. Обращает на себя внимание глагол «to witch», соотнесенный и с Дидоной, и с Маргаритой. Саффолк и король в его лице околдовали Маргариту в том исключительно негативном смысле, который ассоциировался с ведьмами в XVI в.

В комедии «Сон в летнюю ночь» идея самоубийства традиционно служит влюбленным клятвой. Гермия, безнадежно (пока) влюбленная в Лизандра, клянется ему огнем, в котором сгорела Дидона: «I swear to thee… by that fire which burn'd the Carthage queen / When the false Trojan under sail was seen / By all the vows that ever men have broke» [18, 1.1.169, 173–175]. Таким образом, контекст связывает причину самоубийства Дидоны с несчастной любовью, а также снова упоминает лживость обещаний Энея.

Антоний в трагедии «Антоний и Клеопатра», услышав новость о самоубийстве Клеопатры (в первый раз мнимом), решает тоже покончить с собой и говорит, что они счастливо воссоединяться с любимой после смерти в райских садах. При этом радостное свое воссоединение он сравнивает с единением Дидоны и Энея [19, 4.12]. Это удивительное сравнение выдает всю степень заблуждений Антония. Аудитория прекрасно знает карфагенскую историю, в которой Эней бросает Дидону: он уплывает навстречу славе, она восходит на погребальный костер. Вторая же встреча героев происходит уже в Аиде. Слова о единении после смерти оживляют в памяти и «Божественную комедию» Данте. Дидона в дантовском аду находится во втором круге за свою похоть, там и встречает ее Эней и пробует попросить прощения на нанесенную обиду, но тень Дидоны не слушает его и уходит. Такое сомнительное «единение» жаждет Антоний! В данном контексте Дидона ассоциируется с обманутой любовью.

Самый романтичный контекст с упоминанием Дидоны – в «Венецианском купце». Пятый акт начинается чудесным описанием ночи и аллюзиями на Фисбу, Дидону, Медею, которые, по мнению влюбленного Лоренцо, подобны прекрасной Джессике, убегающей из дома. «In such a night / Stood Dido with a willow

in her hand / Upon the wild sea banks, and waft her love / To come again to Carthage» («В такую ночь / Дидона, с веткой ивы грустно стоя / На берегу морском, манила друга / Вернуться в Карфаген») [20, 5.1.9–12].

Но вчитаемся внимательнее. Конечно, Лоренцо хочет сказать, что Джессика так же прекрасна и так же влюблена, как знаменитые героини античной литературы. Но Фисба заколола себя кинжалом при виде бездыханного тела возлюбленного Пирама, который бросился на меч, введенный в заблуждение видом покрывала Фисбы в пасти льва. Обманутая в ожиданиях и покинутая Энеем Дидона взошла на костер. Медея обманула отца ради будущего мужа, обманула дочерей Пелея и заставила их разрубить на куски дряхлого отца, сожгла соперницу отравленным пеплосом и убила своих детей (у разных авторов разные версии, елизаветинцы знали этот миф по трагедиям Еврипида и Сенеки). Пожалуй, Лоренцо мог бы подыскать примеры получше! Мы считаем, что внешнее сравнение с влюбленными красавицами на поверку оказывается предсказанием будущих несчастий молодой пары, ведь на несчастье других и обмане счастья не построишь. Подобный нравственный урок преподносит нам и поведение Дездемоны, сбежавшей с любимым из дома. В трагедии «Отелло» тоже есть предсказание будущих бед из-за обмана Дездемоной отца.

Анализ двенадцати шекспировских контекстов с аллюзией на Дидону показал, что у Шекспира карфагенская царица ассоциировалась (в порядке возрастания частотности) с несчастной любовью, с преданной любовью, с сексом, с красотой, с самоубийством, но чаще всего – с обманом. Все эти семантические смыслы были, несомненно, заложены в повествованиях Вергилия и Овидия, но не выходили у них на первый план.

Таким образом, компаративный анализ мотива самоубийства Дидоны помогает выявить изменения в семантике мотива (в характеристике героини, героя, причинах самоубийства), в аксиологии (оценке поведения Энея и поведения Дидоны, самоубийства в частности) и в структуре мотива (он теряет само-

стоятельность развернутого сюжета и сжимается до аллюзии). Объем значений аллюзии на карфагенскую царицу в произведениях Шекспира достаточно широк, повторяет ряд семантических и аксиологических значений мотива смерти у античных авторов и смещается в соответствии с изменением менталитета и сменой ценностных установок общества. Сопоставление античных и ренессансных источников показывает зависимость ассоциативного мышления автора от менталитета эпохи. Оно выражается через систему языковых средств и является одним из важнейших индикатов эстетики и аксиологии произведения.

Литература

1. Bate, J. Shakespeare and Ovid / J. Bate. – Oxford, Clarendon Press, 2018. – 292 p.
2. Baldwin, T. W. William Shakespere's Small Latine & Lesse Greeke / T. W. Baldwin. – Urbana: University of Illinois Press, 1944. – Mode of access: http://durer.press.uiuc.edu/baldwin/vol.1/html/index.html – Date of access: 10.09.2019.
3. Gillespie, S. Shakespeare's books: A Dictionary of Shakespeare's sources / S. Gillespie. – L.: Continuum, 2004. – 528 p.
4. Miola, R. S. Shakespeare's Rome / R. S. Miola. – Cambridge UP, 1983. – 244 p.
5. Muir, K. The Sources of Shakespeare Plays / K. Muir. – L. : Methuen, 1961. – 281 p.
6. Nuttall, A. D. Hamlet: Conversation with the Dead / A. D. Nuttall. – British Academy Shakespeare Lectures 1980–1989. – Oxford : Hongmann, 1990. – P. 213–229.
7. Virgil. Aeneid / Virgil, ed. by R. T. Ganibal, text in Latin, comm. in English. – Focus, 2013. – 536 p.
8. Virgil. Thee first four books of Virgil his Aeneis translated intoo English heroical verse by Richard Stanyhurst, with other poëtical diuises theretoo annexed / Virgil., transl. by Stanyhurst, Richard, 1547–1618. – Imprinted at Leiden in Holland: by John Pates, Anno M.D.LXXXII. [1582]. – Aeneis. – Books 1–4.
9. Ovid. The. XV. Booke of P. Ouidius Naso, entitled Metamorphosis, translated out of Latin into English meter, by Arthur Golding Gentleman / Ovid. – London, by Willyam Seres, 1567. – Mode of access: https://en.wikisource.org/wiki/ Metamorphoses_(tr._Golding). – Date of access: 15.08.2019.
10. Shakespeare, W. Lucrece / W. Shakespeare; ed. by F.T. Prince // The Arden Shakespeare Complete Works / ed. by R. Proudfoot, A. Thomson and D. S. Castan. – The Arden Shakespeare. – L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. – P. 63–82.

11. Ovid. Dido Aeneae / Epistulae (vel Heroides) / Ovid. – The Loeb Classical Library edition of Ovid is in six volumes; translated by Grant Showerman, revised by G. P. Goold. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1914. – Mode of access: https://www.loebclassics.com/view/LCL041/1914/volume.xml
12. Marlowe, Ch. The Tragedie of Dido, Queen of Carthage / Marlowe Ch., Nashe Th. – HardPress Publishing, 2012. – 80 p.
13. Chaucer, J. The Legend of Good Women / J. Chaucer. – Houghton Mifflin Co., 1987. – P. 587–630.
14. Shakespeare, W. Titus Andronicus / W. Shakespeare; ed. by J. Bate // The Arden Shakespeare Complete Works / W. Shakespeare; ed. by R. Proudfoot, A. Thomson and D. S. Castan. – The Arden Shakespeare. – L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. – P. 1125–1152.
15. Shakespeare, W. Hamlet / W. Shakespeare; ed. by A. Thompson and N. Taylor // The Arden Shakespeare Complete Works / ed. by R. Proudfoot, A. Thomson, D. S. Castan and H. R. Woudhuysen. – L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney: The Arden Shakespeare, 2017. – 660 p.
16. Shakespeare, W. Romeo and Juliette / William Shakespeare, ed. by R. Weis. – L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : The Arden Shakespeare, 2018. – 451 p.
17. Shakespeare, W. Henry VI, Part 2 / W. Shakespeare // The Arden Shakespeare Complete Works / ed. by R. Proudfoot, A. Thomson and D. S. Castan. – L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. – P. 495–530.
18. Shakespeare, W. A Midsummer Night's Dream / William Shakespeare; ed. by S. Chaudhuri. – L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : The Arden Shakespeare, 2018. – 382 p.
19. Shakespeare, W. Antony and Cleopatra / W. Shakespeare // The Arden Shakespeare Complete Works / ed. by R. Proudfoot, A. Thomson and D. S. Castan. – L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. – P. 121–160.
20. Shakespeare, W. The Merchant of Venice / W. Shakespeare // The Arden Shakespeare Complete Works / ed. by R. Proudfoot, A. Thomson and D. S. Castan. – L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. – P. 831–858.

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Шульмина

Екатеринбургская академия современного искусства, факультет творческих индустрий, ул. Культуры, 3, 620012, Екатеринбург, Россия
e-mail: *katya.shulmina.00@mail.ru*

Н. Е. Попова

Екатеринбургская академия современного искусства, факультет творческих индустрий, ул. Культуры, 3, 620012, Екатеринбург, Россия
e-mail: *nepopova@66.ru*

В статье исследуется современный педагогический менеджмент, который направлен на обеспечение, регулирование образовательного процесса в учебных учреждениях культуры и искусства. Определяются цели, задачи современного педагогического менеджмента в сфере культуры, а также рассматривается потребность во внедрении новых функций менеджеров.

Ключевые слова: педагогический менеджмент; менеджмент в сфере культуры; образовательное учреждение; менеджер.

THE ROLE OF PEDAGOGICAL MANAGEMENT IN THE FIELD OF CULTURE

E. V. Shulmina

Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, Faculty of Creative Industries, Culture str 3, 620012, Yekaterinburg, Russia
e-mail: *katya.shulmina.00@mail.ru*

N. E. Popova

Yekaterinburg Academy of Contemporary Art, Faculty of Creative Industries, Culture st. 3, 620012, Yekaterinburg, Russia
e-mail: *nepopova@66.ru*

The article examines modern pedagogical management, which is aimed at ensuring, regulating the educational process in educational institutions of culture and art. The goals and objectives of modern pedagogical management in the field of culture are determined and the need for the introduction of new functions of managers is considered.
Keywords: pedagogical management; cultural management; educational institution; manager.

Термин «менеджмент» прочно вошел в словарный запас современных руководителей и в переводе с английского означает «управление». Под менеджментом в общем смысле понимают процесс организации человеческих, материальных, финансовых ресурсов для достижения определенных целей [1, с. 19]. Однако данное понятие расширяет свои границы и находит применение в педагогике.

Менеджмент в педагогике предполагает управление (планирование, регулирование, контроль), руководство педагогическим производством [1, с. 19], поэтому Г. М. Коджаспирова считает, что «педагогический менеджмент – это комплекс принципов, методов, организационных форм и технологических приемов управления образовательным процессом, направленный на повышение его эффективности» [2, с. 667].

На данный момент педагогический менеджмент довольно часто начинает применяться в сфере культуры, точнее, в учреждениях культуры и искусства. Ни у кого нет сомнений, что культура является одним из способов духовного развития населения страны, способствует укреплению отношений между государствами, обществом и личностью. Менеджмент в сфере культуры подразумевает совокупность управленческих решений (навыков) и их использование в культурной деятельности, которая может регулировать процессы и влиять на социальную, экономическую, просветительскую, культурологическую сферы жизнедеятельности.

Как правило, педагогический менеджмент затрагивает такие культурные индустрии, как театр, музыка, мода, дизайн, живопись, кино и т.д., которые связаны с профессиональной подготовкой будущих специалистов в сфере культуры.

Основной целью менеджмента в сфере культуры считается достижение более высокой культурной жизни общества.

В зависимости от потребности человека цели управления в учреждении культуры могут быть:

– физиологические, связанные с обеспечением первоочередных потребностей людей (в помещении, освещении, температурном режиме, медицинском обслуживании, питании и пр.), позволяющих сохранить человека как вид, обеспечить его безопасность в организации культуры;

– экономические, связанные с получением образования, на основе которого сотрудник сможет продолжить образование или найти работу, которая позволит ему зарабатывать деньги;

– социальные, связанные с самореализацией людей в обществе, это и признание других людей, умение налаживать социальные контакты, проявлять уважение к себе, реализовывать личностный потенциал и т. д.;

– нравственные, связанные с бережным отношением к окружающему миру – людям, животным, природе;

– духовные, связанные с выбором человеком веры, религии, познанием своего места во Вселенной.

Современный педагогический менеджмент в сфере культуры ставит перед собой следующие задачи:

1. *Обеспечение существования организации на рынке.* Это возможно, если у организации постоянно имеется широкий круг потребителей. Для привлечения широкого круга потребителей менеджер должен заниматься:

• рыночными исследованиями, выявлять настоящие и прогнозировать будущие потребности своих реальных и потенциальных потребителей;

• хорошо знать своих конкурентов, поскольку именно они задают те параметры, которые необходимо превзойти;

• знать, что ожидают клиенты от учреждения культуры сегодня, что будут ожидать завтра. Рынок очень подвижен, он все время меняется, следовательно, менеджмент организации должен обеспечить быстрое реагирование на все изменения.

2. *Обеспечение инноваций в организации культуры.* Понятие «инновация» вбирает в себя как технические разработки и исследования, так и все эффективные изменения в работе. В конкурентных условиях организация не сможет выжить, если не будет разрабатывать новые товары и услуги более высокого качества на более приемлемых для клиентов условиях, чем конкурент.

3. *Организация работы коллектива и обслуживающего персонала.* Важнейшим элементом в организации культуры являются люди. Задача менеджера – организовать работу коллектива, установить систему отношений между людьми, содействовать развитию персонала и его росту, повышать эффективность труда. Из этого следует, что возникает потребность в совершенствовании профессии менеджера на уровне знаний, навыков, умений и взаимоотношений с окружающими людьми в учреждении культуры и искусства, то есть потребность во внедрении новых функций менеджеров.

К основным обязанностям менеджера в сфере культуры и искусства относятся: стимулирование работников к совместным действиям, побуждение их к продуктивным результатам, выравнивание присущих творческим людям индивидуальных особенностей характера [3, с. 151]. Следовательно, возникает потребность в творческих кадрах и в их подготовке. На сегодняшний день менеджеры должны сочетать в себе не только интуицию, интеллект и духовное воспитание, но и творческие способности, определенные знания в области экономики, информатики, маркетинга и стратегии [4, с. 8], способные выстраивать эффективную коммуникацию с педагогическим коллективом, персоналом и выступать в роли наставника.

Квалифицированные специалисты с помощью внедрения культурных индустрий способны создавать новые рабочие места, открывать скрытые возможности личности, общества. Также появляется возможность менеджеров реализовать свой потенциал в области позиционирования территории путем совершенство-

вания местности или преобразования ее в социокультурное пространство.

Предметом менеджмента в сфере культуры могут выступать приемы управления, которые направлены на кадры, программно-методическое обеспечение, материальную базу (финансы, здание, территорию, оборудование, кабинеты, библиотеку, пищеблок, актовый зал, спортивные залы и площадки и т. д.).

Учебные заведения культуры и искусства, включающие различные уровни образования (общее среднее, дополнительное, среднее профессиональное, высшее), направлены на выпуск компетентных работников, которые могут внести существенный вклад в развитие общества. И в силу того, что культура является одним из ведущих направлений укрепления культуры страны, то творческим людям необходима поддержка со стороны государства.

Таким образом, современный педагогический менеджмент, направленный на обеспечение культурологического процесса в учреждениях культуры и искусства, должен развиваться и учитывать интересы, потребности целевой аудитории и находить новые решения в коммуникационных, организационных и управленческих направлениях деятельности организации.

Литература

1. Ситаров, В. А. Педагогический менеджмент как теория и практика управления образовательным процессом / В.А. Ситаров // Знание, понимание, умение. – 2014. – №3. – С. 18–24.
2. Коджаспирова, Г. М. Педагогика : учебник для академического бакалавриата / Г. М. Кождаспирова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 719 с.
3. Пардабаева, Р. М. Профессиональный кадровый состав специалистов по менеджменту в сфере культуры и искусства / Р. М. Пардабаева // Наука и современность. – 2013. – № 25–2. – С. 151–155.
4. Краснобаев, Р. В. Менеджмент в сфере культуры и искусства / Р. В. Краснобаев // Norwegian Journal of development of the International Science. – 2019. – № 34. – С. 7–9.

КУЛЬТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ И ИДЕИ ПОЗНАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Чжай Хаоянь

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220004, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *zhy980289649@gmail.com*

В эпоху культурного разнообразия только нация с уникальной культурой и искусством может занять достойное место в плюралистической модели. Чтобы стать единым элементом глобального мультикультурализма, мы должны сознательно осваивать нашу собственную традиционную культуру и в то же время осуществлять межкультурную коммуникацию и интеграцию иностранной превосходной культуры.

Ключевые слова: музыкальная культура; межкультурная музыка; музыкальная коммуникация.

CULTURAL INNOVATIONS AND INSIGHTS COGNITION OF INTERCULTURAL MUSIC COMMUNICATION

Zhai Haoyan

Belarus State University of Culture and Arts
Rabkorovskaya st. 17, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *zhy980289649@gmail.com*

In the era of cultural diversity, only the nation with unique culture and art is qualified to occupy a place in the pluralistic pattern. In order to become a single element in global multiculturalism, we must consciously master our own traditional culture, and at the same time, cross-cultural communication and integration of foreign excellent culture.

Key words: music culture; cross-cultural music; music communication.

Although Chinese traditional music culture has some impact and friction with modern civilization, its spirit and style still play a very important role in the development of modern music. Only by

absorbing the essence of foreign music culture and combining the advantages of local music can a nation's music culture find a suitable development space in the long history. Therefore, to study the fate of cross-cultural music in modern urban music culture and how to survive and develop in modern urban music life, It has become an academic problem that the author pays close attention to: how folk traditional music adapts to contemporary needs in the transformation of modern cities, while maintaining and adhering to traditional characteristics.

Ethnically, ethnomusicologist Nettle, in the direction of ethnomusicology in the last two decades, said :" Attention should be paid to the types and laws of global music changes under the influence of the West.....The purpose of music anthropology is to investigate how these groups use music to achieve their own purpose, their musical style and repertoire, musical behavior and ideas about the nature and function of music, and how they change in the process of urbanization." (Bruno Nettl" Recent Directions in Ethnomusicology.

As the basis of traditional music, folk music has the greatest influence on modern music life. This point is more obvious in Chinese opera creation. Among them, White Hair Woman is one of the representative cross-cultural works. This is manifested in its music is based on Hebei, Shanxi, Shaanxi and other places of folk songs, rap, opera music and religious music, inherited the tradition of Chinese opera music, and learn from the experience of Western opera, will be a variety of music style elements together to shape the unique music image. White-haired Girl is the first new opera in China developed on the basis of the new Yangko movement in Yan'an in 1943. It draws lessons from the soul and thought of Chinese traditional music to a great extent. In Yang Bailao's image as a poor peasant, his main songs ," Ten li wind and snow "," red rope "," God kills people without blinking eyes "and so on, are adapted from the Shanxi folk song" picking McGen ", the tune is deep and low, can arouse the audience's deep sympathy. As the legendary protagonist of the whole play -Xi er, her music is based on the Hebei folk song "cabbage "," Qing Yang Zhuan" and Hebei Bangzi, Qin Opera and other opera music, through "the north wind blowing "," knife kill me, axe cut me "," I want to live" and

other singing paragraphs, so that Xi er's character development process has been fully reflected. In addition, the famous Hunan folk song Liuyang River, adapted by composer Wang Jianzhong, has formed the most contemporary Chinese piano works. This adapted piano work plays an extremely important role in the history of Chinese piano development, not only because of the charm of Liuyang River, but also because it fully blends western musical instruments with the musical elements of Chinese folk tradition. A simple and brisk folk song embellished with flowers. The most distinctive thing is that the introduction and the colorful music section appear "non-three degree arpeggios" continuously. These jumping arpeggios simulate the melody of Guzheng tone. It appears to present the sound of Liuyang River gurgling water. Therefore, the whole work not only presents the piano crisp and rhythmic timbre, but also has the representative euphemism and elegant charm of Hunan folk songs.

Of course, the influence of Chinese traditional music also permeates instrumental music. For example, the internationally renowned violin concerto Liang Zhu is a successful cross-cultural work. It is based on a well-known folk legend, in the form of music to absorb the tune of Yue Opera as the material, adopted the western composition techniques, in the concerto development, the melody used Beijing Opera "inverted board ", Yue Opera" instrument board "music material. In addition, in the violin playing as a western musical instrument, some methods of playing Chinese national musical instruments, such as the clear sound of Erhu and the "roll" technique similar to the Pipa, are borrowed. It sounds unique and artistic.

The above two examples are in the category of serious music. In pop music, you can also see the footprints of traditional music. Whether it is Sun Hao's "Chinese Folk Ballad ", Taiwan singer Luo Dayou's" Youth Dance ", or the zero-point band's extremely Xinjiang-flavored rock "Dream" and other works, all are the successful cross-cultural combination of traditional music and modern music.

In aesthetic concept, Chinese art tends to emphasize expression, symbol, temperance and theory. After the adaptation of "Erquan Yingyue" and "Red River Water" into orchestra ensemble, the nation-

al instrumental music did not break this unique aesthetic angle, but through the joining of new musical instruments, it better interpreted music, increased the artistic conception of emptiness and indifference, and reflected the perfect unity of man and nature.

Worldwide, Western traditional music culture also plays an irreplaceable role in the development and progress of modern music. For example, Chinese director Ang Lee's "Fantasy Drift of Juvenile Pi ", the film won the 2013 Academy Award for Best Soundtrack, Canadian sound-tracker Michael Danna is credited. Of the 28 soundtrack selections, Downer faded the esoteric temperament of the oriental instruments, sitar, bensuri, ney, santur, sarangi, mridangam for teenage girls, And the South African accordion, between the orchestra and the chorus. These unique exotic timbre are not translated in cultural languages, Without being manipulated by Western thinking, Each instrument plays its own cultural role, And just as the film describes existentialism, Bensuri sometimes distant and exciting timbre, Depictions Pi from ignorant youth into personal inner understanding and experience of heaven, man and belief; Ney represents the tiger's deep and overbearing; Sitaqin and the taste of love and the temperature of tropical gardens particularly fit; santu played out the hero young fluttering heart; Hand drums and sweet and beautiful rhythm color vividly depicts the energy conveyed Pi each stage of the story; Sarangi murmur, And in the loneliest moment of the drift, Outline the will to survive between the tiger and the tiger. Of course, And through the Bombay Jayashri singing of warm Indian singers, As reflected in the Pi's Lullaby ", after finding the meaning of life, The desire to rest in peace.

25 May 2014, Shanghai held a rare global symphony event. The chief performer of the Philadelphia Symphony Orchestra from one of the five major American symphonies, along with Chen Jiabing, a famous Chinese erhu performer, On the Expo's main stage, a symphony feast is presented to the audience – "Dialogue through time and space – Chen Jiebing & Philadelphia Symphony Chief Concert". A group of musicians from the East founded the Cross-Cultural Tour in 2003 and West, They collected music heritage from different nationalities for re-creation, So that different cultures can talk in music. Artists from different countries have visited Spain, Italy, Balistan, Israel,

Cuba and the United States and have actively cooperated with international radio and television stations to convey hope, understanding and coexistence between people.

Of course, when it comes to cross-culture, it is necessary to mention Richard Kreisman, a French composer who appeared in the mid-1980s. Cleisman boldly combined Bach and Chopin with new music to form a unique "piano light music". Among them, a large part is adapted from classical works, the more famous is Beethoven's fifth symphony adaptation of the piano "fate", Saint Sang's "swan", the British folk song "green sleeve", other such as the well-known "childhood memories", "dedicated to Alice", "Dream Wedding "are" ancient "flavor. This music through Cleisman kind, free and poetic performance, become a rare classic works of common appreciation.

For example, the film Titanic, which won many Oscars in 1997, composer Horner danced for the heroine Rose in the lower cabin, inserting music with a strong gypsy flavor, and the whole film also included the songs of the middle and lower European Travellers in the early 20th century. Finally won the Oscar for best score.

It seems that western musicians are also learning from history. The history of the development of the world proves that the nation with strong cultural energy cannot be subdued or defeated. Therefore, we should realize that culture is the source of national self-confidence and the spiritual motive force of social progress and development. Only a nation with its own unique culture and art can be qualified to occupy a place in the pluralistic pattern of world culture in the future and become a single element in global multiculturalism.

Литература

1. Nettl, B. Recent Directions in Ethnomusicology / B. Nettl // J. of Yunnan Academy of Arts. – 1999. – Vol. 4. – P. 47–54.
2. Nettl, B. Eight Uban Music Culture : Tradition and changre / B. Nettl // J. of Xinghai Conservatory of Music. – 2009. Vol. 12. – P. 21–25.
3. Kaimu, Zh. Ritual Sounding of Ethnographic Textbook Construction / Zh. Kaimu // J. of Shanghai Conservatory of Music. – 2010. – Vol. 3. – P. 46–54.

КРУГЛЫЙ СТОЛ 2. МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

РЕЛИГИОЗНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО: ФОРМЫ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

И. В. Воробьёва

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *ingavorobyova@mail.ru*

В статье рассматриваются формы паломничества, места паломничества в рамках российского православия, технология формирования паломнических туров как одного из направлений туризма, места для паломничества на территории Беларуси.

Ключевые слова: паломничество; паломнический туризм; ритуал; святыня; места поклонения.

RELIGIOUS PILGRIMAGE: FORMS, HISTORICAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS

I. V. Vorobyova

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *ingavorobyova@mail.ru*

The article discusses the forms of pilgrimage, places of pilgrimage within the framework of Russian Orthodoxy, the technology of forming pilgrimage tours as one of the directions of tourism, places for pilgrimage on the territory of Belarus.

Keywords: pilgrimage; pilgrimage tourism; ritual; shrine; places of worship.

Для начала стоит дать определение паломничеству. Паломничество происходит от латинского слова Palma, которое в переводе означает «пальма». Здесь мы видим отсылку к пальмовой ветви, с которыми израильтяне встречали Иисуса Христа. Можно встретить определение, паломничество как путешествия к Святой Земле и другим святым местам с целью поклонения и молитвы. Людей, совершающих подобные путешествия такого рода, называются паломниками. Говоря про христианскую традицию паломничество в целом, стоит сказать, что она обычно основывается на желание верующих поклониться святым местам, связанным с Христом, апостолами, Богородицей, помолиться перед чудотворными иконами, окунуться в святые источники.

На данный момент нет устоявшегося понимания сущности паломничества, как социокультурного явления, и соответственно нет какого-то конкретного и устоявшегося определения. В формирование религиозного сознания, что включает в себя определенное поведение и служение, приверженность к традициям, очевидно, не маловажную роль играют установки, направленные на сохранение или возобновление в сознание людей преемственности знаний или иных традиционалистских установок.

Мы по праву можем отнести паломничество к традиционной системе ценностей. Оно способствует развитию просветительской и образовательной сферы. Паломничество возможно рассматривать через две формы, имеющіе взаимосвязь.

Первая форма – это традиционные религиозные паломничества (путешествия), осуществляемые людьми разных вероисповеданий к святым местам. Обычно это места, которым покланяются уже много веков.

Вторая форма – светские паломнические путешествия, совершаемые туристами вне зависимости от их религиозной принадлежности к всевозможным, как правило, мемориальным, памятным и другим мирским объектам. Такой подход дает воз-

можность рассматривать паломничество в качестве сакрального действия. Характерное и при поклонении святому месту той или иной религии, и при посещении светского объекта. Выбор данного подхода может не предполагать четкого различия сакрального и псевдосакрального содержания. Но это и недостижимо без определенного уровня религиозной культуры общества или хотя бы его части.

Говоря о ритуалах, необходимо сказать, что они могут быть религиозными и светскими. Они будут совершенно отличны по смысловому наполнению и содержанию в целом. С точки зрения светского подхода, паломничество рассматривается, как разновидность ритуала, который, в свою очередь понимается как исторически сложившаяся форма сложного символического поведения. Но несмотря на это, в светском паломничестве, к чему относится посещение монументальных изваяний политических деятелей, мавзолеев, воинских мемориалов и памятников представителям современного массового искусства, мы не наблюдаем некие символически ритуалы, которые присутствуют в религиозном. Единственное, что похоже на некий ритуал – это возложение цветов и исполнение песен.

Подобная типология может быть названа односторонней из-за своего основания на схожести социокультурных и религиозных явлений, к которым относится паломничество и туризм.

Если вернуться немного к истории паломничества, то его корни можно найти еще в глубокой древности. Вот что сказала А. Ю. Александрова по данному вопросу: «Традиции паломничества уходят корнями в глубокую древность. В Индии люди с древних веков совершали поездки в святые места, наполненные энергией того или иного божества. В Древней Греции паломники из разных уголков страны приезжали в Дельфы к прорицательнице Пифии, жившей в храме, для получения предсказаний. Паломничество в Средние века получило широкое распространение. Странствия пилигримов в Палестину начались уже в III веке н.э. При императоре Константине были возведены храмы в Иерусалиме, например, Храм Гроба Господня»

[1, с. 3]. В XV веке для паломников из Европы были разработаны специальные маршруты от берегов Роны до реки Иордан. Крестовые походы закрепили традицию паломничества в Святую землю.

Представители практически всех религий совершают паломнические путешествия. Буддисты повторяют в своих странствиях путь Будды, приверженцы сикхизма идут на поклонение в Золотой храм в Амристсар на север Индии, последователи индуизма предпочитают святые места Кришны и Вишны, каждый последователь ислама должен совершить Хадж (посещение Мекки и Медины) и так далее.

Наиболее почитаемым местом среди христианских паломников безусловно считается Святая Земля, которая является частью территории современных государств Израиль, Палестина и Иордания. Там расположены такие города, как Иерусалим, Назарет, Вифлеем, Вифания. В Вифлееме расположена одна из самых главных и почитаемых христианских святынь – это Храм Рождества Христова, ведь по приданию именно в этом городе родился Иисус Христос. Храм является самой древней христианской постройкой в мире, в церкви находится пещера с яслями Иисусу Христа и место Его рождения отмечено серебряной звездой. Назарет – это место где проходило детство Иисусу Христа, на территории города находится большое число храмов, и исторически памятные места, связанные с жизнью Христа. Что касается, Иерусалима, это основной центр паломничества не только на Израильской земле, но и в мировом масштабе. Он объединяет в себе святыни и значимые места для христиан, мусульман, а также иудеев. Центральное место в городе занимает Храм Гроба Господня, построенный на месте распятия, погребения и воскрешения Иисуса Христа. В канун Пасхи, по древней традиции в храме происходит схождение Благодатного Огня, в эти дни там находится бесчисленное количество верующих всех мировых религий. Также, в Иерусалиме находится множество других христианских знаковых мест, таких как Базилика Страстей Господних, внутри которой располагается Скала Страстей

Господних; Гробница Пресвятой Богородицы, Гефсиманский Сад (место ареста Христа) и так далее. По территории Израиля протекает река Иордан, в которой принял крещение Иисус Христос. Купание в водах реки Иордан также является неотъемлемым пунктом большинства христианских религиозных туров по Святой Земле.

Но в христианском мире есть множество святых мест, помимо Иерусалима, Рим (Италия), Париж и Лурд (Франция), Фатима (Португалия), Ченстохов (Польша), Монсеррат (Испания) и другие. Миллионы верующих стремятся в эти и другие города, страны, чтобы поклониться святыням, приобщиться к их благодати и побольше узнать про эти необычайные места.

Интересно то, что такого числа почитаемых мест, как в христианстве, нет ни в одной другой религии мира. Основным мотивом для паломничества можно назвать посещение святых мест и обителей для молитвы. Хочется рассказать про наиболее значимые из них. Сюда мы можем отнести гору Афон расположена на полуострове Халкидики, известном и как Афонский. Практически двухтысячелетняя история христианства привнесла на эту территорию множество великих имен и событий. «В I веке, через несколько лет после Вознесения Иисуса Христа, промыслительное явление определило судьбу и будущую историю Афонского полуострова: его посетила Пресвятая Богородица. Почти каждый, кто приезжает на Афон, испытывает чувство причастности к великому таинству, чувство спокойствия и гармонии природы. Это место, где особенно проявляется духовность» [6, с. 12].

Престол Успенского собора в Кремле – главная святыня Русской Православной Церкви. Несколько веков он являлся кафедральным собором главных церковных иерархов России. В храме проходила церемония вступления в должность патриархов, всех великих князей, «венчание на царство» царей и всех императоров России. «Даже когда столица была переведена в Санкт-Петербург. А началась настоящая история собора в 1326 г., когда Иван Калита уговорил Митрополита всея Руси Петра переехать из опустевшего Владимира в маленький городишко – окраину

Владимиро-Суздальской Руси – Москов. Летопись сообщает: «Заложена была первая церковь камена на Москве – Успенский собор». Конечно, она не могла идти в сравнение с величественной тезкой – Успенским собором во Владимире, бывшей кафедральной церковью русских митрополитов. Но тем не менее именно с переездом Петра Москва становится одним из центров Православия и только тогда вокруг Москвы начинают объединяться многие русские земли. Пройдет около 150 лет, и на месте сгоревшего в 1470 г. и обветшавшего, будет решено поставить новый собор, достойный быть первым на Руси. Но в 1474 г., почти возведенный, он обвалился, и упавшие стены из-за неверных расчетов разрушили все сооружения» [3, с. 152].

Следует вспомнить и Валаамский монастырь, который расположился на острове Валаам, который является одним из самых больших на Ладожском озере. «Паломники со всего мира стремятся посетить остров Валаам. На этом острове живет старец, имеющий дар предвиденья. Огромные очереди паломников со всего света выстраиваются у его двери, но не всем удается поговорить со старцем. История этого провидца показана в современном фильме «Остров», где старец помогает своими молитвами и исцелением всем приходящим к нему» [7, с. 77]. Многие люди из-за своего маловерия требуют доказательства существования Бога. «Чудеса происходят и в наше время, хотя и не в таком обилии, как в первые века христианства. Главнейшим условием для получения чудесной помощи Божьей есть горячая, усердная молитва, вера, сознание своего недостоинства пред Богом» [2, с. 67].

Говоря про годы Советской власти, необходимо сказать, что они явились сложными для религиозной деятельности в целом и в частности для паломничества. Хотя, и в те времена многие люди совершали паломничества в Псково-Печерский монастырь, Троице-Сергиеву Лавру. И только в 90-е годы традиции начинают свое восстановление и возрождение. Монастыри и храмы начали открывать, и верующие спешили их посетить. Религиозное паломничество на территории всего бывшего Со-

ветского Союза стало стремительно возобновлять свою деятельность и не останавливает своего развития и по сей день.

Совершенно не случайно сегодня в науке, литературе, искусстве, средствах массовой информации рассматриваются, используются, изучаются такие элементы культуры, как миф, религия, ритуал, ядром которых является феномен сакрального, аккумулирующий в себе базовые духовные приоритеты различных эпох. Характерно, что данная тенденция прослеживается в рамках и религиозной, и светской культурных сфер. «Все это свидетельствует о том, что в социуме назрела острая потребность в определении духовной системы координат и выработке наиболее действенных форм ее выражения. К таким универсальным явлением, синтезирующим означенные культурные процессы, относится и феномен паломничества» [4, с. 231].

Сегодня паломничество остается одним из наиболее активно развивающихся культурных явлений. На данный момент имеются различные подходы к определению путешествий или именно посещению светских мемориальных мест и религиозных объектов, в зависимости от целей, они могут быть в том числе и туристические. Выделяют событийный, ностальгический, познавательный, образовательный, культурный и другие виды туризма. Обычно вид туризма определяют по цели путешествия. Некоторые ученные предпочитают относить религиозный туризм к познавательному виду. Но обычно туризм и путешествия имеют несколько целей, естественно возможно определить приоритетную, которая будет являться основной.

При рассмотрение данного вопроса с той точки зрения, что паломничество и туризм не равные друг другу понятия и относятся к различным социокультурным видам деятельности, стоит заметить невозможность использования в данной теме таких понятий, как «паломнический продукт», «паломнический тур», «паломнический туризм», «светское паломничество» и другие.

Понимая нетактичность использования словосочетания «светское паломничество» стоит согласиться с тем, что его нет как понятия, так как это в таком случае является туризмом, а это совершенно иное явление. Естественно, определенная

часть людей считают целесообразным выделять такие понятие, как «религиозный туризм» или «светское паломничество» и для них посещение памятников, музеев, мемориалов является посещением святыни. Но верующие люди категорически не принимают данную позицию и не относят данный вид туризма к паломничеству.

Паломничество является традиционным видом религиозной деятельности, которая представляет собой путешествие верующих людей с целью посещения и поклонения святыням, находящимся вне пределов их постоянного места жительства. Данное определение рассматривает паломничество с точки зрения социокультурного и религиозного феномена, который имеет отношение к различным мировым религиям. Конечно, существуют отличия паломничества в различных религиях, но есть общие типовые признаки. Туристическое паломничество и религиозное паломничества можно подразделить, абсолютно точно, на два вида: внутреннее и зарубежное. Это путешествие к святым местам внутри определенного региона или государства и путешествие к святыням, находящимся за границей, в других регионах или даже континентах от места проживания паломника, соответственно.

Религиозное паломничество имеет, как было сказано нами ранее, многовековую традицию, именно поэтому оно на всех стадиях опирается на устоявшиеся этапы подготовки и проведения данного действия. К тому же эти этапы и характеризуются определенным сходством между паломничествами в разных религиях. Практически всегда, это следующие четыре этапа:

- подготовка к путешествию,
- передвижение к святому месту,
- совершение сакрального ритуала около святыни,
- возвращение на родину.

Первый этап, как мы уже сказали, это процесс подготовки путешествия. Во многих религиях, это непосредственно связанно с получением благословения на совершение путешествия к святому месту, у священника (ламы, имама), связанное, как

правило, с духовной готовностью человека к совершению поклонения, которое не всегда может быть дано будущему паломнику, в связи с его духовным уровнем или другими причинами. Следующий вопрос, который необходимо решить, это выбор времени для паломничества. Часто выбор времени может основываться на религиозном празднике или важном событие, на личных причинах верующего человека. Наиболее значимыми для паломников являются посещение святых мест, приуроченное к главным праздникам и событиям той или иной религии.

Передвижение к святому месту. С древности предпочиталось преодолевать длинные расстояния коллективно, это желание основывалась на принципах безопасности, чтобы было проще справляться с трудностями в пути. Может быть выбран совершенно различный способ передвижения, но с древнейших времен паломничество считалось богоугодным делом и неким духовным подвигом, поэтому передвижение пешим ходом или крестный ход, считается наиболее благочестивой формой передвижения. И в современном мире, это актуально, так как часто в различных уголках мира, люди отправляются в крестные ходы, разной длительности по времени и протяженности маршрута, чтобы помолиться Богу не только на месте совершаемого паломничества, но и подобным способом проявить свою любовь, уважение и стремление к Богу. Вот, что сказал В. Ф. Касаткин в книге «Факторы развития и общественное значение туризма»: «Паломничество предполагает определенное отношение человека к действительности. Идея паломничества подразумевает действия в условиях особых трудностей, добровольно взятые на себя обязательства быть в этих условиях. Это символизирует готовность человека пожертвовать преходящими материальными ценностями во имя вечных духовных. В индуизме, православии и католицизме получили развитие пешие паломничества. Люди отправляются в паломничества, когда им недостаточно ритуальных действий в местах обычной среды проживания» [5, с. 342].

Кульминацией паломничества считается посещение святых мест, поклонение им, молитва. Если данное путешествие приурочено к какому-либо религиозному празднику, то оно сопровождается большим скоплением людей, что несет за собой четкую регламентацию всех действий по времени, к примеру, посещение богослужений, экскурсий, трапезы в указанное время. Если же паломничество не связанно с религиозным праздником, то паломник имеет возможность самостоятельно определять свой график и большего личностного общения со святыней.

После завершения поклонения святыне паломник чаще всего возвращается на родину, совершая тем самым последний этап своего путешествия.

Что же представляют собой сейчас православное паломничество? Ядром, центром паломничества является молитвенный опыт, нравственный уровень приобретаемые в приобщение к посещаемым святыням. Но паломничество выполняет и иный роли. Духовно-просветительский и образовательные аспекты паломничества является не маловажными. Многие паломнические службы организуют программу поездок таким образом, чтобы она включала в себя, как возможность помолиться и увидеть святыни, так и узнать об истории, архитектуре и культурном значении наиболее интересных мест, встречающихся на маршруте. Так же подобные поездки могут организовываться для мало воцерковленных или нецерковных людей, которые хотели бы познакомится с духовной культурой и историей своей страны. Такие поездки отличает больший акцент на экскурсионную составляющую паломничества, чем на молитвенную, но, естественно, не исключает посещение богослужений или поклонение святыням. Размещаются обычно такие паломники в светских гостиницах, а не при монастырях и паломнических центрах. Конечно, данный вид путешествия может быть назван в таком случае не паломничеством, а религиозным туризмом, но как мы уже выяснили, разделение данных понятий весьма условно и не обязательно.

Среди причин для совершения паломничества можно выделить следующие:

• желание исцелиться от душевных и физических недугов;
• помолиться за родных и близких;
• обрести благодать;
• выполнить богоугодную работу;
• отмолить грехи;
• выразить благодарность за блага, посланные свыше;
• проявить преданность вере;
• стремление к подвижничеству во имя веры;
• обрести смысл жизни.

Как отметила Н. П. Ларина в своей работе: «Объектами привлечения религиозных туристов являются святые места и центры религий. Поездки туда могут быть обусловлены культовыми актами, праздниками, фестивалями, проходящими в определенное время года. При международных поездках туристам следует пройти таможенные, валютные, визовые и другие формальности. На белорусском рынке туризма уже сформировались фирмы, занимающиеся практической организацией поездок паломников и экскурсантов и специализирующиеся на предоставлении услуг в области религиозного туризма» [8, с. 9].

Паломничество способствует укреплению духовного и культурного взаимодействия, уважения, сотрудничества внутри одной нации и между различными народами. Для пропаганды и продвижения паломнических туров на рынки во многих странах мира религиозными организациями и ассоциациями, часто с участием туристских компаний, заинтересованных в развитии этого направления, в последние годы регулярно проводятся специализированные выставки, биржи, конгрессы и конференции. К примеру, широкое распространение подобные формы продвижения паломничества и религиозного туризма мы можем наблюдать в Италии. В 2004 году открылась Международная биржа религиозного туризма и защищенных территорий, которая объединила паломнический туризм с многочисленными ценностями, такими как искусство, история и природа. Создание подобной организации естественно способствует развитию паломнического туризма, так как представляет собой

информированный туризм, сосредоточенный на объединении религиозных ценностей с укреплением природного, культурного и исторического наследия.

Проведение подобного рода мероприятий способствует встречи представителей различных туристических организаций, паломнических центров и просто неравнодушных людей и дает им возможность обсудить сотрудничество, поделиться опытом и так далее. Так же это возможность встретиться с экспертами сектора, светскими и религиозными предпринимателями, с целью повысить качество предложения, объединяя культурные, религиозные и иные составляющие.

Часто так бывает, что религиозные объекты, включенные в туристический маршрут, представляют собой огромную культурную и историческую ценность. Это может быть, как место, в котором происходили некие важные события, место, где проживали великие люди, оставившие свой след в культуре и истории, так же там могут находиться великие произведения искусства, иконы, мозаика, фрески и так далее, и сами сооружения: храмы, костелы, церкви, мечети и другие культовые сооружения, могут являться памятниками архитектуры. То есть создается возможность для ознакомления с произведениями искусств, познания территории и превращения этих территорий в познавательное и качественное туристическое направление.

Паломники, в отличие от туристов, в большинстве случае выдвигают гораздо меньше требований к уровню обслуживания, питания, размещения и так далее. Они могут останавливаться в кельях монастырей, палаточных городках, паломнических центрах или даже ночевать в храмах на полу. Выбор пищи обычно небольшой, и отличается своей скромностью, особенно если это монастырь или паломничество совершается в период поста. В христианских странах во время постов пища постная, в Индии – вегетарианская.

Беларусь является центром Европы, и представители разных религий живут здесь в мире и согласие, христиане, иудеи, мусульмане. Каждая из присутствующих религий на террито-

рии нашей страны оставила определенный след в ее культуре. К примеру, два века назад в белорусском городе Воложин, находилась знаменитая еврейская духовная академия – шешива. Для обучения в ней будущие равины ехали со всего мира. Элиэзер Бен-Йехуда, «отец современного иврита», основатель гебраизма, человек, отдавший всю свою жизнь возрождению иврита в качестве современного разговорного языка, его развитию и обогащению проживал на территории современного Шарковщинского района Витебской области в начале XX века. Сегодня евреи со всего мира едут в Беларусь, поклониться могилам великих равинов, на нашей земле сохранилось 78 старинных еврейских кладбища, более 100 зданий синагог и иешив.

Мусульмане в свою очередь проживают в Беларуси уже более 600 лет, сохранились деревянные мечети. Самый древний храм мусульман в республике находится в неофициальной столице белорусских татар городе Ивье Гродненской области.

Ежегодно тысячи и тысячи верующих, как проживающих на территории Беларуси, так и за ее пределами, приезжают поклониться мощам белорусских святых: Евфросинии Полоцкой, праведной княгини Софии Слуцкой, святого праведного Иоанна Кормянского. В минском костеле святых Сымона и Алены и гродненском Фарном костеле хранятся дубликаты Туринской плащаницы – погребального полотна, в которое было обернуто тело Христа.

Белорусские земли привлекательны для паломников, так как имеется большое количество действительно ценных и значимых для паломничества и интересных для туристов мест. Мироточащие иконы, удивительные образы Христа и Богоматери, проступающие на деревьях и камнях, уникальные кресты-валуны, растущие прямо из земли как в древнем Турове, – все это привлекает людей, увлеченных непознанным. Многие приезжают окунуться в белорусские святые источники, целебная сила которых подтверждается как учеными, так и духовными лицами.

Религиозный туризм на территории Беларуси, конечно, имеет просветительский характер, но не только, паломничество – это больше чем экскурсия, во время которой можно узнать об истории и духовных традициях Беларуси, особенностях богослужения, святых и подвижниках благочестия, чья жизнь и деятельность была связана со святынями, входящими в религиозный маршрут. Паломничество оказывает влияние на познание людьми ценностных основ общества, духовный рост, воспитание гуманизма. Можно говорить о том, что паломничество получило широкое распространение в последние годы, предполагает по своей сути посещение различных религиозных объектов, архитектурных памятников, музейные экспозиции связанными со святыми. Беларусь это один из уникальных примеров мирного сосуществования нескольких религий: православия, католицизма, иудаизма и других.

Очисть душу, открыть для себя благодать святых мест, прикоснуться к чудотворным иконам, приникнуть к святым источникам, приобрести новый духовный опыт – все это можно сделать, посетив святые места Беларуси. Всемирно известные белорусские святые места – Ефросиньевский монастырь в Полоцке, Собор Рождества Пресвятой Богородицы в городе Глубокое, Фарный костел с крипто-усыпальницей Радзивилов в Несвиже, храм святого Станислава в Могилеве, Жировичский монастырь. На включение в список всемирного наследия ЮНЕСКО претендует Борисоглебская (Коложская) церковь XII века в Гродно, Спасо-Ефросиньевская церковь и Софийский Собор в Полоцке, Николаевский монастырь в Могилеве, оборонные храмы в Сынковичах и Камаях, деревянные церкви Полесья. Среди столичных православных святынь стоит назвать Свято-духов кафедральный и Петро-Павловский соборы, церкви во имя Равноапостольной Марии Магдалины и Благоверного Великого князя Александр Невского.

Существуют традиции в паломничестве, например, такие как, поклонение Святым мощам небесной покровительницы Белой Руси преподобной Евфросинии Полоцкой ежегодно про-

ходящее 5 июня. Люди со всей страны и из-за рубежа приезжают в этот день в древний город Полоцк, а также в этом же направление направляются крестные ходы. К подобному виду паломничества, можно отнести и пешее паломничество католиков к Будславской иконе Божией Матери, которое вот уже не одно столетие совершается 2 июля. 8 августа пилигримы-католики направляются в Раковский доминиканский костел.

Для реализации задумки о паломничестве у людей есть два пути решения данного вопроса – это воспользоваться услугами турфирм, для тех, кто хочет осуществить в большей степени познавательную функцию или можно обратиться в паломнический отдел белорусской православной церкви и католического костела Беларуси, иудейское религиозное объединение Беларуси для паломничества с молитвами и постом, участием в службах и беседой с духовным наставником.

Для более четкого отслеживания развития туризма во всех направлениях, в том числе и в религиозном, существует государственное регулирование туристической деятельности. Это происходит благодаря созданию нормативно–правовых актов, направленных на совершенствование отношений в сфере туристской индустрии. Содействие в продвижении туристского продукта на внутреннем и мировом туристских рынках, защите прав и интересов туристов, обеспечения их безопасности; лицензированию, стандартизации в туристской индустрии, сертификации туристского продукта; прямых бюджетных ассигнований на разработку и реализацию государственных и целевых программ развития туризма; созданию благоприятных условий для инвестиций в туристскую индустрию; налоговому и таможенному регулированию; содействию кадровому обеспечению туристской деятельности; развитию научных исследований в сфере туристской индустрии. И с уверенность можно сказать, что в настоящее время законодательство в области туризма в значительной мере соответствует нормам и принципам международного права.

Подводя итог, следует отметить:

1. Религиозный туризм – это лишь часть современного туризма, которая на данном этапе набирает новую силу и развитие. Соборы, мечети, культовые музеи и духовные центры – это туристические объекты, спрос на посещение которых непрестанно возрастает.

2. В Беларуси кроется большой религиозно-ресурсный потенциал, который способен привлекать на свои территории значительный поток туристов и паломников. Проанализировав религиозное состояние страны, мы можем сделать вывод, что в Беларуси находятся бесценные святыни, привлекающие внимание населения страны и туристов из-за рубежа. Но для развития данного направления туризма необходимо плодотворное сотрудничество, совместная работа религиозных структур, паломнических отделов, государства и индустрии туризма.

Литература

1. Александрова, А. Ю. Международный туризм / А. Ю. Александрова // География религиозного туризма. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/aleks.htm. Дата доступа: 29.04. 2019.
2. Встреча с православием : Икона «Знамение» Курско-коренная. – М., 1999 – 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru./put/31902.html. – Дата доступа: 26.04.2019.
3. Воронов, А. А. Чудотворные иконы Богоматери / А. А. Воронов, Е. Г. Соколова. – М., 1993. – 152 с.
4. Калужникова, Е. А. Паломничество как ритуал: сущность и культурно-исторические типы / Е. А. Калужникова. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
5. Касаткин, В. Ф. Факторы развития и общественное значение туризма / В. Ф. Касаткин. – М. : АГРАФ, 2003. – 193 с.
6. Квартальнов, В. А. Туризм социальный: история и современность : учеб. Пособие / В. А. Квартальнов, В. К. Федорченко. – Киев : Высшая школа 2005. – 342 с.
7. Краснов, А. В. Святыни древней Москвы / А. В. Краснов. – М. : Контакт, 1993. – 176 с.
8. Ларина, Н. П. Православные чудеса в XX веке / Н. П. Ларина. – М. : Трим, 1993. – 77 с.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИЗАЙН В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Н. Ю. Фролова

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *frolovanu@bsu.by*

В настоящее время коммуникативный дизайн приобрел важную роль конструктора социального воображения, структуры образа мысли современного человека. Визуальная природа современных образов есть мощный способ логически и эмоционально донести мысль до человека. Информация, представленная в графической форме, помогает человеку ориентироваться в мире, по крайней мере, в социальном и культурном пространстве.

Ключевые слова: дизайн; медиа; цифровой дизайн; коммуникативный дизайн; коммуникация.

COMMUNICATION DESIGN IN THE DIGITAL AGE

N. Y. Frolova

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *frolovanu@bsu.by*

Nowadays, communicative design has acquired an important role as a constructor of the social imagination, the structure of modern man's way of thinking. The visual nature of modern images is a powerful way to logically and emotionally convey a thought to a person. Information presented in graphic form helps a person to navigate in the world, at least in the social and cultural space.

Key words: design; media; digital design; communication design; communication.

В контексте развития новых медиа коммуникативный дизайн представляет собой важный агент вариативности и много-

гранности общения. В самой сути коммуникативного дизайна заложен смысл постоянного обновления форм и методов коммуникаций, ведь «коммуникация – смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия» [1, с. 371].

Надо сказать, что в проектное пространство коммуникативного дизайна входит широкий спектр вопросов: от навигации в общественном пространстве и инфографики до мобильных приложений и видеоигр. Но, как писал М. Маклюэн, с «приходом электричества как источника энергии и синхронизатора все аспекты производства, потребления и организации стали вторичны по отношению к коммуникациям» [3, с. 181]. В этом контексте нас будет интересовать цифровой аспект коммуникативного дизайна, а именно цифровой дизайн (Digital Design).

В мире массмедиа дизайн-объекты выстраивают коммуникативный тип дискурса с манипуляцией вербальной и визуальной информации. В сознательной артикуляции синтаксиса и пунктуации, в организации общей организации образа и смысла, уже давно значительную роль играет коммуникативный дизайн: шрифты, образы, знаки важны не только для восприятия смысловых и формальных качеств. Они также играют познавательную и символическую роль и регулируют наше представление об окружающем мире.

Цифровая революция позволила еще интенсивнее манипулировать изображениями, текстами или звуками. Преобразование аналоговых данных в цифровые породило новую логику в производстве символов и знаков, а также новые правила для коммуникации. Активное развитие цифрового дизайна изменило отношение к природе изображения. Оно становится виртуальными, нематериальными, эфемерными, что все больше освобождает дискурсивное производство от физической и материальной формы.

Цифровое производство и возможности глобальной взаимосвязи и одновременного дискурса в режиме онлайн поставили ряд новых вопросов о природе коммуникативного дизайна, о коммуникации и о функционированиии знаков. Дизайн приоб-

ретает особую значимость в создании новых коммуникаций современного общества и в поиске новых впечатлений, поскольку «дизайн есть коммуникативная практика конструирования знакового продукта, способного создавать ситуацию впечатления» [2, с. 44]. Импульс для создания нового впечатления был дан постоянными поисками расширения смыслового воздействия на человека, а также экспансивным развитием мирового рынка и технологического синтеза. Разработанные сегодня способы воздействия на человека представляют набор визуальных приемов, которые можно использовать в различной среде, будь то плакат или анимационный ролик.

Современный пользователь может варьировать свой взгляд на информацию, менять ее контекст, находить в ней новые смыслы, связывать со своим опытом. Такая ситуация проектируется дизайнерами, которые постоянно ищут новые возможности впечатлить потребителя и создать у него ощущение включенности в процесс проектирования. Современный потребитель чувствует себя сопряженным с процессом производства новых смыслов. М. Пресс и Р. Купер пишут: «Дизайнеры – настоящие эксперты в области коммуникации, они умеют найти своей работе нужный контекст и выступить в роли ее рьяных защитников. Исследования и коммуникация всегда лежали в основе дизайна, хотя и считались не имеющими прямого отношения к творческому процессу. Отчасти новое понимание профессии дизайнера и состоит в признании этих двух понятий центральными в дизайне» [4, с. 21]. Он может быстро переходить от одного жанра к другому и устанавливать связи между разными знаками или между знаково-информационными системами. Это привело к беспрецедентной множественности коннотаций и интерпретаций, что в свою очередь, повлекло к ощущению бесконечности процесса установления коммуникационных связей.

Центральным аспектом понимания новых медиа и той роли, которую в них играет дизайн, должен стать дискурс особенностей цифровой коммуникации и строение гипертекста. Дизайнеры, проектирующие цифровой дизайн, создавая структуру

страницы или дисплея, должны усваивать правила строения гипертекста и возможности современного потребителя его воспринимать. Необходимо рассмотреть в нескольких ракурсах, что происходит на электронном экране и какие особенности привнесла цифровая эпоха для современного дизайнера.

Во-первых, современный цифровой дизайн может создаваться без линейной последовательности, со множеством возможных путей развития и интерпретации. Линейная структура развития повествования заметно усложнилась, и наряду с ней появились формы и методы, позволяющие создавать дисперсностные структуры (мультимедийные, интерактивные). Гипертекст можно описать как систему доступа к текстовым данным, в которой под данными понимается их хранение без определенной последовательности. Разумеется, данные должны храниться упорядоченно, но этот порядок не имеет целью повлиять на порядок, в котором к ним обращаются. Доступ к данным осуществляется последовательно, но последовательность определяется конечным пользователем, а не первоначальным автором. В таком ракурсе у дизайна возникли большие возможности, как для организации общей образности структуры цифрового продукта, так и для вариативности алгоритмов включения различных типов визуальной подачи символов.

Такая система доступа к электронному ресурсу генерирует мобильность до определенного момента, так как порядок частей и их содержание предварительно оговаривается автором. В этом смысле компоновка частей представляет собой набор возможностей, а природа этого набора является аргументированным элементом, поскольку он репрезентирует то, каким образом можно подойти к теме, или то, как она должна быть обдумана или испытана.

Во-вторых, современные гипертексты представлены в виде матрицы возможных обращений, но их части разрабатываются, в свою очередь, с использованием линейных текстов и возможного взаимодействия с неподвижными или движущимися изображениями или звуками. Традиционные особенности чтения

не подавляются, а приобретают большую силу. Типографика и метафорические изображения остаются в качестве решающих инструментов дискурсивной организации. То же самое относится и к решеткам, колонкам, заголовкам. Архитектурная метафора, лежащая в основе организации страницы, символизирует порядок, на котором строится ее дальнейшее развитие. Все это создает у пользователя ощущения «возможного порядка», когда страницы представлены в соответствии с метафорой «дома»: начало путешествия (вход) и переход по страницам («комнатам» и «анфиладам»). Таким образом, структура цифрового пространства строится как различные типы пространств с вариативностью по размеру и содержанию. Каждая страница относится к определенной среде, и навигация по этой виртуальной территории похожа на путешествие по архитектурному пространству.

Во-третьих, герменевтический опыт навигации, как и в других форматах, определяется поиском значимости. Любая ссылка или любое окно, как можно предположить, будет иметь содержание. Измерения, в которых движется электронная страница, нелинейная структура ее частей, интерактивность и мультимедийность актуальны только в той мере, в какой их существование способствует когнитивному производству. Если прагматический или тематический контекст предлагает информацию, которую можно предположить неявно, то эксплицитное должно быть существенным. Все чтение зависит от непрерывности элементов избыточности (мы привыкаем к характеристикам навигации, и к логике связей, точно так же, как мы распознаем принципы, определяющие тему). В то же время, взаимодействие пользователя с контекстом определяется тем вкладом, который различные части страницы позволяют обнаружить.

В-четверых, цифровой продукт не должен рассматриваться с точки зрения «замкнутой системы», а должен использовать идею «открытой системы». Современный потребитель претендует на положение соучастника в процессе создания дизайн-продукта, что требует давать вариативность включен-

ности возможностей потребителя при взаимодействии с продуктом. В этом смысле традиционное понятие линейной «закрытой» структуры развития гипертекста сменяется новым индивидуализированным подходом к проектированию продукта. Дискуссивные нелинейные стратегии постепенно вошли в цифровое пространство коммуникативного дизайна. Здесь важно соблюдать баланс художественной выразительности, оригинальности дизайна и аргументированной логики, делающей информацию достоверной.

Некоторые дизайнеры прибегают к намеренному сдвигу традиционного построения пространства в цифровом дизайне для пробуждения интереса потребителя. Это приводит к сложности алгоритма поиска и ориентации, но привносит характер неожиданности результата. Казалось бы, если мы приспосабливаемся к ожиданиям читателя, что сеть должна служить активным и быстрым способом поиска информации. Однако искушенный пользователь ищет новые впечатления от пользования сети и это позволяет дизайнерам вводить в структуру новые формы визуальной активности. Таким образом, создается интеллектуальная навигационная система, которая демонстрирует доверие к потребительским способностям, производя новые пространства для манипуляций и впечатлений.

Проанализированный опыт на экране компьютера показывает, что с одной стороны есть преемственность дискурсивных принципов, установленных в начале XX в. С другой стороны, происходит распространение этих принципов на традиции письменной и графической культуры. Можно говорить о цифровой революции в том смысле, что были открыты новые способы чтения, образования и коммуникации, но необходимо также понимать, что они основаны на углублении прежних привычек убеждения. Переупорядочивание этих возможностей делает дизайн средством размышления и производства и новой стратегией развития коммуникаций. Тем не менее, если традиционный порядок дискурса был призван навязать некую власть на основе иерархической организации мышления, то следует сказать,

что с этим новым нелинейным, многопроцессорным порядком власть и контроль не исчезли, а приобрели новые формы.

Особое значение приобретают невербальные элементы коммуникации, которые активно эксплуатирует дизайн. Современный дизайнер должен, кроме решения функциональных задач, создать новое впечатление для пользователя. Доставка – явление, в котором устная риторика в огромной степени опирается на жестикуляцию и выражение эмоций, также может быть реактивирована с участием эмоциональных элементов (звук и образы), которые оживляют чтение. Невербальные элементы важная часть современного общения. Когда мы рассматриваем общение в онлайн-мире, мы также должны учитывать типы файлов, которые мы используем, протоколы или программное обеспечение, которые будут необходимы для чтения файлов. Новые стилистические правила электронного письма также должны быть приняты во внимание, и его собственные нормы, по которым устанавливается его стилистическая и когнитивная ясность. Инновации и технологическое развитие коммуникаций, современные возможности цифрового манипулирования информацией составляют новый дискурс, в котором важным участником становится коммуникативный дизайн.

Двигаясь все дальше в своем развитии от парадигмы «производства вещей» к парадигме «производства коммуникаций», дизайн стал феноменом, назначение которого – это конструирование новых форм и видов общения. Причем дизайн выступает в этом процессе во многих ракурсах: как средство коммуникации, как сама коммуникация, как организатор коммуникации, поскольку «коммуникация охватывает всю сферу практической деятельности в том смысле, что сама практика – это глобальная коммуникация, учреждающая культуру и, стало быть, общественные отношения», – пишет У. Эко [5, с. 416]. Этот сложный процесс конструирования новой парадигмы коммуникативности дизайна требует более тщательного исследования в культурологии.

Литература

1. Бабайцев, А. Ю. Коммуникация / А. Ю. Бабайцев // Постмодернизм : энцикл. / сост. и науч. ред.: А. А. Грицианов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис : Кн. дом, 2001. – С. 371–372.
2. Лола, Г. Н. Дизайн-код: методология семиотического дискурсивного моделирования / Г. Н. Лола. – СПб. : Береста, 2016. – 264 с.
3. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа : внешние расширения человека / Г. М. Макаюэн; пер. с англ. В. Николаева; зал. ст. М. Вавилова. – М. : Жуковский; «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
4. Пресс, М. Власть дизайна: ключ к сердцу потребителя / М. Пресс, Р. Купер ; пер. с англ. А. Н. Поплавская ; науч. ред. Б. П. Буландо. – Минск : Гревцов Паблишер, 2008. – 355 с.
5. Эко, У. Отсутствующая структура : введение в семиологию / У. Эко ; пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. – СПб. : Петрополис, 1998. – 432 с.

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ФИЛОСОФИИ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Е. К. Сельченок

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *elena.selchenok@gmail.com*

В статье в контексте репрезентации гностических топосов рассматривается философия Г. В. Ф. Гегеля, в которой фактически воспроизводится гностическая история отпадения, разрушения плеромы и восстановления. Автор усматривает особые связи между топосами гностицизма и немецкой классической философией. Гностический элемент в философии Г. В. Ф. Гегеля обнаруживается в его преобразовании и «псевдоморфозе» христианского учения о грехопадении, которое трансформируется в учение об отпадении Абсолюта от самого себя в природу, и учении о необходимости человеческого грехопадения для обретения сознания человеческим родом.

Ключевые слова: топос; гностицизм; гностический топос; немецкая классическая философия; диалектика; Г. В. Ф. Гегель философская эпопея.

GNOSTIC TOPOSES IN THE PHILOSOPHY OF G.W.F.HEGEL

E. K. Selchenok

Belarusian State University, Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *elena.selchenok@gmail.com*

In the article, in the context of the representation of Gnostic toposes, the philosophy of G. V. F. Hegel is considered, in which the gnostic history of the fall, destruction of the pleroma and restoration is actually reproduced. The author sees special connections between the topos of Gnosticism and German classical philosophy. The gnostic element in

G. V. F. Hegel's philosophy is found in his transformation and "pseudo-morphosis" of the Christian doctrine of the fall, which is transformed into the doctrine of the fall of the Absolute from itself into nature, and the doctrine of the necessity of the human fall for the acquisition of consciousness by the human race.

Keywords: topos; gnosticism; gnostic topos; German classical philosophy; dialectics; G. W. F. Hegel; philosophical epic.

Гностический топос – это культурная константа, оформившаяся на основе мировоззрения исторического гностицизма, которая несет в себе культурно-генетический код и способна вырабатывать новые значения в ходе усвоения творческим сознанием в рамках мировоззренческой концепции конкретной культурной эпохи. Можно выделить следующие гностические топосы: поиск и обретение тайного знания о Боге и мире (гнозиса) через возвращение ему утраченной полноты (TI); многомирие как иерархическое развертывание сложной системы отдельных эонов (духовных сущностей, жизненных сфер, циклов творения и т.д.) (TII); неразрешимый, извечный конфликт как результат напряженной, дуалистически заостренной нетождественности верхних и нижних ступеней иерархии многомирия (TIII); драматически переживаемый разрыв с Единым и последующая попытка восстановления связи с Ним через одухотворение материального (софийный миф) (TIV); стратификация человечества сообразно причастности к духу (TV); социальная организация как последовательное проецирование на общину избранных структуры эона, в рамках которого возглавляющий их мироправитель, архонт стремится к синтезу духовной и светской власти (TVI); эсхатологическая мотивация индивидуальной активности (TVII) (подробнее о топосах см. [1])

Особенные связи усматриваются между гностическим топосами и немецкой классической философией. Специфическое гностическое мировоззрение отразилось в идеалистической философии Фихте. В учении Фихте мир не-Я и связанная с ним природа оказываются лишь преградой, которая должна быть преодолена творческим Я. П. Козловски обоснованно доказы-

вает, что гностические элементы присутствуют в философии истории Гегеля и в философии откровения позднего немецкого романтизма [2, с. 49]. По мнению П. Козловски, гностицизм занимает промежуточное положение между метафизической диалектикой Г. В. Ф. Гегеля и формами персоналистской философии (платонизм, патристическая и возрожденческая теософия, философская теология) [2, с. 49].

Гегель действительно очень близок мистике и теософии, несмотря на известную традицию его характеристики как «рационального диалектика». Фундаментальное противоречие гегелевской системы заключается в том, что «абсолютный дух как высшая форма абсолюта есть метафизически первая реальность и вместе с тем результат определенных усилий конечного духа». А. В. Кричевский понимает это противоречие не как ошибку, а как «парадокс, указывающий на некоторую более высокую точку зрения, которая… вписывается в идущую от Экхарта традицию немецкой мистики» [3, с. 5–6].

Согласно учению Гегеля, логическая идея – это в-себе-сущий абсолютный дух, а природа – это стихия инобытия логической идеи и вне-себя-сущий абсолютный дух (TII). Это инобытие изживается в процессе интеллектуального и духовного развития человечества, в котором «выкристаллизовываются адекватные формы самосознания логической идеи, которая тем самым возвращается к себе и становится поистине абсолютной» [3, с. 8] (TI–TVII). Результат этого процесса – «для-себя-сущий абсолютный дух, или абсолютный дух в собственном смысле, который есть самосознание абсолютной идеи, реализующееся – в наиболее адекватной форме – в *просветленном спекулятивным мышлением человеческом сознании, через человеческое сознание*, а точнее – через снятие конечности человеческого духа» [3, с. 8] (TI). Абсолютный дух, согласно Гегелю, должен быть постигнут как сила, господствующая над миром природы и миром конечного духа, которая «творит их из себя и себя из них» [4, с. 255].

Бог, «овнешняясь» в объект, возвращается из него к себе [2, с. 42]. Это самосознание и возвращение к себе абсолютной

идеи непосредственно ставится в зависимость с человеческим сознанием – точнее, с его просветлением. Абсолютный дух существует только в человеческом духе и через него. В этих рамках индивидуальный человеческий дух не конечный, но становится моментом жизни бесконечного [5, с. 263]. Другими совами, открывающееся в человеческом мышлении знание в откровение способствует самопознанию мирового духа и возвращению его к себе же. «Вечное в себе и для себя бытие есть открывание себя, определение, полагание себя от себя отличным, но различие это также вечно снимается, в себе и для себя сущее вечно возвращается в нем в себя, и лишь постольку оно есть дух», – писал Гегель [4, с. 248]. Философия абсолютного духа состоит из философии искусства (постижение образно, эстетически – поэзия, музыка), философии религии (постижение абсолютного духа – образное и символическое мышление на языке религии) и философии (понятийно). В философии абсолютного духа соединяются три формы интерпретации гносиса: религиозный, философский и поэтический.

Бытие мира, т. е. бытие сущего, Гегелем трактуется как ложное, как «забвение, отрицание истинного бытия» (TIV), а истинное бытие – это бытие Бога (абсолюта) [3, с. 16] (TIII). Абсолютное «в-себе-и-для-себя-бытие» понимается как подлинное первоначало. По мнению А. В. Кричевского, «в гегелевской философии можно найти как обожествление разума, так и мистификацию и даже иррационализацию» [3, с. 16].

Weilgeist достигает осознания себя свободным только в человеческом уме и через него. Согласно Гегелю, единицей конкретного развития мирового духа является национальный или народный дух (der Volkgeist) [5, с. 256]. Под ним Гегель отчасти подразумевает культуру народа в ее проявлении в морали, искусстве, политике, религии, философии. Отдельный человек является носителем этого Мирового духа постольку, поскольку он участвует в этом целом, der Volkgeist, который сам является моментом жизни мирового духа.

В любую данную эпоху развитие мирового духа своим специфическим способом представляет какая-то одна нация, при этом одна нация не может занимать главенствующего места больше одного раза. Гегель считает, что осознанного понимания того, что человек как таковой свободен, впервые достигли «Германские» народы под влиянием христианства: «Внутреннее сознание свободы духа должно было отчетливо объективировать себя, и здесь Гегель приписывает ведущую роль так называемым Германским народам» [5, с. 257–258]. В гегелевской философии истории нельзя не увидеть отголоска гностической иерархии эонов, каждый из которых является эманацией Единого (TII), но при этом может занимать разное положение в иерархии, отпадать от Творца, возвращаться к нему (TIV) и т. п.

Романтизм предложил проект эмансипации личности и эмансипации группы личностей – нации, класса и пр. Романтический идеал избранного поэта, просветленного в философии Гегеля превратился в нацию как носителя мирового духа. Так, на первый план выходит не просветленная личность, не сверхчеловек, а сообщество, единое по духу (рождению), родственное в духе от рождения – народ, нация ((подробнее см. [6]).

Гегелевская триада «тезис-антитезис-синтез» созвучна гностической монистической космологии и антропологии: Единое – отпадение/ разделение/ противопоставление – возвращение отпавшего к Единому, воссоединение. Эту триаду Гегель применяет в рассмотрении стадий религиозного сознания. На первой стадии Бог представляется как всеобщее, единственная подлинная реальность, на второй – различение личности как конечного, отделенного от полноты, третья – возвращение особенного к всеобщему, конечного к бесконечному. Таким образом, фактически воспроизводится гностическая история отпадения, разрушения плеромы и восстановления.

Гегель считал необходимым формирование новой религии, «восстанавливающей подлинный смысл жизни и истории и возвращающей дух к его истинному истоку». Как отмечает Ф. Коплстон, «абсолютный идеализм представляется эзотерическим христианством, а христианство – экзотерическим гегельян-

ством…» [5, с. 278]. А эзотерическое христианство, если вспомнить период раннего христианства, и соответствует гностицизму.

Среди гегельянцев единственным, кто открыто признал единодушие между Гегелем и гностиками был Иоганн Эдуард Эрдман [2, с. 49]. П. Козловски уверенно и аргументировано констатирует наличие элемента гнозиса в философии Гегеля. По убеждению П. Козловски, Гегель – это «гностик природного Сверхприродного, имманентизированного Абсолюта, оконченного Бесконечного», «Энциклопедия философских наук» Гегеля – это «монистический гнозис тотальности бесконечного и конечного» [2, с. 44]. При этом для гностического характера философской системы не является решающим дуализм сверхприродного и природного миров. Решающей является «идея монистической системы деволюции» – повествование о самоконституции Абсолюта в Плероме, отпадении от Самого Себя, страдании и возвращении к Самому Себе же [2, с. 52].

Гностический элемент у Гегеля присутствует и в его преобразовании и «псевдоморфозе» христианского учения о грехопадении, которое трансформируется в учение об отпадении Абсолюта от самого себя в природу и учении о необходимости человеческого грехопадения для обретения сознания человеческим родом. «За гегелевской мыслью об отчуждении идеи от самой себя просматривается гностическая идея падения Софии из Плеромы. Так, валентинианская София отпадает из-за дерзости, гордыни, жажды свободы. В результате отпадения она, как и абсолютный дух у Гегеля, «овнешняется», что приводит к появлению «овнешненной субстанции мира, экстромы материального мира» [2, с. 49]. Так и у Гегеля идея овнешняет себя и тем самым создает бытие сущего.

Также Козловски указывает на сходство христологии гегелевской философии религии и христологии гностицизма. И та и другая является докетической, но по-разному: «В то время как гностицизм отрицает человечество Христа, Его телесность, Гегель отрицает Его божественность, Его отличие от всякого другого человека, в котором Абсолют проходит к самому себе» [2,

с. 53]. Акцентируя родство, подчеркнем и сущностное отличие философии Гегеля от гностической картины мира: несмотря на насыщенность драматическими сюжетами, гностицизм довольно статичен, в то время как динамизм гегелевской философии придает диалектика.

Таким образом, романтический идеал избранного поэта, просветленного, соединившись с идеей эмансипации личности, в философии Гегеля превратился в «избранную» нацию как носителя мирового духа, который достигает осознания себя свободным только в человеческом уме и через него. За гегелевской мыслью об отчуждении идеи от самой себя просматривается гностическая идея падения Софии из Плеромы. Гностический элемент у Гегеля явлен в его преобразовании и «псевдоморфозе» христианского учения о грехопадении, которое трансформируется в учение об отпадении Абсолюта от самого себя в природу, и учении о необходимости человеческого грехопадения для обретения сознания человеческим родом.

Литература

1. Сельченок, Е. К. Трансформация идей гностицизма в европейской культуре / Е. К. Сельченок // Актуальные проблемы современного образования : сб. науч. ст. по материалам V Международной научно-практической конференции (Минск, БГУ, 18–19 октября 2018 г.). – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – С. 474–484.
2. Козловски, П. Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме / П. Козловски // Вопросы философии. – 2000. – №4. – С. 37–52.
3. Кричевский, А. В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга / А. Кричевский; Российская акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2009. – 198 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Философия религии: В 2 т. / Г. В.Ф. Гегель. – М., 1975–1977. – Т.2. – 573 с.
5. Коплстон, Ф. От Фихте до Ницше / Ф. Коплстон; пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Васильева. – М. : Республика, 2004. – 541 с.
6. Сельченок, Е. К. Гностические топосы в литературе немецкого романтизма / Е. К. Сельченок // Вестник академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – 2019. – № 2(61). – С. 165–179.

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Н. А. Телюк

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *tsialiuk@bsu.by*

В статье анализируются аспекты влияния социогуманитарных и информационно-коммуникационных технологий на безопасность личности в образовательной среде.

Ключевые слова: высокие технологии; безопасность личности; экологическое сознание; дистанционное обучение; электронное тестирование.

HIGH TECHNOLOGIES AND CULTURE OF PERSONAL SAFETY

N. A Tsialiuk

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *tsialiuk@bsu.by*

The article analyzes the aspects of the influence of socio-humanitarian and information and communication technologies on the safety of the individual in the educational environment.

Keywords: high technologies; personal safety; environmental awareness; distance learning; electronic testing.

Начало XXI века характеризуется рядом глобальных процессов, одним из которых является научно-техническая революция. Специфика момента состоит в том, что и научная и техническая революции протекают одновременно, чего не наблюдалось в предыдущие эпохи развития знания. Одновременность их протекания является одной из причин значительного ускоре-

ния процесса изменения парадигм, как в науке, так и в технике, ведет к все более широкому распространению в постиндустриальном обществе качественно новых технологий. Согласно исследованиям, осуществленным Е. А. Жуковой в настоящее время можно говорить «…о формировании социокультурного феномена Hi-Tech…Способность вызывать эффекты самоорганизации социокультурных систем принципиально отличает Hi-Tech технологии от других новых, в том числе наукоемких технологий» [1]. Эти Hi-Tech (высокие технологии) и Hi-Hume (социогуманитарные технологии), возникшие первоначально в таких наукоемких областях, как космические исследования, ракетостроение, создание высокоточного оружия и т.д. в настоящее время быстро и прочно входят в духовную и обыденную сферу жизни человека. Базовыми для таких технологий являются нано-, био-, информационные, информационно-коммуникативные технологии.

Ввиду достаточно короткой истории их существования пока нет единого определения, справедливого для всех высоких технологий. Это объясняется тем, что «…последствия применений любых высоких технологий могут быть как позитивными, так и негативными для общества. Это зависит от ценностных и целевых установок тех, кто разрабатывает и применяет эти технологии. Например, High-Tech – это не только «умные дома» и «роботы-няньки», но и технические средства для несанкционированного вторжения в частную жизнь и технологии превентивного удара. А High-Hume – это не только содействие личностному и профессиональному росту, но и массовые или точечные манипуляции с сознанием и подсознанием» [2].

Целью данной работы является анализ возможного влияния высоких технологий на безопасность личности и социума, а также оценка их использования в системе образования и формировании культуры безопасности.

Первоначально возможные негативные последствия влияния высоких технологий на экологию человека мало дискутировались из-за необходимости их использования для удовлетворения растущих потребностей техносферы и слабого понимания

сущности таких технологий основной массой людей. Однако еще в XX веке философская мысль пыталась акцентировать внимание на постоянно увеличивающейся зависимости человеческой цивилизации от технических средств, на возникновении психологической зависимости людей от техники и технологий. В настоящее время причины и формы возможного негативного влияния высоких технологий на экологическую безопасность личности изложены в работах Е. А. Жуковой [3–5], М. Железны [6], И. В. Мелик-Гайказян [7, 8] и других авторов.

Среди особенностей высоких технологий следует отметить тесное взаимодействие и взаимосвязь таких технологий между собой. Так «Hi-Hume технологии, относящиеся к современным маркетинговым и менеджерским технологиям, находящиеся в неразрывной связи с информационными технологиями (IT) в значительной степени способствуют изменению сознания человека и принятию им продуктов High-Tech технологий не только как безопасных и малоопасных, но даже престижных и «необходимых» в цивилизованном обществе» [1]. Такое «осознанное» приятие способствует углублению экологического кризиса современного общества. Дуализм ситуации заключается в том, что наряду с бесспорной пользой высоких технологий «Вещный фетишизм стал типичным признаком массового сознания в индустриальном обществе, когда критерием жизненного успеха является объем личного потребления. «Вещизм» изменил традиционное отношение к вещи — основными требованиями к товару вместо качества и долговечности стали удобство в употреблении и модность» [9]. При этом на дальний план отодвигается закон биосферы о существовании пределов роста. Единственным способом разорвать порочный круг становится необходимость формирования новой системы ценностей, которая способствовала бы гармоничному сосуществованию человека и природы, определяя превосходство качества жизни над количеством потребляемых благ.

Но эта простая истина давно открылась человеку. Еще в 1992 г. в «Повестке дня XXI столетия», документе, принятом по итогам конференции ООН, посвященной Концепции стабиль-

ного развития мирового сообщества, такая задача поставлена перед человечеством.

Почему же она не решается, а если и решается, то крайне медленно? Ведь задача эта в первую очередь сводится к изменению массового сознания и формированию экологического мировоззрения современного человека? Почему нельзя применить для этой цели те же Hi-Hume технологии?

Можно предположить, что либо такие технологии крайне специфичны и для решения данной задачи попросту пока не созданы; либо технологии вполне универсальны, но отсутствуют специалисты по их применению в указанном направлении; либо экологическое сознание, экологическая безопасность личности не являются базовыми потребностями и формируются на более высоких уровнях пирамиды человеческих мотиваций, а обеспечение безопасности на базовом уровне сводится в большей степени к обеспечению ее предметной (потребительской) составляющей. «В нормальном обществе, у здоровых людей потребность в безопасности проявляется только в мягких формах, например в виде желания устроиться на хорошо оплачиваемую работу с социальными гарантиями, желания иметь жилище, отвечающее всем современным требованиям безопасности, и пр. Потребность в безопасности и защищенности отражает заинтересованность в долговременном выживании, то есть это потребность в организации, стабильности, в предсказуемости событий и свободе от угрожающих сил» [10]. Предметное потребление на базовом уровне потребностей является превалирующим в безопасности личности, в то время как экологическая безопасность – это в первую очередь осознанное ограничение всевозрастающего потребления.

Не пытаясь в данной работе выяснять приоритетность вышеперечисленных причин, полагаем, что нельзя исключать ни одну из них и поиск путей формирования экологического сознания нужно вести по всем направлениям: на основании совершенствования общего уровня культуры человека, целенаправленного воспитания, образования, просвещения, в том числе привлекая Hi-Hume технологии.

«В результате повышающейся потребности в безопасности (физиологической, психологической, информационной) актуализируется поиск социальных институтов, которые позволили бы человеку удовлетворять потребность, вернуть ему чувство связанности с другими, избавиться от ощущения ничтожности и незащищенности перед окружающим миром. В первую очередь это институты семьи, образовательного пространства (школы, вуза), пространство трудовых отношений» [11].

Безусловно, высшая школа, формирующая культурное пространство вышеперечисленных институтов, не остается в стороне от протекающих в обществе процессов изменения под воздействием напора высоких технологий. Прежде всего, речь идет о внедрении в систему высшего образования цифровых и информационно-коммуникативных технологий.

В качестве примера можно назвать « геоинформационные технологии, главной задачей которых является получение комплексной информации в некотором регионе на базе интеграции всех видов данных, поступающих от многих организаций. Без их применения сложно осуществить моделирование и прогнозирование экологической обстановки в результате экономического развития какого-либо региона, что особенно важно для профессиональной подготовки специалистов по безопасности жизнедеятельности и экологов» [12]. Однако овладение такими технологиями сопряжено с рядом трудностей, среди которых и наличие специального программного обеспечения, и введение в программы специальных обучающих курсов (в условиях вечного дефицита учебного времени), да и недостаток специалистов для их широкого внедрения в образовательный процесс.

Объективным требованием реальности в связи с пандемией COVID–19 стало начатое внедрение в учебный процесс дистанционного обучения, которое значительно ускорилось, что породило ряд трудностей, как для обучающихся, так и для преподавателей. Такая форма обучения требует от преподавателя умения составления качественно новых форм заданий, знания программного обеспечения для их качественного осу-

ществления, перестройки методики преподавания, обусловливает необходимость их быстрого обучения и переобучения. В настоящее время существует ряд достаточно сложных онлайн сервисов (конкурирующих друг с другом, пытаясь предстать самой полной и сложной платформой для обеспечения процесса обучения). Сложность многих платформ, по крайней мере, на данном этапе функционирования дистанционного обучения, не приемлема ввиду многообразия стоящих перед преподавателем задач, и мало вероятно, что он постигнет встроенные в них инструменты. Для этого нужны наставники «Хорошо подобранные менторы, обладающие педагогическими знаниями и навыками межличностного общения в сочетании с интересом к технологиям и их пониманием, которые могут исследовать инновационные образовательные технологии в рамках своей работы. Затем они могут превратить инструменты или инновации в практические идеи..» [13] для аудитории. При этом, как показывает опыт, очень важны доверительные отношения между наставниками и педагогами. Еще одной проблемой с которыми сталкивается преподаватель в данной технологии, как нам кажется, является трудность создания в онлайн образовании атмосферы общности, как между обучающимися, так и между студентом и преподавателем.

Ранее нами осуществлена оценка различных платформ для электронного тестирования и дана оценка данной ИКТ технологии для осуществления различных целей образовательного процесса [14]. Хотя электронное тестирование и несет в себе массу удобств для педагога, тесты не обеспечивают справедливую оценку знаний учащихся. Полагаем, что онлайн тестирование может служить формой промежуточного контроля, но оно не отражает истинного уровня знаний на экзаменах и зачетах. У студентов в связи итоговой проверкой формируется состояние стресса, в котором могут снижаться скорость восприятия, в том числе, и скорость понимания стоящих перед ним вопросов. Особую трудность вызывают тесты на соотнесение понятий. Последнее, вероятно, связано с вариабельностью ассоциативного мышления обучающегося и составителя те-

стов. На формирование стресса может влиять и аспект, связанный с психологической безопасностью личности. Современные студенты чувствуют себя психологически защищенными, если у них в любой момент имеется возможность обращения к интернету. Если на зачете при осуществлении тестирования такая возможность отсутствует, возникает психологическое напряжение, негативно сказывающееся на итогах тестирования. У многих оно возникает даже тогда, когда отсутствует необходимость в нахождении подсказки, но у них отнята возможность «быть на связи».

Современные информационные технологии с раннего детства формируют у молодого поколения клиповость мышления [15]. Такая модель мышления ведет к возникновению дефицита внимания. Последнее может указывать на негативное воздействие современных информационно-коммуникативных технологий на сознание обучающихся. Влияние ИКТ проявляется в некой «стандартизации» мышления, не желании студента мыслить самостоятельно, исходя из собственного мировосприятия. Полагаем, что такая ситуация может тормозить образовательный процесс личности. «Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) породило парадоксальную ситуацию, которую можно обозначить как обратную зависимость между ростом информированности и личностного знания. Ведь знание – это усвоение информации на основе ее понимания, т.е. установления соответствия между тем, что понимается, и собственным смысловым контекстом... происходящее путем двух взаимообусловленных процессов – усвоения смысла и интерпретации…Собственно, творить человек и может потому, что его сознание – смысловое, а не информационное, алгоритмизированное. Творчество в любой из сфер культуры – это всегда процесс смыслопорождения. Только при наличии такой способности возможно продуцирование действительных инноваций, а не его симуляция» [16].

Подводя итог, следует согласиться с мнением, что «информационные компьютерные технологии (ИКТ) позволяют не только насытить большим количеством готовых, стро-

го отобранных, соответствующим образом организованных знаний, но и развивать интеллектуальные, творческие способности студентов, их умение самостоятельно приобретать новые знания, работать с различными источниками информации. Однако конструирование информационных предметных сред – принципиально новая задача методики преподавания, требующая специальных знаний в области дидактики и психологии» [17]. Не умаляя значения информационно-коммуникативных технологий, необходимо констатировать завышение их образовательной роли и излишнюю мифологизацию в общественном сознании. Вопросы гигиены информационных технологий следует рассматривать не только в курсе безопасности жизнедеятельности человека, но в курсах других дисциплин, ввиду широкого их распространения в дисциплинах как естественнонаучного, так и гуманитарного направления. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности – многоаспектный и многоэтапный процесс, требующий разработки качественно новых технологий, успешно работающих не только на базовом, но и на более высоких уровнях мотивационной сферы человека.

Литература

1. Жукова, Е. А. Hi-Tech: динамика взаимодействий науки, общества и технологий: автореф. дис. д-ра филос. наук: 09.00.08. [Электронный ресурс] / Е. А. Жукова. – Томск, 2007. – Режим доступа: http://ipr-tomsk.narod.ru/Avtoref_Zhukova.p. – Дата доступа: 08.02.2021.
2. Галажинский, Э. В. Hi-Hume технологии и место гуманитария в технологизированном обществе [Электронный ресурс] / Э. В. Галажинский. – Режим доступа: http://www.tsu.ru/university/rector_page/high-hume-i-mesto-gumanitariya-v-tekhnologizirovannom-obshchestve/. – Дата доступа: 13.02.2021.
3. Жукова, Е. А. Человек в плену HI-HUME. / Е. А. Жукова // Вестник ТГПУ. – 2007. – Выпуск 11 (74). Серия: гуманитарные науки (философия). – С. 29–35.
4. Жукова, Е. А. Hi-Tech: феномен, функции, формы [Электронный ресурс]/ Е. А. Жукова; под ред. И. В. Мелик-Гайказян. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. – Режим

доступа: http://www.ipr-tomsk.narod.ru/Zhukova_Hi-Tech.pdf. – Дата доступа: 08.02.2021.
5. Жукова, Е. А. Высокие технологии под углом зрения экологии человека / Е. А.Жукова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2014. – Выпуск 11 (152). Серия: гуманитарные науки (философия). – С. 199–204.
6. Железны, М. Управление высокими технологиями / М. Железны // Информационные технологии в бизнесе: энциклопедия. – СПб., 2002. – 84 с.
7. Мелик-Гайказян, И. В. Методология моделирования структур элитного образования [Электронный ресурс] / И. В. Мелик-Гайказян // Высшее образование в России. – 2006. – № 11. – С. 57–75. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-modelirovaniya-struktur-elitnogo-brazovaniya. – Дата доступа: 09.02.2021.
8. Мелик-Гайказян, И. В. Информационные процессы и реальность / И. В. Мелик-Гайказян. – М. : Наука, Физматлит, 1998. – 192 с.
9. Пономаренко, В. А. Проблема влияния сверхтехнологий на социум [Электронный ресурс] / В. А. Пономаренко. – Режим доступа: http://docplayer.ru/66213849-Sumskoy-gosudarstvennyy-pedagogicheskiy-universitet-imeni-a-s-makarenko.html. – Дата доступа: 09.02. 2021.
10. Кислякова, Л. П. Характеристика потребности личности в безопасности и ее обеспечение в образовании [Электронный ресурс] / Л. П. Кислякова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. № 2–1. – Режим доступа: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20310. – Дата доступа: 16.02.2021.
11. Кисляков, П. А. Психологическое состояние студента и его безопасность [Электронный ресурс] / П. А. Кисляков. – Режим доступа: https://studbooks.net/2031432/psihologiya/psihologicheskoe_sostoyanie_studenta_i_ego_bezopasnost. – Дата доступа: 19.02.2021.
12. Горшкова, Л. П. Геоинформационные технологии как элемент профессиональной подготовки специалистов по безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс] / Л. П. Горшкова, В. Н. Решетникова. – Режим доступа: http://www.psihdocs.ru/kuletura-bezopasnosti-jiznedeyatelenosti-materiali-vserossijsk.html?page=13. – Дата доступа: 19.02.2021.
13. Хэмилтон, Б. Экзамены с высокими ставками. Я – против! [Электронный ресурс] / Б. Хэмилтон. – Режим доступа: https://edexpert.ru/ekzameny-s-vysokimi-stavkami-ya-protiv. – Дата доступа: 15.02.2021.
14. Непагода, А. В. К вопросу об использовании различных систем компьютерного контроля знаний студентов / А. В. Непагода, Н. А. Телюк, Л. А. Поплавская // Материалы V междунар. науч. конф. «Медико-социальная экология личности состояние и перспективы». Минск,10–11 апреля 2009 г. – Минск, 2009. – С. 180–182.
15. Телюк, Н. А. Специфические модели сознания как форма коммуникативной адаптации / Н. А. Телюк // Материалы IX межд. науч. конф. «Меди-

ко-социальная экология личности состояние и перспективы». Минск, 1–2 апреля 2011 г. – Минск, 2011. – С. 184–188.
16. Поликарпова, Е. В. Цифровизация образования: миф многозадачности [Электронный ресурс] / Е. В. Поликарпова. – Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_2618-9690_2020_10_36.pdf. – Дата доступа: 16.02.2021.
17. Бессчетнова, О. В. Использование современных информационных компьютерных технологий в вузе [Электронный ресурс] / О. В. Бессчетнова. – Режим доступа: http://rud.exdat.com/docs/index-634660.html?page=10. – Дата доступа: 16.02.2021.

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В. А. Карпиевич

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси,
ул. Машиностроителей, 25, 220118, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *karpievich68@yandex.by*

В статье рассматриваются вопросы, которые затрагиваю проблему становления культуры буржуазного общества в Беларуси в конце XIX – начале XX вв. Рассмотрены особенности быта городских сословий указанного периода. Показано влияние буржуазных сословий на формирование облика городов, на развитие культурных объектов. Культура модерна проникала в различные сферы жизни общества буржуазного периода.

Ключевые слова: буржуазия; горожане; городской быт; модерн; архитектура; театр; кинематограф; библиотеки.

THE FORMATION OF THE CULTURE OF BOURGEOIS SOCIETY IN BELARUS IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

V. A. Karpiyevich

The University of Civil Protection of MES of Belarus,
Mashinostroiteley st. 25, 220118, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *karpievich68@yandex.by*

The article addresses issues that affect the problem of the formation of the culture of bourgeois society in Belarus in the late 19th – early 20th centuries. The influence of bourgeois classes on the formation of the appearance of cities, on the development of cultural objects is shown. Modern style's culture penetrated into various spheres of society of the bourgeois period.

Keywords: bourgeoisie; citizens; urban life; Modern style; architecture; theate; cinema; libraries.

Общество представляет собой динамично развивающуюся структуру. На каждом этапе своего развития оно подвергается воздействию различных факторов, что приводит к значительным изменениям и трансформациям. Среди таких факторов значительное место занимают экономический и социокультурный. Изменение экономической системы приводит к определенным изменениям и в культурном плане, что уже неоднократно наблюдалось в контексте исторических процессов. Белорусское общество также не является исключением.

Вопросы развития культуры, ее этапы и содержание получили широкое освящение в белорусской литературе. Особенно глубоко изучено народное творчество, культура советского периода. В последнее время уделяется значительное внимание вопросам культуры периода Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Также исследованы различные аспекты развития культуры периода Российской империи. Но в то же время не в полной мере изучена проблема становления культуры буржуазного общества в Беларуси в конце XIX – начале XX вв., не рассмотрены факторы, которые влияли на этот процесс.

В конце XIX – начале XX вв. на белорусских землях стали укрепляться буржуазные отношения. Количество людей, которые имели достаточные доходы, чтобы покупать недвижимость, а также предметы роскоши, возрастало. В белорусских городах и местечках возникали торговые и промышленные предприятия, финансовые учреждения, доходные дома, предприятия общепита и сферы обслуживания и другое, что приносило прибыль их владельцам. Кроме того, в губернских и уездных центрах работало немало чиновников и служащих, которые также активно приобщались к веяниям новой культуры.

Согласно данным переписи населения Российской империи 1897 г., в белорусских городах проживало 14,5 тыс. купцов и членов их семей, 718 тыс. мещан, а также около 300 тыс. составляли крестьяне, дворяне, духовенство и прочие сословия [1, с. 27]. Значительная часть населения белорусских городов обуржуазивалась, приобщалась к новым веяниям культуры.

Городской быт белорусских местечек конца XIX – начала XX вв. представлял собой, с одной стороны, культуру городской элиты. В их домах находились изделия из драгоценных металлов, рояли, часы с высокохудожественным оформлением, стильная мебель знаменитых европейских фирм и т.д. В некоторых домах были предметы, принадлежавшие узкому социальном кругу: карточные столики, театральные монокли, изящные женские украшения, красивые наборы канцелярских приборов и другие, редкие книги и гравюры, статуэтки для оформления интерьера. С другой стороны, в домах мещан, ремесленников и других представителей мелкой буржуазии оформление интерьера было попроще: недорогие подсвечники, домашняя утварь для приготовления пищи (чаще всего сделанные из глины), полотенца, дверные ручки грубого изготовления и др.

Дошедшие до нас описания быта горожан и сохранившиеся в музеях Беларуси экспонаты, характеризуют быт и культуру жителей белорусских городов буржуазного периода (конца XIX – начала XX вв.). По мнению белорусского исследователя О. Г. Ященко, «для установления шкалы бытового комфорта имеют значение как сами предметы, так и их фрагменты, декоративные детали, отделка, качество изготовления, стиль. Такие выводы могут быть сделаны на основании характеристики предметов освещения, отопления, связи, транспорта (фонари, канделябры, часы, столовая посуда, одежда, мебель, инструменты и оборудование, которые применялись в домашнем быту и пр.)» [2, с. 59].

Исследуя быт различных слоев городского населения Беларуси конца XIX – начала XX вв., О. Г. Ященко обратила внимание еще на один важный момент – особенность менталитета мещан и купцов. Они стремились подражать жизни дворянства, что отразилось и на интерьерах их жилья. Среди предметов быта представителей данных сословий часто встречаются подделки под изделия известных фирм и мастеров, присутствуют вещи низкого качества, внешне напоминающих дорогие образцы.

В домах мещан и купцов было много предметов дешевого декора, включая картины и разные безделушки [3, с. 93].

В обиход городских жителей в конце XIX – начале XX вв. стали входить телефонные аппараты, швейные машины фирм «Zinger» и «Naumann», велосипеды, музыкальные устройства для воспроизведения звука с пластинки (граммофоны), различные измерительные инструменты.

Под влиянием изменений в экономической жизни происходили изменения не только в быту горожан, но и в общественной жизни в целом. Благодаря развитию промышленности и торговли происходил рост городов, а также изменение их вида. Особенно это было заметно в тех городах, через которые прошли железнодорожные линии (Минск, Витебск, Гродно, Могилев, Гомель, Орша, Брест, Пинск и др.). Происходили изменения в их планировке и благоустройстве (строительство водопроводов, электрификация, развитие городского транспорта, зон отдыха и пр.). Благодаря новым градостроительным планам появлялись площади и бульвары, городские парки и скверы. В центральных районах появлялось все больше каменных зданий, имеющих три и более этажей. Хотя, с другой стороны, большая часть домов, особенно на окраинах, строилась из дерева и имела малую этажность.

В начале XX в. в белорусских городах стал распространяться новый архитектурный стиль – модерн. Модерн в Беларуси соответствовал западноевропейским версиям этого стиля, но имел и свои особенности. Местные архитекторы стремились сочетать элементы модерна с самобытными чертами, стремились к проявлению «единства внешней красоты и внутреннего удобства зданий» [4, с. 230].

Модерн отличался асимметрией и закругленностью линий, сочетание железобетона, стекла и стали. Для украшения внешнего вида использовались различные детали в виде керамики, витражей, скульптуры, мозаики, фрески и пр. Примерами модерновой архитектуры в Беларуси являются поземельный крестьянский банк в Витебске, гостиница «Европа» в Минске, гостиница «Савой» в Гомеле, некоторые жилые дома в Гродно,

Могилеве, Минске (дом Костровицкой, на первом этаже которого располагалось правление Либаво-Роменской железной дороги). В стиле модерн строились вокзалы, промышленные и общественные здания, мосты. И хотя модерн был популярным архитектурным стилем начала века, использовались и другие стили.

В архитектуре католических храмов можно было увидеть сочетание неоготических и неороманских стилей. Примером тому является костел св. Симеона и Елены (или «Красный костел») в Минске, построенный в 1908 г. Следует отметить, что после царского указа 1905 г. о веротерпимости на белорусских землях стали активно возводиться костелы в стиле неоготики. Также продолжают строиться православные храмы, для которых в начале XX в. ведущим оставался неорусский стиль (церкви Казанской Божьей Матери в Минске, Александра Невского в Гродно, Крестовоздвиженский собор в Полоцке и др.).

На рубеже XIX–XX вв. в Минске и других городах было построено множество доходных домов, владельцами которых были богатые купцы и промышленники. В Минске были известны такие домавладельцы, как Абрампольский, Броня, Гайдукевич, Рубенчиков, Костровитский, Левков, Свентитский, Комотский, Брауде, Данишевский, Ошкинази, Ботвинник, Лифшиц, Нусбейн, Порфиенович, Деканская, Рабинович, Маскалик, Поляк. Эти дома формировали новый облик буржуазного Минска. Многие из этих домов сдавались либо в наем жильцам, либо в аренду в качестве торговых и культурно-развлекательных заведений.

Минск, Витебск, Могилев и Гродно, будучи губернскими центрами, должны были развиваться не только как промышленные и торгово-финансовые центры этих земель, но и поддерживать соответствующий культурный статус. Поэтому в губернских городах создавались и различные учреждения культуры. Среди объектов культуры, которые возникли или функционировали в Минске, а также в других губернских и некоторых уездных городах, в конце XIX – начале XX вв. были театры, цирк, кинотеатры, библиотеки и пр.

Среди городских учреждений культуры Минска большое значение имел первый городской театр в Александровском сквере, открытый в 1890 г. До этого в городе функционировал театр, располагавшийся в доме Соломонова на Соборной площади, но сгоревший в 1884 г. Из-за пожара в городе практически прекратилась театральная жизнь. Но уже 9 сентября 1890 г. в новом здании открылся первый театральный сезон [5, с. 260, 264].

Театры стали местом притяжения жителей городов. Нельзя однозначно утверждать, что театры открывались для каких-то определенных сословий. Вход был свободный для всех, кто мог купить билеты. Но так как театры оставались коммерческими проектами, то это влияло на состав посетителей. Театры приобщали население к новой буржуазной культуре. Они имели определенный успех у населения, поэтому театральные здания были построены в Минске, Могилеве, Витебске, Гродно и др. городах. В Бресте, Кобрине, Орше, Полоцке, Бобруйске, Гомеле для театральных постановок арендовали залы.

В начале XX века ведущую роль в развитии белорусского театра сыграли К. Каганец, Я. Купала, Я. Колас, К. Буйло, Ф. Олехнович, Л. Родзевич и другие. Большая роль в популяризации театра Беларуси среди населения белорусских губерний и за их пределами принадлежала труппе Игната Буйницкого, создавшего в 1907 г. белорусский народный театр. Театр просуществовал до 1913 г., когда материальные трудности вынудили И. Буйницкого его закрыть.

Культурная жизнь Минска и других крупных городов была насыщена множеством проводимых в городе мероприятий, которые организовывались различными культурно-просветительскими обществами. Многие из них действовали благодаря пожертвованиям богатых людей.

Кинематограф в Минске появился в начале XX века и быстро стал самым массовым и любимым видом развлечений у горожан. Первый синематограф появился в Минске в 1900 г. Он открылся в помещении на углу ул. Губернаторской, 19 и ул. Захарьевской

в доме Раковщикова. Первоначально в нем демонстрировались не фильмы, а диапозитивы (слайды). Позже появились движущиеся картинки, но без звука – «немое» кино. Кинотеатр просуществовал 9 лет, затем сгорел во время пожара [6, с. 243].

В 1907 г. на Захарьевской улице в доме Поляка (ныне на его месте участок Октябрьской площади напротив входа в Александровский сквер) принял первых зрителей «Иллюзион». Затем открылся «Модерн» на Соборной площади, а в 1909 г. еще два кинотеатра – «Эден» и «Гигант» на Захарьевской улице [7, с. 202–203]. Не менее популярным местом для киноманов в 1908–1909 гг. стал кинотеатр «Модерн» на Губернаторской, 22. В 1914 г. в городе открылся еще один электротеатр – «Люкс». Находился он, как и другие кинотеатры, в центре города – на Петропавловской улице.

Среди жителей города стало распространяться увлечение чтением книг. В начале XX в. в белорусских губерниях функционировали библиотеки, которые принадлежали частным лицам и ведомствам, но пользоваться ими могли лишь избранные горожане, так как за это предусматривалась плата. Чтобы удовлетворить спрос минчан, владельцы книжных магазинов выдавали книги домой. Стоила услуга 30–40 копеек в месяц. В 1900 г. в Минске открылась первая публичная библиотека. Читатели, которые пользовались домашним абонементом и работали в залах библиотеки, платили задаток. Посещение читательского зала также предусматривало небольшую плату. Всего в белорусских городах в начале XX в. действовали 54 библиотеки. Больше всего было в Витебске – 6, Бресте – 5 и Гродно – 4 [1, с. 298–299].

Таким образом, в условиях формирования буржуазного общества в белорусских городах начала активно развиваться культура. Богатые горожане стали вкладывать деньги в строительство различных культурных учреждений, либо оказывать спонсорскую помощь, выделять деньги на благотворительность. В это же время стал меняться и культурный облик городов. Стало строиться все больше каменных зданий, проектироваться широкие улицы и проспекты, разбиваться городские

сады и парки. Благодаря деятельности различных культурно-просветительских обществ местное население знакомилось с достижениями деятелей культуры империи. Популярность также получили театры, а затем и кинотеатры. В целом мы можем констатировать, что благодаря финансовой помощи буржуазии повышался общий культурный уровень населения.

Литература

1. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 3: (1900–1917 гг.) / под ред. В. Н. Перцова и др. – Минск: Академия наук БССР, 1953. – 1020 с.
2. Ященко, О. Г. Предметы быта горожан в музеях Беларуси как источник по этнографии города конца XIX – начала XX века / О. Г. Ященко // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 октября 2015 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – С. 57–60.
3. Ященко, О. Г. Интерьеры жилья горожан Беларуси конца XIX – начала XX вв. / О. Г. Ященко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2015. – № 4 (91). – С. 89–94.
4. Асташенок, Л. С. Архитектура городских особняков Беларуси рубежа XIX – XX веков / Л. С. Асташенок // Архитектура : сборник научных трудов. – 2015. – Вып. 8. – С. 226–233.
5. Бригадин, П. И. Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – 351 с.
6. Гісторыя Мінска / [пад рэд. У. А. Бабкова]. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя, 2006. – 694 с.
7. Шибеко, З. В. Минск : Страницы жизни дореволюционного города / З. В. Шибеко, С. Ф. Шибеко. – Минск : Полымя, 1990. – 352 с.

ОРКЕСТРОВКА И. СТРАВИНСКОГО В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ КОМПОЗИТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

А. С. Савченко

Харьковский национальный университет искусств
имени И. П. Котляревского, исполнительско-музыковедческий
факультет, кафедра композиции и инструментовки,
пл. Конституции, 11/13, 61003, Харьков, Украина
e-mail: *1anna2@ukr.net*

В статье рассматривается влияние музыки К. Дебюсси на творчество И. Стравинского, в частности, на его оркестровку. Доказывается факт не внешнего сходства и подражания, а выявляются глубинные закономерности на уровне функциональной организации оркестровой фактуры, трактовки времени и пространства, соотношения рельефа и фона.

Ключевые слова: оркестровка И. Стравинского; оркестровка К. Дебюсси; оркестровая фактура; время; пространство; рельеф; фон.

ORCHESTRATION BY I. STRAVINSKY IN THE ASPECT OF THE INFLUENCE OF FRENCH COMPOSERS OF THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

H. S. Savchenko

Kharkiv National I. P. Kotlyarevsky University of Arts,
Performance and Musicology Faculty, The Composition
and Instrumentation Department, Maidan Konstytutsii 11/13,
Kharkiv, 61003, Ukraine
e-mail: *1anna2@ukr.net*

The article examines the influence of K. Debussy's music on the work of I. Stravinsky, in particular, on his orchestration. It proves the fact not of external similarity and imitation, but reveals deep patterns at the level of the functional organization of the orchestral texture, the interpretation of time and space, the relationship between relief and background.

Keywords: orchestration by I. Stravinsky; orchestration by K. Debussy; orchestral texture; time; space; relief; background.

Вопрос влияния французских композиторов на творчество И. Стравинского, в частности, на его оркестровку, изучен поверхностно. Отдельные ценные наблюдения и замечания содержатся в монографиях Б. Асафьева [1], А. Баевой [2], М. Друскина [5], Б. Ярустовского [11]. Как правило, исследователи констатируют факт влияния современной французской музыки на молодого И. Стравинского в конце XIX – начале XX вв., в частности, ключевой ее фигуры – К. Дебюсси. Причем влияния достаточно кратковременного (на рубеже столетий) и, в силу творческой натуры самого И. Стравинского, скорее стимулирующего, будящего собственную его фантазию, нежели подчиняющего. Так, например, Б. Асафьев замечает следующее по поводу одной из ранних партитур – фантазии для большого оркестра, *op.4* «Фейерверк» (1908): «…Партитура "Фейерверка" сохранила аромат новизны, остроумия, свежести и действительно своего своеобразного претворения сочно-импрессионистского замысла… В "Фейерверке" дает себя знать влечение к высоким регистрам, к музыке "без басов", словно повисшей в воздухе… О "российских" интонациях симфонии (имеется в виду ранняя симфония *Es-dur* – А. С.) в этой партитуре нет и помину» [1, с. 31]. По поводу балета «Жар птица» (1910) исследователь подчеркивает: «Не пассивное подчинение, а активное владение уроками и наставлениями. Не свои приемы и перепевы чужого сделаны здесь своими в том смысле, что на каждой странице партитуры можно встретить новое *свое* преломление окружающего музыкального опыта (и русского, и французского) сильным и осознавшим средства воплощения своих и чужих мыслей молодым музыкантом» [1, с. 33].

Причиной активного творческого взаимодействия молодого И. Стравинского с музыкой европейских (французских) композиторов М. Друскин полагает его приверженность идее «русской европейскости», «утверждению путей "европейской общежительности" русской музыки» [5, с. 77]. В этом смысле идеалом

для И. Стравинского были М. Глинка и П. Чайковский – композиторы, которые размыкали русскую музыку в европейский контекст. Еще до начала занятий с Н. Римским-Корсаковым (в конце 1890-х годов) И. Стравинский знакомится с творчеством Ш. Гуно, Ж. Бизе, Л. Делиба, А. Шабрие, находя в них «сродство» с музыкой П. Чайковского [5, с. 77].

Однако, по словам самого И. Стравинского, «музыканты моего поколения и я сам больше всего обязаны Дебюсси» [10, с. 90]. Действительно, творчество К. Дебюсси, как и Р. Вагнера, стало мощнейшим полюсом притяжения и влияния на европейских композиторов начала XX в. Объяснить это воздействие, в русле которого многие композиторы двигались, а многие самоотверженно пытались его преодолеть, ища иные пути развития музыкального искусства, можно, осознав значение музыки К. Дебюсси. Как замечает Э. Денисов, «в своем творчестве Дебюсси мыслил гораздо более радикально и шел гораздо дальше, чем многие другие мастера музыки XX века» [4, с. 90]. К. Дебюсси стоит у истоков музыки XX столетия.

М. Друскин считает, что «основательное знакомство» И. Стравинского с музыкой великого Клода состоялось после 1906 г., «когда Стравинский сблизился с художниками “Мира искусства” и кружком “Вечеров современной музыки”, один из руководителей которого – А. П. Нурок – был отличным знатоком французского искусства…» [5, с. 77]. Согласно Б. Ярустовскому, И. Стравинский впервые услышал музыку К. Дебюсси в начале января 1905 года. Это был «Послеполуденный отдых фавна» в концерте оркестра РМО, а в 1907 году – два Ноктюрна в одном из концертов А. Зилоти [11, с. 36]. «Несомненно также, что примерно с этого времени он знакомился с Дебюсси и по его партитурам. Годом же позже произведения Дебюсси и Стравинского («Фейерверк») исполнялись уже в одной программе петербургского концерта» [11, с. 36].

Посещения «Вечеров современной музыки» на первых порах происходило втайне от Н. А. Римского-Корсакова, тогда уже учителя молодого И. Стравинского. М. Друскин, со ссылкой на В. Яс-

требцева (музыковеда, исследователя и биографа Н. Римского-Корсакова), приводит слова Н. Римского-Корсакова: «…Игорь Федорович излишне рьяно ударился в модернизм» [цит. по: 5, с. 78]. Исходя из тона высказывания, можно заключить, что учитель не очень одобрял то «"декадентски-импрессионистское" влияние, под которое подпал Стравинский» [5, с. 78]. «Тем не менее прозорлив учитель: его ученик вскоре, но ненадолго, становится дебюссистом, что скажется в на первом акте оперы "Соловей" (1908, особенно – на оркестровом вступлении), отчасти на "Жар-птице", двух песнях на слова Поля Верлена (1910), кантате "Звездоликий" (1911–1912) и даже на "Весне священной" (вступление ко второй части» [5, с. 78].

Согласно М. Друскину, И. Стравинский был дружен с К. Дебюсси в течение восьми лет, завязав эти отношения после парижской премьеры «Жар-птицы» в 1910 г. [5, с. 78]. По мнению Б. Ярустовского, «период личного общения» двух композиторов начинается после исполнения в Париже "Петрушки" в 1911 г. Отношения эти не были простыми, затемнившись моментами непонимания (особенно после премьеры "Весны священной" в 1913 г.), а может быть и ревности со стороны старшего композитора, о чем находим косвенные свидетельства в противоречивых высказываниях К. Дебюсси касательно музыки И. Стравинского [11, с. 37].

Как бы там ни было, возникает вопрос: в чем проявилось то влияние, которое оказал мастер на молодого композитора? Исследователи констатируют, что К. Дебюсси помог освободится И. Стравинскому от академизма и схематизма, способствовал эволюции его музыкального мышления; в музыкальном языке – поиску новых закономерностей гармонии, освобожденной от функциональных тяготений, использованию в мелодии сплетения «арабесок», обогащению звукового колорита [5, с. 78–79; 11, с. 36]. При этом, как справедливо замечает М. Друскин, И. Стравинский не остался в тени французского композитора и не примкнул к его последователям [5, с. 78]. Он пошел своим путем, «стремительно пройдя "сквозь Дебюсси"» [5, с. 78]. В

этом смысле взаимодействие с творческой личностью и музыкой К. Дебюсси можно уподобить взаимоотношению с Другим в философии диалога. Всматривание и вслушивание в Другого помогает понять и раскрыть самого себя. Иначе и быть не могло, учитывая предельно активную творческую личность И. Стравинского, осваивающую, присваивающую и перерабатывающую разнородный творческий опыт прошлого и настоящего. В этом проявляется универсализм и синтетичность стиля композитора, отмеченная многими учеными [8]. В каком-то смысле влияние К. Дебюсси помогло И. Стравинскому лучше осознать свою творческую сущность.

Оркестровка раннего И. Стравинского лишь отдельными моментами вызывает прямые ассоциации с оркестровкой К. Дебюсси в силу возникающих звукообразов, а также в плане импрессионисткой тонкости оркестрового письма. Влияние К. Дебюсси обнаруживается не во внешнем сходстве, а на глубинном уровне организации оркестровой ткани, фактуры. Прежде всего, речь идет о функциональной перестройке оркестровой ткани, обусловленной изменениями в темообразовании, способах развития тематизма и в формообразовании. Соответственно, меняется техника оркестрового письма, детерминированная вышеназванными параметрами (темо- и формообразованием). Касательно оркестровой техники К. Дебюсси краткие, ценные, однако не исчерпывающие всей проблематики замечания находим в статье В. Гуркова [3], который полагает, что у К. Дебюсси наблюдается нестандартное отношение к классическим функциям оркестровки: «комплексу мелодия – аккомпанемент, педали, которая связывает, акцентов и т. п.» [3, с. 82]. По нашему мнению, у К. Дебюсси функциональное строение оркестровой фактуры можно определить как нон-иерархичное или приближающееся к нон-иерархичному. Именно в этом оркестровка И. Стравинского оказывается близка оркестровке К. Дебюсси. Причины перестройки функциональной организации оркестровой фактуры В. Гурков усматривает в ладо-гармоническом мышлении обоих композиторов, которые отходят от функцио-

нальной гармонии и оперируют мелодическими ладами: «соответственно и структура их оркестра приспосабливается к этому типу музыкальной логики: исчезает развернутая мелодия и появляются тембромотивы, перестраивается весь комплекс мелодия – аккомпанемент, функция оркестровой педали заменяется целенаправленной организацией тембродинамических линий, разрабатываются новые типы акцентуаций и т. д.» [3, с. 82].

Отметим в этой связи, что изменения в функциональном строении оркестровой ткани происходила в связи с перестройкой системы музыкального языка на рубеже XIX–XX вв., которая, в свою очередь, была детерменирована как интрамузыкальными (кризис функциональной гармонии, панмелодизм), так и экстрамузыкальными факторами (перелом в европейском культурном мышлении). Одними из первых, кто «ухватил» эти изменения и воплотил в звукоматерии своих сочинений во многом благодаря оркестровке, были К. Дебюсси и И. Стравинский.

Новая музыка, музыка начала XX столетия, у истоков которой стоял К. Дебюсси, и ярким представителем которой стал И. Стравинский, базировалась на новой эстетической и структурной трактовке звука, на новом ощущении времени и пространства, отличном от классико-романтического. В этом французский и русский композитор, несомненно, имели точки пересечения. По отношению к пространству и времени в музыке обоих композиторов можно употребить, опираясь на работу С. Исхаковой [6] понятие «неклассическое». Однако же в своей «неклассичности» время и пространство в музыке К. Дебюсси и И. Стравинского различны. В произведениях К. Дебюсси средствами оркестровки создается наполненное событиями, «вещное» [6], но легкое, «воздушное» пространство. У И. Стравинского же пространство также максимально насыщено музыкальными событиями, является неоднородным, однако по элементам, его составляющим, оно более «весомо» в физически-материальном смысле. Что касается времени, то в научной литературе сложилась точка зрения на трактовку времени в музыке К. Дебюсси как длительности – в свете философских воззрений А. Берг-

сона с возможностью экстраполяции понятийного аппарата бергсоновской философии при анализе музыки французского композитора [7]. Что касается трактовки времени в музыке И. Стравинского, то М. Друскин отсылает в этой связи ко взглядам П. Сувчинского касательно «хронометрической» и «хроноаметрической» музыки [5, с. 193–194]. В первой осуществляется равномерное упорядочивание «хода времени», таким образом, происходит приближение к онтологическому времени, во второй же наблюдается постоянное нарушение «хода времени» за счет эмоций и психологизма. Естественно, что близок И. Стравинскому был первый тип, тогда как второй вступал в противоречие с его антиромантическими установкам [5]. Соответствие онтологическому времени и равномерность упорядочивания не означает безжизненное протекание: время в музыке И. Стравинского пульсирует в режиме неравномерной акцентности [8], является максимально информативно насыщенным, в нем обнаруживается ярко выраженная дискретность, что отличает его от старшего современника. Созданию дискретности способствует оперирование фигурами в разных пластах оркестровой фактуры, что сообщает протеканию времени повышенную событийность и плотность [9].

Наконец, важнейшим открытием музыки начала XX ст. стало нивелирование функциональной границы между рельефом и фоном. Данная тенденция явно проявилась в музыке К. Дебюсси и вслед за ним в произведениях И. Стравинского. Ее генезис находится в явлении тематизации фактуры путем «прорастания» темы во второстепенные голоса и, наоборот, «выращивания» фона в главные. Нивелирование разницы между рельефом и фоном в тематической наполненности сказывается и на оркестровке. Если оркестровка, которая базируется на закономерностях функциональной гармонии, предполагает четкое разделение на ведущий и сопровождающий голоса в фактуре, то в условиях тематизации всей фактуры традиционные функции переосмысливаются, трансформируются. Оркестровая фактура в результате претерпевает перестройку, о которой мы говорили

выше. Данное явление станет одной из магистральных тенденций развития оркестровки в XX в.

Выявленные точки соприкосновения между оркестровкой К. Дебюсси и И. Стравинского не исчерпывают всей полноты проблематики, однако восполняют пробел в исследованиях, посвященных творчеству И. Стравинского, в частности, его оркестровке.

Литература

1. Асафьєв, Б. Книга о Стравинском / Б. Асафьев. – Ленинград: Музыка, 1977. – 279 с.
2. Баева, А. А. Оперный театр И. Ф. Стравинского / А. А. Баева. – Москва : КРАСАНД, 2009. – 304 с.
3. Гурков, В. Оркестровые принципы и ладовое мышление И. Стравинского (на примере «Весны священной») / В. Гурков // Оркестровые стили в русской музыке : сб. статей. – Л.: Музыка, 1987. – С. 82–94.
4. Денисов, Э. О некоторых особенностях композиционной техники Клода Дебюсси / Э. Денисов // Современная музыка и проблемы эволюции композиторской техники. – М. : Советский композитор, 1986. – С. 90–111.
5. Друскин, М. Игорь Стравинский. Личность, творчество, взгляды / Л. Г. Ковнацкая и др. – Собрание сочинений. – Т. 4. – СПб.: Композитор, 2009. – С. 31–265.
6. Исхакова, С. З. «Неклассическое» звуковое пространство: музыкальная композиция начала XX века в контексте идей времени / С. З. Исхакова; автореф. дисс. ...канд. искусствоведения: 17.00.02. – Российская академия музыки им. Гнесиных. М., 1998. – 25 с.
7. Ровенко, Е. Время в философском и художественном мышлении. Анри Бергсон, Клод Дебюсси. Одилон Редон / Е. Ровенко. – М. : Прогресс-Традиция, 2015. – 847 с.
8. Савенко, С. Мир Стравинского / С. Савенко. – М. : Композитор, 2001. – 327 с.
9. Савченко, Г. С. Багатофігурність оркестрового письма як принцип організації часу і простору в оркестрових творах І. Ф. Стравінського (від ранніх балетів до Симфонії in C та Симфонії у трьох частинах) / Г. С. Савченко // Аспекти історичного музикознавства. – Вып. 16. – Харьков, 2019. – С. 242–258.
10. Стравинский, И. Диалоги / И. Стравинский. – Л. : Музыка, 1971. – 413 с.
11. Ярустовский, Б. М. Игорь Стравинский / Б. М. Ярустовский. – Л. : Музыка, 1982. – 264 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

А. А. Аллахгулиева, Н. Е. Попова

Екатеринбургская академия современного искусства (институт),
факультет творческих индустрий, ул. Бульвар культуры, 3,
620012, Екатеринбург, Россия
e-mail: *allahguliyeva@bk.ru*
e-mail: *nepopova@66.ru*

В статье рассматривается проблема формирования человеческого капитала, что обусловлено объективными потребностями современного этапа социально-экономического развития общества. Данная проблема требуют принятия человеческих ценностей, формируемых в семье, что создает в государстве устойчивый экономический рост, высокий уровень благосостояния населения и достойное качество жизни в межкультурном общении.

Ключевые слова: капитал; человеческий капитал; семейные ценности; межнациональная культура; аксиология.

FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN CONDITIONS OF INTERETHNIC CULTURES

A. A. Allakhguliyeva, N. E. Popova

Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (institute),
Faculty of Creative Industries, Boulevard of Culture st. 3,
620012, Yekaterinburg, Russia
e-mail: *allahguliyeva@bk.ru*
e-mail: *nepopova@66.ru*

The article considers the problem of formation of human capital, which is due to the objective needs of the modern stage of social and economic development of society. This problem requires the adoption of human values formed in the family, which creates stable economic growth in the state, a high level of well-being of the population and a decent quality of life in intercultural communication.

Keywords: capital; human capital; family values; interethnic culture; axiology.

Современное общество развивается бурными темпами, что связано с непрерывным международным обменом информацией, технологиями, кадровым потенциалом, культурой. В каком бы государстве ни проживал современный человек, ему необходимо формирование такого качества, как человеческий капитал.

Известно, что капитал – это все то, что способно приносить доход; ресурсы, созданные людьми для производства товаров и услуг; источник дохода в виде средств производства [1, с. 167]. Однако нас заинтересовал вопрос, что же такое человеческий капитал и сможет ли он повлиять на развитие межнациональной культуры?

Нам импонирует определение американского ученого Гарри Беккера, который считает, что *человеческий капитал* – это совокупность инвестиций в человека для повышения его способности к труду, получения образования, приобретения профессиональных навыков [2]. Однако Всемирный банк [3] дополняет, что для формирования человеческого капитала необходимы также затраты на питание, одежду, коммунальные расходы, здравоохранение и развитие культурных навыков. Еще более интересным становится ответ на вопрос: как формируется человеческий капитал и кто формирует человеческий капитал?

Авторы статьи глубоко убеждены, что источником формирования человеческого капитала является семья. Часто семью называют малой экономикой, так как ее деятельность связана с потребительским спросом, а сбережения и накопления семьи становятся основой для инвестиционной деятельности и предложений. Характерная особенность семьи состоит еще и в том, что ее деятельность связана с неформальной экономикой: это и зона занятости; зона неформальных трудовых и культурных отношений; плотные сплетения родственного, дружеского обмена информацией, оказание взаимной помощи и т.д. Именно семья становится основным звеном цепи процесса создания и накопления человеческого капитала и культурных ценностей.

Процесс формирования человеческого капитала включает в себя:

1) создание условий для производства человеческого капитала, включающего семейный бюджет и ведение домашнего хозяйства;

2) выполнение детородной функции и функции социализации всех членов семьи в условиях межнациональных культур;

3) реализацию человеческого капитала через участие всех членов семьи в рыночном международном хозяйстве.

Безусловно, на процесс формирования человеческого капитала влияют факторы.

Первый фактор формирования человеческого капитала – *это людские трудовые резервы.* Первоначальной стадией создания человеческого капитала считается построение материальной базы за счет семейного бюджета и ведения домашнего хозяйства. На этом этапе создаются людские резервы. Семья должна быть нуклеарная, где не только родители и дети, но и прародители, дети, внуки. Семья развивается и одновременно адаптируется к социально-экономической системе, включается в межнациональную систему культур, осуществляет образование и воспитание всех членов семьи.

Второй фактор формирования человеческого капитала – *наличие у семьи доходно-имущественного потенциала,* который включает в себя недвижимость, земельный участок, капитальные и финансовые активы, современные товары длительного пользования. Именно наличие богатства обеспечивает необходимую свободу деятельности. Обладание богатством снижает зависимость семьи от рынка труда, реализует возможности развития международного семейного бизнеса, получение дополнительного образования, соответствующего мировым стандартам.

Третий фактор формирования человеческого капитала – *возможности участвовать в производстве, творить, строить, создавать ценности, отвечающие международному стандарту качества.*

Четвертый фактор формирования человеческого капитала – *вложение капитала в детей.* Формирование человеческого капитала рассматривается как долгосрочные вложения капитала родителями в детей. Каждый родитель предполагает получить отдачу, которая может быть в виде удовлетворения определенных духовно-культурных потребностей, денежной помощи в отдаленном будущем.

Пятый фактор формирования человеческого капитала – *инвестирование в профессию.* Эффективное управление человеческим капиталом связано с трудовой карьерой человека, возможностью выполнять сложный труд, внедрять инновации, поэтому необходима информации о том, что происходит с работником на разных этапах карьеры, как профессия помогает осуществлять международные проекты и впитывать межнациональную культуру.

Шестой фактор формирования человеческого капитала – *семейный бизнес.* Важная роль в развитии человеческого капитала отводится семье в связи с налаживанием бизнеса. Это предполагает наличие ресурсов для стартового капитала, определенной квалификации, достаточное количество работающих членов семьи, соответствующих мотиваций, определение рыночной ниши. От благоприятного сочетания этих факторов зависит успех семейного бизнеса, возможности семьи включиться в рыночные международные отношения в качестве конкурентоспособных хозяйственных единиц.

Для формирования человеческого капитала профессором А. И. Юрьевым [4] для человека определен набор качеств, которыми он должен обладать: жизнеспособность, работоспособность, способность к инновациям и обучению. Авторы статьи к этим характеристикам добавляют еще и такое качество, как знание межнациональных культур, потому что сегодня повышен спрос на инновации, новые технологии, высокий производительный труд в условиях межнациональных культур.

Седьмой фактор формирования человеческого капитала – *здоровье семьи.* Статистика [5] упрямо говорит о том, что здо-

ровье человека зависит на 50% от образа жизни, на 20% от природных и социальных факторов, на 30 % от медицины. Другими словами, наше здоровье на 70% зависит от нас самих.

Итак, суммируя рассуждения о том, что же такое человеческий капитал, утверждаем, что человеческий капитал – это:

1) людские трудовые резервы, создаваемые каждой семьей;

2) наличие доходно-имущественного потенциала семьи;

3) возможности человека участвовать в производстве, творить, строить, создавать международные ценности;

4) вложение средств в развитие и культурное воспитание детей;

5) инвестиции в будущую профессию;

6) ведение семейного бизнеса;

7) мобильность, мотивация физического здоровья человека.

Таким образом, формирование человеческого капитала становится национальным приоритетом для любой страны, прямым вкладом в ВВП [6]. Однако этот приоритет не в усиленном финансировании отдельных социально-экономических секторов, а в проведении серьезных структурных реформ, соответствующих принципам межнациональных культур, что становится основой исследования науки аксиологии.

Литература

1. Райсберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райсберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева; 3-е изд., доп. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 480 с.
2. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. Беккер. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
3. COVID–19 : дистанционное обучение и человеческий капитал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online47.ru›2020/10/12/covid-19…vsemirnyy-bank…ob. – Дата доступа: 22.02.2021.
4. Юрьев, А. И. Введение в политическую психологию : монография / А. И. Юрьев. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. – 227 с.
5. Доклад всемирной организации здравоохранения о глобальной борьбе с туберкулезом 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://

coinfection.net/doklad-vsemirnoj-organizacii-zdravooxraneniya-o-globalnoj-borbe-s-tuberkulezom-2020/. – Дата доступа: 22.02.2021.
6. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие // Материалы XIX апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апреля 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2018/04/09/1164472034/Как_увеличить_человеческий_капитал.pdf. – Дата доступа: 22.02.2021.

ВИКИНГ КАК КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ КОММУНИКАТОР В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СКАНДИНАВИИ

Н. Г. Шпаковская

Белорусский государственный университет,
факультет международных отношений, ул. Ленинградская, 20,
220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *nina.shpakouskaya@gmail.com*

В статье рассматривается образ викинга в современной художественной культуре Скандинавии с точки зрения его роли в межкультурной коммуникации. Утверждается, что в контекст современной репрезентации эпохи викингов внедряются образы, демонстрирующие возможность трансформации из чужака в космополита и позволяющие дать положительную оценку процессам культурной гибридизации.

Ключевые слова: художественная культура; межкультурная коммуникация; культурная гибридность; маргинальность; викинг.

VIKING AS A CROSS-CULTURAL COMMUNICATOR IN THE PRESENT-DAY ARTS OF SCANDINAVIA

N. H. Shpakouskaya

Belarusian State University,
Faculty of International Relations, Leningradskaya st., 20,
220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *nina.shpakouskaya@gmail.com*

The article considers the role of the Vikings as cross-cultural communicators in the arts of Scandinavia. It is argued that there are characters introduced into the modern representation of the Viking age that demonstrate a successive transformation from an outsider into a cosmopolitan and thereby enable us to give a positive evaluation of the cultural hybridization processes.

Keywords: the arts; cross-cultural communication; cultural hybridization; 'marginal man'; a Viking.

На протяжении столетий образ викинга был неотъемлемой частью художественной культуры Скандинавии, при этом его основные черты всегда модифицировались под воздействием общественно-политических реалий. Сегодня на примере образа викинга можно по-прежнему отчетливо увидеть, как культура реагирует на смену тех или иных установок и представлений, воплощая в своих текстах новые идеи, ценности и модели поведения.

Цель статьи – охарактеризовать образ викинга в современной художественной культуре Скандинавии с точки зрения его роли в межкультурной коммуникации.

Большое количество современных исследований, связанных с эпохой викингов, посвящено поиску связей между древней Скандинавией и другими культурами. Так, К. Ингельман Сундберг изучает, как викинги воспринимались представителями других культур [10], А. Ларссон из университета Уппсалы сопоставила орнамент на одежде викингов с похожими узорами из Ближнего и Среднего востока [3]. Исследователи из Норвегии обнаружили с помощью генетического анализа останков, что значительное число людей из захоронений времени викингов были родом из Персии [13]. Согласно научному сотруднику в сфере критических исследований культурного наследия А. Шеллен, анализирующей репрезентацию эпохи викингов в музеях, акценты сегодня расставляются таким образом, что викинг представляет собой, своего рода, «кросс-культурного коммуникатора» [12]. В научный и научно-популярный дискурс активно внедряется идея о том, что благодаря морским путешествиям викинги были в определенном смысле медиумами в диалоге культур. «Согласно мифам, древние скандинавы поклонялись изначально группе богов, называемых ванами, асы же были переселенцами, – пишет М. Фриднер в самой авторитетной и читаемой шведской газете «Dagens Nyheter». – Это значит, что Тор и его известный миру молот не являются символом национализма и ксенофобии – вполне возможно, Тор сам был иммигрантом» [4].

Современная художественная культура закрепляет выводы исследователей, внедряя в контекст эпохи викингов маргинальные образы, являющиеся носителями актуальных идей и ценностей. Согласно Р. Парку, понятие *маргинальность* охватывает «положение индивидов, которые находятся на границе двух различных культур» [11]. «Судьба маргинального человека, – писал Р. Парк, – принуждает его принять в отношении тех миров, где он живет, роль космополита и чужака» [11]. Авторы художественных произведений не отрицают наличия конфликтов на коллективном и индивидуальном уровне, сопровождаемых социально-психологической нестабильностью маргинала, однако в большинстве случаев в современной репрезентации эпохи викингов главные герои преодолевают свою «чужеродность» и раскрывают свой потенциал благодаря своему мультикультурному происхождению.

Ярким примером подобной трансформации из чужака в космополита является путь главной героини трилогии шведской писательницы Э. Ёстнэс [16]. Королевская дочь Турид обладает атипичной внешностью, доставшейся ей от матери саамского происхождения. Поиск себя становится одним из ключевых мотивов в трилогии, и, следуя по метафорической дороге к себе, Турид примеряет различные роли: из дочери конунга она превращается в потерявшего все изгоя, она становится женой, обладательницей боевого копья и предводительницей беженцев в поисках нового дома. Во время своего путешествия Турид встречает представителей различных культур – цыган, у которых нет богов, христиан, которые поклоняются Иисусу, кельтов, практикующих кровавые ритуалы во имя своих божеств, воинов-эйнхериев, верящих в мир духов. Сама Турид – одновременно вёльва и нойда, соединение сакральных элементов скандинавской и саамской культур. Поиски героини приводят ее на землю предков, где она вместе с последовавшими за ней скандинавами, ирландцами и христианскими монахами, строит новый общий дом.

Данный персонаж можно отнести к так называемым *культурным гибридам*, т.е. людям, соединяющим элементы разных

культур. В. Вэлш утверждал, что «наши предки веками жили в транскультурной манере… осознавая уникальность друг друга». Кроме того, по мнению В. Вэлша, «открытие и принятие индивидами своей транскультурной конституции является условием достижения согласия с транскультурностью общества» [14].

В смешанном браке родилась также главная героиня трилогии К. Ингельман-Сундберг [9]. Отец Юрунн – богатый землевладелец, занимающий высокое положение в древнескандинавском обществе, а ее мать – рабыня из Средиземноморья, получившая статус свободной женщины благодаря своему браку. Юрунн, как и Турид, обладает внешностью, не соответствующей стандартам, существующим в актуальном ей обществе: у нее карие глаза и черные волосы, правда, в отличие от Турид, она не считает это недостатком. Возможно, положительное отношение свеев к экзотическому облику Юрунн связано с локализацией места действия в Бирке – одном из самых больших древнескандинавских поселений, торговом центре, в котором, по утверждению археологов, соприкасались и соседствовали различные культуры.

Вопрос множественной идентичности не обошла стороной и писательница Й. Хильдебрандт. Созданная ею богиня Идун в одноименном романе из серии книг «Сага о Вальхалле» [7] также обладает нестандартной внешностью: у нее ярко-рыжие волосы и хрупкое телосложение, что не считается красивым в королевстве, где она живет. Отец Идун был представителем асов – группы богов, противопоставляющих себя богам-ванам, из рода которых была мать Идун Фрейя. В отличие от Турид, Идун не успевает пройти весь путь к собственному я. Тем не менее, именно в силу ее множественной идентичности многие герои видят в ней шанс на объединение двух королевств. Похожим потенциалом обладает дочь Идун Сага, являющаяся во многом художественным двойником своей матери [8].

В трилогии М. Билок главным действующим лицом становится захваченная викингами во Франции девочка Петит. Она

настолько не похожа на типичных скандинавов, что ее приемные родители опасаются, не является ли она ребенком черных эльфов. Дети в деревне дразнят получившую имя Оса Петит, называя ее троллем. Канва повествования напоминает трилогию Э. Ёстнес, только в более романтической форме, лишенной жестоких описаний последствий войны и человеческой бессердечности. Поиск Осой себя принимает форму борьбы с ее страхами. Чтобы однажды перестать видеть угрозу в море и незнакомцах, ей приходится столкнуться со своим худшим кошмаром лицом к лицу. Она находит викинга, привезшего ее из Франции, и разрешает ему жить в ее усадьбе в обмен на то, что он покажет ей дорогу обратно домой. Оса возвращается к своей семье, будучи женой викинга, и понимает, что ее дом больше не во Франции. Такое возвращение к своим корням было нужно героине, чтобы осознать, кто она сейчас – Петит или Оса, чтобы принять новую культуру и добровольно избрать свой путь, прервав, таким образом, свое вынужденное пребывание в чужой стране. Оса отправляется обратно в Скандинавию, но ей больше не нужно держать в секрете, кто она. Ее двойная идентичность включает в себя также двойной багаж знаний и навыков, так, она может не только читать руны, но и владеет латинским алфавитом, что, например, помогло ей расшифровать магическую надпись на привезенном викингами из Франции мече. Прочитав загадочный для скандинавов текст, Оса спасла жизнь своему будущему мужу и помогла не впасть в королевскую немилость своему приемному отцу.

Книга «Драккар» рекомендована школьникам в качестве дополнительного чтения. Как пишет лектор шведского языка и литературы М. Ингеманссон, литература может помочь преподавателю и его ученикам обсудить последствия миграции для разных людей и социальных групп. «Книга “Драккар” позволяет идентифицировать себя с персонажами романа, не зависимо от того, рожден ли читатель в Швеции, воспитывался ли он в семье мигрантов или только что прибыл сюда со своей семьей» [1]. Сама Билок считает, что «художественная литература очень эф-

фективна, когда нужно поднять вечные проблемы. Посредством чтения о миграции в книге "Драккар" и сравнения с нашими днями, читатель может узнать о разных культурах и провести аналогию с сегодняшней миграцией» [1].

Таким образом, тексты современной художественной культуры Скандинавии, связанные с репрезентацией эпохи викингов, предлагают идеальную модель гибридизации культур в пределах индивида. Все перечисленные произведения строятся на схожей модели: роль чужака обуславливает внутренний дискомфорт героя – испытание – преобразование своей инаковости в ресурс. С другой стороны, в отношении тех, кто соответствует нормам большинства, зачастую действует следующая модель: уверенность в правильности своих ценностей – испытание – переоценка ценностей своего и других обществ. Как правило, подобное нивелирование установки «свои-чужие» происходит в результате путешествия и знакомства с другими культурами. Например, в романе «Фрейя» Й. Хильдебрандт [6] показывается, насколько непохожими могут быть традиции и уклады жизни в разных сообществах и как легко оскорбить представителя другой культуры в силу незнания местных обычаев. То, что кажется немыслимым для одних, является нормой для других.

С новой для себя культурой знакомится и героиня книг М. Билок [1]. Писательница описывает впечатления девочки так, что каждый ребенок из семьи мигрантов может провести параллель между ней и собой. Петит-Оса впервые видит снег; ее окружает множество вещей и явлений, которым она не может дать название, потому что никогда раньше с ними не сталкивалась. Несмотря на свое вынужденное пребывание в Скандинавии, девочка учится читать руны и справляться с домашними обязанностями, она усваивает новые традиции и постепенно становится частью общества викингов.

В серии книг М. Видмарка «Викинг Хальвдан» [15] язычники знакомятся с христианским укладом жизни. Первых удивляют вещи, которые составляют основу будней вторых. Все

новое встречается с враждебностью, причина которой – страх перед пересмотром собственных ценностей и привычек. Главные герои также совершают путешествие в Константинополь, где для них все экзотично и удивительно. Б. Грахам, обозреватель шведской онлайн-газеты «Культура», отметила, что «серия о Хальвдане и Мейе показывает, насколько космополитным был мир викингов, что является хорошим лекарством против некорректного использования викингов и эпохи викингов для поддержания идей национализма и закрытых границ» [5].

Знакомство людей с миром великанов в дилогии «Вей» [2] С. Бергмарк Эльфгрен и К. Юнссона разрушает существующие о них стереотипы и предрассудки, а также заставляет по-новому взглянуть на своих собственных богов, ведь реальность не соответствует той картине, которую навязали жителям Мидгарда боги-асы. Эддические мифы можно назвать в контексте произведения идеологической пропагандой в условиях холодной войны за сферы влияния.

По сути, пространство выступает в роли важного нематериального актора. Будучи наполненным культурными символами, традициями, религиозными представлениями, оно требует от человека определенных моделей поведения и расширяет его взгляд на мир. Пересекая границы этих пространств, викинг выступает в качестве кросс-культурного коммуникатора, абсорбирующего элементы различных реальностей.

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*:

1) Современная репрезентация эпохи викингов в художественной культуре Скандинавии предлагает такую модель межкультурной коммуникации, в рамках которой индивид успешно преодолевает кризис, вызванный его маргинальностью, и гармонизирует элементы различных культур.

2) Скандинавское общество эпохи викингов показано многокультурным, при этом и сами скандинавы не образуют гомогенное сообщество, а представляют собой разрозненные группы.

3) Характерный для репрезентации эпохи викингов мотив путешествий интерпретируется с точки зрения знакомства с новыми культурами, сопровождаемого переоценкой собственных ценностей и нивелирования границ между «своими» и «чужими».

Литература

1. Bylock, M. Drackskeppet / M. Bylock. – Stockholm : En bok för alla, 2016. – 120 s.
2. Elfgren, S. B. Vei / S. B. Elfgren, K. Johnsson / Stockholm : Kartago, 2017. – 160 s.
3. Elfström, C. Vikingars tecken kan vara arabiska / C. Elfström // SVT. – 18.10.2017. – Mode of access: https://www.svt.se/nyheter/lokalt/uppsala/vikingar-bar-arabiska-tecken. – Date of access: 12.08.2020.
4. Friedner, M. Rädsla för Ragnarök kan ligga bakom ny trend / M. Friedner // Dagens Nyheter. – 2017. – 10 sept. – S. 16.
5. Graham, B. Martin Widmark – Halvdan Viking – Ulfberhts svärd / B. Graham // Litteratur. – 2017. – 28 maj. – Mode of access: https://tidningenkulturen.se/arkiv/22995-litteratur-martin-widmark-halvdan-viking-ulfberhts-svard. – Date of access: 18.08.2019.
6. Hildebrandt, J. Freja. Sagan om Valhalla. – Stockholm : Norstedts, 2002. – 384 s.
7. Hildebrandt, J. Idun. Sagan om Valhalla. – Stockholm : Norstedts, 2003. – 410 s.
8. Hildebrandt, J. Saga. Sagan om Valhalla. – Stockholm : Norstedts, 2004. – 384 s.
9. Ingelman-Sundberg, C. Vikingablot / C. Ingelman-Sundberg. – Stockholm : Forum, 2017. – 276 s.
10. Ingelman-Sundberg, C. Boken om vikingarna / C. Ingelman-Sundberg. – Stockholm : Prisma, 2000. – 240 s.
11. Park, R. E. Human Migration and the Marginal Man / R. E. Park // The American Journal of Sociology. – 1928. – Number 6. Mode of access : http://www.suz.uzh.ch/dam/jcr:ffffffff-df42-7cac-0000-000032ce5a0d/Park_Mar-ginal_Man.pdf. – Date of access: 20.01.2021.
12. Poddcast: Vikingen som medial och museal figur. – 11.10.2017. – Mode of access: https://www.su.se/ike/om-oss/evenemang/poddcast-vikingen-som-medial-och-museal-figur-1.349206. – Date of access : 12.07.2020.
13. Silén, Th. Vikingakläder bär spår av muslimskt inflytande // Th. Silén. – 07.10.2017. – Mode of access: https://svenska.yle.fi/artikel/2017/10/07/vikingaklader-bar-spar-av-muslimskt-inflytande. – Date of access: 12.08.2020.
14. Welsch, W. Transculturality : The changing form of cultures today / W. Welsch. – Mode of access: https://www.researchgate.net/ publication/248149689_Transculturality_The_changing_form_of_cultures_today. – Date of access: 10.08.2020.
15. Widmark, M. Miklagårds lås. Halvdan Viking / M. Widmark. – Stockholm : Bonnier Carlsen, 2014. – 141 s.
16. Östnäs, E. Sagan om Turid. Kungadottern / E. Östnäs. – Stockholm : Berghs. – 2016. – 252 s.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПАТРИОТИЧЕСКИЙ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Н. М. Звёздкин

Военный комиссариат Гомельской области, направление идеологической работы и социальной защиты, ул. Садовая, 10, 246050, Гомель, Республика Беларусь
e-mail: *odm_gomel@tut.by*

В статье рассматривается роль национальной культуры как фактора консолидации общества. Описываются подходы к определению национальной культуры как основы для формирования патриотического сознания граждан, а также идеологии национализма. Определяется сущность понятий «патриотизм» и «национализм» в контексте взаимосвязи с феноменом национальной культуры.

Ключевые слова: национальная культура; консолидация; социальная общность; патриотизм; национализм; нация.

NATIONAL CULTURE AS A CONSOLIDATION FACTOR OF SOCIETY: PATRIOTIC AND NATIONALIST ASPECTS

N. M. Zviozdkin

Gomel regional military Commissariat, the direction of ideological work and social protection, Sadovaya st. 10, 246050, Gomel, Republic of Belarus
e-mail: odm_gomel@tut.by

The article considers the role of national culture as a factor of consolidation of society. The article describes the ways of defining national culture as the basis for the formation of patriotic consciousness of citizens, as well as the ideology of nationalism. The essence of the concepts of «patriotism» and «nationalism» in the context of the relationship with the phenomenon of national culture is determined.

Key words: national culture; consolidation; social community; patriotism; nationalism; nation.

Республика Беларусь является полиэтничным и поликонфессиональным государством, чем обусловлена особая значимость поддержания национального согласия, консолидации общества, недопущения проявлений ксенофобии и иных деструктивных социальных явлений, направленных на дестабилизацию социума.

Особая роль в вопросах консолидации общества и сохранения национальной идентичности принадлежит национальной культуре, поскольку культура представляет собой совокупность устойчивых форм человеческой деятельности, без которых социальная общность не может воспроизводиться, а значит – существовать.

При этом национальная культура – явление многогранное и проявляется в жизнедеятельности общества, государства, его социальных институтов, а также в духовных ценностях, стиле мышления и установках, моральных нормах, национальных традициях, стереотипах и образцах межличностного и межгруппового поведения [1, с. 136]. Структура национальной культуры включает всю совокупность материальных и духовных ценностей нации.

В связи с высоким консолидирующим потенциалом национальной культуры как «аккумулятора» духовных и материальных ценностей нации, в социально-политическом дискурсе она нередко рассматривается как основа для формирвания патриотического сознания граждан.

Феномену патриотизма свойственно ценностное измерение. Восстановление значимости ценностей, связанных с гражданско-патриотическими идеями, как социокультурными концептами, является необходимым условием социальной идентичности общества. Как предметная ценность, патриотизм оценивается как явление, основанное на истинности и социальной справедливости. Как субъектная ценность, он выражает нормативные представления, закрепленные в общественном сознании и культуре [2, с. 15].

По мнению Б. И. Кононенко патриотизм представляет собой не столько политическую и идеологическую, как этико-культурную категорию, поскольку именно овладение культурой способствует осознанию человеком своего места в мировом пространстве через формирование «сыновнего» отношения к Родине [3, с. 48]. Таким образом, в основе патриотизма находится гуманное отношение к людям и конкретному человеку, уважительное отношение к различным мировоззренческим позициям, не противоречащим цивилизационным принципам развития всего человечества.

Также в научной мысли существует подход, согласно которому национальная культура является основой развития национализма как социокультурного феномена. Так, по мнению Н. А. Бердяева, возможность существования народа в качестве культурно-исторической общности и нации, абстрагирующейся в виде отвлеченной от него сущности, создает, объективные предпосылки для появления национализма в его современных формах [4, с. 8]. С. В. Лурье считает, что нация представляет собой «сформировавшуюся под влиянием идеологии национализма форму существования культуры» [5, с. 108]. А. Лесняк высказывает предположение, что в основании любого национализма лежит культура народа, а одной из главных задач сторонников национализма является сохранение национального колорита [6].

Для критического анализа вышеприведенных подходов необходимо обратиться к содержанию используемых понятий. Определения «патриотизм» и «национализм» характеризуются поливариантностью и неоднозначностью, в связи с чем их соотношение также не всегда находит должного понимания в общественном сознании. По этой причине в данной работе ставится цель – проанализировать понятия «патриотизм» и «национализм» и выявить связь данных феноменов с понятием национальной культуры.

Широкое распространение приобрела классификация, согласно которой выделяют примордиалистский (представления

о примате этнических аспектов социальной жизни), инструменталистский (парадигма социальных интересов и этнической мобилизации) и конструктивистский (этносы рассматриваются в качестве идеальных моделей, которые создает политическая элита для достижения определенных целей) подходы типологизации национализма.

Необходимо отметить, что первоначальное содержание понятия «национализм» соотносимо с первоначальным пониманием феномена нации, когда она отождествлялась с понятием этноса. Основой этнического национализма является признание нации высшей формой этнической общности, имеющей исключительное право обладания государственностью из чего следует тезис о том, что нация предшествует государству [7, с. 72].

На основании доминирующих в политической и идеологической практиках целей, этнический национализм принято типологизировать на политический и культурный. Основной целью политического этнонационализма является признание за этнической группой права на политическое самоопределение в контексте достижения или сохранения государственности в каких-либо формах. Характерными чертами культурного этнонационализма является стремление сохранить этническое самосознание, язык, куьтурную специфику региона в качестве основы целостности народа.

Подобный подход свойственен для, так называемой, немецкой модели построения нации, в которой ключевую роль играет фактор гомогенности общества. Согласно «немецкой концепции», нация представляет собой продукт становления давно существующего народа. Рассуждая об истоках зарождения немецкого национализма, Иоганн Гердер определил их в ощущении национального подъема, своеобразном духе захвата собственной культурой. Как отмечает Э. Хейвуд, «каждой нации, по Гердеру, присущ свой Volksgeist <…> Национализм И. Гердера следует понимать как своего рода культурализм, где на первый план выдвигаются национальные традиции и коллективная память, но никак не государственность» [8, с. 244].

При этом как политический, так и культурный энический национализм имеет существенный конфликтогенный потенциал, поскольку под видом сохранения этнической самобытнсти может проявляться устремление к агрессивному противопоставлению собственной культуры культуре других этносов.

Основой гражданского национализма является понимание нации как общности, включающей в себя все население государства, обладающее общими самосознанием и элементами культуры, при условии сохранения этнического, религиозного и расового разнообразия (соответствует так называемой «французской» модели нации).

В данном контексте В. В. Булгаков, ссылаясь на М. Гроха и Э. Смита, выражает мнение, что национализм «не тождественен национальному сознанию и не исчерпывается идеологией достижения и отстаивания политической независимости нации, взятой в культурном, политическом и другом смысле», что позволило доктрине национального самоопределения обрести статус одного из основных принципов в Уставе Организации Объединенных Наций [9, с. 9].

Принципиально иной точки зрения придерживается Э. Хобсбаум, подчеркивая, что феномен национализма представляет собой общемировое явление, основанное на ксенофобии, подозрительности, недоверии, вражде и ненависти, что создает предпосылки к становлению ксенофобии в качестве массовой идеологии [10, с. 345].

Таким образом, невзирая на то, что гражданский национализм может быть признан демократической ценностью, в своих радикальных проявлениях он способен приобретать агрессивные формы, проявляясь в национальной нетерпимости и шовинизме.

При этом, в зависимости от степени проявления тех или иных акспектов национализма, некоторые исследователи соотносят его с определенными типами патриотизма. Так, по мнению М. А. Ешева, гражданский национализм в не крайних

формах по своей экзистенциальной сущности наиболее близок к национальному патриотизму [11, с. 132].

Сходной точки зрения придерживается В. В. Акудович, который в своей книге «Код адсутнасці (асновы беларускай ментальнасці)» высказывает мнение о единой принципиальной основе национализма и национал-патриотических эмоций, мерилом разграничения которых является личность, через которую «определяются все достоинства и пороки национализма» [12, с. 24]. Проблему национальной идентификации народа писатель рассматривает в контексте борьбы между национальными культурами.

Таким образом, использование культурного наследия народа может осуществляться в контексте формирования как нравственно-патриотических, так и националистических чувств, в зависимости от преследуемых политических целей и трактовки сути самих этих явлений. Ярким историческим примером реализации потенциала национальной культуры в целях формирования патриотизма и противостояния радикальному национализму является политика национально-государственного и национально-культурного строительства, проводимая в БССР.

Так в проекте резолюции одного из пленумов ЦК КП(б) Б отмечался «сильный рост националистических настроений в среде белорусской интеллигенции БССР, что вполне отвечает хозяйственному росту деревни и пробуждению активности как ее самой, так и связанной идеологически с нею интеллигенции» [13, с. 194].

Осознавая, что исключительно репрессивными методами справиться с данным положением дел невозможно, власть искала пути политического маневрирования, в связи с чем молодой белорусской интеллигенции было предложено принять участие в беспрецедентном по своим масштабам проекте – белорусизации.

Политику белорусизации в контексте коренизации можно назвать советским государственным проектом, направленным на интеграцию национально-культурных субъектов полиэтни-

ческой страны в общую социокультурную и политическую систему СССР – своеобразное формирование «советского варианта белорускости» [14, с. 116].

Не вступая в полемику о сути политических мотивов белорусизации, будет справедливо признать, что данный процесс не прошел бесследно в контексте исторического формирования национального самосознания белорусского народа. Необходимо отметить, что в силу ряда общественно-политических процессов (свертывание новой экономической политики, формирование новой «пролетарской» культуры, обвинения в адрес руководства БССР за лояльность к национал-демократизму др.) в конце 1920-х гг. проведение политики белорусизации было приостановлено. Многие государственные и политические деятели, представители культурной и научной элиты БССР были обвинены в разжигании национализма и сепаратизма и подверглись репрессиям.

Несмотря на это, выработанный в 20-х годах принцип национально-культурного строительства, основанный на поддержке развития национальной белорусской культуры и ее интеграции в общегосударственную социокультурную систему при условии недопущения радикальных националистических проявлений и селективной поддержке субъектов культуры, применялся в различные периоды существования БССР и в дальнейшем. Глубоким чувством любви к родной земле, переданного с использованием национально-культурных символов без радикализаци националистической составляющей было проникнуто творчество Я. Купалы, Я. Коласа, В. Короткевича, Н. Гилевича, И. Шамякина, ансамбля «Песняры» и многих других представителей белорусской культуры, во многом сформировавших представлние о белорусском народе как на внутренациональном уровне, так и в международном социокультурном пространстве.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что национальная культура является мощным фактором и ядром консолидации общества, при этом может питать как патриотические, так и националистические чувства в зависи-

мости от особенности трактовки самих понятий, восприятия их личностью и политической конъюнктуры.

В Республике Беларусь практически не наблюдается дискриминации по языковому и национальному признакам, в обществе преобладают черты толерантности и лояльного отношения к иноязычным и инонациональным гражданам.

Таким образом, можно прийти к выводу, что белорусскому обществу на современном этапе чужды радикальные проявления этнического национализма. Что же касается патриотического сознания белорусов, то оно должно ориентироваться не на национальную замкнутость и самодостаточность, но на презентацию национальной культуры и ее достижений мировому сообществу. Понимаемый таким образом патриотизм сдерживает процессы космополитизации и вестернизации белорусского общества, а также препятствует проявлениям радикального национализма, ксенофобии и шовинизма, что является необходимым условием успешного развития нации в современном мире.

Литература

1. Козелько, В. Н. Национальная культура: сущность, структура, компоненты / В. Н. Козелько // Новые технологии. – 2008. – № 5. – С. 136–139.
2. Ёлкин, С. М. О содержании понятий «Патриотизм» и «Патриотическое воспитание» / С. М. Ёлкин, А. А. Косова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2017. – № 1 (99). – С. 14–16.
3. Кононенко, Б. И. Патриотизм и культура / Б. И. Кононенко // Социология власти. – 2005. – № 4. – С. 47–56.
4. Буйло, Б. И. Н. Бердяев: национализм и культура / Б. И. Буйло // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – 2003. – № 5. – С. 6–14.
5. Лурье, С. В. Национализм, этничность, культура / С. В. Лурье // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 101–111.
6. Российский литературный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.proza.ru/2009/02/05/912. – Дата доступа: 19.02.2020.
7. Ким, А. С. Этнический национализм в массовом сознании постсоветской России / А. С. Ким, Е. Ю. Довгополов // Россия и современный мир. – 2017. – № 1 (94). – С. 72–84.

8. Хейвуд, Э. Политология : учебник для студентов вузов / Э. Хейвуд; пер. с англ.; под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. – М. : Юнити-Дана, 2005. – 544 с.
9. Булгаков, В. История белорусского национализма / В. Булгаков. – Вильнюс: Институт белорусистики, 2006. – 331 с.
10. Хобсбаум, Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе / Э. Хобсбаум // Нации и национализм. – М. : Праксис, 2002. – С. 332–346.
11. Ешев, М. А. Патриотизм и гражданский национализм в сознании студенчества / М. А. Ешев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 1. – С. 127–133.
12. Акудовіч, В. В. Код адсутнасці (асновы беларускай ментальнасці) / В. В. Акудовіч. – Мінск : Логвінаў, 2007. – 216 с.
13. Гигин, В. Ф. Интеллигенция и власть в условиях революции: (на примере Беларуси) / В. Ф. Гигин // Судьбы российской интеллигенции: прошлое – настоящее – будущее : XX междунар.теор.-методологич. конф., М., 9 апр. 2019 г. : тез. докл. / РГГУ ; под общ.ред. Ж. Т. Тощенко. – М., 2019. – С. 183–197.
14. Малиновская, Э. Л. Современное состояние историографии вопроса формирования интеллигенции Беларуси в 1920 – 30-х гг. / Э. Л. Малиновская // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навуковы зборнік. Выпуск 11. – Мінск : БДУ, 2016. – С. 115–127.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР БЕЛАРУСИ, РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (В РАМКАХ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»)

О. И. Ажгиревич

Белорусский государственный университет,
факультет международных отношений, ул. Ленинградская, 20,
220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *aojia@inbox.ru*

В статье рассматривается взаимодействие культур Беларуси, России и Китая в рамках проекта «Один пояс – один путь». Предлагаемое исследование представляет собой первую попытку историко-методологического осмысления проекта «Один пояс – один путь» как путь взаимодействия культур Беларуси, России и Китая. Важнейшей составляющей «мягкой силы» Китая и России является культурно-историческое наследие. В исследование обращается внимание на мягкую силу городов в системе «Ухань – Шанхай – Пекин – Тяньцзинь – Калган – Кяхта – Иркутск – Тобольск – Москва – Санкт-Петербург – Полоцк – Гродно – Туров – Брест – Минск – Варшава – Берлин – Амстердам – Лондон». Все эти подходы необходимо развивать в ходе научной, образовательной и культурной совместной деятельности.

Ключевые слова: Великий шелковый путь; Великий чайный путь; культурное взаимодействие; мягкая сила; геополитика; китаеведение; страноведение; культуроведение.

INTERACTION OF CULTURES OF BELARUS, RUSSIA AND CHINA IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION (WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROJECT "ONE BELT – ONE ROAD")

O. I. Azhgirevich

Belarusian State University,
Faculty of International Relations,
Leningradskaya st. 20, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *aojia@inbox.ru*

The article examines the interaction of the cultures of Belarus, Russia and China in the framework of the "One Belt – One Road" project. The proposed research is the first attempt at a historical and methodological understanding of the "One Belt – One Road" project as a way of interaction between the cultures of Belarus, Russia and China. The most important component of the "soft power" of China and Russia is the cultural and historical heritage. The study draws attention to the soft power of cities in the system "Wuhan – Shanghai – Beijing – Tianjin – Kalgan – Kyakhta – Irkutsk – Tobolsk – Moscow – St. Petersburg – Polotsk – Grodno – Turov – Brest – Minsk – Warsaw – Berlin – Amsterdam – London ". All these approaches need to be developed in the course of scientific, educational and cultural joint activities.

Key words: The Great Silk Road; The Great Tea Road; cultural interaction; soft power; geopolitics; sinology; regional studies; cultural studies.

Геополитическое положение белорусских земель, находившихся на пересечении торговых путей «из варяг в греки», на границе между Западом и Востоком, стало основой для формирования Беларуси как одного из центров взаимодействия западной и восточной цивилизаций. Белорусская и русская культура сформировались под существенным воздействием культуры европейской, с народами которой она имеет не только генетическую связь, но и принадлежит к единому христианскому пространству, что позволяет ей общаться с западной цивилизацией на одном языке. В то же время такая культура сохранила живую связь с традиционным общественным укладом, что, в свою очередь, создает серьезный потенциал для осуществления интеграционной роли русской культуры в мировой цивилизации в целом [1].

Тем самым, Беларусь и Россия становится мостом между двумя мирами не только в силу своего географического положения, но и благодаря уникальным, исторически обусловленным особенностям ее культурной действительности, позволяющей непротиворечиво соединять различные полюсы современного культурного пространства.

В современном российском и китайском научном дискурсе происходит актуализация исторического наследия **Великого шелкового и чайного пути** – важных экономических и культурных коридоров, проходивших через весь евразийский континент. Это глобальный культурный исторический проект, по которому осуществлялось взаимодействие китайской, российской и европейской цивилизаций. Он остается высокой мировой культурной ценностью Новейшего времени.

Предлагаемое исследование представляет собой первую попытку историко-методологического осмысления проекта «Один пояс – один путь» как путь взаимодействия культур Беларуси, России и Китая. Важнейшей составляющей «мягкой силы» Китая и России является культурно-историческое наследие [2, с. 12–21]. В исследование обращается внимание на мягкую силу городов в системе «Ухань – Шанхай – Пекин – Кяхта – Москва – Санкт-Петербург – Полоцк – Минск».

Культура страны – это «мягкая сила» взаимодействие народов и цивилизаций, которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя на экономическую политику и деловые связи. Она имеет способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, взаимной симпатии и привлекательности. Именно такой подход позволил Китаю в сравнительно короткие сроки добиться прогресса в повышения престижа страны на мировой арене. Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин в своей речи 14 мая 2017 г. на форуме в Пекине предложил продвигать «дух Шелкового пути», расширяя сотрудничество в науке, образовании и культуре. Это «путь мира», «путь процветания», «путь открытости», «путь инновации» и «путь цивилизации».

В сентябре 2016 г. Президент Беларуси А. Лукашенко находился с визитом в КНР, где была подписана Совместная декларация об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. Таким образом, было заявлено о выведении двусторонних отношений на новый уровень. В июне 2018 г. на очередной

встрече Председателя КНР Си Цзиньпина с А. Лукашенко было отмечено, что Китай рассматривает Беларусь в качестве важного партнера в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Беларусь же, по словам А. Лукашенко, всячески готова укреплять обмены и сотрудничество с Китаем, в том числе и в культурно-гуманитарной области.

Автор уверен, что между нашими странами нужно продвигать взаимное понимание, взаимное уважение и взаимное доверие. Китайский лидер считает, что «в ходе обменов расстояние между сердцами стало ближе», а взаимодействие разнородных культур, религий и этносов стало сильнее [3, с. 3]. На совещании послов в российском МИДе в июле 2012 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил: «Политика “мягкой силы” предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях, не только в материальной, но в духовной культуре и интеллектуальной сфере» [4].

Будучи частью вековых Шелковых трасс, новое прочтение получает и Великий чайный путь. Великий чайный путь – караванный путь между Азией и Европой в XVII–XX веках. Он начинался в Калгане, пересекал территорию нынешней Монголии и через Россию шел в Европу. Чайный путь стоял в одном ряду с нефритовым, солевым, коричным, оловянным и винным путями, а по объемам торгового оборота уступал лишь Великому шёлковому пути [5, с. 141].

«Один пояс – один путь» – это путь взаимного уважения и взаимного доверия, путь сотрудничества и дружбы, путь межцивилизационного взаимодействия. Инициатива китайского правительства базируется на идеях мира и сотрудничества, открытости и толерантности, взаимного заимствования и обмена опытом, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша.

Для выполнения этих задач автор вместе с профессором И. А. Захаренко выступали с научными докладами в Институте географии Китая и Географическом Обществе Китая, университете Фудань и Шанхайском педагогическом университете, Ин-

ституте истории и техники (Пекин) и на научных конференциях в Пекине, Тяньзине, Шанхае, Харбине, Хэйхэ по проектам «Историческая география и картография Великого чайного пути», «Картографический образ России и Китая», «Востоковедное историко-географическое и картографическое познание Китая», «Востоковедное страноведение России и Китая», «История географического изучения и картографирования Дальнего Востока» и с проектом создания историко-географического атласа Великого чайного пути. Автор и профессор И. А. Захаренко непосредственно участвовали в международных экспедициях по Великому чайному пути, где был собран большой культурно-исторический материал.

В рамках развития исследования автор разработал проект «Культура через сказку». Автор издал белорусско-китайскую сказку «Двор Творчества, или Приключения крыски Ольки и ее друзей» [6]. Презентация сказки прошла в Институте Конфуция БНТУ, где было отмечено, что можно издать будущую сказку с рисунками детей, как из Беларуси, так и из Китая. Появилась также идея: написать будущую сказку с русскими и китайскими героями в форме сказочного путеводителя по Великому шелковому и чайному пути.

Великий чайный путь являлся не только каналом экспорта китайской цивилизации на Запад, но и каналом импорта западной цивилизации в Китай. Вместе с тем как Европа импортировала китайский чай, шёлк, фарфор и другие культурные ценности, они экспортировали в Китай фабричные текстильные изделия, современную систему финансов и промышленности [7, с. 98]. Великий чайный путь сохранил свой облик, дух и культуру коммерческих сделок времен каналов и сухопутных и морских способов перевозки.

Профессор Уханьского государственного университета Лю Цзайци, руководитель Центра по изучению России и Украины дал высокую оценку Великому чайному пути: «Китайско-российский чайный торговый путь является важным свидетельством давней истории торговых отношений между двумя государства-

ми и обладает большой привлекательностью для туристов. Открытие памятника «Восточный чайный порт – стартовая точка чайного пути из Китая в Россию», восстановление православного храма в Ухане способствуют дальнейшему экономическому и культурному обмену между Россией и Китаем» [8, с. 197].

В настоящее время Китай прилагает большие усилия для того, чтобы Великий чайный путь был включен в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин назвал его вековым пульсом [9].

Таким образом, символом взаимодействия между Западом и Востоком стал Великий Шелковый и Чайный путь. Он соединил различные страны и народы, связал их материальную, художественную и духовную культуры. Многие века по этим путям осуществлялся обмен идеями, технологиями, традициями, ремеслами, верованиями [10, с. 233].

Взаимодействие культур Беларуси, Китая и России имеет особое значение, так как китайская и русская культуры глубоко традиционны и внесли существенный вклад в систему мировых ценностей. Непонимание китайской культуры лежит в основе многих из тех неверных представлений и ложных позиций, которые оказывают свое влияние на людей, недостаточно знающих Китай. Они стремятся оценить Поднебесную с точки зрения привычных и выработанных, как правило, на базе европейской цивилизации норм, принципов, понятий и стереотипов. Наши культуры необходимо сближать, а не разделять. Более того, необходимо знать историю взаимного познания наших народов [11].

Современная ситуация складывается из исторического опыта и экономических и политических реалий современного мира. Поэтому важно показывать исторические примеры нашей дружбы и сотрудничества. Без этого не добиться взаимопонимания между нашими народами и государствами.

Автором исследован как пример трансграничной международной коммуникации взаимодействие культур в городах Кяхта и Маймайчэн [12]. В результате межкультурной коммуникации

сформировалось новое геокультурное пространство, масштабы которого расширялись с развитием культурных и торговых связей между Китаем и Россией. Современные исследователи отмечают: «Многие известнейшие в России и мире фирмы начала XX в. выросли именно из Кяхтинской чайной торговли [13, с. 24–25]. В этот период был создан особый язык коммуникации, прозванный маймайчэнским или кяхтинским наречием. Маймайчэнское наречие – первый вариант русско-китайского пиджина, распространявшегося по мере расширения контактов русского и китайского населения в приграничной зоне. Это свидетельствует о том, что сближение русской и китайской культур проходило на уровне языка делового общения.

Другим ярким примером межкультурного взаимодействия России и Китая является появление китайского чая и самовара в домах русских семей. При этом за сравнительно небольшой промежуток времени китайский чай стал поистине русским национальным напитком, и в настоящее время пользуется большой популярностью среди русских людей. Влияние русской культуры способствовало появлению в Харбине русского хлеба. В начале XX века в Харбине стали выпекать и продавать русский хлеб, к употреблению которого постепенно пристрастились и китайцы. В это время в разговорный язык китайских жителей Харбина вошло употребляемое и сегодня слово леба – «хлеб» (вместо повсеместно используемого в Китае слова «мяньбао»), а маленькие булки по сей день называют сайкэ.

Первые промышленные предприятия провинции Хубэй были построены более ста пятидесяти лет назад русскими купцами. Пользуясь поддержкой правительства Российской империи, купцы монополизировали чайную торговлю. Их деятельность оставила в Ухане глубокую историческую память. Это более ста архитектурных сооружений в русском квартале Ханькоу. Тут зародилась русско-китайская чайная промышленность. Здесь открыли чайные плантации в Ялондуне и чайные фабрики в Ханькоу. В Ханькоу была основана первая русская концессия в Китае. В истории взаимодействия России и Китая

провинция Хубэй была первым русским коммерческим центром в Китае [14].

По результатам исследования можно сформулировать предложения по укреплению двустороннего сотрудничества Беларуси, России и Китая в культурной сфере:

1. Необходимо продолжить традицию проведения Годов белорусской, русской и китайской культуры. Годы национальных гуманитарных обменов являются самыми эффективными мероприятиями в сфере укрепления сотрудничества в разных областях.

2. Установить культурные обмены на долгосрочную перспективу.

3. Осуществить поддержку межкультурного диалога двух стран.

4. Принимать активное участие в трехстороннем гуманитарном сотрудничестве.

5. Привлекать внимание народов двух стран друг к другу, что позволит сделать межкультурный диалог более тесным. Совершенствование механизма сотрудничества в области укрепления двусторонних культурных отношений Китая, Беларуси и России является важной задачей для эффективности культурного обмена.

6. Открытие консультационных Центров китайско-белорусско-российского сотрудничества в Беларуси, России и в Китае. На базе этих центров должны проходить культурные мероприятия, в Беларуси и России мероприятия должны быть посвящены китайской культуре, а в Китае – белорусской и русской культуре.

7. Необходимо наладить более активный обмен научными кадрами, усилить издательскую деятельность по работе с китайскими и белорусскими авторами.

На сегодняшний день, являясь наследниками Великого Шелкового и Чайного пути, Беларусь, Китай и Россия стремятся проявить себя как надежные экономические партнеры, сотрудничество с которым будет способствовать взаимной выгоде и не несет угрозы миру [15]. Беларусь, Китай и Россия также

выступают как хранители и проводники культурного наследия, которым они стремятся поделиться с миром. Китай, Беларусь и Россия заинтересованы, чтобы их воспринимали как ответственных членов мирового сообщества, заинтересованных в решении мировых проблем и в построении гармоничного мира. Все эти подходы необходимо развивать в ходе научной, образовательной и культурной совместной деятельности с приглашением профессоров российских и китайских университетов, коллективным изданием монографий, научно-популярных книг и статей.

Литература

1. Китай в диалоге цивилизаций = China in the dialogue of civilizations : к 70-летию акад. М. Л. Титаренко / Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока; [редкол.: А. М. Григорьев (отв. ред.) и др.]. – М. : Памятники ист. мысли, 2004 (ППП Тип. Наука). – 835 с.
2. Zakharenko, I. A. The soft power of the Great Way as a «Civilizational Way» of mutural knowledge between Russia and China / I. A. Zakharenko // Studies on cultural soft power. Wuhan, Vol. 3. – 2018. – № 5 (October). – p. 5–11.
3. Си, Ц. Отчет / Ц. Си // Жэньминь жибао. – 2017. – 15.05. – С. 3.
4. Путин, В. В. Искаженный образ России исправит «мягкая сила» [Электронный ресурс] / В. В. Путин // НТВ. – Дата доступа: 14.05.2016.
5. Эйвери, М. Чайный путь: Китай и Россия встречаются через степь / М. Эйвери ; пер. с англ. А. Гилевича. – Beijing: Межконтинент. изд-во Китая, 2004. – 227 с.
6. Ажгиревич, О. И. Двор Творчества, или Приключения крыски Ольки и ее друзей : сказка / О. И. Ажгиревич, Т. Н. Захаренко. – Минск : Шелковый путь Групп, 2021. – 340 с.
7. Фауст, К. Великий торговый путь от Петербурга до Пекина: история российско-китайских отношений в XVIII–XIX веках / К. Фауст ; пер. с англ. С. А. Белоусова. – М. : Центрполиграф, 2019. – 445 с.
8. Лю, Ц. Чайная торговля между Китаем и Россией / Ц. Лю // Общество: политика, экономика, право. – 2009. – № 2. – С. 7.
9. Подача заявления о включении «Великого чайного пути» в список мирового культурного наследия. – Ухань, 2015. – 825 с.
10. Хансен, В. Великий шелковый путь: портовые маршруты через Среднюю Азию : Китай – Согдиана – Персия – Левант / В. Хансен; пер. с англ. С. А. Белоусова. – М. : Центрполиграф, 2014. – 475 с.

11. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; гл. ред. : М. Л. Титаренко. – М. : Восточная лит., 2006–2010.
11. Мясников, В. С. Квадратура китайского круга : избранные статьи / В. С. Мясников. – М. : Восточная лит., 2006. – Т. 1–2.
12. Коваль, М. В. Пограничная русско-китайская торговля в XIX в. / М. В. Коваль // Вестник РУДН, серия История России. – 2013. – № 3. – С. 24–25.
13. Захаренко, И. А. Картографический образ России и Китая: XVI–XVII вв. : монография / И. А. Захаренко, О. И. Захаренко. – Минск : Шелковый путь групп, 2016. – 266 с.
14. Захаренко, И. А. Стратегическая география и картография Восточно-Азиатского пограничного пространства (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И. А. Захаренко. – М., 2008. – 403 с.

ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА БЕЛАРУСІ З АСАБІСТЫМІ АЎДЫЯГІДАМІ «KROKAM»

Я. С. Зяноўка, Э. У. Русецкая, З. А. Дзенісюк, А. Я. Драгун, А. У. Унучак, Н. В. Анофранка, Д. І. Латышэвіч, В. А. Захар'еў, Ю. С. Гецэвіч

АІПІ НАН Беларусі, вул. Сурганава, 6,
220012, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: *evgeniakacan@gmail.com*, *ruselina@gmail.com*,
d.denissyuk@gmail.com, *ndrahun@gmail.com*, *unuchak@gmail.com*,
anofranka.n@gmail.com, *david.latyshevich@gmail.com*,
delfvad@gmail.com, *yuras.hetsevich@gmail.com*

У дадзеным артыкуле разглядаецца праблема захавання культурна-гістарычнай спадчыны Рэспублікі Беларусь у інфармацыйна-лічбавай прасторы. Асобая ўвага надаецца культурнаму турызму і асабліва інтэрактыўным аўдыягідам, якія ў сучасным асяроддзі даюць магчымасць азнаёміцца з захаванымі славутасцямі і мясцінамі нашай краіны. Таксама прадстаўлена вэб-платформа «Krokam», якая змяшчае разнастайныя аўдыягіды па гістарычных падзеях, культурна-гістарычных мясцінах, выставах і музеях у адкрытым доступе.

Ключавыя словы: культурна-гістарычная спадчына; культурны турызм; аўдыягід; анлайн-платформа; прыкладанне; музей; выстава.

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF BELARUS WITH «KROKAM» PERSONAL AUDIO GUIDES

Ja. S. Zianouka, E. U. Rusieckaja, Dz. A. Dzienisiuk, A. Ja. Drahun, A. U. Unucak, N. V. Anofranka, D. I. Latysevic, V. A. Zacharjeu, Ju. S. Hiecevic

UIIP of NASB, Surganova st. 6, 220012,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *evgeniakacan@gmail.com*, *ruselina@gmail.com*,
d.denissyuk@gmail.com, *ndrahun@gmail.com*, *unuchak@gmail.com*,
anofranka.n@gmail.com, *david.latyshevich@gmail.com*,
delfvad@gmail.com, *yuras.hetsevich@gmail.com*

This article deals with the problem of preserving the cultural and historical heritage of the Republic of Belarus in the information and digital space. Special attention is paid to cultural tourism and especially to interactive audio guides, which in information environment provide the opportunity to get acquainted with the preserved sights and landmarks of our country. There is also an online platform «Krokam», which contains a variety of audio guides on historical events, cultural and historical places, exhibitions and museums in the public domain.

Keywords: cultural and historical heritage; cultural tourism; an audio guide; online platform; application; museum; exhibition.

Кожны народ мае сваю культурна-гістарычную спадчыну, якая адыгрывае важную ролю ў захаванні нацыянальнага багацця. Культурная спадчына забяспечвае пераемнасць гістарычнага развіцця грамадства. Укараненне ў грамадстве ідэі аб асцярожных адносінах да культурнай спадчыны і яе захаванні рэалізуецца праз пашырэнне свядомасці таго, што сувязь з мінулым можа быць ўсталявана толькі праз помнікі культуры, якія нясуць у сабе ідэйныя рысы сваёй эпохі і маюць агульначалавечае значэнне і мастацкія вартасці. Да падобных манументаў (мемарыялаў) адносяцца артэфакты археалагічнага, этнаграфічнага, этналагічнага характару, нацыянальныя і рэлігійныя рэліквіі, якія захавалі творы такіх відаў мастацтва, як жывапіс, графіка, прыкладное мастацтва, кіно і фатаграфія. Крыніцамі гісторыка-культурнай спадчыны з'яўляюцца музеі, прыватныя калекцыі, фонды, бібліятэкі і інш. Сюды ж можна ўключыць і захаваныя старажытныя мовы і тапонімы. Усе згаданыя помнікі маюць значную навукова-сацыялагічную каштоўнасць і сацыяльна-гістарычнае значэнне і ацэньваюцца як гісторыка-культурныя артэфакты. Да нерухомых артэфактаў можна аднесці пячоры, стаянкі, руднікі, насыпы і гарадзішчы, якія прыйшлі да нас са старажытнасці, і помнікі архітэктуры розных гістарычных эпох, якія маюць сацыяльна-культурнае значэнне і гістарычную каштоўнасць. Па дадзеных артэфактах мы можам ўявіць сабе дух той эпохі, яе сацыяльны лад і спецыфічнасць, даведацца пра важнейшыя падзеі і выдатных прадстаўнікоў таго часу. Ня трэба

забываць і аб прыродных ландшафтах, да якіх дакранулася чалавечая рука. Гэта тыя запаветныя месцы, дзе жылі нашы продкі. Гэтыя месцы маюць сацыяльна-культурную і эстэтычную, этнаграфічную, антрапалагічную каштоўнасць і на сённяшні дзень. Разуменне і аналіз атрыманага досведу перадаецца праз звычаі і традыцыі, менталітэт, віды і тыпы дзейнасці і г. д., якія вызначаюць культурную ідэнтычнасць дадзенага народа.

Для больш дэталёвага знаёмства з нашай гісторыяй, звычаямі і традыцыямі сучаснае грамадства прапануе выкарыстанне культурнага турызму, які прапаноўвае наведванне гістарычных, культурных славутасцей. Культурны турызм уключае такія напрамкі, як знаёмства з разнастайнымі гістарычнымі, архітэктурнымі ці культурнымі эпохамі праз наведванне архітэктурных помнікаў, музеяў, гістарычных маршрутаў; наведванне культурных мерапрыемстваў: наведванне фестываляў (музычных, тэатральных, кіно), рэлігійных свят, бою быкоў, выстаў і г.д.; наведванне лекцый, семінараў, курсаў навуковай мовы; удзел у фальклорных фестывалях. Пагрузіцца ў культурную атмасферу можна рознымі спосабамі: прачытаць інфармацыю на розных рэсурсах ці наведаць месца, якое вас зацікавіла, што значна лепш для візуальнага ўспрыняцця новай інфармацыі. Для планавання турыстычнага маршруту кожны можа адабраць розныя кірункі: спланаваць падарожжа, выкарыстоўваючы пералік экскурсійных праграм, або выбраць месцы, якія хоча наведаць, самастойна. Адносна новым кірункам на рынку прыкладанняў для падарожнікаў з'яўляюцца аўдыягіды для смартфонаў – зручны варыянт для самастойнага знаёмства з гарадскімі славутасцямі, – якія дазваляюць сабраць у адным месцы карты, аўдыя, фота і тэкставую інфармацыю. Перавага аўдыягідаў над традыцыйнымі папяровымі даведнікамі заключаецца ў магчымасці адначасова праслухаць інфармацыю і разглядзець славутасці. Перавага над індывідуальнымі гідамі – кошт паслуг, даступнасць прафесійных спецыялістаў і мультымоўнасць. Як правіла, паслугі індывідуальнага гіда каштуюць вялікіх грошай і добрага спецыяліста не так проста знайсці. Акрамя таго, не кожны кра-

язнаўца можа валодаць рознымі мовамі, напрыклад, англійскай ці кітайскай. У гэтым выпадку будзе лепш выкарыстаць аўдыягід па незнаёмых мясцінах. Гэта дазваляе адмовіцца ад велізарных карт і цяжкіх даведнікаў. Падарожнік атрымлівае магчымасць не прывязвацца да экскурсійнай групы, даследуючы горад і яго славутасці самастойна ў сваім тэмпе. Сучасныя мабільныя гіды павінны спалучаць у сабе інтэрактыўнасць, даступнасць, інфарматыўнасць і прафесійны кантэнт з дакладных лічбавых крыніц. Карыстальнік вызначае сваё месцазнаходжанне, шукае прыдатныя аб'екты на карце, прадстаўленыя медыя-кантэнтам прыкладання (аўдыявізуальнае апісанне аб'ектаў; гатовыя турмаршруты), і пасля гэтага пачынае маршрут. Нягледзячы на інфарматызацыю і камп'ютарызацыю турыстычных працэсаў і стварэнне ў апошнія гады мабільных гідаў як прыкладанняў для падарожнікаў, неабходна адзначыць слабую насычанасць дадзенага рынку. Канкурэнтаздольныя інтэрактыўныя даведнікі маюць магчымасць геалакацыі і пабудовы маршрутаў, інтэграцыі з сацсеткамі, інтэрактыўнае меню, відэа, аўдыя і інш. Спецыяльныя лічыльнікі дазваляюць весці дэталёвы аналіз узаемадзеяння карыстальніка з кантэнтам.

Супрацоўнікі лабараторыі распазнавання і сінтэзу маўлення АІПІ НАН Беларусі [1] пры падтрымцы спецыялістаў Інстытута гісторыі НАН Беларусі, якія ствараюць кантэнт прыкладання, на працягу апошніх пяці гадоў займаюцца распрацоўкамі інтэрактыўных аўдыягідаў па аглядзе культурна-гістарычных славутасцяў Рэспублікі Беларусь. Найбольш значныя распрацоўкі змяшчаюцца на агульнай вэб-платформе «Krokam», якая прадстаўляе такія плыкладанні, як *аўдыягід па значных гістарычных мясцінах БНР ў гонар 100-годдзя з'яўлення БНР, аўдыягід па значных гістарычных мясцінах Беларускай Народнай Рэспублікі, аўдыягід па археалагічным музеі «Бярэсце», аўдыягід па міжнароднай выставе «Беларусь і Біблія», аўдыягід па музеі НАН Беларусі, аўдыягід «KrokApp» па ўсёй Беларусі, аўдыягід «DRUK VKL» па друкарнях ВКЛ на тэрыторыі Беларусі, аўдыягід па XXVI Міжнародным форуме па інфармацыйна-*

камунікацыйных тэхналогіях ТІБО-2019 (ТІВО) (малюнак 1) [2]. Усе прадстаўленыя распрацоўкі асвятляюць інфармацыю пра розныя культурныя мясціны і гістарычныя падзеі, што дазваляе карыстальніку абраць прыкладанне згодна сваім інтарэсам. Кожнае з прыкладанняў апісвае важную кропку, дае яе кароткае тэкставае і/ці агучанае апісанне і паказвае яе месцазнаходжанне на мапе. Яшчэ адной важнай асаблівасцю з'яўляецца наяўнасць прадстаўлення на розных платформах: анлайн-версія, Android, iOS.

Малюнак 1 – Інтэрфейс анлайн-платформы «Krokam»

Першым гідам у спісе з'яўляецца *БНР100: Аўдыягід па Мінску* [3]. Ён прысвечаны 100-годдзю абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі. Аўдыягід правядзе па мясцінах Мінска, якія звязаныя з БНР. У экскурсіі прадстаўлены наступныя кропкі: месца Курлоўскага расстрэлу (Прывакзальная плошча), друкарня Грынблата, Купалаўскі тэатр, дзе адбыўся Першы Усебеларускі з'езд, будынак Рады БНР на Архірэйскім панадворку, будынак Урада БНР (дом мінскага губернатара на плошчы Свабоды), Дом незалежнасці па вуліцы Валадарскага, 9, дзе 25 сакавіка 1918 года была абвешчана незалежнасць БНР, і іншыя кропкі, звязаныя з гісторыяй і асобамі БНР. Аўдыягід даступны на беларускай і англійскай мовах. Працягам дадзенага праекта стаў *аў-*

дыягід па значных гістарычных мясцінах Беларускай Народнай Рэспублікі, які ўключае ў сябе важныя мясціны Мінска, Гародні, Случчыны [4].

Наступным аўдыягідам з'яўляецца *аўдыягід па археалагічным музеі «Бярэсце»*, унікальным археалагічным музеі, размешчаным ў горадзе Брэсце [5]. Гэта адзіны ў Еўропе музей сярэдневечнага ўсходнеславянскага горада, філіял Брэсцкага абласнога краязнаўчага музея і адзін з найбольш папулярных музейных аб'ектаў Брэста. Аўдыягід падтрымлівае 5 моў: беларускую, рускую, англійскую, польскую, кітайскую. На дадзены момант прадстаўлены 67 экспанатаў, размешчаныя ў 13 залах, а таксама галоўны экспанат музея – археалагічны раскоп плошчай 1118 квадратных метраў.

Пазнаёміцца з ўнікальным міжнародным выставачным праектам «Беларусь і Біблія», арганізаваным Нацыянальнай бібліятэкай Беларусі і Групай даследавання рукапісаў (ЗША), можна выкарыстоўваючы *аўдыягід па міжнароднай выставе «Беларусь і Біблія»* [6]. Экспазіцыя адлюстроўвае гісторыю Бібліі ад ранніх каштоўных рукапісаў да нашых дзён. На выставе дэманструюцца рарытэты з Нацыянальнай бібліятэкі і замежных прыватных збораў. Асноўную частку экспазіцыі складаюць арыгіналы. Да найбольш значных адносяцца піктаграфічныя і клінапісныя таблічкі Месапатаміі (3–2 тыс. гадоў да н. э.), папірусныя фрагменты «Іліяды» Гамера (I ст. н. э.), байкі Эзопа (I ст. да н. э. – I ст. н. э.), сярэдневечныя манускрыпты на пергаменце, калекцыя разнастайных твораў, першадрукаваныя біблейскія тэксты, кнігі часоў Рэфармацыі, першыя пераклады Бібліі на нацыянальныя мовы, паліглоты і ілюстраваныя Бібліі. Выстава мае вялікую творчую пляцоўку, дзе можна было навучыцца пісаць гусіным пяром у «рукапіснай майстэрні», пабыць друкаром і самому надрукаваць старонку з Бібліі Францыска Скарыны, паскладваць пазлы, сфатаграфавацца ў фотазоне «Каўчэг Ноя» і іншае. Упершыню ў Беларусі экспанаваліся рарытэты сусветнай значнасці, узрост якіх дасягае 5 тысяч гадоў, таму можна ўявіць значнасць выставы і магчымасці яшчэ раз дакрануцца да сусветнай гісторыі.

Нацыянальная акадэмія навук Беларусі (НАН Беларусі) ажыццяўляе арганізацыю і каардынацыю фундаментальных і прыкладных навуковых даследаванняў, якія выконваюцца ўсімі суб'ектамі навуковай дзейнасці, праводзіць фундаментальныя і прыкладныя навуковыя даследаванні і распрацоўкі па важнейшых напрамках прыродазнаўчых, тэхнічных, гуманітарных, сацыяльных навук і мастацтваў у мэтах атрымання новых ведаў аб чалавеку, грамадстве, прыродзе і штучна створаных аб'ектах, для павелічэння навукова-тэхнічнага, інтэлектуальнага і духоўнага патэнцыялу Рэспублікі Беларусь. У будынку прэзідыума НАН Беларусі існуе музей, які прадстаўляе разнастайныя экспанаты, прысвечаныя розным навуковым напрамкам [7]. *Аўдыягід па музеі Нацыянальнай акадэміі навук* адлюструе экспанаты ў галінах энэргетыкі і оптаэлектронікі, космасу, інфармацыйных тэхналогій, аграпрамысловасці, галаграфіі і інш. Акрамя таго, кожны карыстальнік можа даведацца аб экспазіцыі распрацовак і Музеі гісторыі НАН.

Усе зацікаўленыя ў гісторыі беларускай пісьменнасці могуць выкарыстаць *аўдыягід «Druk VKL»* [8], які пакажа вам друкарні Вялікага Княства Літоўскага: у Вільні, Берасці, Нясвіжы, Лоску, Цяпіне, Заблудаве, Любчы. «Druk VKL» распавядзе, якая друкарня была першай на тэрыторыі сучаснай Беларусі, а якая першай пачала выкарыстоўваць кірыліцу ў сваіх выданнях. Вы даведаецеся, дзе была надрукавана першая кніга на тэрыторыі сучаснай Беларусі, дзе быў выдадзены Статут ВКЛ, хто з беларускіх палітычных дзеячаў ахвяраваў гадавы даход з усіх сваіх маёнткаў на выданне Бібліі і шмат іншага пра гісторыю Беларусі і кнігадрукавання. Дадзенае прыкладанне распрацавана да 500-годдзя беларускага кнігадрукавання і беларускай Бібліі.

Рэспубліканскі форум «ТІБО» праводзіцца ў Рэспубліцы Беларусь на штогадовай аснове і ўяўляе сабой пляцоўку для абмену новымі дасягненнямі і перадавым вопытам у сферы інфармацыйных тэхналогій. Супрацоўнікам лабараторыі распазнавання і сінтэзу маўлення АІПІ НАН Беларусі была дадзена ўнікальная магчымасць распрацаваць *аўдыягід па XXVI Міжнародным фо-*

руме па інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогіях ТІБО-2019 (TIBO) [9]. Наведвальнікі форуму – прадстаўнікі органаў дзяржаўнага кіравання ўсіх узроўняў, міжнародных арганізацый і дыпламатычных місій, прафесійных і бізнес-асацыяцый, навукова-даследчых і адукацыйных устаноў, дзяржаўных і прыватных кампаній, СМІ – атрымалі магчымасць пазнаёміцца віртуальна з экспазіцыяй выставы наступных напрамкаў: нацыянальная інфармацыйная інфраструктура; інфармацыйна-камунікацыйныя паслугі; комплексныя рашэнні для тэлекамунікацыйных апаратараў; паслугі па праектаванні і будаўніцтве тэлекамунікацыйных сетак; лічбавае тэле-, радыё-, інтэрнэтвяшчанне і кінавытворчасць; мабільныя сэрвісы і прыкладанні; інфармацыйныя тэхналогіі ў гарадскім і жыллёва-камунальным сектары; інфармацыйныя тэхналогіі ў сацыяльна-культурнай сферы; геаінфармацыйныя і навігацыйныя тэхналогіі; лічбавыя тэхналогіі ў паліграфічнай і выдавецкай дзейнасці; робататэхніка і інш.

Адной з галоўных распрацовак лабараторыі з'яўляецца інтэрактыўны аўдыягід «*KrokApp*». З дадзенай праграмай можна пазнаёміцца на афіцыйным сайце аўдыягіда [10], можна спампаваць мабільную версію для Android ці iOS. Для карыстальнікаў, якія жадаюць праглядзець маршрут на камп'ютары, даступна анлайн-версія прыкладання. «KrokApp» – гэта IT-платформа, якая дазваляе пачуць цікавыя факты, практычную інфармацыю і карысныя падказкі па ходзе руху чалавека па мясцовасці. Аўдыягід прапаноўвае два рэжымы выбару славутых мясцін: месцы і мапа Беларусі, на якой нанесены розныя мясціны па гарадах. Пасля абрання горада, у якім зацікаўлены карыстальнік, праграма выдае спіс аб'ектаў, з якімі можна пазнаёміцца. Апісанне кожнай мясціны пацвярджаецца афіцыйнымі навуковымі крыніцамі, зацверджанымі спецыялістамі Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Інфармацыя прадстаўлена ў аўдыя-, фота- і тэкставым фармаце: можна як праслухаць, так і прачытаць апісанне. Зараз «KrokApp» змяшчае славутасці больш 60 гарадоў Беларусі. А гэта, у сваю чаргу, больш за 250 гісторыка-культурных аб'ектаў.

Кантэнт даступны на трох мовах – беларускай, англійскай, рускай. Ужо распрацаваны прататып для чэшскай і кітайскай моў. Кантэнт-правайдэры актыўна дадаюць інфармацыю на агульны сервер krokapp.com, які імгненна дае доступ да электронных даных усім карыстальнікам.

Такім чынам, распрацаваны супрацоўнікамі лабараторыі распазнавання і сінтэзу маўлення АІПІ НАН Беларусі праект «Krokam» накіраваны на забеспячэнне якаснага сэрвісу і прадстаўлення гісторыка-культурнай спадчыны гарадоў і мясцін Беларусі усім зацікаўленым, што прывядзе да зацікаўленасці спадчынай беларускай культуры мясцовых жыхароў гарадоў і іншых населеных пунктаў. Акрамя таго, платформа дае магчымасць развіваць рэкламу для прасоўвання малавядомых рэгіянальных аб'ектаў культурнай і гістарычнай значнасці, павышае ўзровень нацыянальнай самасвядомасці жыхароў Беларусі і прыцягвае ўвагу да аб'ектаў культурнай і гістарычнай значнасці, якія знаходзяцца ў аварыйным стане (аб'екты дойлідства). Мы таксама зацікаўлены ў пашырэнні сувязей з беларускімі навукоўцамі, філолагамі і выкладчыкамі для стварэння і распрацоўкі новых аўдыягідаў для краязнаўчых музеяў, выстаў і іншых арганізацый з мэтай павелічэння ведаў беларускай супольнасці аб разнастайных распрацоўках для захавання культурна-гістарычнай спадчыны.

Літаратура

1. Лабараторыя распазнавання і сінтэзу маўлення [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://ssrlab.by/. – Дата доступу: 18.02.2020.
2. Krokam па тутэйшым краі і ваколіцах з вашым асабістым аўдыягідам [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://krokam.com/#. – Дата доступу: 01.03.2020.
3. BNR 100 [Электронны рэсурс] // Google play. – Рэжым доступу: https://play.google.com/store/apps/details?id=by.ssrlab.BNR&hl=be. – Дата доступу: 14.08.2020.
4. Інтэрнэт-версія аўдыягіда, прысвечанага тэме «Беларуская Народная Рэспубліка» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://bnr.krokam.by/. – Дата доступу: 04.09.2020.

5. Аўдыягід па археалагічным музеі «Бярэсце» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://krokam.com/biarescie. – Дата доступу: 10.03.2020.
6. Аўдыягід па міжнароднай выставе «Беларусь і Біблія» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://krokam.com/belarus-bible. – Дата доступу: 10.03.2018.
7. Аўдыягід па музеі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://krokam.com/NASBelarus. – Дата доступу: 18.03.2020.
8. Druk VKL [Электронны рэсурс] // Google play. – Рэжым доступу: https://play.google.com/store/apps/details?id=by.ssrlab.druk&hl=be. – Дата доступу: 18.01.2020.
9. Аўдыягід па XXVI Міжнароднаму форуму па інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогіях ТІБО-2019 (TIBO) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://krokam.com/tibo2019. – Дата доступу: 27.12.2019.
10. KrokApp – персанальны аўдыягід па гарадах Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://krokapp.by/. – Дата доступу: 26.09.2019.

МЕДЫЯПРАСТОРА СУЧАСНАГА МУЗЕЯ: КАМУНІКАТЫЎНЫ АСПЕКТ

В. Ю. Себруковіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў,
факультэт інфармацыйна-дакументных камунікацый,
вул. Рабкораўская, 17, 220007,
Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: *veronikasebrukovich88@tut.by*

У артыкуле разглядаецца праблема тэарэтычнага асэнсавання ініцыяцыі сучаснага музея ў медыяпрастору, выпрацоўкі і ўдакладнення новых спецыфічных тэрміналагічных сістэм у музеязнаўчай тэорыі і практыцы, у прыватнасці канцэпта «медыяпрастора», узнікненне якіх звязана з актыўнымі працэсамі дыджыталізацыі сферы музейнай дзейнасці. Засяроджана ўвага на камунікатыўным аспекце прэзентацыі музея ў медыяпрасторы.

Ключавыя словы: медыяпрастора; музей; музейная камунікацыя.

MEDIA SPACE OF THE MODERN MUSEUM: THE COMMUNICATIVE ASPECT

V. Yu. Sebrukovich

Belarusian State University of Culture and Arts,
Faculty of Information and Document Communications,
Rabkorauskaya st. 17, 220007,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *veronikasebrukovich88@tut.by*

The article deals with the problem of theoretical understanding of the initiation of the modern museum in the media space, the development and refinement of new specific terminological systems in museum theory and practice, in particular the concept of «media space», the emergence of which is associated with the active processes of digitalization of the field of museum activity. The article focuses on the communicative aspect of the museum's presentation in the media space.

Keywords: media space; museum; museum communication.

Сучасныя музеі становяцца не толькі актыўнымі ўдзельнікамі медыяпрасторы, але ўжо з'яўляюцца яе часткай, дзе адбываюцца глабальныя структурныя і змястоўныя транфармацыі, якія маюць уплыў на фарміраванне новых фарматаў камунікацыі з наведвальнікамі ў выглядзе анлайн-праектаў, віртуальных лекцый, экскурсій, перфомансаў.

У рамках акрэсленай тэмы дадзенага артыкула варта, перш за ўсё, звярнуцца да тэарэтычнай рэфлексіі канцэпта «медыяпрастора» як феномена сучаснага інфармацыйнага грамадства, з'яўленне якога дэтэрмінавана агульнымі працэсамі дыджыталізацыі, што няўхільна паўплывала на мадыфікацыю агульнага культурнага ландшафта, і, у прыватнасці, музейных інстытуцый.

Шматаспектнасць, невычарпальнасць паняцця «медыяпрастора» і вытворчых ад яе сінанімічных абазначэнняў «медыясфера», «інфармацыйна-камунікатыўная прастора», «масмедыйная прастора», «медыясістэма» і інш. выклікае да неабходнасці актыўнай навуковай дыскусіі на тэму медыятызацыі музейнай дзейнасці, трансфармацыі самаго музея як сацыякультурнага інстытута, перагляду сутнасці і формаў прадстаўніцтва музеяў у медыяпрасторы [6]. Гэта таксама з'яўляецца перадумовай для разгортвання навуковых дыскусій на тэму сутнасці самаго канцэпту «медыяпрастора» ў кантэксце музеязнаўства, а таксама аб месцы, значнасці музейных устаноў у інфармацыйнай прасторы.

На сённяшні дзень аднак не існуе адназначнага навуковага погляду на змест і архітэктоніку вызначэння «медыяпрастора».У сувязі з гэтым вельмі важна прааналізаваць вышэйзгаданыя дэфініцыі, датычныя паняцця «медыяпрастора» для далейшага яго тэрміналагічнага ўдакладнення і фармалізацыі.

Спробы раскрыцця сутнасці дэфініцыі «медыяпрастора» знаходзяць сваё адлюстраванне ў навуковых працах гуманітарнай сферы замежных даследчыкаў і навукоўцаў на постсавецкай прасторы, у прыватнасці культуралогіі, журналістыцы, сацыялогіі, філасофіі і іншых сацыяльна-гуманітарных дысцыплінах.

Дэфініцыя «медыяпрастора» (англ. «media space») упершыню сустракаецца ў англамоўнай літаратуры ў 80-я гады XX ст.

Канцэптуалізацыя дадзенага тэрміна разумелася як «метафара фізічнай прасторы, яе сурагат» [9].

На сённяшні дзень, у шырокім, неаформленым значэнні пад тэрмінам «медыяпрастора» разумеецца ўсё поле магчымасці выкарыстання патокаў інфармацыі [4, с. 56]. Найбольш актыўныя дыскусіі апошнім часам назіраюцца сярод расійскіх навукоўцаў гуманітарнай сферы.

Расійскі даследчык І. М. Дзялашынскі абазначае тэрміны «інфармацыйная прастора», «інфармацыйнае поле», «інфармацыйнае асяроддзе» як сэнсавыя папярэднікі вызначэння «медыяпрастора» і бачыць пэўныя сінанімічныя суадносіны паміж дадзенай групай дэфініцый [2]. Грунтуючыся на кампанентным разуменні медыяпрасторы, аўтар абазначае тэрмін як з аднаго боку «нейкай умоўнай тэрыторыі, на якой размяшчаецца інфармацыя і яе носьбіты», а з другога – як «сістэмы адносін паміж вызначанымі суб'ектамі наконт вытворчасці, распаўсюджвання, перапрацоўкі і спажывання масавай інфармацыі» [3, с. 27].

У ракурсе сацыяльных узаемаадносін аўдыторыі і сродкаў масавай камунікацыі (СМК) А. М. Юдзіна разглядае тэрмін «медыяпрастора» як «асаблівую рэальнасць, якая з'яўляецца часткай сацыяльнай прасторы і арганізуе сацыяльныя практыкі і прадстаўлення агентаў, уключаных у сістэму вытворчасці і спажывання масавай інфармацыі» [6]. Такім чынам, даследчыца надае асэнсаванню феномена медыяпрасторы асаблівае месца як праекцыі на структуру і развіццё сацыяльнага грамадства, а таксама характарызуе дадзены тэрмін як «натуральна ўзнікшую сацыяльную структуру, частку сацыяльнай прасторы» [7, с. 152].

Раскрываючы сутнасць феномена «медыяпрастора» расійская даследчыца звяртае ўвагу на яго састаўны характар, вылучаючы наступныя формы рэпрэзентацыі медыяпрасторы:

1. Фізічная прастора (матэрыяльная і фізічная аснова вытворчасці і перадачы інфармацыі);

2. Прастора сацыяльных адносін (сацыяльныя адносіны агентаў медыяпрасторы);

3. Сімвалічная прастора (інфармацыйны сімвалічны прадукт, у форме якога распаўсюджваецца інфармацыя) [7].

У падтрымку А. М. Юдзінай даследчык В. Р. Вадап'ян раскрывае аўтарскае бачанне тэрміна «медыяпрастора» праз вызначэнне яго як «адкрытай сацыяльнай сістэмы, якая ствараецца ўзаемаабумоўленай цэласнасцю адносін вытворцаў і спажыўцоў масавай інфармацыі, якая перадаецца праз сродкі СМК» [1].

Тэма працэсаў медыятызацыі беларускіх музеяў, функцыянавання культурных інстытуцый у межах медыяпрасторы знаходзіць адлюстраванне ў навуковых разважаннях айчынных даследчыкаў Гужалоўскага А. А., Джуманатаевай Т. А., Мірончык В. У., Скакун Л. С., Трапянка У. А., Худніцкай А. В. У сваіх працах навукоўцы звяртаюцца да розных аспектаў функцыянавання і фарматаў прэзентацыі музея ў медыяпрасторы. Таксама абмеркаванне дадзенага пытання сустракаецца і ў публікацыях іншых аўтараў, у пераважнай большасці непасрэдна музейных спецыялістаў, у зборніках канферэнцый, навуковых артыкулах друкаваных і электронных выданняў.

Абагульняючы даследчыцы досвед, можна канстатаваць той факт, што дэфініцыя «медыяпрастора» даволі кампанентная, шматгучная ў сваім разуменні, што выклікае пэўныя складанасці ў яе канчатковай фармалізацыі. Відавочна, што ў кантэксце музеязнаўчай практыкі медыяпрастора разглядаецца не толькі як адзін з вызначальных і накіроўваючых фактараў успрыняцця іміджавага вобразу сучаснага музея, але і як дзейсны інструмент новага фармату ўзаемадзеяння з аўдыторыяй, хуткі спосаб інфармавання аб падзеях у музеі, платформа для прафесійных, творчык кантактаў, прэзентацыі дзейнасці музейных устаноў.

Асаблівасцю функцыянавання медыяпрасторы ў культурным асяроддзі з'яўляецца знакава-семантычная прырода першай. Тым самым, зыходзячы з узмацнення ролі інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій, медыяпрастора выступае у якасці істотнага рэгулятара грамадскіх адносін, а ў дачыненні да музейных інстытуцый садзейнічае фарміраванню спецыфічнага погляду наведвальнікаў на музей не толькі як на храм на-

вукі і культуры, з арыентацыяй на функцыі камплектавання і захоўвання. У гэтым выпадку музей становіцца больш адкрытым і даступным для шырокай аўдыторыі, пашырае свае межы і прэзентуе сябе як крэатыўная пляцоўка для творчай рэалізацыі, як жывы арганізм функцыянавання і інтэрпрэтацыі культурных сэнсаў, увасобленых у артэфактах культуры [5].

Трансфармацыя і пераарыентацыя музея адбываецца на тэхналагічным і камунікатыўным узроўнях. У рамках дадзенага артыкула лічым патрэбным засяродзіць увагу менавіта на камунікатыўным аспекце ініцыяцыі музея ў медыяпрастору як актуальнага пытання. Праз трансляцыю музеем культурнай спадчыны праз інфармацыйна-камунікатыўныя каналы адбываецца фарміраванне лічбавага культурнага асяроддзя са сваімі асаблівымі правіламі і механізмамі існавання, якія садзейнічаюць адкрытасці, дынамічнасці музея. Гэтая трансфармацыя знаходзіць сваё адлюстраванне ў формах прадстаўніцтва музея ў глабальнай сетцы, а менавіта, перш за ўсё, прадстаўніцтва ў сацыяльных сетках і Інстаграм як найбольш дэмакратычных і нефармальных па форме трансляцыі інфармацыі, агульнай камунікацыі і магчымасці прадастаўлення дыялагічнага фармату зносін з віртуальнымі наведвальнікамі. Трэба заўважыць, што працэс медыятызацыі музеяў двухбаковы. Гэта значыць, што разам з засваеннем музея медыяпрасторы адбываецца пранікненне характэрных рыс сферы медыя ў музейную прастору, такіх як віртуальнай і інтарактыўнай.

Музеі пашыраюць камунікацыйныя магчымасці, не толькі праз прэзентацыі сваёй дзейнасці ў медыяпрасторы на афіцыйных сайтах, сацсетках і інш. Таксама адбываецца насычэнне інтэрактыўных форм узаемадзеяння з музейнай аўдыторыяй за кошт мультымедыйнага суправаджэння экспазіцыйных і выставачных праектаў, якія дапамагаюць папулярызаваць аб'екты культурнай спадчыны, далучыць і актывізаваць наведвальнікаў. У цэлым, агульная тэндэнцыя засваення сучаснымі музеямі свету медыяпрасторы, дазваляе бачыць даволі актыўную дынаміку ў гэтым накірунку. Апошнія падзеі, выкліканыя распаўсюджваннем пандэміі COVID-19, дэманструюць актывізацыю музейных

інстытуцый у пашырэнні форм віртуальнай камунікацыі праз ініцыяцыю віртуальных, анлайн-праектаў, віктарын квэстаў і г.д.

Беларускія музеі, кіруючыся агульнымі тэндэнцыямі лічбавых трансфармацый музейнай практыкі, прайшлі пэўнае выпрабаванне на гатоўнасць да інтэграцыі ў медыяпрастору. На фоне пандэміі каранавіруса былі прадэманстраваны магчымасці дзяржаўных музеяў па прысутнасці ў прасторы Інтэрнэце.

Апошнім часам у музеях Беларусі актывізавалася работа па ўкараненні перадавых тэхналогій і новых метадаў работы ў медыяпрасторы. Большасць музеяў Беларусі, як рэспубліканскага ўзроўню, так і рэгіянальнага, ладзяць анлайн-трансляцыю выставак, віртуальных экскурсій, лекцый, праводзяць навуковыя мерапрыемствы ў анлайн-фармаце. Так, у Брэсцкім абласным краязнаўчым музеі стартаваў анлайн-праект «З цемры на святло» аб фондавых калекцыях. Бярозаўскі гісторыка-краязнаўчы музей распрацаваў анлайн-праект «Гісторыя аднаго дня» аб важнейшых падзеях Беларусі і рэгіёнаў. Для забеспячэння аптымальных умоў наведвання філіяла Дзяржаўнага літаратурнага музея Янкі Купалы «Акопы» створаны віртуальны тур і ўсталявана візуальна-графічная камунікатыўная сістэма і інш. Цікавыя і разнастайныя фарматы лічбавай камунікацыі выкарыстоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь. Створаны 3D віртуальныя туры па выставах «1919: Беларуская Рэспубліка» і «#дакладнасць свет ваенных тапографаў», цыкл анлайн-экскурсій па выставе калекцыянера У. Ліхадзедава «Вайна і мір. Вяртанне», адкрыццё якой таксама транслявалася ў прамым эфіры на платформе Instagram. Незвычайным таксама стаў медыя-праект Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь «Кераміка: тутэйшае», які трансліраваўся ў сацыяльных сетках музея ў выглядзе выдэа-кантэнту.

У 2020 годзе былі створаны новыя сучасныя музейныя экспазіцыі. Сярод найноўшых – маштабная экспазіцыя «Абарона ўсходняга форту» ў Мемарыяльным комплексе «Брэсцкая крэпасць-герой», якая была адкрыта 3 ліпеня 2020 года.

Такім чынам, глабальная культурная прастора, ва ўмовах якой існуе і развіваецца сучасны музей, падвяргаецца сутнасным глыбінным зменам, выкліканымі імклівым укараненнем інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій па ўсіх накірунках дзейнасці культурных інстытуцый. Можна ўпэўнена гаварыць пра тэндэнцыю да віртуалізацыі сучасных айчынных музеяў, якая выклікана як уплывам знешніх фактараў, так і патрэбамі і спецыфікай інфармацыйнага грамадства.

Дэфініцыя «медыяпрастора» мае кампанентны, міждысцыплінарны характар. Адзначаецца таксама тэрміналагічная няўзгодненасць у даследаванні дадзенага тэрміна. Сучасныя беларускія музеі ў перыяд пандэміі паказалі ўзровень камунікацыі і прыцягнення наведвальнікаў, што пацверджана шэрагам забаўляльных, адукацыйных і іншых праектаў музейных інстытуцый.

Літаратура

1. Водопьян, В. Г. Медиапространство в сфере массовой коммуникации: социокультурная реальность [Электронный ресурс] / В. Г. Водопьян // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер.: Регион.: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – №1 (194). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-v-sfere-massovoy-kommunikatsii-sotsiokulturnaya-realnost. – Дата доступа: 02.05.2021.
2. Дзялошинский, И. М. Медиапространство России: экологический аспект [Электронный ресурс]/ И. М. Дзялошынский // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – №1. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-rossii-ekologicheskiy-aspekt. Дата доступа: 24.04.2021.
3. Дзялошинский, И. М. Современное медиапространство России : учеб. пособие для студентов вузов / И. М. Дзялошинский. — М. : Аспект Пресс, 2017. – 312 с.
4. Монастырева, О. В. Медиапространство: обзор представлений и подходов к пониманию / О. В. Монастырева // Вестн. Амур. гос. ун-та. – 2010. – Вып. 50. – С. 56–62.
5. Себрукович, В. Ю. Музей в условиях современных социокультурных трансформаций [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2019. – №13. – Режим доступа: http://journal.mrsu.ru/arts/muzej-v-usloviyax-sovremennyx-sociokulturnyx-transformacij. – Дата доступа: 01.05.2021.

6. Себруковіч, В. Ю. Прадстаўніцтва рэгіянальных музеяў Беларусі краязнаўчага профілю ў медыяпрасторы / В. Ю. Себруковіч // Першы Рэспубліканскі краязнаўчы форум Беларусі ў рамках Года малой радзімы: зборнік матэрыялаў. У 2 т. Т.1 / укл. : П. М. Сапоцька, Ю. В. Юшкевіч; рэдкал.: А. М. Карлюкевіч (старшыня) і інш. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2020. – С. 279–283.
7. Юдина, Е. Н. Медиапространство как новая социологическая категория [Электронный ресурс] / Е. Н. Юдина // Преподаватель XXI век. – 2008. – №2. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-kak-novaya-sotsiologicheskaya-kategoriya. – Дата доступа: 02.05.2021.
8. Юдина, Е. Н. Развитие медиапространства современной России : (на примере телевидения) : автореф. дис. ... докт. социол. наук : 07.00.02 / Е. Н. Юдина; Моск. педагог. гос. ун-т. – М., 2008 – 35 с.
9. Media space report [Electronic resource] / prep. B. Stults // Virginia Tech.– Mode of access: https://people.cs.vt.edu/srh/Downloads/Media%20Space%20Report.pdf. – Date of access: 27.04.2021.

ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР КАК ЧАСТЬ САМОПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

О. Е. Гопиенко

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *gopienko@bsy.by*

В статье анализируется современная ситуация по применению виртуальной реальности. Исследуется способность личности адаптироваться в техномире и его влиянии на самоидентификацию человека.

Ключевые слова: виртуальная реальность; виртуальное пространство; самоидентификация; формирование личности.

VIRTUAL WORLD AS A PART OF HUMAN SELF-RECOGNITION

O. E. Gopienko

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *gopienko@bsy.by*

The article analyzes the current situation in the use of virtual reality. The ability of a person to adapt to the techno world and its influence on human self-identification is investigated.

Key words: virtual reality; virtual space; self-identification; personality formation.

Человек всегда пытался моделировать реальность. Это уникальная творческая способность толкает его на бесконечные поиски создания «своей вселенной». Причины такого движения извечно волновали человечество и выражались изначально в мифологии у всех народов, затем перешли в научные разветвления познания мира.

В первую очередь осознание собственной исключительности на земле как вида заставляет каждого пережить взволно-

ванность безмерного удивления. «Это удивление – лучшее, что выпадает на долю человека» [1, с. 19]. Во всем мире никакое создание не равнозначно человеку в поиске самоидентификации. «От всех вещей человек был бы отличен уже тем, что он живет в смысловом измерении своей жизни. Животное, бесспорно, обладает определенными функциями интеллекта. Но животное все-таки не живёт с неким "смыслом", со "смыслом жизни", не имеет общего плана своего будущего, мнения о том, ладится или не ладится его жизнь, не имеет мерила, идеала, с позиции которого судит о своей ситуации, оценивает разумность или неразумность своего образа жизни. Однако все это и составляет суть человека. Мы *всечасно* живем в распахнутости нашего бытия, в открытости "смыслу", задаче, счастью и несчастью... "Непонятность" жизни, о которой мы говорим, непостижимость, таинственный характер – все это черты и моменты, которые могут встретиться только в жизненной сфере существа, в своем существовании определяемого *пониманием*. Не сначала – мы, а потом приходящее понимание – нет, мы как раз и суть *понимающие*, смыслу-открытые. Человеческое существование – это пребывание, истолкованное внутри себя самого. Человеческое бытие существует в смысловом пространстве интерпретированное» [1, с. 49–50].

Отдельной глобальной темой для исследования является утверждение предопределенности жизни человека. По мнению выдающегося немецкого феноменолога Евгения Финка является заблуждением утверждение, что «мифологическими представлениями… толкованием смысла человеческого бытия нас награждают сверхчеловеческие силы» [1]. Ученый утверждает: миф не признает, что важные смысловые элементы прорастают из самого бытия, а возлагает ответственность за это на некое откровение. Существа, более совершенные, нежели человек, знающие, как обстоит дело с человеческой жизнью, предоставляли свое «высшее» знание в распоряжение смертных. «Учение о жизни, в котором обитает человеческий род, институты, на которые он опирается, домашний очаг с благословением пенат, собственность, административная власть, государство и, сверх

всего, в связи с небесными Создателями, культ – все это, с точки зрения мифа, не является творением человека» [1, с. 51].

Основным тезисом ученого проходит мысль об уникальной способности самоидентификации. «Человек обладает возможностью вырабатывать из себя тот свет понимания, в котором он обнаруживает себя, возможностью самому интерпретировать, приводить в движение свой собственный дух, свой конечный разум и не только выполнять работу понятия на вещах, но и применять эту логическую работу к самому себе» [1].

Созидая вокруг себя мир – предметов, образов, смыслов – человек формирует зону самоидентификации, которая в свою очередь влияет на него же. Эта зона – сложный продукт, создающийся как из глубоко личностных понятий, так и из внешних атрибутов исторически сложившегося социума. Каждая из сфер – микро- и макро-исследование внутри себя самого. При появлении новых областей деятельности, с развитием технологий, появляется новая грань самопознания. К горизонтальным сферам освоения физического пространства активно подступает виртуальное. Интерес к нему велик из-за множества причин. В первую очередь – это придуманный искусственно созданный мир внутри объективного мира.

Современные поколения находятся в мощном потоке технологических экспериментов, которые параллельно являются и экспериментами психологическими, и культурологическими, и социальными. На наших глазах меняются запросы людей в культурном и социальном контексте. Механическое накопление ценностей материального мира сместилось в мир цифровых объектов: завоевание цифровой аудитории, цифровых денег, цифрового здоровья и интеллекта. Скорость захвата цифровой империи пугает, но запущенный вектор движения не остановить. Возможно лишь, будучи участником или зрителем развивающегося масштабного потока, проводить социологические и прочие исследования для вероятно контролируемого процесса развития технологий. Скорее всего, именно регулирование (власть) глобального хода, влияние на развитие какого-нибудь

явления, и является целью создания «идеального мира» – мира виртуального.

Очень велики показатели отклонения от реальности в прогнозах некоторых ученых. Ведутся постоянные попытки предъявить негативные воздействия виртуальной зависимости, как на отдельного человека, так и на сообщество в целом. Компьютерная сеть является опасным заменителем реальности, сравнимая зачастую с наркотической или алкогольной зависимостью. Эскапизм, манипуляция сознанием, физические проблемы со здоровьем, конфиденциальность и информационная безопасность – все эти проблемы также подвергаются всестороннему исследованию.

Все новое пугает. Мы защищены природными инстинктами в доверии только исторически проверенным и принятым понятиям и явлениям. Видимо сейчас по-иному можно посмотреть на неодобрительное отношение к новаторским изобретениям людей во все времена – к станкам, машинам, кинематографу и т.п. И так как ход истории не остановить, и с удаленности нашего положения очевидны преимущества изобретений прежних столетий, человечество приступает к «перевариванию» современного витка технологий и уже появляются первые положительные результаты исследований, которые стали возможны благодаря виртуальному миру.

Виртуальные пространства стали служить разного рода исследовательским и образовательным целям, а также используются для изучения человеческого поведения. Например, исследуя запросы подростков (как наиболее близкое к будущему поколение), можно определить их отношение к репродуктивному здоровью или к политике. В отношении взрослых с устоявшейся психикой проводятся исследования эмоциональных воздействий – в помощь психиатрии в виртуальном мире были изучены паника и агорафобия. Созданные виртуальные личности способны помочь в развитии теории самоконтроля, самосовершенствования и других теорий личности.

Так как проблема идентичности личности, как отмечают исследователи, носит многофакторный характер и существует

не сама по себе, а как часть окружающего мира, с которым она взаимодействует и к которому она приспосабливается на протяжении всей своей жизнедеятельности, чтобы лучше в нем ориентироваться и ориентировать других личностей, находящихся рядом – все это позволяет наблюдать влияние современных технологий на формирование будущих поколений.

Необходимо признать, что «на языке здравого смысла идентификация строится на основе признания некоторого общего происхождения или общих характеристик с другим человеком или группой, или с идеалом, а также на естественном закрытии солидарности и преданности, установленных на этом основании. В отличие от «натурализма» этого определения, дискурсивный подход рассматривает идентификацию как *конструирование*, никогда не завершенный процесс – всегда «в процессе» [2, с. 2]. Это значит, что никогда не будет «результата» или «итога», благодаря которому откроется понимание мира человека. Нас ожидает бесконечное «строительство» новых взаимосвязей.

На этом же принципе созидания новых вселенных основана философия творчества. Существительное творчество имеет корень – *твор-*, от которого образуются глаголы *отворить*, *затворить*, указывающие на закрытость и в то же время на выход вовне, за рамки пространственных ограничений. Это во многом объясняет семантику существительного. «Творчество – это способность человека создавать то, что не имеет аналогов в материальном мире, но способно существовать в пространстве и времени, передавая представления о красоте и гармонии, определяя духовное развитие нации и становление отдельной личности» [3].

Как мы видим, именно *внутри* каждого человека находится источник вечного двигателя, способный разорвать «обыденность», «замкнутость» и «ограниченность». Вопросы происхождения бесконечной тяги к выходу за рамки себя и видимого мира, как и вопросы формирования, влияния этого свойства на самого человека и на сообщество людей будут также бесконечно раздвигать пелену самопознания.

Литература

1. Финк, Е. Основные феномены человеческого бытия / Е. Финк; пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон; редактор пер. Леонид Фуксон. – М: КаНОН+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 432 с.
2. Hall, S. Introduction: Who Needs «Identity»? / S. Hall // Questions of Cultural Identity: collection of scientific articles, ed. by Stuart Hall and Paul Du Gay. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1996. – 198 p.
3. Глазунова, О. И. О творчестве и креативности [Электронный ресурс] / О. И. Глазунова // Горький Медиа. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/neva/2014/2/o-tvorchestve-i-kreativnosti.html – Дата доступа: 25.01.2021.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОММУНИКАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ ЭДВАРДА Т. ХОЛЛА

О. Л. Гутько

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220004, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *gutko_olga@mail.ru*

Антропологические характеристики языка разнятся представлением о пространстве у примитивных этносов и цивилизованных народов. Э. Т. Холл, исследуя тексты художественной литературы, структурирует описание событий и переживаний персонажей произведений через дистанцирование от собеседника и место описания действия.

Автор статьи обращается к произведениям белорусских писателей В.С. Короткевича и А.М. Адамовича для выявления в текстах принципа дистанцирования и связанных с ним характеристик пространства.

Ключевые слова: дистанцирование; личная и социальная зоны; панорамное зрелище; «крупный план»; сближающее и отдаляющее измерение.

ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF COMMUNICATION IN THE CONCEPT OF EDWARD T. HALL

O. L. Gutsko

Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya st. 17, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *gutko_olga@mail.ru*

Anthropological characteristics of language differ in the concept of space among primitive ethnic groups and civilized peoples. E. T. Hall structures the description of events, exploring the texts of fiction, and experiences of the characters of the works through distancing from the interlocutor and the place of the description of the action.

The author of the article refers to the works of Belarusian writers V. Korotkevich and A. Adamovich to identify the principle of distancing and the associated characteristics of space in the texts.

Key words: distancing; personal and social zones; panoramic view; «close-up»; bringing together and distancing dimension.

Эдвард Холл в монографии «Скрытое измерение», обращаясь к наследию Франца Боаса – первого антрополога, подчеркнувшего взаимосвязь между языком и культурой, определяет глубокие закономерности связи литературы, художественного текста и культурной среды. Лексический анализ обычно связан с изучением экзотических культур мира. Бенджамин Ли Уорф в своей работе «Язык, мысль и реальность» предположил, что каждый язык играет важную роль в формировании восприятия мира людей, которые его используют. Исследователь отмечает важные для современной науки аспекты: «…ни один индивид не может описывать природу с абсолютной беспристрастностью, но ограничен определенными способами интерпретации, даже если он считает себя наиболее свободным» [3, p. 92].

Б. Л. Уорф сравнил словари английского и язык индейцев хопи. Он отметил, что хопи строят солидные каменные дома, но им не хватает слов для обозначения трехмерных пространств; нет эквивалентов комнаты, зала, коридора, склепа, подвала, чердака и т. д. Более того, исследователь отметил: «Общество хопи не выявляет никакой индивидуальной собственности или отношения комнат» [3, p. 93].

Эдвард Сепир, учитель и наставник Бенджамина Ли Уорфа, убедительно пишет об отношении человека к объективному миру: «Совершенно иллюзорно воображать, что человек приспосабливается к реальности без использования языка и что язык – это просто случайное средство решения конкретных проблем общения или размышления. Дело в том, что «реальный мир» в значительной степени построен на языковой привычке группы» [3, p. 93].

Используя исторический подход, современный французский писатель Жорж Маторе в работе «Человеческое пространство»

анализирует метафоры в литературных текстах как средство достижения концепции того, что он называет бессознательной геометрией человеческого пространства. Его анализ указывает на значительное отличие от пространственных образов эпохи Возрождения, где геометрическое и интеллектуальное восприятие мира перемещает акцент на «ощущение» пространства. «Сегодня идея пространства использует больше динамики и выходит за рамки визуального в гораздо более глубокое, чувственное пространство» [3, p. 94].

Э. Т. Холл задался вопросом, можно ли использовать литературные тексты как данные исследования, а не просто как описание. Для этого необходимо было бы изучать литературу не только для удовольствия или понимания общей темы или сюжета, но и для структурного анализа текста, чтобы определить ключевые компоненты сообщения, которое писатель предоставил читателю для построения его собственного понимания пространства. Следует помнить, что общение предполагает несколько уровней; то, что актуально на одном уровне, может быть совершенно неважно на другом. Задача Эдварда Холла заключалась в том, чтобы выделить уровень, содержащий ссылки на сенсорные данные. Антрополог исследовал отрывки из текстов всемирно известных авторов – Уильяма Шекспира, первым в англоязычной литературе создавшим эффект воображаемого пространства, Уолдена Торо, подчеркнувшего значимость дальней дистанции для вербализации мысли собеседников. Приведем пример описания из произведения Торо: «В моем доме мы были так близко, что ничего не слышали... Если мы просто болтливые и громкие, тогда мы можем позволить себе стоять очень близко друг к другу, нос к носу, и чувствовать дыхание друг друга; но если мы будем говорить сдержанно и вдумчиво, мы хотим находиться подальше друг от друга, чтобы ароматы и запахи других не могли быть досягаемы для нас» [3, p. 95].

В этом отрывке Торо акцентирует внимание на тезисы, повторенные в работе Эдварда Холла. Потребность собеседника оставаться за пределами обонятельных и тепловых зон (зон,

в которых можно услышать запах дыхания и ощутить тепло другого человека), и чувство отражения звука от стены, чтобы громко высказать важную мысль, указывает на использование некоторых из бессознательных механизмов определения расстояния.

В романе Сэмюэля Батлера «Путь всякой плоти» Э. Т. Холл указывает, какие способы использует мать, манипулируя чувствами своего ребенка. Она приближает его на максимально близкое расстояние, берет в руку его кисть и ведет разговор на волнующие ее темы. Сэмюэль Батлер намеренно использует сближение в описании. Эффект физической близости и контакта, тон голоса, горячий прилив беспокойства, ощущение его вздрагивания показывают, насколько глубоко проникла мать в личную «зону» сына Эрнеста.

Исследование характера дистанций в произведениях Марка Твена, Антуана де Сент-Экзюпери, Франца Кафки, Ясунари Кавабата подтверждает, что писатели намеренно используют сближение и отдаление в расстоянии между персонажами, чтобы показать их отношение к происходящему, вскрыть духовную связь и характер коммуникации между ними.

Если исследовать художественную литературу на предмет структуры, а не содержания, можно найти значения и смыслы, которые прольют свет на исторические тенденции и сдвиги в смысловых модальностях. Эдвард Холл уверен, что такие сдвиги очень актуальны для той среды, которую человек находит наиболее подходящей в разное время и для разных культур. Для автора исторические и культурные различия очевидны. Эти различия могут быть не столь заметны для читателей, которые обращают внимание только на содержание.

Обращаясь к творчеству белорусских писателей и их структуре рассмотрения личных и социальных дистанций, необходимо отметить, что большое значение имеет отношение автора к событиям, описываемым в произведении, насколько они близки по духу автору и как они оцениваются героем произведения.

Сближение, обращение к интимной зоне персонажей обычно рассматривается в случае, если героя одолевают сильные

волнения и душевные переживания. Описание чувств персонажа концентрируется не на целостном образе, а на конкретных деталях – часть корпуса становится акцентом, и именно кинематографический «крупный план» воспринимается читателем. Приведем пример описания личной, приближенной дистанции в романе В.С. Короткевича, написанном в жанре исторического памфлета, «Христос приземлился в Гродно».

Главный герой Христос – Юрась Братчик – хочет встретиться с девушкой, своей первой возлюбленной, после долгого расставания.

«И скоро увидел он знакомый сад и яблони с отяжелевшими плодами. Волновалось ожиданием сердце… Отстраняя руками тяжелые ветви, он смотрел на подворье – дом, на богатые хлева, на островерхий страшный забор около них.

И увидел. Женщина рыхлила огород. И он не мог узнать, то она или нет. Огрубевшая от вечной тяжелой работы, широкобедрая, сгорбленная на этом черноземе, как огромный белый корч.

Грязь между пальцами ног, плоские ступни, огромная свисающая грудь… Когда она подняла на него тупое лицо, он понял, что это все же она, и чуть не вкрикнул.

Ах, богатый двор, богатый двор! Батраки и батрачки, забор, деньги в шкатулке где-то в подполье (их вечно нет, если надо что-то купить), табуны лошадей и коров, самые богатые и дорогие иконы во всей округе.

– Чего стоишь?.. Иди…

Грубый от вечных дождей и ветров голос.

– Ну.

Глаза Христовы были наполнены слезами» [2, с. 251–252].

Описание личной зоны героя и его первой любви связано с описанием дома, хозяйства, забора, дома, двора, хлева, тем самым подчеркивается невозможность приближения Христа к его первой возлюбленной. «Крупный план» женщины тотчас перемещается в тексте повествования на панорамное представление урочища, где она живет. Тем самым, В. С. Короткевич разъединяет персонажей до недосягаемости друг друга.

Приведем еще один пример описания приближенного расстояния (личной зоны) в произведении Алеся Адамовича «Каратели», где персонаж, полицай Суров, тревожится за свою жизнь, испытывая животный страх, поэтому боится уходить в лес к партизанам. Нежелание говорить напрямую о своем решении подчеркивается внутренним напряжением Сурова («покраснел, как девица»), его напряженной речью, передаваемой автором и жестикуляцией («это, как бы сказать», «мигами и фигами»).

«Суров выслушал, а потом, покраснев, как девица, признался, что это, как бы сказать, не совсем точно – про надежную пятерку. Он, видите ли, сомневается. Разговаривал с одним, со вторым, но все больше мигами и фигами, а окончательное, главное слово произнесено не было. Потому как рискованно, а ему это не нужно, зачем ему? Над ним не каплет.

…Надежнее было, конечно, уйти вдвоем, без всякой попытки увести или разгромить взвод. Суров к этому и клонил: если уж невозможно больше ждать! Знал, знал, гад, что Белый на это не решится. Прийти к партизанам – с чем? С руками в крови по локоть и ждать, что тебя защитит, оправдает попик в золотых очках, которого самого на осине надо вздернуть! А взвод, оружие, пострелянные “майстэры” – это уже дело, это что-то значило бы на партизанских весах» [1, с. 62–63].

Обратимся к представлению в текстах В. С. Короткевича и А. М. Адамовича социальной (отдаленной) дистанции, позволяющей описать панорамное зрелище. В романе В. С. Короткевича «Христос приземлился в Гродно» – это пример языческого служения – черной мессы, которую устроили крестьяне как самосуд над несправедливостью – казнили католического духовного служителя.

«Вокруг были суровые, почти безнадежные, медные лица с резкими черными тенями.

И вдруг за спиной людей, где-то в темноте, начали медленно бить барабаны, реветь дуды, вздыхать бубны. <…>

Толпа, завороженная всем этим, словно забыв о жизни, о том, что ждало в избах из гноя, пришла в движение.

Руки искали другие руки, сплетались. Ноги начали сначала медленно, а потом быстрее топтать землю. <…>

… Трубы… Устремление… Полет…

Все быстрей и быстрей, в безудержном хороводе между костров и вокруг основного, наклоненные вперед, воодушевленные. Возгласы, крики, опьянение.

Ритм стал невыносимый. Летели развеянныя в безудержном полете волосы, мелькали ноги, руки, запрокинутые назад головы. Кое-где, не выдержавшие экстаза, бега, бешенной скорости, начинали падать люди. Но в вихре, в винно-кровавом освещении, в ярости и суматохе, в криках несся, неспособный остановиться, человеческий хоровод.

Словно поднятые огненным ветром, словно вправду в вечном Дантовом хороводе, в ежеминутном падении и взлете и, как будто в воздухе, не чувствуя земли под ногами, мчались они.

Вихрь, ураган, ветер самих столетий на лице. Забытье разума и самого себя. Ад, вечный огонь, сумасшедший вечный полет самой жизни» [2, с. 272–273].

В этом отрывке из произведения В. С. Короткевича «Христос приземлился в Гродно» читателю передаются чувства писателя, охваченного зрелищем языческого культа. Каждое движение в черной мессе, каждое действие направлено на объединение людей в общий круг, в центр, притом сближение идет по всеобщему единению мыслей и порывов. Разрушение личной зоны в эмпатическом порыве объединения описано в панорамном представлении.

Наиболее значительная социальная дистанция описана в произведении Алеся Адамовича «Каратели», где действующие лица, немецкие офицеры, отдаляются на значительное расстояние от эпицентра действия. В тексте акцентируется реакция к отдалению от враждебного этноса белорусов, даже если белорусы выступают в роли жертвы в сюжете произведения.

«Уже перестал бить последний пулемет, уже затихло гумно, совсем затихло, и хорошо слышны стали жадные, жирные всплески пламени, черный треск и чавканье в клубах грязно-желтого дыма. И тут вдруг медленно, как во сне, стали расходиться, рас-

крываться ворота. Видно, сорвали сумасшедшей стрельбой все запоры-завалы, потому что давно никто уже не бился, не напирал изнутри и никто из ворот не вышел, не выбежал. Каратели, в начале насторожившиеся, когда поняли это и поверили в полный порядок и тишину за воротами и стенами, начали постепенно отступать подальше от огня и приближаться к школе. Грязно-желтый дым все гуще наливался жирной смолью, тошнотная горячая вонь далеко к школе оттеснила, загнала офицеров» [1, с. 174].

Приведенные примеры из художественных произведений В. С. Короткевича и А. М. Адамовича позволяют увидеть приемы, которые белорусские писатели использовали для показа личной и социальной дистанции в тексте художественных произведений.

Если персонаж стремится к сближению дистанции с другим действующим лицом, то автор приближает персонажей описанием кадрирования («крупного плана») персонажей. По мере развития событий, автор или приближает героя, или, наоборот, отдаляет его, не позволяя сблизиться, делая акцент на панораме места действия.

Прием дистанцирования автора, в том числе, и читателя, от места действия используется при описании массовых сцен. В «черной мессе» В. С. Короткевич описывает сближение людей, используя приемы разрушения личной зоны, где персонажи не имеют возможности видеть друг друга. Люди сближаются, объединяясь по социальному и этническому признаку. В то время как при описании сцены карателей и гибели людей в гумне, А. М. Адамович отдаляет немецких офицеров от эпицентра действия – сожжения мирных жителей в гумне – на максимальное расстояние. Это обстоятельство формирует представление читателя о недосягаемом расстоянии между карателями и их жертвами.

На основании проведенного анализа текстов художественной литературы, используя концепцию дистанцирования Эдварда Т. Холла, выделим основные закономерности, позволяющие анализировать литературные тексты с помощью применения структурного анализа:

– языки цивилизованных народов наполнены множеством качественных и количественных характеристик расстояния, что позволяет применять их не только для измерения и осознания действительности, но и для обращения к воображению собеседников и читателей;

– выявлены закономерности в принципах дистанцирования в художественных произведениях. Эдвард Т. Холл акцентирует, что размеры дистанции между собеседниками влияют на форму беседы и смысл общения. Дальняя (социальная) дистанция позволяет собеседнику больше рассуждать, осмысливая беседу, в то время как близкая (личная) дистанция не способствует объективным суждениям, она нацелена на физическое сближение собеседников, манипулирование;

– в художественных текстах белорусских писателей В. С. Короткевича и А. М. Адамовича демонстрируется представление о семиотическом значении событий через показ дистанции панорамного или крупного плана персонажей:

– для демонстрации чувств героя В. С. Короткевич использует близкую личную дистанцию, словно «кадрируя» и кинематографически приближая объекты окружающей реальности. В момент, когда Юрась Братчик разочаровывается в возлюбленной, воображаемая дистанция увеличивается у героя с возлюбленной. Он «видит» только объекты отдаленные – «дом», «двор», «хлева», «забор», «подполье». Панорамное описание «черной мессы» В. С. Короткевича не позволяет видеть лица людей, но дает возможность увидеть объединение людей с общей целью. Интимная зона, в этом случае, не учитывается, поскольку важным становится единение людей;

– сближение персонажей в художественном тексте А. М. Адамовича демонстрирует невербальное общение, позволяющее понять друг друга собеседникам без слов. В то время как дальняя дистанция, на уровне панорамы действия, отдаляет персонажей действия, немецких офицеров, от враждебной культуры белорусского крестьянства.

Литература

1. Адамович, А. Каратели: Радость ножа, или Жизнеописание гипербореев / А. Адамович. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 208 с.
2. Караткевіч, У. Хрыстос прызямліўся ў Гародні / У. Каракевіч. Раман. – Мінск : "Беллітфонд", 2000. – 496 с.
3. Hall, E. T. The Hidden Dimension / E. T. Hall. – Reprint. Originally published: Garden City, N.Y.: Doubleday, 1966. – Ancor Book Editions, 1990. – 219 p.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ТРАДИЦИОННАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

Сюе Лина

Белорусский государственный университет, факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *898510795@qq.com*

Статья посвящена проблеме традиционной праздничной культуры Китая. В ней выявляется содержание основных национальных праздников, рассматривается их значение с точки зрения особенностей национальной культуры, китайского культурного этноса. Важное значение придается ценностному и символическому их контекстам.

Ключевые слова: традиционные праздники; китайская культура; нация; ценности.

TRADITIONAL FESTIVE CULTURE OF CHINA

Xue Lina

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *898510795@qq.com*

The article is devoted to the problem of the traditional festive culture of China. It reveals the content of the main national holidays, examines their significance from the point of view of the peculiarities of national culture, the Chinese cultural ethnos. Great importance is attached to their value and symbolic contexts.

Key words: traditional holidays; Chinese culture; nation; values.

Основная часть. Содержание и границы понятий «традиция», «традиционная культура» являются достаточно широ-

кими и чрезвычайно сложными. Они часто употребляются как в повседневном обиходе, так и в фундаментальных теоретических исследованиях. Обращает на себя внимание то, что большинство авторов под традициями понимают общепринятые формы и способы жизнедеятельности, которые отличаются устойчивостью, повторяемостью и передаются от поколения к поколению.

При определении традиционной культуры существуют несколько подходов: философский, исторический, социологический, культурологический и др. С культурологической точки зрения традиционную культуру рассматривала А. В. Костина. Она определила традиционную культуру как культуру, воспроизводящую такой субъект исторического действия, как коллективная личность. Для личности подобного типа наиболее характерно отождествление себя с социальной группой, все представители которой объединены общностью культурных связей и механизмов жизнедеятельности [1].

Праздничная культура является важной частью традиционной культуры и может лучше всего отражать национальные особенности культуры. Она укоренена в культурной почве, наследует и вертикально распространяет культуру посредством определенных ритуалов и играет незаменимое влияние на функционирование культурной системы.

В научно-исследовательской литературе существует множество подходов к определению праздника. В частности, Большой толковый словарь по культурологии определяет праздник как «день или дни торжества, установленные в честь или память кого-либо или чего-либо. Праздник – антитеза будням, обычной жизни, специфически кратковременная форма человеческого бытия» [2, с. 326–327].

С позиции игровой деятельности, лежащей в основе праздника, он рассматривается как феномен, свойственный исключительно человеку, связанный с почитанием наиболее значимых событий природного, общественного и индивидуального бытия. Праздник актуализирует духовные ценности и характеризуется над будничностью, торжественностью, привязанно-

стью к определенным временным отрезкам, особой временной структурой и ритмикой. Праздник служит важным фактором укрепления духовной связи между поколениями, это наглядная формула уз поколений, проявление культурной идентификации [3, с. 56–57].

Известный культуролог и философ Михаил Бахтин отмечал, что праздник является первичной формой культуры человека. Именно через него, по его мнению, определяется система ценностей, которая объединяет социум в единое целое [4, с. 13–14]. Однако помимо общих, универсальных, архетипичных основ, каждая национальная, этническая культура обладает собственными особенностями. Для людей всех рас, граждан разных стран мира праздники – важная часть культуры. Они являются отображением их истории, их традиций, верований и ценностей. Праздник является формой выражения национального характера, этноса, служат консолидации конкретных групп людей в целостные сообщества. Так, празднование Нового года считается международным и чрезвычайно важным, но китайцы по-прежнему остаются верны национальным традициям его празднования – по лунному календарю.

Формирование традиционных праздников – это процесс исторического развития этноса, нации, накопления ее материальной и духовной энергии, кристаллизации содержания ее элементов. Формирование праздничной культуры – это процесс непрерывной эволюции, интегрирования отличительных особенностей народа. Большинство традиционных праздников в Китае сформировались в древности. Период династии Тан был важным периодом их генезиса и оформления, и до наших дней дошли несколько важных для китайцев праздников.

Среди всех китайских праздников Лунный Новый год – самый важный праздник. В традиционном китайском фольклоре употребление в пищу пельменей и рыбы в течение Нового года превратилось из обычной еды в символический знак. Поскольку пельмени имеют форму серебряных слитков, их поедание в Новом году дает надежду на «удачу и сокровища». Рыба во время праздника Весны символизирует «излишек каждый год»

– богатство. Пельмени и рыба в их символическом измерении являются индикатором надежд людей. Кроме того, в Новый год парные полосы красной бумаги с новогодними пожеланиями на дверях каждого дома, красные фонари у дверей, а также запуск фейерверков и петард превратились из древнего «изгнания призраков и злых духов» в оформленную традицию Нового года – Праздника весны [5, с. 101].

Праздник Цинмин – один из 24 солнечных циклов в Китае, также известный как праздник выезда, Мартовский праздник и праздник поклонения предкам. Праздник Цинмин вырос из обычая весенних жертвоприношений. В содержательном отношении он раскрывает смыслы взаимодействия между человеком и природой, отражая необходимость их гармоничного сосуществования, с одной стороны. С другой, это традиция почитания предков. Во время праздника люди отдают дань уважения своим родственникам, предкам и мудрецам, чтобы выразить им свое почтение и уважение. Родственники тем самым выражают сыновнюю почтительность через семейную память, что способствует сплоченности семьи и всей нации. Цинмин на протяжении тысячелетий является не только важным народным праздником, но и национальным культурным символом.

Еще одним важным праздником, глубоко почитаемом в Китае, является Дуаньу – Праздник лодок-драконов. Поедание рисовых клецок, участие в гонках на лодках-драконах, подъем на гору за лекарственными травами, ношение разноцветных шелковых нитей и саше, полынь – неотъемлемые его атрибуты, символы, служащие ритуальным целям изгнания злых духов и молитв о благополучии. Поедание рисовых пельменей и гонки на лодках-драконах посвящены памяти великого поэта-патриота Цюй Юаня и стремление людей к благородному национальному характеру Цюй Юаня.

Праздник Циси – это своего рода аналог Дня святого Валентина в Китае. Он восходит к трогательной истории о встрече и любви пастуха и ткачихи на Сороковом мосту и является образцом концепции любви в национальной китайской культуре.

Праздник середины осени – еще один крупный традиционный праздник в Китае после Нового года. Люди едят круглое печенье, олицетворяющее круглую, полную луну, которая является символом воссоединения: когда люди ее видят, то выражают тоску по своему родному городу и родственникам, свои желания о хорошем урожае и счастье.

Праздник Двойной Ян также – День пожилых людей. Он приходится на девятый день девятого лунного месяца (поэтому «Двойной Ян»). «Девять» считается самым большим числом в Китае, а «девять девять» произносится по-китайски так же, как «цзюцзю», поэтому этот праздник означает долголетие, здоровье и является символом любви и уважения к старшим.

Традиционные китайские праздники репрезентируют национальную культуру и ее отличительные особенности, представленные следующими аспектами.

1) Патриотизм в китайской традиционной праздничной культуре играет очень важную роль в развитии общества. Он наиболее ярко проявляется на праздниках Цинмин и лодок-драконов. Обычай уборки могил на празднике Цинмин происходит от праздника «холодной еды», а генезис праздника «холодной еды» связано с народным фольклором. В период Весны и Осени человек по имени «Джезитуй» разрезал свою плоть до «Чонг Эр», чтобы утолить голод благородного сына, попавшего в беду. Когда Чонг'эр взял власть в свои руки и захотел наградить «Джезитуй», «Джезитуй» отказался от награды и спрятался в горах со своей старой матерью. В этой истории воплощен культурный дух «верности», «сыновней почтительности» и «праведности».

В тысячелетнем социальном процессе праздник «холодной пищи» и праздник Цинмин объединены в одно целое. Культурный дух верности и праведности стал отличительной национальной чертой. В истории Китая было много героев, обладавших национальной праведностью, готовых пожертвовать своей жизнью ради своей страны. Сыновья почтительность, которая тесно связывает людей с кровными родственниками, делает семью и нацию сплоченной. Праздник лодок-драконов связан

с поминовением патриота «Цюй Юань». Цюй Юань олицетворяет истину, добро и красоту и является воплощением патриотизма и заботы о людях. Празднование Цюй Юаня отражает искренний и патриотический культурный дух. Китайская традиционная культура всегда отстаивала дух патриотизма и ценности коллектива над личностью и выступала за то, чтобы люди ставили интересы страны и нации в качестве первого приоритета. Именно по этой причине китайская нация может объединиться как единое целое.

2) Идея «гармонии между человеком и природой» в традиционной китайской праздничной культуре дает Китаю опыт и мудрость управления страной. Древние китайцы начали обращать внимание на «путь природы» и «гармонию между человеком и природой». В нем разъясняются взаимозависимые и взаимно ограничивающие отношения между небом, землей, человеком и «Дао» (то есть законами природы), подчеркивая необходимость действовать человеку в соответствии с принципами гармонии. Космология единства природы и человека долгое время доминирует в истории китайской мысли и ярко воплощается в традиционных праздниках, в частности, Цинмин. Люди выходят на улицу, чтобы повеселиться, поклоняясь своим предкам, и наслаждаются прекрасной весной. На Празднике лодок-драконов люди собирают лекарственные травы, чтобы отгонять насекомых и избегать эпидемий; во время праздника середины осени люди наслаждаются луной, едят лунные лепешки и пьют ароматное вино из османтуса. Все это показывает, что люди соответствуют естественным временам года и интегрируют природные явления с традиционными праздниками, образуя синергию между человеком и природой. Концепт гармонии между человеком и природой обеспечивает мощную идеологическую и теоретическую основу для управления страной в новую эпоху. В современном мире наука, техника и промышленность все больше развиваются, но ряд экологических проблем, вызванных неограниченным покорением природы людьми, остаются чрезвычайно значимыми. 18-й Национальный конгресс Комму-

нистической партии Китая поставил на повестку дня построение гармоничных отношений между человеком и обществом, человеком и природой, что вносит существенный вклад в решение экологических и социальных проблем не только в Китае, но и в мире.

3) Традиционные китайские праздники выражают стремление людей к гармоничной и красивой жизни. «Гармония», «воссоединение» и «красота проявляются в традиционных праздниках. Во время Весеннего праздника (Нового года) вся семья воссоединится. Праздник Циси выражает надежду людей на счастливый брак. Наслаждение луной и поедание лунных пирожных во время праздника середины осени также выражает желание воссоединения и счастливого брака. Праздник двойной девятки означает благословение здоровья и долголетия пожилых людей. Кроме того, такие обычаи, как ломать ивы во время праздника Цинмин, собирать травы и листья полыни в празднике лодок-драконов, выражают идеи людей об изгнании зла и избегании эпидемии, а также желание жить счастливой и здоровой жизнью.

Традиционные китайские праздники несут в себе отличительные национальные культурные смыслы и наследуют общую память о национальной культуре. Только защищая и наследуя традиционную культуру китайской нации, можно укрепить у людей чувство культурной идентичности и самобытности, гордости и национальной сплоченности. Конечно, наследуя традиционную культуру, важным остается развитие и введение новшеств, чтобы культура продолжала идти в ногу со временем и сохранять дух времени.

Литература

1. Костина, А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/ – Дата доступа: 12.06.12.

2. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – М.: Вече 2000: АСТ, 2003. – 512 с.
3. Майны, Ш. Б. Традиционная праздничная культура: понятие и сущность / Ш. Б. Майны, О. А. Чооду // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 2 (38). – С. 56–61.
4. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с.
5. Хэ, Ц. Исследования семиотики культуры китайского традиционного праздника / Ц. Хэ // Журнал Технологического университета Хубэй. – 2009. – Т. 24. – № 3. – С. 100–105.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ КИТАЯ

Фу Жао

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *jao.fzhao@yandex.by*

В статье рассматриваются состояние, перспективы и проблемы развития индустрии музыкальной культуры в Китае. Особое внимание уделяется вопросу связи музыкальной индустрии с процессами дигитиализации и технологизации культуры. Выявляются актуальные характеристики музыкальной культурной индустрии Китая, к которым отнесены креативный характер современной музыкальной культуры, ее связь с экономикой и другими культурными индустриями, создание качественного музыкального продукта. Несмотря на успехи музыкальной индустрии Китая существует ряд проблем, препятствующих ее развитию. В ответ на них применяется подход «ориентировано на человека», направленный на высококачественную подготовку специалистов в сфере музыкальной культуры.

Ключевые слова: музыкальная культура; культурные индустрии; дигитализация; технологии; экономика; музыкальное образование.

THE CURRENT STATE, PROBLEMS AND WAYS OF DEVELOPMENT OF THE CHINESE MUSIC AND CULTURAL INDUSTRY

Fu Rao

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *jao.fzhao@yandex.by*

The article examines the state, prospects and problems of the development of the industry of musical culture in China. Particular attention

is paid to the issue of the relationship between the music industry and the processes of digitalization and technologization of culture. The article reveals the actual characteristics of the musical cultural industry in China, which include the creative nature of modern musical culture, its connection with the economy and other cultural industries, and the creation of a high-quality musical product. Despite the successes of the music industry in China, there are a number of problems that hinder its development. In response to them, a "human-centered" approach is applied, aimed at high-quality training of specialists in the field of musical culture.

Key words: musical culture; cultural industries; digitalization; technology; economy; musical education.

В последние годы в области прав интеллектуальной собственности в Китае наблюдается процесс значительного улучшения состояния защиты прав интеллектуальной собственности в сфере музыкальной индустрии. Технологические инновации и развитие социальных сетей сделали «мобильную» музыку основным направлением ее потребления. Масштабы онлайн-пользователей музыки еще больше увеличились, что привело к дальнейшему развитию современной музыкальной индустрии и усилению ее связи с экономикой, а также роли в инновационной экономике в целом. В то же время по сравнению с рядом экономически развитых стран способность Китая к созданию оригинального музыкального продукта находится еще не на достаточно высоком уровне, а соответствующая правовая система несовершенна. Нуждается в совершенствовании и процесс подготовки профессиональных кадров. Все это стало проблемами, ограничивающими развитие музыкальной культурной индустрии Китая.

«Индустрия музыкальной культуры относится к ряду видов деятельности, связанных с производством, распространением, обслуживанием и потреблением музыкального контента. Важнейшим звеном во всей производственной цепочке является обеспечение качественной музыкальной продукцией, ключе-

выми элементами которой являются творческий, авторский и иной нематериальный капитал» [1, с. 3].

Создание и дальнейшее продвижение продукта музыкальной индустрии обладает следующими характеристиками: 1) наличие идеи, креативности; 2) владение необходимыми теоретическими и практическими компетенциями; 3) понимание того, что культурный музыкальный продукт обладает качеством высокой добавленной стоимости; 4) связан с экономикой и фактически инкорпорирован в ее сферу.

Современное музыкальное творчество должно сегодня соответствовать критерию оригинальности, а создатели культурного продукта должны обращать внимание на самые разные нюансы его создания и продажи. Это значит, что автору/авторам произведения необходимо выстраивать связи, осуществлять коммуникацию с дизайнерами, стилистами, продюсерами, промоутерами и т.д. Современный продукт уже не является результатом творчества только одного человека – скорее, он плод (со) авторства многих людей. Немалое значение имеет и умение преодолеть ограниченность традиционных рамок мышления, что инициирует способность к созданию новых идей, требует вдохновения, творческого воображения.

Производство высококачественной музыкальной продукции требует глубоких теоретических знаний. Стиль, техника и выразительность работы отражают теоретические знания автора, его культурную философию и мировоззрение.

«Музыкальная культурная индустрия в немалой степени представляет собой высокоразвитую дигитальную сферу, тесно связанную или даже включенную в экономику. Поэтому она должна обладать высоким уровнем технического развития, особенно по мере того, как платформа цифровой музыки становится все более и более совершенной» [2, с. 104]. Это предполагает формирование разнообразной музыкальной среды, ее качественного с точки зрения технической доступности контента, а также предоставление такого продукта, который вызывает у пользователя желание и готовность платить. Очевидно, что

затраты на высококачественную техническую оснащенность, запись, пользование, продвижение продукта существенно повышает его стоимость. Эту особенность, как и ценностно-духовное содержание музыкальных произведений нужно учитывать при их производстве и поступлении на рынок.

Связь продукции музыкальной индустрии с экономикой проявляется не только в контексте ее характеристик как товара, но и в форме включенности в другие области культурных индустрий – туристической, спортивной, а также в сферу образования. Новое развитие отрасли проявляется в комплексной системе, в которой восходящий и нисходящий потоки взаимодействуют друг с другом, и каждый элемент связи поддерживает друг друга. Основная концепция построения этой системы заключается в формуле «Контент-ориентированный, инновации побеждают».

Комплексное развитие музыкальной культуры может создать больше возможностей и для инвестиционных стратегий, и для развития экономики государства в целом. Судя по состоянию индустрии музыкальной культуры можно утверждать, что текущая ситуация в индустрии музыкальной культуры Китая постоянно улучшается.

«Свидетельством этому является внедрение элементов технологических инноваций во все уровни индустрии музыкальной культуры, что обеспечило музыкальные компании техническими условиями для точного понимания основных потребностей потребителей и придавало новый импульс развитию отрасли» [3, с. 57]. Например: «умные» колонки с функцией голосового взаимодействия и технология “Dolby Atmos/X-DMAX” (это музыкальный эффект, сочетающий динамические объекты и новый способ направленного микширования звука и саундтрека, так что аудитория окружена звуком во всех направлениях), реализующие распространение звука в трехмерном пространстве, изменили качество восприятия музыки и усилили спрос на потребление музыкальной продукции. Эти инновации способствовали глубокой интеграции индустрии музыкальной культуры

Китая и индустрии технологий, а также способствовали интеграции и развитию индустрии музыкальной культуры и других отраслей. Так, сотрудничество между Midear IQiyi-видео и Kugou-музыка создали новый способ органической интеграции традиционных домашних технологий и музыкальной индустрии, реализовав трансграничное взаимодействие игр, музыки и традиционного производства.

Приведем еще один пример. Музыкальный фестиваль туризма, который проводится в разных местах Китая, благодаря уникальной комбинации «музыка и туризм», ставит своей целью предоставить потребителям музыки высококачественный и разнообразный туристический опыт через знакомство с музыкальными традициями разных культурных сообществ.

В последние годы музыкальная и культурная индустрия Китая быстро развивается. Однако наряду с этим существуют и определенные проблемы. В наш цифровой век развитие индустрии музыкальной культуры может не только улучшить культурные потребности и художественные достижения людей, но и расширить потребление, увеличить возможности трудоустройства и стабилизировать экономический рост. Поэтому дальнейшее развитие индустрии музыкальной культуры и решение социально-культурных и экономических проблем в Китае стало главным приоритетом.

Уровень музыкального образования определяет качество музыкальных кадров, и деятельность различных музыкальных учреждений в области образования и обучения должна быть, на наш взгляд, улучшена. Поэтому в систему подготовки кадров необходимо внедрять национальный и мировой актуальный опыт, инновационные формы и способы обучения. Данный тезис относится не только к подготовке исполнителей, музыкантов, но и промоутеров, менеджеров, маркетологов, специализирующихся в области культурных индустрий. Кроме того, отделы культурного образования на всех уровнях системы образования должны интегрировать ресурсы музыкального образования и оказывать всестороннюю поддержку музыкальным талантам.

Музыкальная индустрия по-прежнему нуждается в стандартизации законодательства. Это касается в первую очередь такого явления, как музыкальное пиратство. Мы полагаем, что необходимо увеличить штрафы за нарушение прав на видео- и музыкальные произведения, увеличить размер компенсации за ущерб, причиненный авторам. В целом, система защиты авторских прав должна работать эффективнее. Это обеспечит надежную правовую защиту для большинства владельцев авторских прав на музыку.

Еще одним аспектом развития китайской музыкальной индустрии является принцип «ориентировано на человека». Он направлен на удовлетворение вкусов, потребностей разной аудитории, с одной стороны. С другой – нацелен на воспитание и развитие эстетического вкуса потребителей. В связи с этим важно учитывать фактор так называемой любительской музыки и непрофессиональных авторов и музыкантов, чье творчество востребовано массовой аудиторией, а также независимых исполнителей. Например, Netease- музыка и другие компании запустили планы поддержки независимых музыкантов для всестороннего продвижения системы независимых музыкантов.

Литература

1. 陈光曦:《中国社会科学：中国音乐产业的创新发展路径》,中国社会科学院,北京，2018，47页.= Чэнь, Гуанси. Китайские социальные науки: путь инновационного развития музыкальной индустрии Китая / Гуанси Чэнь. – Пекин: Китайская академия социальных наук, 2018. —47с .
2. 王靖一:《艺术研究：音乐文化产业的发展与大庆城市音乐文化建设》,哈尔滨师范大学,哈尔滨，2016年, 105页.= Ван, Цзиньи. Исследования в области искусства: развитие индустрии музыкальной культуры и создание музыкальной культуры города Дацин / Цзиньи Ван. — Харбин: Издательство Харбинского педагогического университета, 2016. —105 с.
3. 胡慧源:《中国出版：新版权环境下中国数字音乐产业链整合模式研究》,中国新闻出版社,北京, 2017年,第11期, 57-60页.= Ху, Хуэйюань. Китайское издательство / Хуэйюань Ху // Исследование способа интеграции сети цифровой музыкальной индустрии Китая в новую среду авторского права. – 2017. – №11. – С. 57–60.

ДВИЖУЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Ли Вэйвэй

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *757132551@qq.com*

Современные коммуникации в рамках китайско-белорусского культурного обмена и сотрудничества включают: создание культурных центров и проведение дней культуры как средства продвижения культурного сотрудничества между Беларусью и Китаем; деятельность культурных учреждений (Институт Конфуция в Беларуси); развитие международного двустороннего туризма и спорта и др. В качестве основных проблем в процессе культурного обмена и сотрудничества между Китаем и Беларусью выступают: существенные различия в культурных ценностях между китайской и белорусской молодежью и недостаточно высокий охват данными мероприятиями жителей обеих стран; влияние западного общественного мнения (как негативного, так и позитивного) на культуру обеих стран.

Ключевые слова: Китай; Беларусь; китайская культура; белорусская культура; китайско-белорусское сотрудничество; культурные ценности; проблемы.

DRIVING FACTORS OF THE DEVELOPMENT OF CHINESE-BELARUSIAN COMMUNICATIONS

Li Weiwei

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *757132551@qq.com*

Modern communications within the framework of the Chinese-Belarusian cultural exchange and cooperation include: the creation of cultural centers and the holding of culture days as a means of promoting cultural cooperation between Belarus and China; activities of cultural in-

stitutions (Confucius Institute in Belarus); development of international bilateral tourism and sports, etc. The main problems in the process of cultural exchange and cooperation between China and Belarus are: significant differences in cultural values between Chinese and Belarusian youth and insufficient coverage of these events by residents of both countries; the influence of Western public opinion (both negative and so positive) on the culture of both countries.

Key words: China; Belarus; Chinese culture; Belarusian culture; Chinese-Belarusian cooperation; cultural values; Problems.

Правительства Китая и Беларуси придают большое значение культурному обмену и сотрудничеству. «В связи с развитием инициативы "Один пояс – один путь" был подписан ряд официальных соглашений, способствующих развитию межкультурного сотрудничества между двумя странами. К примеру, в 2014 году в Пекине в рамках «Комплексного плана развития стратегического партнерства между Китаем и Беларусью (2014–2018 годы)» стороны подписали «Соглашение о создании Китайско-белорусского межправительственного комитета сотрудничества»» [1, с. 49].

Культурное сотрудничество между Китаем и Беларусью в рамках инициативы "Один пояс – один путь" стремительно развивается. 21 декабря 2016 года в Минске открылся Китайский культурный центр, а 30 мая 2017 года в Пекине открыт Белорусский культурный центр. Всего через месяц после создания Китайского культурного центра в Минске прошло мероприятие, посвящённое празднованию китайского Нового Года, а затем - выставки и мастер-классы, приуроченные к другим китайским праздникам.

В 2017 году прошла «Неделя нематериального культурного наследия Китайской Народной Республики», в рамках которой жители Беларуси получили возможность изучить китайскую вышивку, бамбуковое плетение, карамельную роспись и прослушать китайскую традиционную музыку. В Китае также регулярно проводятся дни белорусской культуры.

Культурное сотрудничество между странами осуществляется в рамках деятельности библиотек, музеев, выставочных за-

лов и художественных галерей. К примеру, на Международном фестивале искусств «Славянский базар» состоялась совместная выставка белорусско-китайской живописи, а по случаю 25-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Беларусью две художественные галереи совместно провели «Выставку собраний Белорусского национального художественного музея. Помимо этого, сотрудничество осуществляется также посредством развития туризма и спорта, а также обменов в сфере кинематографа на специальных кинофестивалях.

Особое внимание уделяется образовательному сотрудничеству. К примеру, создание Института Конфуция в Беларуси дало возможность всем желающим изучать китайский язык и китайскую культуру. Институт Конфуция является важным субъектом в рамках инициативы «Один пояс - один путь». В Беларуси первый Институт Конфуция был создан в 2007 году. В настоящее время существует 4 института Конфуция в разных городах Беларуси

Однако, не всегда сотрудничество в области культуры между Беларусью и Китаем складывается благоприятно. Далее будут перечислены ключевые проблемы, возникающие в процессе осуществления культурных обменов и двустороннего сотрудничества между Китаем и Беларусью. Основным негативным фактором в нынешних условиях выступает влияние западного общественного мнения.

Как важный нематериальный актив, национальный имидж представляет собой развитие мягкой силы. Это проявление всеобъемлющей национальной мощи страны. Взгляды, оценки и отношение общественности к иностранному государству в значительной степени основаны на сообщениях средств массовой информации, которые играют незаменимую роль в формировании и построении национального имиджа.

Но все эти сообщения представляют собой лишь субъективное отражение объективного состояния страны в общественном мнении. Это отражение является навязанным извне и основывается на чувствах и воле других. Формированию позитивного национального имиджа многих стран (включая Ки-

тай) часто мешают различные факторы, такие как интересы, идеология и международные силы, а также сообщения СМИ. Они формируют имидж той или иной страны или региона лучше или хуже, чем он есть на самом деле. К примеру, имидж США, формируемый средствами массовой информации, значительно лучше, чем реальное положение вещей в стране, а имидж Китая – гораздо хуже.

«Многие западные страны (в особенности, Соединённые Штаты Америки) распространяют негативную информацию о различных аспектах жизнедеятельности китайского социума с целью ухудшения имиджа страны в глазах мировой общественности» [2, с. 56]. Естественно, подавляющее большинство данной информации не соответствует действительности. Увы, но эта недостоверная пропаганда оказывает значительное влияние на общественное мнение жителей многих стран, включая Беларусь.

Ниже будет приведён недавний пример недостоверной подачи информации о Китае со стороны западных СМИ. При информировании населения о коронавирусной пневмонии в Китае, западные СМИ существенно преувеличивали проблему: писали, что заболевших больше, чем пишут в китайских СМИ (хотя доказательств в виде конкретной статистики предоставлено не было), говорили о панике в стране (которой практически не было). «Весной 2020 года проблема коронавируса в Китае решилась полностью, однако, западные СМИ предпочли об этом умолчать и просто переключились на другие проблемы (к примеру, на рассмотрение ситуации коронавируса в Европе и США). Также, при выпуске информации для западной аудитории были допущены грубые фактические ошибки (к примеру, в ряде репортажей BBC столица Хубэя Ухань на карте была указана неправильно)» [3].

К счастью, не все сообщения западных СМИ носят такой характер. К примеру, американский ученый Уильям Хазелтин в колонке Forbes недавно вполне справедливо указал, что Китай показал лучшие результаты, чем многие другие страны, в борьбе с коронавирусной пневмонией. Однако, к большому сожалению, таких сообщений слишком мало, чтобы сформировать положи-

тельный образ Китайской Народной Республики в борьбе с эпидемией среди населения западных стран.

В сфере информирования китайской аудитории о Беларуси дело обстоит ещё хуже. Информации о Беларуси и её культуре так мало, что её трудно найти даже путём прямого поиска. Впрочем, возможно, это не минус, а даже в какой-то степени плюс, ведь, в отличие от имиджа Китая в Беларуси в китайском сознании не нужно разрушать негативные стереотипы, но можно сформировать позитивный имидж Республики Беларусь с нуля.

Второй проблемой являются существенные различия в культурных ценностях китайской и белорусской молодежи. Так, «молодое поколение является основой развития китайско-белорусских отношений, ведь их умственные способности формируются быстрее, чем у взрослых людей, и новую информацию они впитывают весьма оперативно» [4, с. 9].

Однако, существуют относительно большие различия в культурных ценностях между молодежью двух стран.

Хотя Китай и Беларусь постепенно расширяют сотрудничество в области культурной дипломатии, различия в обычаях и религиозных концепциях двух народов по-прежнему оказывают большое влияние на взаимопонимание обеих сторон. Обычаи являются важной частью национальной культуры, интегрированной в общественную жизнь. Влияние национальной культуры заставляет людей формировать разное идеологическое понимание, поведение, черты характера и даже влиять на мировоззрение и ценности людей.

Во-вторых, хотя Китай и является многонациональной и многоконфессиональной страной, большинство населения составляют ханьцы (именно их за границей и называют китайцами, а ханьскую культуру – китайской культурой), а ценности ханьцев достаточно сильно влияют на ценности многих других малочисленных национальностей, то большинство жителей Китая подвержено влиянию буддизма и конфуцианства; при этом, религия в Китае отделена от государства.

В Китае влияние религии гораздо ниже, чем в Беларуси. Молодёжь в Китае практически нерелигиозна, среди старшего

поколения уровень религиозности также невысок. Поэтому разница между молодежью двух стран отражается не только в ценностях, но и в отношении к религии.

Различия между молодёжью Китая и Беларуси заключаются как в отношении к глобальным ценностям (семья и брак, воспитание детей, работа, карьера, образование), так и в повседневных привычках в одежде, еде, правилах этикета. Эти различия, хотя сами по себе и являются достаточно нейтральными, могут вызвать значительные затруднения в общении, а, в отдельных случаях, даже взаимную неприязнь.

Поясню свою точку зрения на конкретном примере. На основании данных эксперимента, который был проведён в Белорусском государственном университете и Гродненском государственном университете в 2009–2013 годах с участием 204 белорусских студентов и 105 китайских студентов, можно обнаружить, что сами о себе представители как китайского, так и белорусского народов думают хорошо, а о других – по-разному.

К примеру, китайские студенты уверены, что они добрые, умные, трудолюбивые и красивые. Белорусы же думают, что китайские студенты трудолюбивые и добрые, но не общительные, неопрятные и шумные. Возможно, различие в оценке физического облика, внешности студентов связано с различными стандартами красоты в Беларуси и Китае, а различия в оценке характера друг друга – с отличиями в поведенческих нормах и привычках [3].

Третья проблема заключается в недостаточно высоком охвате культурными мероприятиями жителей обеих стран. Это связано, во-многом, с недостатком учебников, финансирования и особенно с нехваткой преподавателей.

Актуальной экономической проблемой в рамках исследуемого феномена выступает отсутствие или недостаточное количество белорусских инвестиций в учебные материалы и другие расходы, связанные с обучением белорусских студентов китайскому языку. Большинство инвестиций поступают от китайской стороны, а собственно белорусских денег поступает недостаточно.

Например, курсы китайского языка в Институте Конфуция при Минском государственном лингвистическом университете проходят в основном на добровольных началах (по причине нехватки педагогов), а преподавание китайского языка в Институте Конфуция при Белорусском национальном техническом университете, главным образом, осуществляется китайскими учителями.

А ведь белорусские учителя могли бы объяснить специфику китайского языка с опорой на родной язык студентов. Особенно это важно на начальных этапах языкового обучения. «Особенной проблемой является нехватка преподавателей, что ведёт к тому, что они могут обучить меньше студентов. В итоге уменьшается количество людей, которые в будущем смогут стать преподавателями. Так, уменьшается количество людей, имеющих возможность обучаться китайскому языку и культуре. Выбраться из этого замкнутого круга достаточно сложно» [5, с. 29].

Однако, существуют и другие мнения по поводу преподавателей – носителей языка. К примеру, есть мнение, что преподаватель – носитель сможет создать атмосферу языкового погружения уже с первого занятия. Многие китайские преподаватели мастерски обучают белорусских студентов, начиная с самого нулевого уровня владения китайским языком, не зная ни русского, ни белорусского, используя для пояснения лишь карточки, презентации и другие аудиовизуальные носители. К тому же белорусскому преподавателю гораздо сложнее выстроить занятие с использованием лишь китайского языка, в большинстве случаев он будет хоть изредка, но переходить на русский или белорусский язык

Однако, всё это не означает, что вопрос пока еще недостаточного финансирования с белорусской стороны, которое может быть направлено на приобретение учебников и приём на работу квалифицированных преподавателей, не надо решать.

Как разрешить существующие проблемы? Ниже приведены некоторые практические рекомендации преодоления данных противоречий.

Во-первых, «чтобы преодолеть стереотипы друг о друге, необходимо больше общаться друг с другом. Если чаще инициировать общение между двумя этническими группами студентов, то можно дать понять и той, и другой стороне, что все люди разные, и что за стереотипными характеристиками часто скрывается огромное количество неповторимых и уникальных личностей со своими культурными особенностями и специфическими взглядами на жизнь, которые нужно уважать» [6, с. 229].

Планируя совместное обучение белорусских и китайских студентов, необходимо сделать всё возможное, чтобы развеять негативные стереотипы и помочь сторонам понять друг друга.

Во-вторых, необходимо расширить охват культурных мероприятий, посвящённых культуре Китая в Беларуси и культуре Беларуси в Китае. Нужно также увеличивать количество данных мероприятий.

Также рекомендуется направить усилия на расширение количества публикаций в СМИ Китая о Беларуси, а также в СМИ Беларуси о Китае, раскрывающих особенности развития культуры наших стран. Причём, данные публикации должны продвигать положительный имидж обеих стран и быть актуальными для широкой аудитории. Важно сфокусировать внимание на китайских и белорусских персоналиях, внесших значительный вклад в развитие культуры и образования обеих стран, а также на личных культурных особенностях каждой из сторон.

Постоянное укрепление культурного обмена и сотрудничества между двумя странами, а также расширение двусторонних неправительственных и культурных обменов поможет наладить эффективное сотрудничество между странами в самых разных сферах.

Литература

1. Ву Ронглан, Чжан Цин. Культурный обмен и сотрудничество между Китаем и Беларусью в контексте инициативы «Один пояс – один путь» // Журнал Университета Чжэцзян Шурэн. – 2018. – выпуск 6. – С. 47–59

2. Го Цзиньлун. «Один пояс, один путь» в отношениях РБ и КНР: культурно-образовательный аспект. Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история, современное состояние, перспективы: сборник научных статей / под научн. ред. Хмельницкого Н.Н. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 54–57
3. Мельянцов, Д. Мягкая сила» Беларуси в регионе: оценка потенциала / Д. Мельянцов, Е. Артеменко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belinstitute.eu/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_SA15_2016ru.pdf). – Дата доступа: 19.09.2019.
4. Тарабарко, К. А. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.13. – Чита, 2017.
5. Чиркова, Е. И. Внимание, невербалика! Невербальные средства коммуникации при обучении иностранному языку. – СПб. : КАРО, 2009. – 272 с.
6. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Учебное пособие для преподавателей и студентов. – М. : Филоматис, 2014. – 480 с.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНЫХ ТАНЦЕВ)

Лю Синься

доцент Инженерного университета Харбина (Китай)
Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *175638585@qq.com*

В статье представлена сравнительная характеристика белорусских и китайских народных танцев, проведён анализ танцевальных элементов и их связи с географическими, культурными и историческими особенностями народов. Проводится анализ основных танцевальных элементов.

Ключевые слова: Китай; Беларусь; народные танцы; танцевальный элемент

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE CULTURAL HERITAGE OF CHINA AND BELARUS (ON THE EXAMPLE OF FOLK DANCES)

Liu Xinxia

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *175638585@qq.com*

The article presents a comparative description of Belarusian and Chinese folk dances, analyzes the dance elements and their connection with the geographical, cultural and historical features of the peoples. The analysis of the main dance elements is carried out.

Keywords: China; Belarus; folk dances; dance element.

Искусство китайских и белорусских народных танцев занимает значительное место на международной сцене танцев с оче-

видной народной спецификой и выдающимися танцевальными навыками. Китайские народные танцы имеют особенный способ передачи образной информации из поколения в поколение. Танцоры в ходе исполнения танцев учатся у друг друга, а также импровизируют. Люди в данной определенной атмосфере ощущают своеобразный стиль своих народных танцев. «Хорошо знать и использовать традиционный способ выражения мыслей и эмоций своей национальности, накапливать древнюю культуру всех китайских национальностей, а также включать в себя инновацию на основе традиционных стилей, – это стало одной особой характерной чертой китайских народных танцев» [1, с. 58]. А белорусские народные танцы, которые оформились в танцевальное искусство за долгое историческое развитие, стали одним из важнейших видов белорусского народного творчества. «Хореографический фольклор – стародавняя форма народного творчества. Здесь в пластической форме изображены впечатления от окружающего мира, жизни, быта и трудовой деятельности народа, в танцах воплощены национальный характер и способ образного мышления» [2]. Белорусский народ – умный народ, имеющий выдающийся талант к искусству в области народных танцев. Более 500 лет тому назад белорусские народные танцы были одним видом искусства, а также они имеют совершенный исторический образ. «С последовательным развитием общества белорусские народные танцы постоянно изменяли свой образ. Их вид и характер непрерывно обогащался и совершенствовался. В их включались элементы разных проявлений жизни» [3, с. 226].

Китайские народные танцы в основном выражают себя накопленной древней культурой. Примитивные танцы развиваются взаимосвязано со слиянием народов. Сочетание песен с танцами и музыкой является особой характерной чертой китайских народных танцев. Их форма выступления разделяет на танцы с песнями, танцы с музыкой, танцы с оглушительной музыкой и пение в сопровождении танцев. Все эти формы не только отдельно исполняются, но и исполняются по очереди или сочетаются вместе. Суть китайского народного танца является

выражением народного духа в особенных формах. Они обогащаются базисом китайского культурного духа и выявляют душу китайской нации. Они являются биением вечной жизни.

Танцы с песнями являются часто используемой формой искусства китайских народных танцев. При исполнении они разделяются на танцы с песнями, песню с промежутками танцев и песню в сопровождении танцев. Широко распространенные виды китайских «янгэ», «хуадэн», «хуагу» и т. д. относятся к такому виду народных танцев. Песня с промежутками танцев дополняет друг друга. Такой вид танцев и может выражать поздравление и уважение, а также может рассказывать о радости при работе и описывать разное окружения; кроме того, он может во всей полноте выражать ощущение любви. В контексте есть традиционная часть, а также и часть импровизации. Например, стиль песен «хуагугэ» при танцах «хуагулэн» в провинции Аньхой является очень приятной на слух разговорной литературой. Такой стиль в форме песни с сочетанием танцев позволяет исполнителям песни и танцев полное раскрытие. Народные песни и танцы связаны с древним хороводом с пением, что в последстсвии становится сценическим представлением. Расцвет сценических танцевальных представлений произошёл в эпохах династий Сун и Юань. Подобные сценические представления поглотили народные танцы и стали отдельной формой искусства. С другой стороны, они стимулировали совершенствование народных танцев. Народные танцы имеют тесные связи с местными сценками. «Некоторые виды почти невозможно разделить, например, танцы «янгэ» со сценкой «Танцевально-песенный дуэт» (фольклорный жанр, популярный на Северо-востоке Китая), танцы «хуадэн» со сценкой «хуадэнси», танцы «хуагу» со сценкой «хуагуси» и т. д. Просто выше указанные танцы относятся к танцам, а сценки – к сценке. Оба имеют свою специфику» [4, с. 58].

Белорусские народные танцы существуют издавна. Во время первоначального расцвета народной культуры они уже стали одним из важных способом для белорусского народа выразить

чувства. Белорусские народные танцы широко распространились. Стиль белорусских народных танцев в основном состоит из групповых танцев и хороводные танцы. Хоровод символизирует солнце. А солнце может привести людям свет и энергию. Люди любят танцевать по кругу и купаются под солнцем, а также наслаждаются веселым настроением, навеянным ими танцами. Такие танцы обычно имеет аккомпанемент. Аккомпаниаторы с танцорами вместе танцуют, чтобы повысилась красоту самых танцев. Такие танцы демонстрируют сочетание музыки с танцами, а также стимулируют горячую атмосферу на месте.

Музыкальный аккомпанемент белорусских народных танцев обычно исполняется скрипкой и тамбурином. В некоторых областях ещё добавляются дуда и гармонь. Но в деревнях гармонь постепенно заменила другие музыкальные инструменты и стала основным музыкальным инструментом для аккомпанемента. Танцы обращают особое внимание на построение композиции. «Танцоры из разных групп много раз меняют построение, чтобы «вязать» сложные и многоцветные узоры (Белорусские народные многоцветные узоры даже появится на флаге государства и банкнотах. Народные белорусские танцы отражают любовь к жизни и стремлении к красивому будущему народа, живущему на этой земле» [5, с. 110].

Можно сравнить китайские и белорусские народные танцы по характеру телодвижений. Китайские и белорусские народные танцы по характеру движений имеют очевидные различия. Говоря о китайских народных танцах остановимся на кратком анализе и примерах северо-восточных танцев «янгэ» у национальности Хань и тибетских танцев. Во-первых, об образовании танцев «янгэ». Ландшафт широкой северо-восточной китайской равнины пологий. На территории ярко выраженные времена года. Народ национальности Хань, живущий на этой территории, является тружеником, занимающимся работами по поднятию целины, разработке недр и перевозке, так что у них крепкий, откровенный и упрямый характер. С течением времени у них сформировался характер телодвижений танцев, подходя-

щих по характеру к северо-восточным ханьцам (национальность Хань). Северо-восточные танцы «янгэ», рождающиеся и развивающиеся от ходулей на юге провинции Ляонин, с точки зрения телодвижений они всё время держат «наклон вперед», высоко поднимают ноги и подпрыгивают при исполнении, а также опускаются на колени, резко поднимаются и ловко разворачиваются. Такой танец демонстрирует силу. Такая «непреклонная сила» совпадает с непреклонным характером народа северо-восточного Китая. Это и отражает особые обычаи жизни и темперамент сельских людей, живущих на северо-восточной китайской равнине. А что касается тибетского танца? Среди 4 широко известных тибетских танцев – «Дуйсе», «Госе», «Гочжо» и «Чжосе» – все они включают следующие элементы: садятся на бедра, изящно выгибают спину. Тибетский народ в истории является кочевой и сельскохозяйственной нацией, находящейся на горах и в степи «мировой крыши». Тибетцы обладают крепкой выправкой и несгибаемым народным характером. Хотя природная среда Цинхай-Тибетского нагорья приносит много трудностей для проживания, но тибетский народ, живущий там из поколения в поколение, с их трудолюбием и умом сохраняет особую традицию в национальной культуре и искусстве. В этой особой традиции в культуре и искусства религия образовала одну систему, распространяющуюся от начала до конца. Набожное религиозное сознание в сочетании с тяжелым физическим труд способствует их постоянному нахождению с согнутой спиной. Это отражается и в их танцах: они садятся на бёдра и сгибают спину.

Верхняя часть тела белорусского народного танцора в основном остается прямой, подбородок чуть-чуть поднимается. Движение рук малозначительно. Больше всего в белорусском народном танце движутся ноги. Телодвижения танцора открытые. Это тесно связывается с тренировкой балета и откровенным народным духом белорусов.

Китай представляет собой многонациональное государство. Народные танцы разных народов и территорий из-за влияния образа жизни, исторически сложившихся традиционных

привычек, народного характера, религиозной веры, даже географических, климатических условий имеют разные территориальные особенностей. Но, в общем, китайские народные характеризуются художественным единством. Их художественная особенность обычно принимается мерами о сочетании вымыла (фантазий) с реальностью, чтобы показывать идею автора. Образность и реальность в проявлении при творчестве китайских народных танцев являются богатыми и многообразными, например, один длинный занавес символизирует реку при творчестве танцев; открытие и закрытие одного складного веера показывает изменение настроения одного человека; флаги обозначает большую армию. Декорации создают определённые символы. В китайских танцах активно используются подобные формы визуализации демонстрационного фона, передачи задумок и идей. Более важное в том, что эмоция, передающая с помощью такой визуализации структуры, происходит из одного естественного и прямого художественного замысла, но такой замысел отличается от реальной жизни, например, в произведении «Цуйху» (букв. зеленая лиса), основывающее танцами «янгэ» в провинции Шаньдун, телодвижение танцовщицы свободное, колебание рук широкое, телодвижение расслабленное. В руках она держит один носовой платок, а также веер, который поднимает вверх и опускает вниз. Носовой платок играет как идущее облако и текущая вода, телодвижение легкое, как весенний ветер дует на иву, грациозно, и демонстрирует вдохновлённое движение.

Композиция белорусских народных танцев является основополагающим. Западная культура сосредоточена на создаваемой картине в танце. Белорусские народные танцы основаны на следующем художественном принципе: раскрывается определённый сюжет на основе создания композиционной картины из танцоров. Самое главное – это изображение, например, танцы «Весна» путем слов танцевального телодвижения во всей полноте демонстрирует, что белорусский народ в танце отмечает праздник посева, сбора урожая. Танцоры своими движениями воспроизводят данные процессы. Многие изображения явля-

ются прямым выражением ситуации жизни через художественное представление этого процесса зрителям. С другой стороны, танцы выражают иронию, весёлое настроение. Ритм жизни белорусского народа медлен и дает людям представление о том, что они лениво и без порядка живут, но на самом деле не так. Они больше обращают внимание на самую жизнь, наслаждаются природой и спокойной, неторопливой и довольной жизнью. Наверное, это их взгляды на жизнь и их отношение к жизни. Именно по причине того, что долгосрочная спокойная жизнь требуется восполнять элемент быстрого темпа, чтобы достичь равновесия в жизни. Веселые шаги танцев и позволяют наслаждаться веселыми темпами в медленной жизни.

Таким образом, благодаря уникальности своих форм танца, искусство китайского и белорусского народных танцевальных искусств занимает свое особое место на танцевальной сцене мира. Китайские народные танцы показывают культуру среди национальностей-меньшинства, эти культурно-кровные факторы способствуют развитию китайских народных танцев и формированию танца с китайской спецификой. Развитие белорусских народных танцев, благодаря его реальности, разнообразию вида и уникальной форме, образовали характеристику белорусского народного танца.

Литература

1. Ли Цзинбо. Сопоставление на виде между китайскими и русскими народными танцами/ Ли Цзинбо // Дом драмы.– 2012. – № 11. – С. 58.
2. Нематериальное культурное наследие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.metodcentr.inbel.biz/pages/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie. – Дата доступа: 05.04.2021.
3. Чжаси Цзянцо. Изложение о белорусских народных танцах / Чжаси Цзянцо // Популярные песни. – 2015. – № 11. – С. 226.
4. Ли Цзибо. Сопоставительное исследование о характеристике китайских и русских народных танцев / Ли Цзибо // Дом драмы. – 2012. – № 11. – С. 58.
5. Сунь Цянь. Анализ о ранних белорусских народных танцев / Сунь Цянь // Публика. – 2012. – № 61. – С. 110.

ВОПЛОЩЕНИЕ ИНЬ-ЯН В ДРЕВНЕМ КИТАЙСКОМ ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАРНЫХ ДРАКОНОВ)

Чжун Цяньцянь

Белорусский госсударственный университет
культуры и искусства, ул. Рабкоровская,17
e-mail: *zhongqianqian1993@gmail.com*

Категории Инь-Ян являются важной основой и составной частью древней китайской культуры и искусства. Парные драконы в древнем китайском искусстве являются ключом к пониманию традиционной китайской культуры. В статье анализируется воплощение категорий Инь-Ян в образе парных драконов (парных змей), а также рассматривается их влияние на древнекитайское искусство.

Ключевые слова: категории Инь-Ян; парные драконы; художественное творчество.

THE IMPLEMENTATION OF YIN-YANG CULTURE IN ANCIENT CHINESE ART – ON THE EXAMPLE OF TWIN DRAGONS (TWIN SNAKES)

Zhong Qianqia

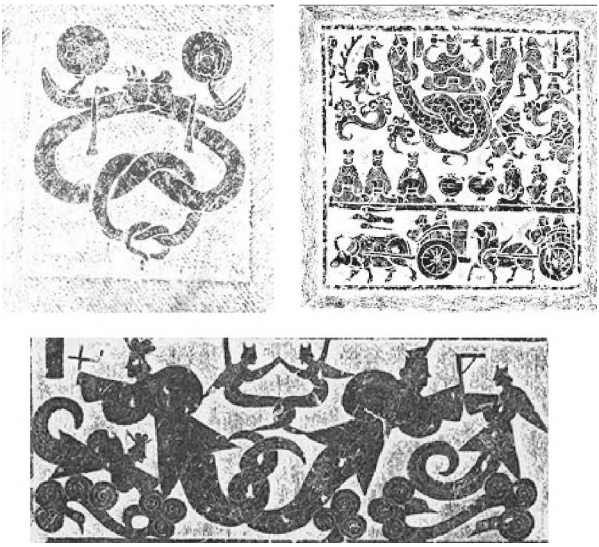
Belarusian State University of culture and art,
Rabkorovskaya st. 17, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *zhongqianqian1993@gmail.com*

Yin-Yang culture is an important foundation and integral part of ancient Chinese culture and art. Twin dragons (twin snakes) in ancient Chinese art are the key to understanding traditional Chinese culture. The article analyzes the embodiment of the Yin-Yang culture in the form of twin dragons (twin snakes), and examines its influence on ancient Chinese art.

Keywords: Yin-Yang culture; twin dragons (twin snakes); artistic creation.

Парные драконы всегда были неотъемлемой частью древнекитайского искусства. В древних литературных памятниках неоднократно встречаются записи о парных драконах, при этом несмотря на очень большой временной охват развития китайской культуры данными произведениями, в них всегда можно обнаружить какие-либо упоминания о парных драконах. Помимо этого, в классической китайской литературе также имеется большое количество записей о «переплетенном драконе» – двуглавой летучей змее. Согласно исследованиям китайского синолога Вэнь Идо, все они являются вариантами легенды о парных драконах [1, с. 64–71].

Среди образов парных драконов (парных змей) самым известным является изображение первопредка-бога Фу-си и богини Нюйвы. Образ Фу-си и Нюйвы – это сочетание мужского и женского божеств с человеческой головой и змеиным телом. Божественные образы противопоставлены друг другу: мужское божество держит в руках циркуль, а богиня – измерительный угольник [2, с.56]. Исследуя историю изображения Фу-си и Нюй-



Изображения Фу-си и Нюйвы периода династии Хань

вы, китайский ученый Вэнь Идо обнаружил его прототип – мифологического парного дракона. Однако в литературе до периода династии Восточная Хань нет никаких записей об объединении образов Фу-си и Нюйвы. Только благодаря «Хуайнань-цзы» и другим классическим произведениям мы смогли увидеть сочетание двух независимых божеств, не имеющих ранее между собой никаких связей. Появление данной модели главным образом является результатом применения популярной в эпоху династии Хань философской концепции Инь-Ян. Ученый Чжэн Дэкунь рассматривал изображение взаимосочетания образов Фу-си и Нюйвы в усыпальнице аристократической семьи У в качестве объекта, отражающего применение концепции Инь-Ян в период династии Хань [3, с. 163].

Т-образная роспись по шелку, найденная в захоронении Мавандуй провинции Хунань

Кроме изображений Фу-си и Нюйвы, парные драконы также часто встречаются в традиционных китайских декоративных орнаментах на бронзовых изделиях и картинах на шелке. Возможно, под влиянием концепции Инь-Ян, мотив парных драконов получил яркое выражение в искусстве периода династии Хань. Это отражается как в том факте, что парные драконы впитали в собственную дуальную модель образы мифических персонажей Фу-си и Нюйвы, так и в очевидной важности мотива парных драконов при выражении концепции трансформации жизни и смерти и вознесения души. Изображение двух драконов широко представлено в искусстве династии Хань, особенно

в погребальном искусстве, например, на погребальном покрове ханьского захоронения Мавандуй в Китае. Обнаруженная в захоронении Мавандуй роспись по шелку представляет собой переходный этап в раннем китайском искусстве и религии [4, с. 177]. Для выражения смысла этого перехода мотив парных драконов представляется наиболее подходящим, так как данный образ символизирует трансформацию и чередование Инь и Ян, жизни и смерти.

В древнем китайском искусстве парные драконы являются одной из основ традиционной китайской культуры, а изображение парных драконов олицетворяет постепенное проникновение философской концепции Инь-Ян в древнекитайское искусство и культуру и ее непрерывное развитие. После построения китайской традиционной культуры, она оказывает обратное влияние на художественное творчество и мышление людей, делая образ парных драконов более полным, а концепцию Инь-Ян более глубоко укорененной в генах традиционной культуры китайской нации.

Литература

1. Вэнь Идо. Академическое письмо Вэнь Идо: мифологические исследования / Идо Вэнь. – Чэнду: Издательство Башу, 2002. – 166с.
2. Лю Вэньсуо. Исследование истории искусств (восьмое издание) / Вэньсуо Лю. – Гуанчжоу: Издательство Чжуншаньского университета, 2006. – 120с.
3. Чжэн Дэкунь. Инь-Ян и искусство периода эпохи Хань / Дэкунь Чжэн // Гарвардский журнал азиатских исследований. – 1957. – № 20. – С. 163.
4. Хантингтон Ричард. Празднование смерти: антропология погребального ритуала / Ричард Хантингтон, Питер Меткалф. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1979. – 236 с.

ФОМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРЫ КНР

Цзя Ляльна

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *kafkult@buk.by*

В статье раскрывается место и роль индустрии культуры в устойчивом развитии современного общества. Анализируется деятельность Компартии и государства Китая по формированию организационно-правовых и концептуальных основ развития индустрии культуры.

Ключевые слова: государство; инвестирование; индустрия культуры; Китай; реформа.

SHAPING THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT CULTURAL INDUSTRIES OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Jia Lianna

Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya st. 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *kafkult@buk.by*

The article reveals the place and role of the cultural industry in the sustainable development of modern society. The article analyzes the activities of the Communist Party and the state of China on the formation of organizational, legal and conceptual foundations for the development of the cultural industry.

Keywords: state; investment; cultural industry; China; reform.

Необходимость сохранения и укрепления целостного социокультурного пространства Китайской Народной Республики, усиление влияния транснациональных тенденций выявили, что эффективность социально-экономического развития китайского общества во многом зависит от признания государством доминантной роли культуры в динамике социальных процессов, в конечном счете – от выбора модели государствен-

ной культурной политики. В связи с этим социалистическое государство КНР, являясь публичной властью под руководством Коммунистической партии в процессе осуществления модернизации всех сфер общества, стремится к обогащению и духовной жизни китайского народа. Руководствуясь решениями XIX съезда КПК (2017 г.) правительство расширило финансовые фонды, предназначенные для инвестирования сферы культуры, постепенно увеличивая объемы кредитования потенциально успешных проектов. На съезде также были определены главные направления реформирования культурной индустрии (文化产业 вэньхуа чанье). Ими стали: формирование системы ценностей, предоставление народу более высококачественной духовной пищи, преобразование и мощное развитие массовой культуры, гарантирование защиты культурных прав потребителей, изучение интересов народа в культурной сфере, становление культурной индустрии как важнейшего сегмента национальной экономики. Также особое внимание было уделено углублению реформы открытости (для расцвета и развития культурной сферы), подготовке специалистов в области производства культурной индустрии и дальнейшей реализации данной продукции, соответственно, и открытию или развитию центров (школ, университетов), занимающихся подготовкой данных кадров. По отношению к культурным объектам, имеющим инновационное, высокотехнологичное наполнение, правительству вменялось вводить политику государственного кредитования, т.е. предоставлять государственные займы под низкий процент или субсидирование, тем самым оказывая поддержку развитию сферы культуры [5, с. 98].

Определив культуру в качестве стратегического аспекта державы, в КНР был принят «План активизации культурной индустрии» [2]. Данным документом предусматривалось создание мощной индустрии культуры. Важную роль в развитии сферы культуры имела выработка «Стратегии построения могущественного культурного государства», которая была одобрена на Пленуме ЦК КПК. На партийном форуме была поставлена задача: уделять внимание культурной сфере не меньше, чем пробле-

мам экономического развития. Под руководством партии Госсовет Китайской Народной Республики начал активно проводить политику по стимулированию строительства сферы культуры. Государство значительно увеличило капиталовложения в социально-культурную, ввело сборы на организацию культурных мероприятий, содействовало народным пожертвованиям в дело общественной культуры, поддерживало организацию различных культурных мероприятий силами общественности, расширило доступ на рынок, что в определенной степени позволило смягчить проблемы, связанные с долгосрочным недостатком вложений в строительство культуры, нехваткой средств и т. п.

«Планом национального экономического и социального развития на период тринадцатой пятилетки» предусмотрено уделить серьезное внимание развитию культурной индустрии, повысив ее влияние не только на общественную жизнь, но и на экономическую, политическую стороны страны.

В настоящее время государство, имея юридический статус инвестора, на равных участвует в рыночной конкуренции. В последние десятилетия государственные финансовые капиталовложения в область культуры достигли самого высокого за всю историю КНР уровня. Расходы на культурные мероприятия непрерывно увеличиваются, что в большой степени содействует развитию культурных мероприятий. Общая сумма расходов на культурные мероприятия по всей стране составила 58,082 млрд. юаней, среднегодовой рост достиг 22,5 процента. Так, если в 1978 году расходы на культурные мероприятия в масштабах всей страны составили 444 млн. юаней, в 2007 году они достигли 19,896 млрд. юаней. Сумма, выделенная на развитие культурной отрасли, в 2015 году выросла на 11% по сравнению с предыдущим годом [3, с. 314]. На основе увеличения расходов на культурные мероприятия центральное правительство и провинциальные администрации установили специальные статьи расходов в области культуры для увеличения поддержки культурного строительства в деревенских районах, особенно в старых революционных районах и местах боев в ходе антияпон-

ской войны, районах проживания национальных меньшинств, приграничных, отдаленных и бедных районах.

Примечательно, что государство постепенно начало формировать негосударственные механизмы финансовой поддержки развития культуры с участием, как государственных вложений, так и частных инвестиций в сферу культуры. Партией и правительством КНР был разрешен допуск частного и иностранного капитала в сферу культуры, а также выдвинута задача по активизации освоения международного культурного рынка и «продвижения» китайской культуры во внешний мир.

Одним из главных средств по развитию культурной индустрии стала политика постепенного снятия ограничений выхода на рынок, были разрешены и даже поощрялись частные и иностранные инвестиции в сферу культуры. Государство поддерживало реализацию художественных произведений, продажу в розницу аудио- и видеопродукции, создание развлекательных проектов, а также строительство, улучшение и управление инфраструктурой в сфере культуры. Особенно развивались и поощрялись различные виды частного инвестирования, такие как спонсорство, совместный капитал, разные формы сотрудничества, акционирование предприятий, франшизы [1].

Культурно-массовые учреждения КНР, основанные на государственном капитале, также полноценно адаптируют и используют опыт управления и механизмы рыночной экономики. Вследствие чего происходит увеличение инвестиций в издательское дело, в производство электронной, аудио и видео продукции, в сферу исполнительского искусства, развлечений, кино и театра, анимации и рынка другой художественной продукции. В результате этого книги, газеты и журналы, издаваемые в Китае, отличаются богатством тематики и содержания, они освещают самые разнообразные сферы научной и общественной жизни китайского общества.

Государство стремится поддержать небольшие социально-культурные учреждения, а именно увеличить финансирование, ввести льготное налогообложение и оказать помощь при

подборе кадров. Новый курс государственной культурной политики направлен на поощрение благосклонности банков и других финансовых институтов в принятии решений по предоставлению займов для таких организаций с персоналом менее 100 человек. Подобных компаний на рынке культурной индустрии Китая около 80%. Более того, предусматривалась разработка системы по увеличению зарплат и доходов для работников негосударственных учреждений на основе их опыта и достижений, что, способствовало повышению уровня качества их деятельности. Кроме того, государственные органы поощряли деятельность юридических и физических лиц перестройку заброшенных промышленных объектов в целях организации новых учреждений культуры и мест для проведения массовых культурных мероприятий.

Анализ современной внутренней структуры индустрии культуры в Китае, свидетельствует, что традиционные сферы культуры, такие как новостные агентства, издательства, радио- и телевидения и другие, составляющие «костяк» идеологии, в абсолютном большинстве управляются и финансируются государственным капиталом. Однако современные отрасли культуры: Интернет, сфера развлечений и активного отдыха, культурный туризм, реклама и другие сферы, формирующие «периферию», а также «примыкающие» сферы, занимающиеся культурными объектами, оборудованием и смежные с культурным производством, основаны на негосударственной форме собственности.

Таким образом, рыночный механизм и системная модернизация культурной отрасли КНР на основе принципов новой культурной политики позволила индустрии культуры превратиться в эффективный инструмент устойчивого развития социалистической культуры КНР. В настоящее время она играет активную роль в устойчивом развитии китайского общества, ставшая частью национальной экономики. Так, с 2012 по 2016 год добавленная стоимость культурной индустрии Китая из года в год росла с 1,8 трлн. юаней в 2012 г. до 3,1 трлн. юаней в 2016 г., что составляет 4,14% [2]. Некоторые эксперты рас-

считали процент прироста индустрии культуры и прирост ВВП, чтобы получить ставку взноса индустрии культуры. В 2012 года ставка взноса индустрии культуры в экономику КНР превышала 5%, а в 2016 г. – 5,5%. Это показывает, что статус и роль культурной индустрии в экономическом росте возрастают [4].

Уже в начале 2000-х гг. в Китае насчитывалось 197 предприятий, занятых в сфере кинематографии, из них 60 были с участием капитала частных предприятий, ими в 2004 г. было снято более 100 кинофильмов, 80% – частными компаниями [1]. Углублением реформы культурной системы обусловило процесс акционирования некоторых предприятий сферы культуры. В этот же период в КНР существовало свыше 50 предприятий, задействованных в сфере культуры, вышедших инвестиционные рынки, которые постепенно формируют современный сегмент индустрии культуры.

Литература

1. Экономика Китая: анализ состояния и перспективы развития / пер. с англ. Чэнь Цзягуй. – М. : Наука, 2009. – 373 с.
2. Янь, Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностного потенциала «мягкой силы» Китая / Шуфан Янь В.А. Абрамов // Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – №7 (74). – С. 14–21.
3. Report on Development of China, Media Industry (2015). – China : Social Scitncts Academic Press, 2015.
4. 《2016年中国文化产业增加值首次突破3万亿元》，《光明日报》，2017 5月27日，第12版 = «Добавленная стоимость культурной индустрии Китая впервые в 2016 году превысила 3 триллиона юаней», Guangming Daily, 27 мая 2017 г., – № 12.
5. 决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利[D].北京:人民出版社 2017:106. Си, Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху: Доклад председателя ЦК КПК на XIX съезде Коммунистической партии Китая / Циньпин Си. – Пекин : Нар. Изд-во, 2017. – 106 с.
6. 范周《文化产业论纲》，北京，社会科学文献出版社，2016年版，第76页 = Фань, Чжоу. Обзор культурной индустрии / Чжоу, Фань. – Пекин: Пресса литературы по социальным наукам, 2016. –76 с.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО МОДЫ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Юкович

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
факультет культурологии, ул. Рабкоровская, 17, 220007,
Минск, Республика Беларусь
e-mail: *anastasiaukovic65@mail.ru*

В статье рассматривается белорусская национальная одежда в контексте межкультурной коммуникации. Анализируется развитие белорусской моды в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализации; традиционный костюм; этно-стиль; национальный орнамент; мода; белорусская культура; вышиванка.

ART SPACE FASHION AS AN EFFECTIVE FORM OF PRESERVATION AND TRANSLATION OF TRADITIONAL BELARUSIAN CULTURE

A. A. Yukovich

Belarusian State University of Culture and Arts,
Faculty of Cultural Studies, Rabkorovskaya st. 17,
220007, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *anastasiaukovic65@mail.ru*

The article examines the Belarusian national dress in the context of intercultural communication. The development of Belarusian fashion in the context of globalization is analyzed.

Keywords: globalization; traditional costume; ethno-style; national ornament; fashion; Belarusian culture; embroidery.

Процессы глобализации охватили все сферы деятельности человека, включая и социокультурную. Мода является верным и безошибочным показателем отличительных признаков общества, страны, народа, образа жизни, мыслей. Благодаря это-

му она стала одним из средств межкультурной коммуникации. Разрушая национальные рамки и одновременно сохраняя элементы национальной культуры, мода прочно заняла свое место в процессе поиска эталонов мировой красоты. В этих условиях Республике Беларусь важно не затеряться в мировом пространстве, сохранить свою уникальность, продемонстрировать свою неповторимость и вызвать интерес к изучению белорусской традиционной культуры.

Актуальность данной проблемы связано с тем, что одежда с глубокой древности была и остается неотъемлемой частью материальной культуры общества, а благодаря этому является ключевым элементом, который изучается при исследовании этнической истории народа, его обрядов и обычаев. Данная проблематика вызывает научный интерес, поскольку кроме естественной практической функции, национальная одежда транслирует в себе и культурный код. Различные элементы, начиная с пояса и заканчивая орнаментом и вышивкой, наполнены семантическими значениями. Одна из важнейших характеристик белорусской моды – необыкновенная устойчивость традиции. Белорусская народная одежда является актуальной в современной жизни и вызывает интерес у международных брендов. Часто отдельные элементы этнического костюма дополняют современный образ.

Белорусский этнограф И. И. Крук считает, что «именно традиционная народная культура всегда была самым тонким индикатором проявления национального самосознания в переломные периоды» [1, с. 79]. Аналогично высказывается по данному аспекту белорусский исследователь Е. В. Сахуто: «Исходя из опыта современной истории, роль традиционной культуры особенно возрастает в период национально-культурного возрождения, объединения народа на основе национального самосознания, становления государственного суверенитета, определения своего места в международном содружестве» [2, с. 5]. Мнение данных исследователей явилось основанием концепции рассмотрения в данной статье народной белорусской одежды с точки зрения её

способности наглядно демонстрировать достижения, выявлять проблемы и тенденции развития национальной культуры. Проведение международных фестивальных мероприятий, является наиболее эффективной поддержкой в сохранении и трансляции белоруской традиционной культуры в глобализационную эпоху.

Традиционный костюм является отражением национального своеобразия и вековых традиций белорусского народа. Формирование традиционной белорусской одежды с её специфическими особенностями началось во времена средневековья. К концу XIX – началу XX веков ее облик устоялся, сложились ярко-выраженные этнические элементы. Важным направлением сохранения элементов традиционной культуры является создание авторских коллекций современной одежды с элементами этнографического материала. За первооснову современных образов модельерами взят этно-стиль – это стиль, в котором комплекты одежды воспроизводят черты национального костюма определенного народа (этноса) [3]. Все идеи дизайнеры черпают из национальной истории, традиций, создавая особую философию одежды [4]. Существуют различные мнения о возможностях народной одежды в современных образах. Некоторые утверждают, что это сочетание является эклектичным. Другие, полагают, что произведения народного искусства вполне могут уживаться с современным моделированием, обогащая его. Одним из вариантов такого взаимообогащения является использование традиционной белоруской вышивки. Например, в настоящее время во многих современных коллекциях широко используются мотивы белорусских орнаментов на современных свитшотах. Узоры и орнаменты – особенный вид народного творчества, тесно связанный с термином «декор», призванный не только украшать предметы и одежду, но и представляющий собой целую сложную систему [5]. Узоры являются символами, служащими не только украшением, но и заклинанием, и оберегом [6].

Популяризация белоруской национальной культуры все более распространяется по всему миру, поэтому тема применения традиционного орнамента в сфере современной стили-

стики очень востребована. В молодежных субкультурах можно увидеть группы «подражателей», где молодые люди исследуют аутентичные концепции традиционной культуры, орнамента и воплощают их в новых интерпретациях [7]. В настоящее время в этническом направлении индустрии моды идут активные творческие поиски. Как правило, задача, которая стоит перед дизайнерами при разработке современных костюмов – сделать так, чтобы все этнические особенности традиционного костюма были переданы в новых формах. Развитие этой линии в современной моде идет по нескольким направлениям: в авторских коллекциях дизайнеров, возрождении национального костюма для сцены и фольклора, в традиционных техниках, а также в виде принтов на современной одежде. В основе создания коллекций современной одежды по мотивам традиционного белорусского костюма лежат принципы, согласно которым формировался крой народной одежды, ее композиционное решение, а также характерные особенности декора и фактуры ткани, часто сохраняются пропорции и цветовая гамма.

Современная Беларусь старается проявлять активную деятельность в сфере фешн-индустрии и пытается найти себе достойное место. Белорусские модельеры и дизайнеры участвуют в международных конкурсах и фестивалях моды. Это дает возможность белорусам продемонстрировать свой взгляд на моду в нашей стране, возрождать народные традиции в современных воплощениях и демонстрировать своё культурное наследия во всём мире. Например, активно развиваются международные конкурсы и фестивали моды в Минске и Витебске: «Блакитная пралеска», «Этна Стыль», «Белая амфора», «Мельница моды», Belarus Fashion Week, «Мила плюс», «Мамонт».

Основной целью международного фестиваля-конкурса «Этна Стыль», является популяризация белорусской культуры, традиций и стиля в одежде, а также поддержка и продвижение белорусских дизайнеров и предприятий, моделирующих и производящих одежду в стиле этно. Фестиваль «Этна Стыль» прошел в впервые 2015 году и повторяется с периодичностью раз

в два года [8]. Его создатель – Национальная школа красоты. Все коллекции – с разной степенью аутентичности.

Мельница моды – первый белорусский модный форум общегосударственной значимости ежегодно проводящийся в Минске с 2001 года для поддержки юных дизайнеров одежды, моделей, специалистов фотографии, стилистов и визажистов, а также повышения квалификации мастеров в сфере дизайна, выбора одежды. Форум охватывает вопросы сбережения национальных культурных традиций, овладение зарубежного опыта и усиление контактов с иностранными специалистами [9].

Ярким представителем международного сотрудничества является победительница «Мельницы моды» Светлана Князева, представившая авторскую коллекцию на XLI Международном кинофестивале в Москве во время показа «Русский силуэт». Источником вдохновения для коллекции «Дзявоя» послужили мифы и легенды белорусского народа. Дзявоя – богиня древнеславянской мифологии, оберегающая девушек до тех пор, пока они не выйдут замуж. В коллекции отражается девичий мир: это растения и животные, птицы, обрядовые праздники. В процессе создания использовались натуральные ткани и аппликация в технике вышиванки, ручная вышивка. Так же коллекция демонстрировалась в Минске, Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле и Милане.

Особое место в интерпретации этно-стиля занимает деятельность по изготовлению одежды, на основе стилизации народного костюма. Высокий профессиональный уровень и научный подход художников-модельеров в центре народных ремесел «Скарбніца», позволяет создавать уникальные коллекции одежды, в которых органично сочетаются этнические элементы с современными. При создании коллекций специалисты изначально обращаются к этнографическим источникам, изучают историю народного костюма, выезжают в экспедиции, что способствует сохранению основных композиционных приемов и образности в целом, заложенных в народной одежде. Мастерская с ткацкими станками на протяжении нескольких лет рабо-

тает по древним традициям, выполняя заказы из США, Канады, всей Европы, Сингапура, Малайзии, Австралии и Индии.

Белорусская культура восхищает и вдохновляет для создания модных коллекций бренды известные во всём мире. Стоит отметить, что белорусский орнамент уже давно покорил сердца дизайнеров, и славянский колорит только набирает обороты. Вышиванка – очень популярна на сегодняшний день. И различные мировые бренды применяют эту стилистику для вдохновения новых идей.

Американский производитель спортивной обуви и одежды фирмы Nike выпустила кроссовки-вышиванки. Рисунок, декорирующий обувь, отчетливо напоминает традиционный белорусский орнамент «Васьмірог з расколкамі» –символ, определяющий мужское начало, энергию оплодотворения, обогащение. Модель Nike Roshe One Winter исполнена в нескольких цветовых палитрах: алой, темно-синей и черной, а также джинсово-синей и серой специально для женщин.

Модный Дом Valentino представил коллекцию, вдохновленную Марком Шагалом. Дизайнеры коллекции модного Дома Valentino удивили французскую публику славянскими мотивами. На подиум Недели высокой моды в Париже вышли модели в белорусских вышиванках. Белорусские мотивы в своих работах использовали дизайнеры Мария Грация Киури (Maria Grazia Chiuri) и Пьер Паоло Пиккиоли (Pier Paolo Piccioli).

Увлечение миром Шагала у дизайнеров началось после посещения выставки художника в Милане. Пьер Паоло Пиккиоли поделился впечатлениями: «У него была невероятная жизнь. Очень тяжелая, но он сумел сохранить свое оптимистичное видение». Большим поклонником этого творчества является, и сам основатель Дома Valentino Гаравани. К мистике Шагала дизайнеры добавили мотивы итальянского Ренессанса, навеянные творчеством Шекспира, Данте Алигьери и Пьера Паоло Пазолини. Платья создавали вручную более полугода [10].

Американский исполнитель Snoop Dogg в 2014 году выпустил коллекцию одежды с белорусским орнаментом. На создание одежды его вдохновило творчество группы белорусских

уличных художников Hood Graff. Футболки, рюкзаки, чехлы для iPhone и сумки для ноутбуков, украшенные белорусским орнаментом. Благодаря коллекции «SNOOP LOVES BELARUS», вышиванка набрала популярность не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Таким образом, развитие моды XXI в., как средства межкультурного взаимодействия пронизано тесными коммуникативными процессами. Специфика художественного пространства международных фестивалей моды непосредственно связана с целью сохранения национального наследия в развитии белорусской культуры. Популяризация таких проектов является формой эффективной поддержки традиционной культуры. Значимость проведения конкурсов возрастает в связи с актуализацией достижений белорусской национальной культуры на международном уровне и расширением диалога культур.

Знакомство с работами дизайнеров, которые при моделировании современной одежды используют традиции народного костюма, показало, что степень использования элементов различна и отличается авторским подходом. Популярность вышиванок и возвращение к истокам истории уже который год не выходит из главных тенденций в моде. Проявление национальной идентичности является важной составляющей современных дизайнерских коллекций. В то же время появляются новые поколения мультикультуральных дизайнеров, обладающие удивительным умением соединять в единое целое традиции и современность, национальное и заимствованное из других культур, что в полной мере является отражением глобального процесса межкультурной коммуникации.

Литература

1. Крук, И. И. Культура Беларуси: 20 лет развития (1991–2011) / И. И. Крук, С. П. Винокурова. – Минск : Институт культуры Беларуси, 2012. – 77–84 с.
2. Сахуто, Е. М. Белорусское народное искусство / Е. М. Сахуто. – Минск : Беларусь, 2001. – 367 с.

3. Энциклопедия моды Этнический стиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wiki.wildberries.ru/?s=этнический+стиль&login=&pass=&nonce=999b650b95. – Дата доступа: 03.12.2020.
4. Рубрика: Славянский Самобытность белорусского стиля в современной одежде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ethnoboho.ru/slavyanskiy/obraz-belorusskogo-stila.html. – Дата доступа: 28.11.2020.
5. Разнообразие Белорусского орнамента и его значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sad6korma.schools.by/pages/raznoobrazie-belorusskogo-ornamenta-i-ego-znachenie. – Дата доступа: 25.02.2021.
6. Белорусский национальный костюм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.liveinternet.ru/users/oleska2112/post417754516. – Дата доступа: 12.01.2021.
7. Народны касцюм як машына часу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/7205/Народны%20касцюм%20як%20машына%20часу.pdf?sequence=1&isAllowed=y. – Дата доступа: 02.12.2020.
8. Этно на подиуме. В Минске впервые прошел фестиваль «Этна Стыль» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/etno-na-podiume.html. – Дата доступа: 03.12.2020.
9. Мельница моды – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мельница_моды#cite_note-3. – Дата доступа: 05.02.2021.
10. Модный Дом Valentino представил коллекцию, вдохновленную Марком Шагалом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/modnyy-dom-valentino-predstavil-kollektsiyu-vdokhnovlennuyu-markom-shagalom.html. – Дата доступа: 07.02.2021.

ИНТЕРАКЦИЯ СУБКУЛЬТУР КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Чжао Шэншань

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
кафедра культурологии, ул. Рабкоровская, 17,
220012, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: *zss525544504@gmail.com*

В статье рассматриваются детерминанты образования субкультур китайской молодежи. Акцентируется внимание на выявлении механизмов вхождения молодого поколения КНР в субкультурные формирования. Подчеркивается, что в условиях диверсификации информационно-коммуникативных процессов интенсифицируется интеракция китайской молодежи с субъектами субкультур Запада и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: интеракция; КНР; молодежь; субкультуры; ценности.

INTERACTION OF SUBCULTURES AS A FACTOR OF FORMATION OF AXIOLOGICAL CONSCIOUSNESS OF CHINESE YOUTH

Zhao Shengshan

Belarusian State University of Culture and Arts,
Department of Culturology,
17 Rabkorovskaya st., 220012, Minsk, Republic of Belarus,
e-mail: *zss525544504@gmail.com*

The article examines the determinants of the formation of subcultures of Chinese youth. Attention is focused on identifying the mechanisms of the entry of the young generation of the PRC into subcultural formations. It is emphasized that in the context of the diversification of information and communication processes, the interaction of Chinese youth with the subjects of subcultures of the West and Southeast Asia is intensifying.

Keywords: interaction; PRC; youth; subcultures; values.

Молодежные субкультурные образования в КНР стали появляться во второй половине XX в. Они представляли собой часть культуры китайского общества, субъекты которой отличались поведением от преобладающего большинства молодежи. По мнению китайского исследователя Жэн Япиня, носители молодежных субкультур не в полной мере признавали или даже отрицали доминирующую (официальную) культуру, не противостояли ей, а дополняли те части, которые оставались в ней без внимания [4].

Анализ механизма включения китайской молодежи в общественные субкультурные объединения, способствующие формированию ее мировоззрения, ценностных ориентаций, гражданской позиции, профессионального и социального статуса, показывает, что он имеет две формы: а) интеграция молодого поколения в культурные, нравственные, правовые, политические и идеологические традиции общества. Это происходит путем принятия молодыми людьми господствующих социальных норм в качестве основы жизненных ориентаций, побудительных мотивов поведения; б) дифференциация молодого поколения по уровням социально-профессиональной структуры общества. Современная молодежь КНР формируется в условиях социальной трансформации, обусловленной политикой реформ и открытости, переплетающейся с урбанизацией и формированием общества потребления, развитием информационных технологий, глобализационными процессами. По сравнению с предыдущим поколением, она ощущает на себе более сложное воздействие макроэкономических факторов. Модернизацию китайского общества она осуществляет как процесс смены основных ценностных ориентаций.

Социологические исследования, проведенные в 2015 г. исследовательской группой «Изучение ценностей молодежи Гуанчжоу, Гонконга и Макао», показали, что дореформенная идеологизированно-монолитная структура ценностей начала трансформироваться в плюральную, дифференцированную на множество элементарных ценностных позиций и взаимозависимых макропозиций – гуманизм, конформизм, нонконформизм, власто-

любие и др. Доминантными в сознании и поведении молодых людей являются ценности индивидуализма и самореализации. В молодежной среде складывались и набирали силу тенденции распада коллективистских ценностей и формирования на освобождающемся месте ценностей индивидуалистических, гедонистических [3]. Так, для каждого второго молодого респондента (51%) важнейшими факторами, влияющими на жизнь, являются материальная независимость, деньги, финансовая безопасность. Каждый пятый (21%) важным условием жизни считает наличие собственной квартиры, дома, хорошей работы [7].

Таким образом, поведение значительной части китайской молодежи уже не соответствует прежней аксиологической системе социального регулирования и еще не вписывается в рамки новой системы ценностей. Молодое поколение живет одновременно в двух мирах, не будучи полностью адаптированным ни к одному из них. Молодое поколение Китая отличается гораздо большей ориентацией на ценности модерна – самостоятельность, инициативность, толерантность к переменам.

Важную роль в формировании структуры ценностного сознания китайской молодежи играет интеракция субъектов, формирующаяся в настоящее время во множестве молодежных субкультур. Стремление китайской молодежи к созданию субкультурных объединений происходит вследствие нарушения целостности культурной и социальной систем. Целостные системы аскриптивной социальности распадаются на фрагменты, происходит трансформация прежних социальных отношений, а наряду с ними рождаются новые, основанные на функциональных критериях субкультуры молодежи.

Интенсификация социокультурных коммуникаций молодого поколения способствует диверсификации видов и форм интеракций, в результате которых происходит расширение коммуникативного пространства китайской молодежной субкультуры.

Анализ содержания диверсификации взаимодействия молодежных субкультур позволяет выделить ряд ее механизмов: заимствование, подражание, опыт, соответствие. Под воздей-

ствием этих механизмов субъекты какой-либо субкультуры заимствуют компоненты иной субкультуры и незаметно становятся едиными с субъектами этой субкультуры. Когда индивид один, он может спокойно и ясно выражать отношение к чему-либо, но, будучи включенным в какую-либо субкультуру, он демонстрирует соответствие ценностям, нормам, паттернам субкультуры. Даже если индивид вступает в противоречие с субъектами контактируемой культуры, он больше не будет полагаться исключительно на собственное суждение в оценке определенных общественных явлений и процессов, на него существенное и решающее влияние оказывает субкультура.

Таким образом, в процессе интенсификации информационно-коммуникативных процессов посредством рассмотренных механизмов компоненты молодежных субкультур стран Запада и Юго-Восточной Азии активно проникают в молодежную среду КНР, что и способствовало процессу формирования субкультур китайской молодежи. Следовательно, межкультурные заимствования выступают в качестве одного из механизмов привнесения в китайское культурное пространство зарубежных субкультур. Так, китайский исследователь молодежных проблем Лу Цзе полагает, что в современную эпоху открытого китайского общества национальная культура не может не подвергаться влиянию и воздействию на нее гетерогенных культур разных западных сообществ. Некоторые из них порождают отклонения от официальной культуры [5, с. 207]. Не отрицая влияния на китайскую молодежь ценностей и паттернов западных и юго-восточных субкультур, на наш взгляд, не следует относить китайских юношей и девушек к категории «плагиаторов интеракции». Исследование содержания и форм субкультур китайской молодежи показывает, что образцы молодежных субкультур стран Запада и Юго-Восточной Азии молодежь Китая не просто заимствует. В большинстве случаев субкультуры выступают лишь основанием для творческого созидания самобытного духовного мира китайской молодежи. Внешние и внутренние атрибутивные качества западных и юго-восточных молодежных субкультур подвергаются трансформации в соответствии со спецификой

своего менталитета, социокультурными интересами и потребностями китайской молодежи. В некоторых случаях молодежь Запада и Востока в свою очередь заимствует компоненты субкультурных образований, созданных молодыми людьми КНР. Общим, что объединяет китайские модели с западными и восточными моделями молодежных субкультур, является то обстоятельство, что возникновение субкультур стало результатом поиска нового социального качества, «другой цивилизации», которая в их поисках обрастала множеством идеализированных и мифологических наслоений.

Значительное количество современных субкультурных течений китайской молодежи в основном сформировалось на основе стратегий досуга и развлечений, которые подкрепляются современными масс-медиа, распространяющими ценности преимущественно вестернизированной массовой культуры. Благодатной почвой для гедонистско-развлекательных субкультурных образований является слабая индивидуализированность и избирательность значительной части китайской молодежи, которая в выборе ценностей и моделей поведения чаще всего руководствуется групповыми стереотипами и самореализуется вне традиционных ценностей китайского общества.

Из подражания британскому музыкальному жанру инди-поп (независимая музыка) возникла субкультура хипстеров (文艺青年) (изысканных). Слово хипстер, производное от английского («to be hip» – «быть в теме»). Ее приверженцами являются молодежные группы, которые находятся под влиянием свежих и красивых музыкальных стилей стран Северной Европы, Японии, Южной Кореи, Тайваня и других регионов мира. Хипстеры, как правило, являются интеллектуальными, обеспеченными молодыми людьми, которые следуют прогрессивным тенденциям современного китайского общества. Круг интересов этой изысканной молодежной группы, отмечает Сюэ Цзи, весьма обширен (увлекаются альтернативной музыкой, авангардным искусством, артхаусным кино и др.). Хипстеры не представляют себе жизнь без продвинутых гаджетов и девайсов, преимущественно компании Apple, заводят профили во всех популярных соцсетях

(Инстаграм, Твиттер), ведут личные блоги [1]. В музыке их привлекает красивая мелодия, создаваемая одним или группой музыкантов. Эта субкультура, по мнению Лю Лили, первоначально возникла из приверженности утонченному стилю красивой британской независимой поп-музыки, а затем распространилась на другие молодежные художественные сферы, такие как кино, одежда, фотография, литература и т.д. [6].

Хипстеры характеризуются эмоциональностью, сосредоточением на самовыражении, стремлением к чистому духовному миру, переживанием мгновенных чувств, концентрацией настоящего, прошлого и будущего в фрагментированном образе. Они предпочитают естественную и простую жизнь, отказываются быть популярными. Приверженцы субкультуры хипстеров стремятся отстраниться от активной светской жизни, сосредоточены на своем внутреннем мире, придерживаются независимого и лаконичного стиля жизни, предпочитают свежие и красивые литературные и художественные произведения [2]. Китайские поклонники данной субкультуры любят смотреть фильмы из Японии, Тайваня и Китая, в которых показана эмоциональная жизнь молодого поколения. Сюжет этих фильмов относительно прост, полон туманных и поэтичных красок, отвлекающих от решения повседневных жизненных проблем. Этот вид юной и туманной красоты соответствует психологии и интересу молодых зрителей. Это очень характерно для японского искусства, а именно – «моногатари» (легенда). Основой искусства моногатари является историческая легенда о персонажах или событиях минувших столетий. Произведения рождаются из интерпретации воображаемых автором сюжетов фольклорных историй. Сторонники субкультурного движения хипстеров предпочитают свободно и спонтанно общаться в виртуальном пространстве, уделяя большое внимание необходимости такого общения. Средства массовой информации играют незаменимую и важную роль в их интеракции друг с другом [8].

Под воздействием интеракции западноевропейской и китайской молодежи в XXI в. в юношеской среде Китая весьма популярными стали такие субкультурные образования, как гран-

жеры (披头士), ролевики (中土世界角色扮演), сяоцинсинь (小清新), нью-эйдж (新时代) и др. Все это – просоциальные молодежные субкультуры. Их субъекты увлекаются изучением художественной культуры и считают, что чем выше интеллектуальный и духовный уровень молодого человека, тем выше его статус в рамках данного социума. Идеалом является продвинутый, духовно развитый, воспитанный молодой человек.

Литература

1. 雪季《摇滚寻梦——中国摇滚乐实录》，北京，中国电影出版社，1993年，296页 = Сюэ, Цзи. Мечта о Роке – Записи китайской рок-музыки / Цзи, Сюэ. – Пекин: Издательство Китайского кино, 1993. – 296 с.
2. 丁娜《以"小清新"风格抵制文娱新闻低俗化现象探析》，《赤峰学院学报：汉文哲学社会科学版》，2013年第9期，132–133页 = Дин, На. Анализ противодействия вульгаризации развлекательных новостей в стиле «Хипстера» / На, Дин // Журнал Университета Чифэн: издание по китайской философии и социальным наукам, – 2013. – № 9. – С. 132–133.
3. 段怡萍《21世纪中国青年人的价值观》，《中南民族大学学报：人文社会科学版》，2004年第S2期，177–178页 = Дуань, Ипин. Ценности китайской молодежи в XXI веке / Ипин, Дуань // Журнал Южно-Центрального университета национальностей: издание по гуманитарным и социальным наукам. – 2004. – № S2. – С. 177–178.
4. 任亚平《青年亚文化巡礼》，呼和浩特，内蒙古人民出版社，1988年版，3–4页 = Жэн, Япин. Молодежный тур по субкультуре / Япин, Жэн. – Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1988. – С. 3–4.
5. 鲁洁《德育社会学》，福州，福建教育出版社，1998年版，399页 = Лу, Цзе. Социология нравственного воспитания / Цзе, Лу. – Фучжоу: Пресса образования Фуцзянь, 1998. – 399 с.
6. 刘黎黎《"小清新"风格的亚文化解读》，《艺术百家》，2013年第7期，71–73页 = Лю, Лили. Интерпретация субкультуры в стиле «Хипстера» / Лили, Лю // Сто искусств, – 2013. – № 7. – С. 71–73.
8. 刘俊彦《当代企业青年价值观研究：当代企业青年价值观调研报告，《中国青年研究》，2017年第8期，4–13页 = Лю, Цзюньян. Исследование молодежных ценностей в современном бизнесе: обзорный доклад о молодежных ценностях в современном бизнесе / Цзюньян, Лю // Исследования молодежи Китая, 2017. – № 8. – С. 4–13.
9. 赵冬晶《当代传媒语境下的"小清新"亚文化探析》，《今传媒》，2014年第2期，128–130页= Чжао, Дунцзин. Анализ субкультуры «Хипстер» в контексте современных СМИ / Дунцзин, Чжао // Медиа сегодня. – 2014. – № 2. – С. 128–130.

СУБКУЛЬТУРА ВЕБ-ТРАНСЛЯЦИИ КАК ПРОСТРАНСТВО КОММУНИКАЦИИ КИТАЙСКИХ ПОДРОСТКОВ

Чжао Цзэнфан

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
кафедра культурологии, ул. Рабкоровская, 17,
220012, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: *2585862165@qq.com*

В статье анализируется место и роль современных интернет-технологий в жизни китайских детей. Показан процесс коммуникаций субъектов неформальных детских формирований, в частности субкультур посредством мобильного интернета. Дается характеристика наиболее распространенных среди юного поколения социальных сетей Instagram, Liker, TikTok, Facbook.

Ключевые слова: дети; веб-трансляция; интернет; Китай; коммуникация; социальные сети; субкультура.

WEB BROADCASTING SUBCULTURE AS A COMMUNICATION SPACE OF CHINESE TEENAGERS

Zhao Zengfang

Belarusian State University of Culture and Arts,
Department of Culturology, 17 Rabkorovskaya st.,
220012, Minsk, Republic of Belarus,
e-mail: *2585862165@qq.com*

The article analyzes the place and role of modern Internet technologies in the lives of Chinese children. The process of communication of subjects of informal children's formations, in particular subcultures, through the mobile Internet is shown. The characteristics of the most widespread among the young generation of social networks Instagram, Liker, TikTok, Facbook are given.

Keywords: children; webcast; internet; China; communication; social networks; subculture.

В настоящее время первой благодаря популяризации технологии мобильного интернета 4G и совершенствованию тех-

нологии 5G, веб-трансляция стала востребована все большим количеством юных пользователей интернета в КНР. Согласно неполной статистике, в Китае существует более 500 приложений веб-трансляции (APP) различных типов. Количество китайских интернет-пользователей в 2020 году составляет 904 млн., а количество пользователей мобильного Интернета – 897 млн. С точки зрения распределения по возрасту, пользователи веб-трансляции в основном сконцентрированы на молодых людях, что составляет более 75% [2].

На основании анализа статистических данных можно утверждать, что веб-трансляция в XXI в. стала обычным делом для китайских подростков «сетевого поколения». Она, по мнению Чжэн Мэннинга, улучшает терминал обслуживания с помощью различных технических средств, таких как заграждение, вознаграждение, подключение и изображение в реальном времени, удовлетворяя социальные потребности юных пользователей [4].

Появление новых медиа в интернете представило наиболее удобное, свободное и творческое пространство общения для подрастающего поколения.

Подростки, по мнению психологов, являются своеобразными маргинализированными группами в обществе, они подвержены давлению «взрослой культуры» и лишены самостоятельной дискурсивной силы, поэтому они всячески пытаются освободиться от ограничений взрослого мира и подчеркнуть свое существование. Подростки, полагает Лю Фан, стремятся к атрибуции индивидуальной и коллективной идентичности порой даже через делинквентные действия и поведение, направленные против основной (официальной) культуры, а новые средства массовой информации предоставляют им, возможность достичь этого [3]. Современные медиа создали совершенно новый мир для подростков, а виртуальное пространство дает возможность показать и всесторонне представить свою личность. В этом виртуальном мире с их умелым использованием технологий и ярким воображением они могут воссоздать свою индивидуальность

и значение. Свобода, открытость и терпимость в онлайн-мире сняли географические ограничения их деятельности. Ограниченные концепции и модели поведения в реальном мире были перенесены ими в виртуальное пространство, что сделало их почвой для воспроизводства различных типов юношеских субкультур.

Социальные сети стали своего рода интернет-пространством, где каждый индивид может найти техническую и социальную базу для создания своего виртуального «Я». Так же каждый пользователь сети имеет возможность не только общаться созидать, но и делиться своим творчеством с многомиллионной аудиторией той или иной социальной сети. Кроме этого, социальные сети предоставляют возможность для поиска не только единомышленников по интересам, но и самих объектов этих интересов: веб-сайтов, прослушиваемой музыки и т. п.

Наиболее распространенной среди юного поколения является социальная сеть TikTok, появившаяся в Китае в 2016 г. и обошедшая по загрузкам Instagram. Ее популярность обусловлена феноменом клипового мышления, ростом популярности видеоконтента, короткими, развлекательными и забавными роликами, которые привлекают юных пользователей. Самой важной особенностью данной социальной сети является то, что платформа сама продвигает в ленту с «Рекомендациями» молодых и перспективных блоггеров. Пользователь с миллионом подписчиков и подросток, который только попал в социальную сеть, имеют одинаковые шансы на то, чтобы стать популярным. Все зависит от качественности контента и отклика аудитории (лайки, комментарии и просмотры). Уже через два года (2018 г.) после своего появления аудитория сервиса TikTok составила 800 млн. человек в месяц. Самыми активными пользователями являются дети и подростки – 40 % аудитории [1]. Конкретным и эффективным инструментом, позволяющим выстраивать взаимодействия между представителями различных подростковых субкультур являются также Facebook, Instagram, Liker, которые молодое поколения КНР использует как площадку для осуществления различных форм самоутверждения.

Интернет не только имеет техническое материальное пространство, но и имеет социальные атрибуты, место для практики детской субкультуры. Социальные сети создали гетерогенное пространство для общения, помогая молодым людям преодолевать боязнь и сдержанность подросткового возраста, не бояться мониторинга и подавления со стороны мира взрослых, а также свободное пространство, которое позволяет им полностью выразить себя. Очевидно, что новые средства массовой информации стали эффективным средством для распространения их субкультуры и культурным полем для молодого поколения в поиске единомышленников и создания субкультурных сообществ. Носители субкультурных образований, владеющие современными интернет-технологиями, используют эти гетеротопические места для своих практик в интернет-пространстве.

Эпоха веб-трансляции сети, глобализации, постмодернизма и других современных социальных особенностей, таких как ритмизация, развлекательность, персонализация и символизация, вместе составляют социальный фон новых веяний в субкультурах китайских подростков. Они являются факторами, влияющими через Интернет на жизнь китайских детей и их ценности. Трансцендентность сетевого времени и пространства обуславливает и трансцендентность детских субкультур.

Литература

1. 中国互联网络信息中心网站《2015年中国青少年上网行为研究报告》，2016年 = Веб-сайт Китайского информационного интернет-центра. «Отчет об исследовании поведения молодежи в Интернете за 2015 год», 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwxzbg/qsnbg/201608/t20160812_54425.htm– Дата доступа: 10.02.2020.
2. 中国互联网络信息中心（CNNIC），第45次《中国互联网络发展状况统计报告》，2020年 = Китайский информационный интернет-центр (CNNIC). 45-й «Статистический отчет о развитии Интернета в Китае», 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwxzbg/hlwtjbg/202004/t20200428_70974.htm– Дата доступа: 18.02.2021.
3. 刘芳《"制造青春"：当代流行文化与青少年的自我认同》，北京，中国社会科学出版社，2015年版，233页 = Лю, Фан. Создание молодежи: современ-

ная популярная культура и самоидентификация молодежи / Фан, Лю. – Пекин: Пресса Общественных наук Китая, 2015. – 233 с.
4. 郑满宁《"戏谑化":社会化媒体中草根话语方式的嬗变研究》，《中国人民大学学报》，2013年第5期，第18-23页 = Чжэн, Мэннинг. «Шутливость»: исследование эволюции массового дискурса в социальных сетях / Мэннинг, Чжэн // журнал Китайского университета Жэньминь, – 2013. – № 5. – С. 18–23.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г. ХОВСТЕДЕ

Ван Цзихен

Белорусский государственный университет культуры и искусств
ул. Рабкоровская, 17, 220004, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *gutko_olga@mail.ru*

В статье рассматривается концепция кросскультурного анализа ценностных приоритетов, предложенная Гиртом Ховстеде. На ее основании выделяется специфика приоритетов представителей китайского социума. На ее основании проводится анализ особенностей профессиональной культуры Китая, заключающийся в высокой конкуренции специалистов на рынке труда, росте социальной напряженности общества и снижении удовлетворенностью жизнью представителей китайского социума.

Ключевые слова: профессиональная культура; индекс дистанцирования власти (PDI); индекс индивидуализма-коллективизма (IDV); индекс маскулинности-феминности (MAS); индекс избегания неопределенности (UAI); индекс долгосрочного-краткосрочного временного горизонта ориентации на будущее; долгосрочной ориентации (LTO), индекс показателя «терпимости – сдержанности»; потворства своим желаниям (IVR).

PROFESSIONAL CULTURE OF CHINA INTERPRETED BY G. HOVSTED

Wang Ziheng

Belarusian State University of Culture and Arts
Rabkorovskaya st., 17, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *gutko_olga@mail.ru*

The article discusses the concept of cross-cultural analysis of value priorities, proposed by Geert Hovstede. Specifics of the priorities of representatives of the Chinese society are highlighted on its basic. So an analysis of the features of the professional culture of China is carried out, which consists in the high competition of specialists in the labor market,

the growth of social tension in society and a decrease in satisfaction with the life of representatives of the Chinese society.

Keywords: professional culture; power distancing index (PDI); individualism-collectivism index (IDV); masculinity-femininity index (MAS); uncertainty avoidance index (UAI); long-term-short-term time horizon index of future orientation; long-term orientation (LTO); index of tolerance-restraint index; self-indulgence (IVR).

В эпоху информационного взрыва и высокоскоростных производственных технологий определился ряд тенденций в мировом сообществе – глобализация, глокализация, дегитализация, преодоление вспышки пандемии коронавируса COVID–19 (вакцинирование населения, социальное дистанцирование, изоляция и др.). Тем не менее, обеспокоенность каждого человека в мировом сообществе связана, в большей мере, с характером его профессиональной деятельности и успешностью его карьеры. Поэтому исследование категории профессиональной культуры и ее составляющих признаков будут содействовать пониманию культуры каждой страны, ее традиций и нравственных устоев для формирования партнерских отношений по всему миру, в том числе, между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой.

Профессиональная культура – это ценности, образ мышления, нормы поведения и соответствующие привычки, темперамент, этикет и этос, формирующиеся в долгосрочной профессиональной деятельности. Основным содержанием категории считается, по мнению Ван Вэньбина, «сознательное признание и добровольное соблюдение профессиональной миссии, профессиональной чести, профессиональной психологии, профессиональных норм и профессионального этикета» [1]. Согласно изложению Хуанг Фанга, это «профессиональная инициатива, включающая универсальность профессиональных ценностей, профессиональную избирательность, где группа людей принимает определенные профессиональные духовные ценности» [5]. В условиях постепенного углубления исследований в области культуры, определение профессиональной культуры необходи-

мо сопоставить с социологическими данными о представлении профессиональной культуры в Китае.

В связи с реформами Китая в области индустриализации и модернизации на современные культурные исследования оказали влияние ученые всего мира. На этом основании обратимся к концепции Гирта Ховстеде, рассматривающего каждую культуру с позиций:

– «дистанцирования власти (PDI)

– индивидуализма-коллективизма (IDV);

– маскулинности-феминности (MAS);

– избегания неопределенности (UAI);

– долгосрочного-краткосрочного временного горизонта ориентации на будущее, долгосрочной ориентации (LTO);

– показателя «терпимости – сдержанности», потворства своим желаниям (IVR)» [3].

Исходя из полученных Г. Ховстеде результатов социологических исследований, для представителей Китая свойственен высокий показатель дистанцирования власти – «80 из 120 возможных баллов» [7]. Китайские респонденты указали на низкий уровнь индивидуализма в их культуре – «20 из 120 баллов» [7]. Китайский социум – маскулинный. Показатель маскулинности – «66 из 120 баллов» [7]. Индекс избегания неопределенности – «30–40 из 120 баллов» [7, 8] – свидетельствует о готовности китайского населения к переменам и неопределенности в окружающей жизни. Индекс долгосрочной ориентации – «87–118 из 120 баллов» [7, 8] – регистрирует готовность социума к достижению поставленных целей через проявление усилий и упорной работы в надежде на успешность намерений в долгосрочной перспективе. Низкий уровень развития индивидуализма в китайском социуме, демонстрирующийся показателем «терпимость-сдержанность», не содействует мотивации к достижению значимых целей и реализации индивидуальных планов человека – «24 из 120 возможных баллов» [7], что подтверждает приоритет социальных интересов общества.

Приведем для сравнения показатели результатов социологических исследований в Беларуси. К сожалению, в публикациях приведены лишь два индекса, которые соответствуют долгосрочной ориентации – «81» [8] (Китай – 87–118) и «терпимости-сдержанности» – «15» [8] (Китай – 24). Приведенное сравнение показателей исследования Г. Ховстеде свидетельствует об общих основаниях в культурах Беларуси и Китая в отношении к индексу долгосрочной ориентации и индексу «терпимости-сдержанности».

Таким образом, в исследовании Г. Ховстеде представители социума Китая нацелены на долгосрочную перспективу развития, где поддерживается высокий уровень дистанцирования власти и высокий уровень коллективизма. В китайской культуре прослеживается приоритетная тенденция к маскулинной культуре и стремление поддерживать динамическое развитие общественных устоев, позволяющее избегать определенности и традиционализма в обществе. Представители таких культур «принимают будущее таким, какое оно есть и ориентируются на практику (жизненные обстоятельства)» [3] Долгосрочный временной горизонт ориентации на будущее в Китае занимает первое место в мире по результатам социологического исследования Г. Ховстеде. Этот индекс рассматривает «упорядочивание социальных отношений по статусу и соблюдение иерархии, в таких культурах практикуется бережливость и поддерживается чувство стыда» [7]. Обратим внимание, что достаточно низкий уровень индекса избегания неопределенности соответствует низкому показателю «терпимости-сдержанности». “В странах с низкими значениями показателя «терпимость – сдержанность» (Пакистан, Египет, Латвия, Украина, Албания, Беларусь, Китай) планы и ожидания человека ограничиваются социальными нормами и законами” [3]. Это обстоятельство свидетельствует о противоречии, которое выделяется в результате анализа социологического исследования Г. Ховстеде. Поддержка социальных норм и ориентация на жизненные обстоятельства

станут возможностью трансформации жизненных приоритетов у представителей китайского социума.

На этом основании рассмотрение категории профессиональной культуры в китайских научно-исследовательских источниках необходимо уточнить на основании полученных результатов Г. Ховстеде.

Китайская автохтонная культура – дух и душа нации, мощная сила национального развития и национального возрождения. Для благополучного развития страны профессиональная культура представляет огромное значение в формировании благоприятного психологического климата и образованности.

Категорию профессиональной культуры можно представить в широком и узконаправленном значениях. Узкое значение часто используется в конкретной профессии, к примеру, профессиональная культура преподавателей или медицинских работников. Широкое значение профессиональной культуры относится ко множеству современных профессий и специальностей. С развитием общества постоянно возникают новые профессии, в современном профессиональном пространстве сформированы разнообразные профессиональные субкультуры, связанные с этой областью. Для понимания профессиональной культуры университетов Цзян Сяолей и Чжан Чжэньхуа предложили ориентацию на образование в профессиональной сфере, объяснив ее коннотацией современности. Поэтому культура, ориентированная на образование, – это уникальная индивидуальная культура высших профессиональных колледжей, основанная на профессиональном обучении и построенная на концепции профессиональных характеристик. Формирование сплоченности зависит от создания гармоничного климата в развитии высшей школы [2].

В современной профессиональной культуре принято проводить оценку специальности. В историческом развитии Китая оценка профессионального соответствия должности часто исчезала, затем реконструировалась и развивалась, чтобы адаптироваться к быстро развивающимся социальным требованиям.

Проверка соответствия должностей эффективна и выгодна для предприятий, является объективным и беспристрастным способом для работодателей и частных лиц подбора персонал. Из-за увеличения социальной и профессиональной мобильности, развития профессиональной диверсификации и ускорения профессиональных изменений современное сообщество сформировало мощную профессиональную сеть, и государственные законы не в состоянии представить общую систему для всех слоев общества. Для всеохватывающей отраслевой специфики необходимо доверить отраслевым организациям использование интеллектуального потенциала кадров научно-исследовательских институтов для формулирования соответствующих профессиональных правил, кодексов, профессионального этикета, организации и проведения культурно-массовых корпоративных мероприятий и т.д. с целью координации интересов между специальностями и профессиями.

Традиционная профессиональная культура и современная профессиональная культура находятся в тесной связи и в противостоянии. Традиционную профессиональную культуру следует анализировать в сочетании с историческим развитием и представлениями о жизни у людей в разные культурно-исторические эпохи. В традиционном Китае профессии переходили по наследству на протяжении тысячелетий. Большинство китайцев рассматривали занятия как способ осознать свое призвание, стремясь получить «высокую социальную оценку среди представителей общества или средства к существованию (выживанию, ради еды и одежды)» [6]. У большинства современных китайцев есть представление о социальной значимости собственной профессиональной деятельности как о возможности развития национальной экономики. Как правило, представление о профессиональной культуре связано с личным нравственным выбором – такое представление широко распространено в современной профессиональной культуре. К примеру, в Китае специальности военнослужащих и врачей считают почетными и уважаемыми.

В традиционном Китае концепция профессиональной культуры основывается на традициях предков и динамическом развитии культуры. Современная профессиональная культура развивает традиционные представления. Она ориентирована на индивидуальное благополучие людей, ее ценности не отражают беззаветную приверженность социалистическим постулатам. По мере того как люди уделяют все больше внимания личным увлечениям, жизненному опыту, духовным и социокультурным потребностям, в профессиональной культуре больше не доминирует корпоративная культура, а роль индивидуальной культуры в формировании общего корпоративного имиджа становится более важной и заметной. Многие успешные корпоративные культуры возникают, в основном, потому что они объединяют людей со схожими привычками и интересами, что способствует общей сплоченности и гармонии. Несмотря на то, что нынешняя профессиональная культура претерпела значительные изменения, необходимо учитывать реальные обстоятельства, которые сложились в профессиональных коллективах. Известные компании имеют относительно единый набор критериев при отборе сотрудников, так как у них действует жесткая конкуренция. Небольшие компании не могут предложить значительных преимуществ при наборе персонала, в сравнении с крупными компаниями. Конкуренция же среди претендентов на должность, даже в небольших компаниях, остается высокой. Общий уровень образованности населения и компетентности специалистов на рынке труда увеличивается, возрастают запросы людей на карьерный рост. Количество же рабочих мест увеличивается несоразмерно медленно, в сравнении с предложением на рынке труда высококвалифицированных специалистов, что приводит к социальным противоречиям. Компании не в состоянии нанять такое огромное количество сотрудников, и специалисты не могут найти работу, соответствующую своему уровню образования и специальности. Стандарт жесткой конкуренции отбора специалистов, выработанный на протяжении нескольких десятилетий, представляет собой эффективную технологию жизнедеятельности предприятий, и в то же время

наносит непоправимый ущерб развитию общества. Во-первых, из-за нерационального использования и увольнения (сокращения) специалистов. Во-вторых, жесткая конкуренция на рынке труда содействует росту социальных конфликтов и снижению уровня удовлетворенности жизнью. Подчеркнем, что в современном Китае, как и во всем мире, наблюдается текучесть кадров и частая смена рабочих мест у населения. Это содействует интенсивному экономическому развитию страны, разрастанию многих сфер деятельности, развитию малых и средних предприятий, карьерному росту и появлению новых специалистов и специальностей. Население отказывается от постоянного места работы и стремится к свободной конкуренции, приобретает качества напористости и настойчивости при выборе специальности и дальнейшем карьерном росте.

В современной профессиональной культуре преобладает утилитарная тенденция, и такое мышление стало нормой среди молодежных профессиональных групп.

Развитие современной профессиональной культуры не продвинулось в сторону систематизации и стандартизации. Профессиональные нормы обычно включают «этические и технические нормы» [4], которые можно определить как компетентность специалиста. Постепенная деградация профессионального этикета снизила характеристики и достоинство отрасли, сделав ее развитие более случайным. В каждой отрасли есть свой уникальный имидж, который можно увидеть в одежде, поведении и темпераменте, например, у сотрудников банковской сферы, бортпроводников, офисных работников и т.д. С течением времени эти модели повсеместной стандартизации изменились, постепенно размывая характеристики отрасли, стали недостаточным показателем профессиональности для формирования имиджа отрасли и норм поведения.

В заключении подчеркнем, что перспективные пути развития современной профессиональной культуры основываются на формировании профессиональных стандартов и повышении уровня компетентности практикующих специалистов.

На основании приведенных фактов выделим основные тезисы, сформированные в результате анализа социологических данных концепции Г. Ховстеде о специфике профессиональной культуры Китая:

– результаты социологических опросов представителей китайского социума в исследовании Г. Ховстеде регистрируют противоречие – отмечается преобладающая ориентация на практические умения и жизненные обстоятельства, в то же время население ограничено строгими юридическими нормами и социокультурными традициями;

– выделенное противоречие подтверждается высокой конкуренцией специалистов на рынке труда Китая, ростом социальной напряженности общества и снижением удовлетворенностью жизнью представителей китайского социума.

Литература

1. Ван, Вэньбин. О построении современной китайской профессиональной культуры / Вэньбин Ван, Вэйго Ва // Журнал партийной школы Чанчуньского горкома КПК. – 2004. – № 4. – С. 71–73.
2. Ван, Мо. Дух ремесленника : профессиональная культурная этика крайне необходима в Китае / Мо Ван // Китай во всех сферах жизни. – 2019. – № 16. – С. 158–159.
3. Николаенкова, М. С. Характеристика российской экономики через призму теории культурных измерений Герта Хофстеда [Электронный ресурс] / М.С. Николаенкова // Московский экономический журнал. – 2019. – № 12. – Режим доступа: https://qje.su/otraslevaya-i-regionalnaya-ekonomika/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2019-93/. – Дата доступа: 10.03.2021.
4. Сюй, Бо. Извлечение и внедрение профессиональной культуры / Бо Сюй // Культурно-просветительские материалы. – 2016. – № 3. – С. 59–60.
5. Хуанг, Фанг. Анализ содержания профессионального культурного образования в высших профессиональных колледжах / Фанг Хуанг, Ланде Ван // Коммуникация в области профессионального образования. – 2018. – № 21. – С. 26.
6. Чжун, Цисинь. Анализ формирования профессиональной культуры, указывающей на профессиональную жизнь / Цисинь Чжун // Образование Гуандун : профессиональное образование. – 2017. – № 5. – С. 20–21.

7. Clearly Cultural. Geert Hofstede cultural dimensions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://clearlycultural.com/geert-hofstede-cultural-dimensions/. – Дата доступа : 12.03.2021.
8. Hofstede, Geert. Dimension data matrix [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/. – Дата доступа : 12.03.2021.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИГУРЫ БЕЗУМЦА В РАБОТЕ М. ФУКО «БЕЗУМИЕ И НЕРАЗУМИЕ. ИСТОРИЯ БЕЗУМИЯ В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ»

Н. А. Вербельчук

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *verbelchuck.n@yandex.ru*

В статье рассматривается работа М. Фуко «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху», где описывается генезис безумия и изменение соотношения понятий «норма» и «патология» в контексте данного термина. Методом исследования определяется трансформация фигуры безумца в современном мире.

Ключевые слова: безумие; норма; патология; изоляция; психиатрия; тревожность.

TRANSFORMATION OF THE FIGURE OF THE MADMAN IN M. FOUCAULT'S WORK «MADNESS AND CIVILIZATION: A HISTORY OF INSANITY IN THE AGE OF REASON»

N. A. Verbelchuk

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *verbelchuck.n@yandex.ru*

The article examines the work of M. Foucault «Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason», which describes the genesis of insanity and the change in the relationship between the concepts of "norm" and "pathology" in the context of this term. The research method determines the transformation of the madman figure in the modern world.

Keywords: insanity; norm; pathology; isolation; psychiatry; anxiety.

XX век – это период массовых преобразований, когда жизнь человека сильно менялась под воздействием многих факторов: изменение темпов жизни, научно-технический прогресс, изменение законодательства и культуры. Исследователи отмечают, что из-за этого XX век «заболел» шизофренией. И первым, кто в эту эпоху дал толчок к изучению данного явления стал Мишель Фуко.

В центре работы «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху» находится рассмотрение безумия в историческом контексте. Автор стремится рассмотреть процесс отчуждения, точнее, «какие уравновешивающие друг друга операции образуют его как целое, из каких социальных далей являются люди, вместе удаляющиеся в ссылку и гонимые одним и тем же ритуалом сегрегации, наконец, каков был опыт самосознания человека классической эпохи, когда он обнаружил, что некоторые привычнейшие его черты становятся для него чужими, утрачивают сходство с узнаваемым им самим образом самого себя» [1, с. 492].

М. Фуко рассматривает видоизменения безумия и его форм на примере изоляции из социума. Анализ начинается с эпохи Средневековья, где прокаженные социально исключались, заточались в лепрозории. Вскоре сам лепрозорий и фигура больного лепрой была заменена на безумца, однако само безумие не было отчуждено, «разумное» и «неразумное», рациональное и иррациональное начала существовали в непрерывной связи. Для того, чтобы в социуме существовало понятие безумца, с помощью «корабля дураков» и заменой смерти безумием в культурном измерении формируются определённые настроения в социуме.

В эпоху Возрождения это отношение перешло к тому, что безумие все больше романтизировалось: безумцы, по мнению социума, осознавали темные, скрытые истины, которые разумные люди не могли видеть. Умалишенный был знамением, которое предвещало скорый конец света или надвигающуюся опасность. Опыт безумия в эпоху Ренессанса, как справедливо

отмечает М. Фуко, носит двойственный характер: с одной стороны, безумие является символом зверя внутри человека, который хочет вырваться на свободу; с другой стороны, оно воплощает некое труднодостижимое, сокрытое знание. С одной стороны – трагическое безумие мира, с другой – критическое сознание человека. Поскольку искусство и литература продолжали пользоваться идеей безумия, оно стало соединяться со слабостью и самосознанием. В пьесах Шекспира безумцы часто обладали мудростью, которой не обладали другие люди, безумие заставляло людей действовать отчаянно, и пьесы заканчивались трагически.

В XVI веке опыт безумия начал развиваться непривычным образом: он стал двояким. Безумие и разум получают основание друг в друге, постоянно отрицая один одного. Безумие теперь – лишь одна из форм разума, которая существует лишь в его пределах.

Постепенно начало развиваться «классическое» понятие безумия. Классическая эпоха – эпоха «Великого заточения». Начало было дано Людовиком XIV, когда он подписал декрет об основании в Париже общего госпиталя, в котором отчаянно нуждалось французское общество. Связана данная нужда со становлением капиталистического способа производства, которое теперь с помощью культуры постулирует новую ценность – труд. Из-за этого тунеядцы рассматривались как опасная для социума личность, которая подлежит немедленному исправлению. На смену традиции отлучения прокажённых в классическую эпоху приходит изоляция. Эта практика выполняла множество функций: обеспечение надзора за огромным количеством безумцев и неугодных социуму маргиналов и уменьшение процента безработицы. Справлялось государство с этим с помощью домов призрения и госпиталей, при которых открывали небольшие производства.

Вскоре происходит видоизменение института изоляции. Формируется концепт неразумия, приобщающий людей к чувству вины. В результате наказание становится лечением от му-

чительного чувства вины. Фигура больного становится размытой, а вместе с ней становится размытой и фигура врача. Вскоре функцию врача берёт на себя судья. Вместе с решением о заключении он также выносит медицинское заключение о состоянии человека, сводя таким образом весь смысл болезни к соотношению понятий «норма» и «патология». Из-за данного явления создаётся двусторонняя модель безумия: с одной стороны, на неё давит социальный аспект, с другой стороны, правовой. В социальном аспекте появляется «великий страх».

М. Фуко выделяет три «фигуры безумия»: слабоумие, мания и меланхолия, истерия и ипохондрия. Первое лежит на поверхности опыта безумия, не соотносится с какими-либо моральными ценностями и в меньшей степени подвержены мифологизации. Второе – мания и меланхолия, которые являются свидетельством зарождения нового типа восприятия психического заболевания, где диагностика происходит не от наблюдения к объясняющим образам, а наоборот. Третье – истерия и ипохондрия, где обретаются «свои пропорции в пространстве тела со всеми его органическими значениями и нравственными ценностями» [1, с. 100]. Именно благодаря третьей фигуре начинает своё развитие психиатрия, которая описывает связь психических расстройств и морального аспекта.

Тему безумия М. Фуко поднимает и в другой работе: «Рождение клиники или Тело через болезнь». Там автор подчеркивает, что клиника является культурным изобретением, которое с целью служения новому типу власти, именуемому биовластью, совершает моральное насилие над человеком. Новый тип власти особенно ярко проявил себя и в XX веке, сделав культуру безумной.

Безумие передалось и на XXI век, сильно трансформировавшись. Теперь главная причина сумасшествия – социально экспансивный идеал современного человека и тот факт, что он, несмотря на свои характеристики, не должен выделяться из толпы. Именно подобное несоответствие приводит нас к современному типу безумца – тревожному человеку. Данное куль-

турное несоответствие рождает патологии, провоцирующие тревожность: неправильное восприятие времени, в результате которой человек становится так или иначе зависим от определённых видов стимуляции, избыточное облегчение условий существования, контроль всех сфер человеческой деятельности, нарушения формирования субъект-объектного членения личности человека, дефицит общения и несоответствие реальной жизни и содержания социальных сетей и глянцевых журналов.

В процессе выявления уровня тревожности у людей 18-25 лет было проведено анкетирование, по результатам которого можно сделать вывод о том, что люди в возрасте от 18 до 25 страдают тревожностью. В своей тревожности они винят современную культурную ситуацию, в которой к человеку предъявляется все больше требований. Данный фактор был усугублен пандемией. Также тревожность взращивают социальные сети. С высокими требованиями и социальными сетями связан и третий фактор тревожности: ускоренный темп жизни.

Основные идеи своей книги М. Фуко в сжатой форме изложил в статье «Безумие, отсутствие творения», включённой в качестве приложения в третье издание «Истории безумия»: «Может быть, – писал он здесь, – наступит такой день, когда перестанут понимать, что такое безумие. Эта фигура замкнется на себе, не позволяя более разгадывать следы, которые она оставит. А для несведущего взгляда будут ли сами эти следы чем-то иным, нежели простыми черными отметинами? Вернее всего, они будут вписаны в конфигурации, которые сегодня нам никак не нарисовать, но которые в будущем станут необходимыми координатами прочтения нашего бытия и нашей культуры, нас самих» [2, с. 7].

Литература

1. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко / пер. с фр. И. К. Стаф. – М. : АСТ, 2010. – 698 с.
2. Лизина, Н. В. Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко / Н. В. Лизина. – М. : Известия, 2011. – 209 с.

3. Власова, О. А. Голос безумия в работах Рональда Лэйнга и Мишеля Фуко // Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии. Материалы Всероссийской конференции / под ред. А. С. Колесникова. – СПб. : Изд. СПбГУ, 2006. – С. 152.
4. Фуко, М. Психическая болезнь и личность / М. Фуко / пер. с фр., предисл. и коммент. О. А. Власовой. – СПб. : Гуманитарная академия, 2010. – 318 с.

ОТРАЖЕНИЕ БЫТА СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖЕФРИ ЧОСЕРА «КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ»

А. В. Леньшина

Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, институт филологии,
ул. Ленина, 42, 398020, Липецк, Россия
e-mail: *annalenshinaa@mail.ru*

В статье ставится задача изучить оригинальный текст произведения Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы» на предмет отражения быта средневекового английского города, жизни в нем и национальных особенностей того времени.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; рассказы; оригинальный текст; быт; средневековый город.

REFLECTION OF THE LIFE OF THE MEDIEVAL CITY IN THE WORKS OF GEOFREY CHAUCER «THE CANTERBURY TALES»

A. V. Lenshina

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University»,
institute of philology, Lenina st. 42, 398020, Lipetsk, Russia
e-mail: *annalenshinaa@mail.ru*

The article aims to study the original text of the work of Geofrey Chaucer «Canterbury Tales» to reflect the life of the medieval English city, life there and the national characteristics of that time.

Keywords: linguistic and cultural analysis; tales; original text; city's everyday life; medieval city.

Сегодня мы обладаем большим количеством источников, которые помогают нам изучать мир прошлого. Такими историческими источниками могут быть мифы, легенды, предания, орудия труда, предметы быта, законы, летописи или книги. Последний исторический источник из перечисленного станет

главным объектом изучения в данной статье, так как мы обратимся к первой средневековой английской литературе – «Кентерберийские рассказы» Джефри Чосера.

Прежде всего необходимо обратиться к биографии писателя, которая послужит основной опорой при анализе творчества Чосера. Отцом английской поэзии считается Джеффри Чосер (1340–1400), создатель литературного английского языка, который первым написал свои произведения не на латыни, а на родном языке. Основное произведение поэта, ставшее результатом его творческого пути, - «Кентерберийские рассказы», в которых автор полностью раскрыл свой интерес к этической, экономической и религиозной составляющим Англии четырнадцатого века.

На протяжении всей биографии Джеффри Чосера мы видим его разностороннее общение и существование практически во всех социальных слоях того времени. Благодаря такому образу жизни Чосер наполнен разнообразной английской культурой средневековья и воплощает ее в поэтическом сборнике рассказов «Кентерберийские рассказы».

В прологе Чосер переносит читателя в вихрь реальной жизни и ведет нас к сообществу из 29 паломников самого разного происхождения, пола, возраста и темперамента. Все они собрались в гостинице недалеко от Лондона, чтобы вместе поехать в Кентербери поклониться могиле святого Томаса Бекета.

And professional pilgrims to seek foreign shores, To distant shrines, known in various lands; And specially from every shire's end Of England to Canterbury they travel, To seek the holy blessed martyr, Who helped them when they were sick.	Тогда со всех концов родной страны Паломников бессчетных вереницы Мощам заморским снова поклониться Стремились истово; но многих влек Фома Бекет, святой, что им помог В беде иль исцелил недуг старинный, Сам смерть приняв, как мученик безвинный.

Как известно, Томас (Фома) Бекет (1118–1170) – архиепископ Кентерберийский, канцлер Генриха II. Он боролся с коро-

лем за независимое положение церкви и был убит царскими слугами. Позднее канонизирован католической церковью.

Далее мы должны обратить внимание на то, что Чосер характеризует для нас героев и раскрывает все их достоинства. Именно благодаря этому мы можем взглянуть на людей средневековой Англии в их истинном обличье. Данная история начинается с описания Рыцаря:

A KNIGHT there was, and that (one was) a worthy man,	Тот рыцарь был достойный человек.
Who from the time that he first began	С тех пор как в первый он ушёл набег,
To ride out, he loved chivalry,	Не посрамил он рыцарского рода;
Fidelity and good reputation, generosity and courtesy.	Любил он честь, учтивость и свободу;
He was very worthy in his lord's war	Усердный был и ревностный вассал.

Среди жителей средневековых городов распространилось мнение, что важнейшими жизненными ценностями являются: личность человека; служба, должность, профессия; имущество, богатство; время его жизни; любовь к ближним, другим христианам. В поддержку этих ценностей мы видим описание рыцаря, который любил «честь, вежливость и свободу» и был «прилежным вассалом». Перед нами предстает образ мужественного, сильного и умного человека, который превыше всего ценит свою свободу и свой долг чести перед королевством.

Перейдем к рассмотрению других персонажей сборника:

There was also a Nun, a PRIORESS,	Была меж ними также Аббатиса –
Who was very simple and modest in her smiling;	Страж знатных послушниц и директриса.
Her greatest oath was but by Saint Loy;	Смягчала хлад монашеского чина
And she was called Madam Eglantine.	Улыбкой робкою мать Эглантина.
She sang the divine service very well,	В ее устах страшнейшая хула
Intoned in her nose in a very polite manner;	Звучала так: «Клянусь святым Элуа».
And she spoke French very well and elegantly.	И, вслушиваясь в разговор соседний,
	Все напевала в нос она обедню;
	И по-французски говорила плавно.

Здесь Чосер настойчиво подчеркивает образованность и хорошие манеры настоятельницы. Автор отмечает, что ее аббат-

ство, как и знаменитое аббатство Святой Марии в Винчестере, было чем-то вроде заведения для благородных девственниц и местом для знатных дам.

She let no morsel fall from her lips,	Не поперхнется крепкою наливкой,
Nor wet her fingers deep in her sauce;	Чуть окуная пальчики в подливку,

В Англии вилки вошли в обиход только в середине XVII века, и поэтому за обедом особенно ясно обнаруживалось хорошее воспитание в манере ловко и опрятно пользоваться ножом и пальцами.

Перейдем к следующему аспекту средних веков и рассмотрим значимость астрономии в жизни людей:

With him there was dwelling a poor scholar,	Жил у него один школяр смышленый,
Who had learned the arts curriculum, but all his desire	Ученьем неустанным изможденный.
Was turned to learning astrology,	Бывало, сутки он не пьет, не ест,
And he knew a certain (number of) of astronomical operations,	До дыр читает ветхий Альмагест.
To determine by scientific calculations,	Он всем семи искусствам обучился
If men asked him, in specific (astronomical) hours	И в астрономию весь погрузился.
When men should have drought or else showers	Посредством уравнений, теорем
Or if people asked him what should happen	Он уйму всяких разрешал проблем:
Concerning everything; I cannot reckon them all.	И засуху предсказывал, и ливни.
	Поистине, его познанья дивны
	Казалися в ту пору для всех нас.

В рассказе Мельника нам представляется история о человеке, который не был богат и жил астрономическим знанием. Автор показывает читателю, какова была мудрость этого человека, и насколько данная наука может быть полезной для окружающих. Сегодня нам трудно представить мышление человека того времени, однако мы можем считать это в строках восторга рассказчика от возможности предсказания погоды благодаря астрономическому знанию бедного ученого.

Другим интересным аспектом этого рассказа, который мы можем проанализировать со стилистической точки зрения, ста-

новится любовная линия мужчины и женщины. Общественные настроения средних веков относительно существования женщины были таковы, что женщина являлась лишь красивым объектом, который мужчины стремились завоевать. Конечно же, сегодня, в век обсуждения гендерного равенства, сложно представить мышление средневекового мужчины, но автор предлагает нам окунуться в культуру тех дней:

That one day this clever Nicholas
Happened with this young wife to flirt and play,
While her husband was at Oseneye,
For clerks are very subtle and very clever;
And intimately he caught her by her crotch,
And said, «Indeed, unless I have my will,
For secret love of thee, sweetheart, I die.»
And held her hard by the thigh,
And said, «Sweetheart, love me immediately
Or I will die, so save me God!»

И вот, друзья, случилось как-то раз,
Завел возню с ней Душка Николас
(Весь день тот был супруг ее в отлучке).
Сначала приложился Душка к ручке,
Но дальше – больше, волю дал рукам
(Умел он ублажать девиц и дам):
«О, утоли любви моей томленье,
Непереносны от тебя мученья!»
Вздохнул и обнял клерк ее за талью;
«О милая, я изойду печалью!»

В представленном отрывке происходит объективизация женщин, которая была приемлема для людей средних веков, однако сегодня порицается мировым сообществом.

Джеффри Чосер является величайшим английским писателем, который смог передать всё разнообразие и насыщенность жизни людей средневековья. Указав на биографию автора и проанализировав его ярчайший сборник новелл «Кентерберийские рассказы», мы можем взглянуть на культуру того времени, мысли и нравственные устои средневекового общества, его цели и взгляды на мироустройство. Для общества XXI века, конечно, данная литература может показаться грубой и резкой, о чем предупреждает Чосер в самом начале своего повествования. Но изучая подобную литературу, необходимо нейтрально обращать внимание на характерные черты того общества, что мы и попытались сделать в данной статье.

Литература

1. Chaucer, G. The Canterbury Tales [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://chaucer.fas.harvard.edu/pages/millers-prologue-and-tale. – Дата доступа: 5.05.2021.
2. Чосер, Дж. Кентерберийские рассказы / Дж.Чосер / пер. с англ. Д. Минаев, И. А. Кашкин, Т. Попова [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://facetia.ru/node/573. – Дата доступа: 5.05.2021.
3. Кашкин, И.А. Джеффри Чосер / И.А. Кашкин // Кашкин И.А. Для читателя-современника. – М., 1977.
4. Гарднер, Дж. Жизнь и время Чосера / Дж.Гарднер / пер. с англ.; предисл. З. Гачечиладзе; коммент. В. Воронина – М.: Радуга, 1986. – 448 с.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д. Г. Клименкова

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *dasha060499@mail.ru*

В статье анализируются результаты проведенного исследования состояния въездного туризма в Республике Беларусь, который способствует созданию позитивного имиджа страны и инвестиционной привлекательности. На основе проведенного анкетирования иностранных туристов выявлены проблемы, которые сдерживают развитие въездного туризма в Республике Беларусь.

Ключевые слова: туризм; въездной туризм; проблемы въездного туризма; Республика Беларусь; путешествие.

PROBLEM FIELD OF INBORNING TOURISM IN BELARUS AT THE PRESENT STAGE

D. G. Klimenkova

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications, Kurchatov st. 5,
220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *dasha060499@mail.ru*

The article analyzes the results of the study of the state of inbound tourism in the Republic of Belarus, which contributes to the creation of a positive image of the country and investment attractiveness. On the basis of a survey of foreign tourists, problems were identified that hinder the development of inbound tourism in the Republic of Belarus.

Keywords: tourism; inbound tourism; problems of inbound tourism; Republic of Belarus; travel.

Несмотря на имеющийся туристический потенциал, выгодное геополитическое положение, наличие богатого историко-культурного и природного наследия, въездной туризм в Бе-

ларуси не занимает прочного положения в экономике страны и находится в стадии развития. Въездной туризм является важным источником повышения благосостояния государства и уже давно рассматривается как одна из самых доходных и интенсивно развивающихся отраслей мирового хозяйства. Изучение проблем въездного туризма Республики Беларусь является весьма актуальным и необходимым для повышения конкурентоспособности белорусского туризма на мировом рынке [1, с. 23].

Нами было проведено исследование, целью которого являлось получение сведений о состоянии въездного туризма в Беларуси, а также выявление основных проблем въездного туризма. Мы попытались проследить, с какими целями иностранные туристы посещают Беларусь, а также длительность их пребывания; выяснить, какие города и туристические объекты Беларуси являются наиболее посещаемыми; узнать, что нравится и не нравится иностранным туристам в Беларуси; выявить проблемы въездного туризма в Беларуси. Исследование проводилось методом анкетирования, выборка которого составила 170 человек из 50 разных стран в возрасте от 16 до 58 лет и старше.

Анкетирование помогло выявить основную цель путешествий иностранных туристов – это культурно-познавательная цель, к которой можно отнести: знакомство с различными историческими, архитектурными или культурными эпохами путем посещения архитектурных памятников и исторических маршрутов; знакомство с традициями и обычаями; знакомство с памятниками природы; посещение театров и музеев [2, с. 67].

Иностранцев действительно привлекает наша уникальная природа, богатая история, историко-культурные ценности. Высокий процент выбора данной цели для путешествия может свидетельствовать о том, что государством проводится активная деятельность по развитию культурно-познавательного туризма, который, безусловно, содействует повышению образовательного и культурного уровня человека.

Вместе с культурно-познавательной целью респонденты также отмечали цель отдыха и рекреации. Видимо, многие тури-

сты не подразумевают под этими понятиями какое-то пассивное времяпрепровождения, например, в том же санатории. Посещение различного рода достопримечательностей и туристических мест – для кого-то это уже отдых и восстановление сил.

Агроусадьбы и музеи под открытым небом посетило не так много туристов. Агротуризм считается одним из популярных видов туризма в Беларуси: появляются новые агроусадьбы, которых уже более 2 тысяч, издан Указ Президента о мерах по развитию агротуризма, также Беларусь дважды оказывалась на первой строчке рейтинга лучших стран для агротуризма. Но, видимо, для опрошенных туристов данный вид отдыха является не слишком привлекательным.

Спортивные, культурные и другие мероприятия (соревнования, концерты, фестивали и т.д.) посетил небольшой процент респондентов в возрасте от 18 до 33 лет. Наши фестивали в основном проводятся для наших же граждан. Мало кто задумывается, как можно проинформировать об этом определенную целевую аудиторию, тем более за пределами Беларуси, как сделать программу, чтобы она была интересна не только белорусам, но и тем, кто приезжает сюда из-за рубежа.

С рабочими целями и целью посещения семинаров, курсов и других образовательных мероприятий в Беларуси побывало также немного респондентов, преимущественно в возрасте от 34 до 49 лет.

Несмотря на то, что в Беларуси есть условия для активного отдыха (охота, рыбалка, лыжный спорт, велотуризм), с этой целью Беларусь посетил маленький процент опрошенных туристов. Активному виду отдыха требуется уделять больше внимания со стороны государства и туристических фирм, так как он напрямую связан со спортивным туризмом. Мы должны привлекать как можно больше молодёжи и физически здоровых людей среднего возраста, так как спорт является визитной карточкой Беларуси на мировой арене.

Очень маленькое число респондентов приезжало в Беларусь с целью лечения, отдыха в санаториях. В нашем опросе это не-

сколько человек из соседних государств: Россия, Литва, Латвия и Украина. Санатории и оздоровительные центры, где работают профессиональные врачи, предлагают высокоэффективные комплексы процедур. Если грамотно рекламировать курорты Беларуси и, возможно, предлагать какие-то скидки иностранцам, это привлечет больше желающих пройти курс оздоровления и лечения из других европейских стран.

Несколько человек указали, что приезжали в Беларусь в качестве волонтеров, которые занимались гуманитарной помощью, работали с детьми, пострадавшими от взрыва на ЧАЭС, и продолжают работать по сей день. Это люди из Германии, Италии, Канады и США.

Если говорить о количестве дней пребывания, то большинство туристов проводят в Беларуси от двух до трех недель и более, особенно теперь, когда в безвизовом режиме на территории Беларуси можно находиться до 30 суток. Стоит отметить, что почти 80% туристов приезжают в Беларусь самостоятельно, не прибегая к помощи туристических фирм.

Что касается городов, которые являются наиболее посещаемыми, то это, конечно, столица Беларуси – Минск, а также административные центры 5 областей Беларуси, т.е. Брест, Гродно, Витебск, Гомель, Могилев. Несвиж, Мир, Лида, Пинск, Бобруйск, Молодечно Полоцк также популярные у туристов города. По 1–2 респондента побывало в маленьких городах и агрогородках, например, таких как Будслав, Глубокое, Новогрудок, Ружаны, Залесье, Мосар и др. В таких небольших городах чаще всего находятся уникальные исторические памятники, которые, к сожалению, мало кому известны.

Было получено большое количество разнообразных ответов про достопримечательности Беларуси. Почти все респонденты смогли назвать хотя бы несколько самых популярных туристических объектов страны. Больше всего упоминались достопримечательности Минска: Музей истории Великой Отечественной войны, Национальная библиотека Республики Беларусь, Верхний город Минска, Площадь Победы, Национальный ака-

демический Большой театр оперы и балета, костел Св. Симеона и Елены и др. Конечно, большинство туристов посетили Дворцово-парковый ансамбль в Несвиже и Музейно-замковый комплекс «Мир», а также Национальный парк Беловежская пуща. Эти 3 объекта внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, что является немаловажным мотивом для их посещения.

Туристам интересна история Беларуси, в частности история Великой Отечественной войны, поэтому большинство посетили Мемориальный комплекс «Брестская крепость», Мемориальный комплекс «Хатынь», Историко-культурный комплекс «Линия Сталина».

Больше всего туристам в Беларуси понравились достопримечательности и музеи, которые в разном количестве присутствуют во всех городах Беларуси. Также иностранцам особенно понравились местные жители, с которыми, по результатам анкетирования, у них сложились положительные отношения. Многие отмечали доброжелательность, дружелюбие, гостеприимство нашего народа. Следует отметить, что белорусская природа впечатлила путешественников. Леса, ухоженные поля, озера – все это теперь ассоциируется у туристов с Беларусью. Богатая культура и традиции также вызвали интерес у опрошенных. Менее впечатлила туристов белорусская национальная кухня. Судя по ответам, недостатка в количестве кафе и ресторанов, где можно попробовать национальные блюда, нет. Возможно, не всем удалось попробовать что-то действительно из национальной кухни, или, например, мог быть нарушен процесс приготовления.

Что касается того, что не понравилось туристам в Беларуси, то здесь было не очень много ответов. Некоторым респондентам не нравятся процедуры оформления виз в Беларусь. Безвизовый режим распространяется на граждан 74 государств. Возможно, в дальнейшем, Беларусь упростит въезд и для других стран. Регистрация по месту пребывания также вызывает недовольство у тех, кто останавливается у друзей или родственников, а также на съемных квартирах, а таких людей, по результатам

опроса, почти половина. Все иностранные граждане, планирующие находиться в Беларуси более пяти рабочих дней, должны регистрироваться в органах внутренних дел по месту своего пребывания в стране. При проживании в гостиницах, хостелах, санаториях и прочих коллективных средствах размещения регистрация осуществляется администрациями этих учреждений по умолчанию во время заселения.

Интересно было узнать, что думают приезжающие из-за границы люди, о ценах в нашей стране. Большинство считает, что цены нормальные, т.е. не завышены на какие-либо услуги или продукцию, кто-то в принципе не обращает внимания на цены. Почти одинаковое, но небольшое количество людей отметило высокие цены в кафе и ресторанах, на продукты в магазинах и на промышленные товары.

Итак, главной задачей было выявить какие-либо проблемы, с которыми сталкиваются туристы в Беларуси. Конечно, среди всех респондентов были и те, у кого за время своего путешествия не возникло никаких трудностей и проблемных ситуаций. Тем не менее, проанализировав все ответы, мы можем выделить ряд проблем, которые все-таки присутствуют во въездном туризме в Беларуси.

1. Проблемы с английским языком. Мы узнали, что большинство иностранцев общались с местным населением на английском языке и при этом почти у всех возникали трудности. Не все работники сферы обслуживания разговаривают на английском языке. Для кого-то купить какой-либо товар, заказать еду в кафе или домой через службу доставки стало проблемой. Сотрудники иммиграционной службы, к которым обращались туристы для обязательной регистрации, также владеют английским недостаточно хорошо. Некоторые туристы столкнулись с проблемой прочтения названий улиц, т.к. на самих зданиях они написаны только на белорусском или же русском языках.

2. Проблемы с передвижением на общественном и пригородном транспорте. Здесь большинство респондентов уточнило, что наибольшие трудности вызывает покупка билета на

проезд. Ситуацию бы облегчило установление автоматов по продаже проездных билетов, которые работают на нескольких языках, в том числе на английском. Также трудности вызывает расписание движения транспорта. В расписании, даже электронных, которые находятся на остановках, направления того или иного маршрута также написаны только на белорусском или русском языках. На английском языке объявляются остановки только в метро и в некоторых автобусах, которые ездят в центре города.

3. Плохие условия проживания. Все это касается отелей, особенно в небольших городах Беларуси, хостелов, а также съемных квартир. Туристы сталкивались с неубранными номерами, плохим состоянием постельных принадлежностей, ненадлежащими условиями в санузле. К сожалению, некоторые люди столкнулись с нечестными квартиросъемщиками в Минске. Для нескольких человек цены на проживание в достаточно скромных номерах трехзвездочных отелей Минска показались неоправданно высокими.

4. Недостаточное количество ТЦ и магазинов. Минска это не касается, т. к. здесь достаточно торговых центров и магазинов. То количество людей, которые выделили данную проблему, имели в виду их нехватку и скромность в других городах Беларуси, в том числе даже в административных центрах. В общем, что касается шопинга, то осуществить это можно только в Минске.

Говоря о покупках, туристы отметили, что не во всех магазинах действует система Tax Free и что процент возврата мог бы быть больше (сейчас это 12,5%).

5. Недостаточное количество кафе и ресторанов в регионах. Многие туристы отметили, что в некоторых городах не хватает мест общественного питания с интернациональной кухней. Также не во всех туристических местах есть достойные кафе и рестораны. Например, в той же Беловежской пуще только один ресторан, который, как выяснилось, не создает положительных впечатлений.

6. Непрофессионализм экскурсоводов. С такой проблемой столкнулись несколько человек. Аттестованных экскурсоводов в Беларуси не так уж и много. Кто-то работает без аттестации, кто-то – даже без надлежащего образования. Если турист приезжает в составе туристической группы, то вероятность наткнуться на непрофессионального экскурсовода мала. Если же он самостоятельно заказывает себе экскурсию, то следует быть внимательным.

7. Проблема вежливого обращения с иностранцами. Некоторые туристы столкнулись с грубым отношением к себе со стороны работников милиции и таможенной службы. Также с невежливым обращением туристы сталкивались в некоторых отелях, кафе и ресторанах. Пару человек отметило, что многие продавцы или официанты даже не здороваются с покупателями или посетителями.

8. Проблема с рекламой Беларуси как страны для туризма за рубежом. Немного туристов узнали о Беларуси благодаря рекламе в своей стране. Беларусь может рекламировать свои природные и архитектурные достопримечательности, фестивали, туры, экскурсионные маршруты. Это может быть любая наружная реклама: в транспорте, в журналах и газетах, на билбордах и, конечно, в интернете. Также за границей не хватает белорусских информационно-туристических и культурных центров. Беларуси следует принимать участие международных туристических выставках, т. к. это является хорошей дополнительной площадкой для демонстрации своих туристических возможностей.

Таким образом, мы видим, что туристы посещают Беларусь с разными целями. Это, конечно, не огромные туристические потоки, но наша страна должна приложить все усилия для их увеличения и для развития туризма в целом. Этого можно достичь совместными усилиями государственных органов власти, представителей туристического бизнеса, общественных организаций, национальных и международных экспертов.

На сегодняшний день в сфере туризма существует ряд нерешенных проблем. Большинство из них были обозначены в Го-

сударственной программе «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 гг., а теперь уже и в новой программе на 2021–2025 гг. Их устранение зависит от состояния экономики страны в целом, а также от стратегий и методик по их решению [3].

Конечно, решение всех проблем в сфере туризма является необходимым, но хочется отметить, что, несмотря на все это, туристы продолжают приезжать в Беларусь, оставляя по большей части положительные отзывы. Из 170 человек, принявших участие в опросе, 165 ответили, что точно приехали бы в Беларусь еще раз.

Литература

1. Решетников, Д. Г. География туризма Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие / Д. Г. Решетников. – Минск : Четыре четверти, 2013. – 248 с.
2. Гайдукевич, Л. М. Культурный туризм: учеб. пособие / Л. М. Гайдукевич. – Минск: БГУ, 2013. – 165 с.
3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 29.01.2021 № 58 О Государственной программе «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100058_1612386000.pdf. – Дата доступа: 03.03.2021.

КОНЦЕПТЫ «ТЕЛЕСНОСТЬ» И «БИОПОЛИТИКА» В АНТРОПОЛОГИИ МИШЕЛЯ ФУКО

А. Б. Сосновик

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова,
5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *anya.sosnovik@mail.ru*

В статье рассматривается осмысление концепта «телесность» в теории Мишеля Фуко, постулирующего зависимость субъекта от анонимного и тотального властного дискурса. Развивая свою типологию, М. Фуко выделял власть суверена, дисциплины и биополитику. Все три типа, переплетаясь, в своих крайних формах сосуществовали в XX в. и влияли на отношение человека к собственному телу и телу Другого. Посредством рассмотрения биополитики как формы власти, наиболее ярко проявившейся в XX в., определяется ее взаимосвязь с конструируемой ей телесностью.

Ключевые слова: телесность; властный дискурс; биополитика; дисциплинарная власть; сексуальность; расизм.

CONCEPTS «CORPOREALITY» AND «BIOPOLITICS» IN THE ANTHROPOLOGY OF MICHEL FOUCAULT

A. B. Sosnovik

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *anya.sosnovik@mail.ru*

The article considers the understanding of the concept «corporeality» in Michel Foucault's theory, who postulated that subject depended on an anonymous and total power discourse. Developing his typology, Foucault identified the power of the sovereign, discipline and biopolitics. All of the types in their extreme forms coexisted in the 20th cent. and influenced the attitude of a person to his own body and the body of the Other. By considering biopolitics as the form of power in the 20th cent., defined its relationship with corporeality, which is constructed by power.

Keywords: corporeality; power discourse; biopolitics; disciplinary power; sexuality; racism.

Телесность – феномен, к пониманию которого человек подходит на протяжении всей своей истории. Хотя наиболее очевидной и исследуемой формой существования является тело как биологический объект, физическая данность, оно также включает в себя субъекта, который чувствует, познает, ощущает тело «своим», соотносит его с «другими» телами. Тело является и организмом, развивающимся по естественным законам, и некой проживаемой личностной целостностью. Из такой двойственности в совокупности с неизбежным социокультурным влиянием, оказываемым и на индивида, и на его тело, рождается вопрос об источниках конструирования взаимоотношения человека с телом, в связи с чем выдвигается концепт телесности. Наиболее релевантным является ее понимание как биопсихосоциокультурного явления, гармонизирующего телесное и духовное начала и конструируемого нормами и ценностями определенной культуры, властным дискурсом, медиатехнологиями. Российская исследовательница Т.Э. Цветус-Сальхова в соответствии с современными подходами отмечает, что «телесность понимается не как объект, не как сумма органов, а как особое образование – неосознанный горизонт человеческого опыта, постоянно существующий до всякого определенного мышления» [1, с. 71], – то есть телесность выступает в качестве некой предзаданности, передающейся в процессе социализации и инкультурации и интегрирующей тело со всей выстроенной вокруг него системой.

Осмысление телесности осуществлялось в XX веке в ракурсе неклассической и постнеклассической философии, а одним из ключевых концептов она стала в философии постмодернизма. Прежде всего, это связано с рядом коренных трансформаций, произошедших с субъектом и его телом в XX в. Состояние человека, отчужденного, утратившего целостность сознания и личности, зависимого от Текстов и дискурсов, привело к пониманию телесности как знаковой формы, сконструированной независимыми от индивида силами и подчиняющими себе его тело. Эта проблема разрабатывалась в концепциях М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж.-Л. Нанси, Дж. Агабмена, Р. Барта и др.

Большое количество работ феномену телесности посвятил французский структуралист и постструктуралист Мишель Фуко, главный исследовательский вопрос которого – это вопрос субъективности и ее зависимости от власти. Фуко развивал генеалогический метод Ф. Ницше, по которому каждый исследуемый феномен не существует в некоем предзаданном, чистом виде, а каждый раз формируется властью и потому не изменяется с течением времени, но конструируется заново. Власть рассматривается Фуко как неостановимый механизм по производству истины и соответствующих ей дискурсов. При этом общество страдает логофобией, т.е. боязнью непредсказуемости дискурсов, их бесконечной появляемости, случайности, силы. Фуко писал: «Дискурсы…– то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [2, с. 52]. За ними необходим тщательный контроль, обеспечивающий существование только истинных высказываний, условного «правильного» языка и сознания, которое, в понимании постструктуралистов, им конструируется. В результате отбора формируется эпистема – совокупность способов и методов познания, присущих определенному сообществу. Созданная система знания распространяется с помощью власти и неразрывно с ней связана, в результате чего формируется режим власти-знания, где истина и власть друг друга обусловливают и подчиняют своим законам индивидов. Философия Фуко гуманистична, однако субъект как самостоятельная, независимая единица в ней мертв.

По М. Фуко, современный способ власти формируется с переломного XVIII в. и характеризуется как дисциплинарный, т.е. использующий определенные дисциплины для выстраивания системы муштры и подчинения тел индивидов с целью улучшения их производительности. Такая власть анонимна и тотальна, не локализована, проявляется на всех уровнях общественных отношений и не является объектом собственности: «Власть в иерархизированном надзоре дисциплин – не вещь, которой можно обладать, она не передается как свойство; она действует как механизм» [3, с. 258]. Она проявляется не только в бинарной оппозиции государства и субъекта, но и взаимоотношениях

мужчины и женщины, родителя и ребенка, учителя и ученика, доктора и пациента и т.д. – невидимая сеть властных отношений, пронизывающих весь социум, обеспечивает функционирование всех властных практик и институций.

В отличие от предшествующего типа власти – суверенной, в обилии использующей казни и пытки для утверждения влияния суверена и его права убивать, основным механизмом дисциплинарной власти становится постоянный контроль над телом человека, не оставляющий ни одного незадействованного, неисследованного его участка. Дисциплина подразумевает научение индивидов определенным техникам тела, что осуществляется в условиях, где особенным образом конструируется время и пространство. Обучение и работа человека происходят в так называемых гетеротопиях, которые есть «реальные, подлинные места, места, вписанные в конкретные общественные институты» [4, с. 196], функционирующие «в полной мере, когда люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» [4, с. 200]. Гетеротопии являются пространствами изоляции, одновременно открытыми и замкнутыми, доступными определенной категории индивидов и распространяющими на своей территории особые правила в отношении телесности. К дисциплинарным пространствам М. Фуко относил тюрьмы, коллежи, казармы, заводы и др. В них все направлено на обучение определенных техникам тела и максимизацию эффективности каждого индивида, воспринимаемого в первую очередь как телесный ресурс. Тело человека, находящегося под дисциплинарным надзором, – это «скорее тело упражнения, чем умозрительной физики. Скорее тело, которым манипулирует власть, нежели тело, наделенное животным сознанием» [3, с. 226]. На оптимизацию рабочей силы направлены различные институции: медицинские, психиатрические, образовательные, пенитенциарные – все они обеспечивают деятельность пространств изоляции и неустанное наблюдение над индивидами, отмечают знаками тело, маркируют его как нормальное и ненормальное, больное и здоровое, способное к работе и неспособное, соотносят его с дискурсами истины.

Как считал М. Фуко, ко второй половине XVIII в. формируется другой тип власти, использующий иные, отличные от дисциплины технологии, но вместе с тем включающий их в собственные механизмы. Различая объект их воздействия, М. Фуко отмечал, что «кроме первого проявления власти в отношении тела, которое осуществляется способом индивидуализации, есть второе проявление власти, не индивидуализующее, а массофицирующее, оно, если угодно, реализуется не в отношении человека-тела, а в отношении человека-рода» [5, с. 256]. Такой способ осуществления власти Фуко предавал с помощью метафоры библейского пастыря, который следит за всем овечьим стадом, но внимательно и заботливо относиться к каждой овце – человек понимается как индивид, являющийся составной частью массы, власть «ориентируется на новое тело: тело сложное, тело со множеством голов, если не бесконечным, то по меньшей мере нуждающимся в перечислении» [5, с. 259].

Выдвигается категория «населения» – ресурса, представляющего собой совокупность индивидов не как субъектов права, а как некой целостности, которая развивается по биологическим законам человека как вида, но может контролироваться и улучшаться с помощью различных техник и институций. Технологию по глубинному контролю над телом индивида, при котором субъект унифицируется, включается в единую массу биологических существ и подпадает под неустанную заботу власти, М. Фуко обозначил как «биополитику», или «биовласть», и понимал под ней попытку «рационализации, начиная с XVIII в., проблем, ставившихся перед практикой управления феноменами, присущими единствам людей, или населению – такими феноменами, как здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, расы…» [4, с. 151]. С наступлением режима биополитики основная цель власти изменилась. При суверенной власти человек не обладал правом ни на собственную жизнь, ни на смерть – решения принимал сам суверен, заставляя умереть или позволяя жить. К XVIII веку же тело человека начало осознаваться как ресурс, необходимый в новой системе производства – теперь власть отпускала право «заставить жить

и позволить умереть» [5, с. 255], поэтому особое значение приобрели медицина, экология, юридическое страхование и т.д., способствующие более качественной, безопасной, безболезненной жизни населения.

Одним из ключевых способов контроля и конструирования телесности становится сексуальность – точка соприкосновения биовласти и дисциплины, характеризующая телесное поведение конкретного индивида и в то же время влияющая на более глобальные процессы, связанные с населением, в частности, рождаемость. Отсутствие контроля за сексуальностью, как считалось, ведет к вырождению – сексуально развращенный человек подвергался множеству болезней и обладал плохой наследственностью, что непосредственно влияло на следующие поколения. Как считал Фуко, несмотря на то, что в обществе всячески поддерживается миф о подавлении сексуальности и ее внезапном освобождении в XX веке, в реальности с XVIII в. вокруг нее наблюдается дискурсивный взрыв, что позволяет власти затрагивать самые глубинные, индивидуальные механизмы тела и подчинять его своей микрофизике. При этом дискурс о сексуальности поддерживается как тайна, секрет, который необходимо высказать, чтобы на самом деле побудить о нем говорить бесконечно и раскрывать все новые и новые телесные подробности. Производство дискурсов позволяет их проанализировать, проконтролировать и включить все, не являющееся «нормальным», в единое социальное тело и упорядочить тем самым население. М. Фуко писал: «Власть, таким образом, взяв на себя заботу о сексуальности, берет на себя обязательство входить в соприкосновение с телами; она ласкает их глазами; она интенсифицирует определенные их области; она электризует поверхности; она драматизирует беспокоящие моменты» [2, с. 144]. Также способом одновременно дисциплинирования индивида и регулирования населения становится норма, потому пространства изоляции продолжают играть важную роль при режиме биополитики. Таким образом, в теории М. Фуко период Нового времени становится определяющим

в понимании телесности, формирующим современные властные практики и отношение к телу.

Осмысляя телесность как совокупность ценностных знаков, накладываемых властными практиками на биологическое тело зависимого от власти индивида, особую форму ее конструирования Мишель Фуко видел в XX в. В целом, это время распространения режима биополитики, включающей в себя также методы дисциплинарной власти и, будучи доведенной до абсурда, породившей «полицейские государства» сталинизма и фашизма. Как продемонстрировали события Новейшего времени, биовласть нарушала собственное правило «заставлять жить и позволять умирать» – будучи нацеленной на повышение качества, значимости, продолжительности жизни, продуцировала неостанавливающийся механизм убийств. М. Фуко задавал правомерный вопрос: «Как в этих условиях возможно для политической власти убивать, требовать смерти, нуждаться в смерти, заставлять убивать, отдавать приказ об убийстве, подвергать смерти не только врагов, но и собственных граждан?» [5, с. 268]. Ответ на него Фуко видел в распространении особенной функциональной части биовласти – расизма, который является ее неотъемлемым механизмом и действует на макро- и микроуровнях. Расизм как элемент властного дискурса неразрывно связан с биологической теорией XIX века, медициной и нормализацией, по которой в зависимости от некоторых критериев субъекты и их тела делились на «нормальные» и «ненормальные», «чистые» и «нечистые». Расизм оказывается выгодным для биовласти, т.к. позволяет фрагментировать подконтрольное ей население и его упорядочить. Кроме того, «заставляя жить и позволяя умереть», биополитика, умерщвляя определенную долю населения, способствовала улучшению жизни другой. Устранив отклоняющихся от нормы, не поддающихся дисциплине, аморальных индивидов, она улучшала «качество» населения в его общей массе.

При этом, как считал Фуко, полицейские государства XX века стали и проявлением архаичной власти суверена, которая, чтобы функционировать в современности, также использовала меха-

низмы дисциплинарной власти и биовласти. М. Фуко характеризовал Третий Рейх так: «Это государство абсолютно расистское, абсолютно смертоносное и абсолютно самоубийственное. Государство расизма, государство-убийца, государство-самоубийца» [5, с. 274], – отмечая, что при этом система нацизма подразумевала и дисциплину каждого индивида, и тотальную власть над населением, которые в результате помещали тело субъекта в неразрушимые оковы власти.

XX век особенно остро поставил вопросы, связанные с телом, являющимся своего рода границей с миром катастрофы и неизбежно отражающим состояние человека – потерянного и неопределенного, утратившего ориентиры и ценности, существующего в аномичном обществе и подвергающегося крайней жестокости. В поисках способа, по которому человек может ускользнуть, освободиться от властного дискурса, вернуть личностную ценность своему телу, М. Фуко призывал прежде всего проснуться от антропологического сна, т.е., констатировав смерть субъекта как центральной философской категории, выйти за пределы существующих традиций, отказаться от бинарной оппозиции субъекта–объекта. Как считал Фуко, «конец человека – это возврат начала философии. В наши дни мыслить можно лишь в "пустом пространстве", где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развертывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить» [6, с. 362]. Кроме того, выходом из зависимости индивида от властных практик Фуко видел «заботу о себе» – прослеживаемую от периода Античности технологию тела, направленная на гармонизацию тела и души, тела как объекта и как субъекта, неустанную философскую работу, способную вернуть человеку целостность. На пробуждение, освобождение человека, как считал Фуко, направлена деятельность интеллектуала, который, критикуя существующий миропорядок и властный дискурс, способен раздвигать границы восприятия. М. Фуко, говоря о своем научном методе и его влиянии, писал: «Моя роль… состоит в том, чтобы показать людям, что

они гораздо свободнее, нежели сами об этом думают; что они считают истинными и очевидными определенные темы, которые сами придумали в какой-то конкретный момент истории, и что такую мнимую очевидность можно критиковать и отменять. Кое-что изменить в сознании людей – вот в чем роль интеллектуала» [4, с. 288].

Итак, в теории Мишеля Фуко телесность осмысляется как знаковое поле, конструируемое независимым от самого человека властным дискурсом и основанное на признании определенных телесных форм нормальными, истинными, должным образом функционирующими в системе производства. Французский философ, теоретик постмодернизма Жан Бодрийяр писал: «Каждый “заботится” и манипулирует, каждый является объектом заботы и манипуляции» [7, с. 270]. М. Фуко также видел тело как объект неустанной заботы, осуществляемой анонимной сетью власти в режиме биополитики и дисциплинарной власти, и потому призывал «позаботиться о себе», взять на себя ответственность за собственное существование и стремиться к телесно-духовной гармонии.

Литература

1. Цветус-Сальхова, Т. Э. «Тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 351. – С. 70–73.
2. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
3. Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: AD MARGINEM, 1999. – 241 с.
4. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
5. Фуко, М. Лекция от 17 марта 1976 г. // Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 253–279.
6. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
7. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 320 с.

КОННОТАЦИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ

Цю Янгуан

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *jiejiede2020@gmail.com*

В статье рассматриваются основные коннотации и характеристики культурных индустрий, состояние развития, сравниваются культурные индустрии в разных странах.

Ключевые слова: культура; культурная индустрия; характеристики культурной индустрии.

THE CONNOTATION AND CHARACTERISTICS OF CULTURAL INDUSTRY

Qiu Yangguang

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *jiejiede2020@gmail.com*

This article will discuss and analyze the essential connotation and characteristics of cultural industries, the development status and comparison of cultural industries in various countries.

Keywords: culture; cultural industry; cultural industry characteristics.

Culture is a huge and abstract concept. The early classic theory of narrow culture proposed by the British culturalist Edward Burnett Tylor in the book "Primitive Culture" is that culture includes knowledge, beliefs, art, morals, laws, customs and anyone. He believes that culture is a complex whole, including the abilities and habits acquired as members of society[1]. «Cihai» in Chinese also has a cultural definition. Broadly speaking, culture refers to the sum of material wealth

and spiritual wealth created in the process of human social practice. In a narrow sense, it refers to the ideology of society and corresponding institutions and organizations[2]. The British scholar David Hesmondhalgh also put forward a more scientific and strict concept in the "cultural industry": in the broadest anthropological sense, "culture" is a unique group of people Or the "face of life" of a social group; it is a necessary but not the only ideographic system through which social order can be spread, recreated, experienced and explored. We looked around and displayed the "culture" of the ideological system everywhere, such as fashion design culture, food culture, architectural culture, transportation culture, ethnic host family culture, etc. These are all manifestations of the spiritual level that regulates social order and promotes social development. From this point of view, it is understandable that culture is a non-only social ideological system that reflects its "life aspect". Based on this, the cultural industry was born. The development of the cultural industry is based on strong support from the political and economic levels. If long-term and benign development can be achieved, it will have a huge impact, create greater economic benefits, strengthen people's spiritual strength, and promote the overall development of individuals and society. Countries all over the world have paid full attention to the cultural industry, but as far as the current development is concerned, it is not yet in a mature stage. It needs continuous support and encouragement from the country to achieve full cross-cultural exchanges and communication between countries. The advantages of Chinese and Western cultural industries can penetrate and merge with each other, thereby promoting the development of cultural industries and the sustainable development of the world's cultural industries.

Since the second half of the twentieth century, the cultural industry has developed rapidly around the world. It continues to provide new opportunities and ideas for the employment, political exchanges and economic strategic development of citizens of all countries. It has been increasingly valued and practiced by countries all over the world. In the process of development, the cultural industry continues to lead the development and innovation of related fields, and has been widely supported and promoted by the state.

The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) and the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) define the cultural industry as an industry engaged in the creation, production and distribution of products and services with cultural attributes. It can be seen that cultural products and services have natural cultural attributes and are usually protected by copyright. The main economic value of cultural products and services comes from their cultural value. Through the generation and use of intellectual property rights, they have the potential to create wealth and create employment opportunities.

In 2004, China formulated the "Classification of Culture and Related Industries", which defined culture and related industries as: activities that provide the public with culture, entertainment, products and services, and a collection of activities related to these activities. In 2018, the definition will be described more concisely, which refers to a collection of production activities that provide cultural products and cultural-related products to the public[3]. In short: the cultural industry is an industry that provides consumers with spiritual products or services.

David Hesmondhalgh has already told us in «Cultural Industry» that the essence of cultural industry is «text». The emergence of the word "text" can make the distinction between cultural industries and other industries clearer， text is the best collective name for content and for cultural 'works' of all kinds: the films, recordings, books, comics, images, magazines, newspapers and television 'programmes' produced by the cultural industries [4]. The cultural industry is mainly engaged in the production and dissemination of texts. For example, the magical literary series "Harry Potter" created by the British writer JK Rowling is published by Bloomsbury Publishing House (introduced to China by the People's Literature Publishing House of China), Then bought the copyright to the movie. Warner Corporation. Brother Films of America is shooting, producing, distributing and authorizing the development of related products to enter the diversified market of toys and stationery. Writing around JK Rowling reflects the awareness of writing, involving publishing, film and television, adver-

tising and other industries. As I said before, Rowling's written record of novels is a kind of text, and the publishing industry, film and television industry related to it is also a kind of cultural industry.

In the current and future development of social life, cultural industries will be more widely distributed in every corner of life, reflecting cultural traces from all over the world.

As a social mass industry, the cultural industry not only has the characteristics of a general industry, but also has special characteristics:

1. Maintainability and profitability

The cultural industry transforms human intelligence, knowledge, spirit and art into commodities that people consume and enjoy. It is produced by providing people with intangible goods and services and satisfying people's spiritual and cultural needs. The service targets are members of the public. Therefore, in essence, cultural products are still semi-public, so the cultural industry is service-oriented. At the same time, under the conditions of a market economy, cultural enterprises will inevitably pursue the maximization of profits in order to maintain their own operating conditions and improve their own conditions. The purpose of their production is to make money, so the cultural industry is profitable.

2. Communication and policy guidance

The ultimate goal of the cultural industry is to spread the created cultural products and send them to consumers, so as to enrich consumers' spiritual and cultural life. With the continuous development of science and technology, the ways of cultural dissemination have become more and more diversified, and the ways in which people obtain information have become more and more diversified. The communicability of the cultural industry has become more obvious. At the same time, due to the widespread dissemination of the cultural industry, the cultural industry has also become an important channel for political parties and the state to disseminate their own policy ideas. Political parties in various countries will review news, TV programs, film content, entertainment programs and other communication methods through their respective media and cultural de-

partments. The approved plan is usually consistent with the policies and ideas emphasized by the state, thereby guiding people's thoughts on the policy and ideological track advocated by the political party. At the same time, avoid spreading certain content that is not conducive to the physical and mental health of the people after the review. The policy guidance of the cultural industry plays an important role in the construction of national spiritual civilization.

3. Knowledge and creativity

The output of the cultural industry to the public is entirely driven by creativity and innovation. The cultural industry meets people's spiritual and cultural needs by providing people with audio and video, art, text, information and knowledge. Therefore, cultural products and cultural services must contain cultural meaning and have a certain degree of knowledge. Text content is considered to be the core of the development of the cultural industry, and "creative" is the key to text content production. The so-called creativity refers to "innovation and originality." Successful cultural works must be innovative. In the creation process, you can learn from the successful experience of your predecessors, but you must be innovative on this point and not repeat other people's things. Copying other people's works will not achieve anyone's success.

4. Reproducibility of cultural products

Although no one can succeed by imitating the works of others, the development of the cultural industry also depends on its reproducibility. The reproduction here is not a plagiarism of previous works, but a recoding of the original culture that has been created, and then creating cultural products that are more valuable than before. The reproducibility of cultural products plays a vital role in the dissemination and development of cultural industries. The creative production of cultural products requires time and energy. If there is no copy, the cultural products that the masses need cannot be produced in large quantities, and the cultural industry has no products to sell. As a result, the spread of culture will be greatly restricted. With the continuous development of replication technology, the cultural industry has also risen rapidly.

5. High cost and high risk

To design cultural products recognized by the public, product creators must have high cultural talents, cultural literacy and strong cultural and artistic intuition. This is the "knowledge" mentioned in the third part above. If creators want to have the above-mentioned abilities, this is inseparable from high-cost learning and excellent experience accumulation, so cultural products are expensive. After designing excellent cultural products, the cultural achievements need to be fully protected. This requires cultural enterprises to adopt a comprehensive development strategy of horizontal alliances and vertical alliances. While improving their core competitiveness and market competitiveness, they must also formulate clear copyright standards, strictly control product theft, attach importance to the ownership of cultural achievements, and control them. And to ensure the ownership and reliability of cultural products.

With the development of economic and cultural globalization, research on competition in the international cultural industry has received more and more attention. At present, the development of the world's cultural industry is still in the early stages of exploration. We must fully understand the connotation of the cultural industry and the essential characteristics of the cultural industry. It has important practical significance for how to rapidly expand the strength of the cultural industry and cope with the current global industrialization challenges.

References

1. Tylor, Edward Burnett. Primitive Culture / Edward Burnett Tylor // Guangxi Normal University Press. January 2005. – 782 p.
2. Ci Hai / Shanghai Lexicographic Publishing House, the sixth printing. October 1986. – 466 p.
3. Classification of Cultural and Related Industries (2018) / National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. – 2018:1-3
4. Hesmondhalgh, David. The Cultural Industries (Fourth Edition) / David Hesmondhalgh // SAGE. April 2019. – 568 p.

КОНЦЕПЦИЯ КАРНАВАЛА М. М. БАХТИНА КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

М. Е. Саранцева

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *romashka.star@mail.ru*

Карнавальная концепция культуры М.М.Бахтина рассматривается и утверждается как актуальная парадигма для исследования современной культуры. Пограничность феномена карнавала позволяет рассматривать его как индикатор культурно-исторических трансформаций. Используя модель М.М.Бахтина становится возможным концептуальное рассмотрение современных культурно-исторических трансформаций с культурологической точки зрения и исследование Диалога культур.

Ключевые слова: карнавал; карнавальная концепция культуры; диалог культур; культурно-исторические трансформации.

M. M. BAKHTIN'S CARNIVAL CONCEPT AS AN EXPLANATORY MODEL OF CULTURAL AND HISTORICAL TRANSFORMATIONS

M. E. Sarantseva

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *romashka.star@mail.ru*

M. M. Bakhtin's Carnival concept of culture is reviewed and approved as an actual paradigm for modern cultural researches. The borderline of the Carnival phenomenon let it be reviewed as an indicator of cultural and historical transformations. Using M. M. Bakhtin's model makes possible the conceptual consideration of modern cultural and historical transformations from the point of view of Cultural studies and the research of The Dialogue of cultures.

Keywords: carnival concept of culture; Dialogue of cultures; cultural and historical transformations.

Помимо диалогического подхода к пониманию культуры, в ходе исследования творчества Ф. Рабле Михаил Бахтин предложил концепцию смеховой культуры и назвал карнавал высшей степенью ее проявления. Карнавал становится исключительно наглядным воплощением сущности смеховой концепции культуры, феноменом, находящийся на грани реальности и игры и рассеивающий всякие рамки: «Итак, в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью. В этом специфическая природа карнавала, особый род его бытия» [1].

Согласно Бахтину, «карнавал представляет собой культурный и массовый поведенческий феномен, фундированный соответствующим "типом образности", значимый компонент средневековой и ренессансной культуры… не только форма карнавала в узком и точном смысле, но и вся богатая и разнообразная народно-праздничная жизнь средних веков и Возрождения… Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его праздничная жизнь» [1].

Именно карнавальный смех, согласно Бахтину, становится фундаментом для народной повседневной культуры и связывает народ со стихией жизни. Карнавальный смех, как и сам карнавал, всегда всенароден, универсален и амбивалентен: «Всенародность представляет собой не индивидуальную реакцию на что-то смешное, а смех всех участников карнавального действия: смеются все без исключения. Универсальность заключается в направленности смеха на всех и на все без исключения. Высмеиванию подвергаются как социальные иерархические отношения, так и пороки, поступки людей. Весь мир представляется "смешным, воспринимается и постигается в смеховом аспекте, в своей веселой относительности". Амбивалентность смеха проявляется в двойственном отношении к миру. Смех ликующий является одновременно насмешливым, утверждающим и отрицающим, рождающим и хоронящим» [3]. Таким образом, карнавальный смех, опираясь на описанные на слайде сущност-

ные его характеристики, можно считать катализатором самого карнавала.

Карнавальная концепция культуры М. М. Бахтина является одной из наиболее актуальных парадигм для исследования современной культуры. В условиях самоосмысления народной культуры страны лежит карнавальное мироощущение, которое является смеховым по своей сути. Такое мироощущение олицетворяет принцип вечного движения и взаимоперехода жизни и смерти, рождения и угасания, создавая ситуацию пограничности, которая так необходима для подлинного диалога культур.

Карнавал позволяет заново переживать многочисленные рождения и угасания мира, человека, его бытия. Это достигается за счет метафоричности карнавала. Будучи явлением на границе, карнавал способствует творческой деятельности и красноречивому самовыражению его участников. Чаще всего карнавальная метафора строится на контексте, отраженном в прошлом, а процесс «смыслоподражания» всегда сопровождается проверкой границ дозволенного. Необходимость такого преодоления запретов обусловлена созданием особого карнавального поведения, по определению и сущности отличного от бытового. «Текст в тексте» создает ситуацию двойного декодирования, где подлинным текстом становятся не соответствующие два контекста: тот, который наличествует и тот, к которому отсылает первый – а диалог этих текстов, тот текст, который создается на границе двух существующих и обладает высокой художественной условностью, когда условное становится реальным.

Проиллюстрировать это может следующая ситуация: в условиях восприятия официальных и карнавальных мероприятий как бинарных оппозиций, тексты, произнесенные на первых, неизбежно переосмысливаются на вторых с использованием карнавального смеха. Однако это не означает только высмеивание «официальных» текстов, а предполагает осмысление созданного в оппозиции к официальному текста как самостоятельного и создающего множество собственных интерпретаций.

Это создает новый текст, который может существовать лишь на границе двух породивших его: «Таким образом, исходно предполагается существование двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку (т. е. объективного, с его точки зрения), и мира, лежащего за пределами языка» [2].

Одним из наиболее простых методов воплощения пограничного текста в сферу предметного бытия, его осознания и структурирования является удвоение и повторение. Рифма и такт позволяют не просто эстетизировать текст, но и воспринимать его на чувственном уровне, что создает некоторый терапевтический эффект. Повторение, пропевание, кричание одного и того же текста не теряет смысл потому, что текст создан как результат контекстов и является смыслом сам по себе, поэтому меняется не то, что передается, а тот, кто принимает. Для достижения такого эффекта необходима всеобщая карнавальная включенность, подобная архаической обрядовой включенности, когда каждый, кто находится в карнавальном хронотопе, становится его участником. Ситуация такого всепоглощающего участия создает особое творческое напряжение и вдохновение, когда невозможное становится возможным.

Таким образом, карнавал становится способом рефлексии действительной жизни через призму карнавального смеха. Рассмотрим наглядно проявление карнавальной концепции культуры, предложенной Михаилом Бахтиным, на примере актуальных карнавальных событий современности. В ходе исследования использованы методы: включенного наблюдения, феноменологический и семиотический. Параметрами для исследования послужат критерии карнавала, выведенные М. Бахтиным, а также описанные его последователями основные характеристики явления: универсальность, амбивалентность, неофициальность и утопизм.

Рассмотрим основные критерии карнавала. Противопоставление серьезным и официальным формам празднеств и церемоний порождает двумирность (бинаправленность сознания). «В противоположность официальному празднику карнавал

торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, становлению и концу» [1]. Таким образом, реальная форма жизни в карнавале существует одновременно с ее «возрожденной идеальной формой».

Свобода от религиозного догматизма, так как карнавал отрицает всякую сакральность; несерьезность, обусловленная приверженностью естественной природы человеческой праздности; наличие игрового элемента и конкретно-чувственного характера, что позволяет карнавалу находиться на границах искусства и жизни: «В сущности, это – сама жизнь, но оформленная особым игровым образом»; всенародность и процессуальность, так как «пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной»; отмена иерархических отношений: идеалом карнавального мироощущения виделась полная человечность отношений, которая переживалась в материально-чувственном контакте; свобода как единственный и общеобязательный закон: «Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны. Таков карнавал по своей идее, по своей сущности, которая живо ощущалась всеми его участниками»; особый язык форм и символов, праздничность как «первичная форма человеческой культуры»; смех: праздничный, всенародный, амбивалентный, имеющий миросозерцательную природу, прославляющий человеческое, утопическое и универсальное; логика обратности, которая заключается в пародийности и ироническом переосмыслении реальной жизни, но не отрицающая ее тотально, а стихийно «возрождающая» и «обновляющая»; а также отношение ко времени и связь с кризисными периодами.

Двумирность карнавала имеет общекультурный и личностный уровни: феномен существует в официальном, серьезном

и рациональном мире, выполняя в нем определенные функции, сам являясь неофициальным и оппозиционным всякой категории официального, таким образом противопоставляя себя наличествующей культуре, но являясь ее отражением и «изнанкой». Также карнавал протекает одновременно в общественном, общенациональном контексте и в сознании отдельной личности участника, так как карнавал не сводится только ко внешнему воплощению, а протекает параллельно в сознании участников.

Современный карнавал свободен от религиозного догматизма, так как его действие предполагает освобождение от всякого рода устойчивых систем «обыденной жизни» и поведенческих стереотипов. Даже те, кто в повседневности не обладает явной харизмой, в условиях карнавала раскрываются творчески и артистически, так как данный феномен охватывает всех без исключения. Несерьезность современного карнавала проявляется в избегании им как религиозного, так и политического догматизма, выраженного в «единстве множественности, не сводимой к единственности», и принятии участниками своего бессознательного начала, естественной природы удовольствия и праздности. Единственным условием современного карнавала становится отрицание предшествующей действительности с господством морального релятивизма, поэтому можно говорить о догматизме не иконическом, а символическом, сущностном, который касается морали и служит объединяющей силой современного карнавала. Именно в условиях современного карнавала происходит описанная Левинасом этическая ответственность за другого, которая становится ядром карнавала и движущей силой современного диалога культур.

Игровой элемент современного карнавала проявляется в соотношении карнавала и игры. В нем нет активных или пассивных составляющих, потому что все участники составляют единую игровую субстанцию карнавала. Современный карнавал безусловно обладает конкретно-чувственным характером. Выплеск эмоций и следующие за ним радость и эйфория, близость с окружающими и ощущение карнавала как единого орга-

низма – все это является проявлениями чувственной и иррациональной его природы.

Во время самого карнавала остальной мир не имеет такого значения, как вне феномена: «Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной» [1]. На карнавале не существует участников и наблюдателей, так как каждый его элемент является соучастником. Всенародность мероприятия также проявляется во всеобщей инклюзивности и сосредоточении участников друг на друге, а процессуальность – в сосредоточении на процессе и постоянной радости, смехе, преодолевающем всякий страх, «здесь-бытии», непосредственном существовании в данном хронотопе. На карнавале не существует никаких иерархических отношений, все его участники равны друг перед другом, объединены общей миссией и карнавальным смехом. Современный карнавал связан с категорией свободы таким образом, что он отрицает любого рода насилие и принуждение и является протестом этим агрессивным аспектам человеческого бытия. Сама суть современного карнавала в том, чтобы освободиться от оков жестокости, что постоянно провозглашается на самих мероприятиях. Поэтому свобода от насилия на карнавале является и единственным правилом, и обязательным законом.

Особый язык форм и символов современного карнавала присутствует везде: во внешнем виде участников, в текстах, которые они выражают, во всех перфомансах и музыкальных произведениях, как невербальных, так и вербальных. Однако, несмотря на обилие вербально выраженных текстов, можно говорить, что карнавал в своей сути явление невербальное, нелинейное и чувственное – его семиотический язык формируется посредством образов, выраженных во всех доступных формах: все виды текстов, написанных на бумаге и произнесенных вслух, музыка и песни, танец, говорящий и пародийный внешний вид участников, цветовое кодирование и так далее. Так, например, многочисленные короны на карнавале служат элементом кодирования самопровозглашенного короля, а одежда определенных цветов наполнена смыслами этих цветов.

Современный карнавал обладает природой празднества, однако не в таком содержательном и миросозерцательном понимании, как, например, религиозные традиции. Праздность современности имеет скорее эскапистский характер, сочетающийся у участников карнавала еще и с явным отрицанием существующей нормативной и легитимной системы. Генеральным инструментом отрицания служит всеобщий смех, оценивающий, выражающий отношение к существующей действительности, веселый и одновременно насмешливый, высмеивающий, отрицающий и утверждающий, хоронящий и возрождающий. Карнавальный смех проявляется и иконично, в виде эмоции, экспрессии и улыбки участника, и символично, выражаясь во всех возможных образах и формах, которые демонстрируют его логику обратности: переодевания, пародии и травестии, шум и гротеск.

Современный карнавал также связан с категориями пространства и времени. Он имеет свою длительность, привязанную к природному и историческому времени. Это обуславливает недавний карнавальный «взрыв», что небезосновательно связывает карнавал с кризисными периодами. Активизируясь как своеобразный ресурс, карнавал способен, с одной стороны, уравновесить общество, подверженное кризису, с другой – наглядно продемонстрировать культурно-исторические трансформации в крайне высокой концентрации культурных кодов и текстов. Таким образом, современный карнавал неизбежно является своеобразным возрождением и обновлением жизни, преподнося реальную жизнь как «ее возрожденную идеальную форму» [1].

Исходя из проведенного анализа можно утверждать, что современный карнавал, согласно концепции М.Бахтина, универсален для всех (всенароден, процессуален, отменяет иерархичность, свободен), амбивалентен (обладает двумирностью, праздничным началом, смехом и логикой обратности), неофициален (обладает игровым и конкретно-чувственным элементом, несерьезен, имеет свой символичный язык) и утопичен

(освобождает от всякого догматизма, в том числе религиозного, всегда относится ко времени и связан с кризисными явлениями). Карнавальная концепция культуры русского ученого утверждается как актуальная и предлагает свою объяснительную модель для современных карнавальных событий, которые являются конкретным воплощением культурно-исторических трансформаций, моментом «культурного взрыва» и той самой границей, необходимой для истинного Диалога культур.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 544 с.
2. Лотман, М. Ю. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис, «Прогресс», 1992. – 272 с.
3. Усовская, Э. А. Основные концепции культуры: учеб. пособие / Э. А. Усовская. – Минск: БГУ, 2014. – 152 с.

НАПРАВЛЕНИЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Ван Ин

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *2503881769@qq.com*

В данной статье рассматривается процесс развития современной музыкальной культуры Китая и структура современной музыкальной культуры, которая делится на несколько комплексов: ведущая музыкальная культура, элегантная музыкальная культура, популярная музыкальная культура, народная музыкальная культура и разнообразное музыкальное искусство. И посредством анализа текущей ситуации с китайской традиционной музыкой и классической музыкой, а также доминирующего и популярного музыкального направления выявлены отдельные проблемы, существующие в китайской музыкальной культуре.

Ключевые слова: музыкальная культура; эстрадная музыка; классическая музыка; народная музыка; музыкальное образование.

DIRECTIONS OF MUSICAL CULTURE OF MODERN CHINA

Wang Jing

Belarusian State University,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus,
e-mail: *2503881769@qq.com*

This paper discusses the development process of Chinese modern music culture and the structure of modern music culture, which is divided into several structures: leading music culture, elegant music culture, popular music culture, folk music culture and diversified music art. And through the analysis of the current situation of Chinese traditional music and classical music, as well as the dominant and popular trend of music to analyze the problems existing in Chinese music culture and some suggestions for improvement.

Keywords: music culture; pop music; classical music; folk music; music education.

Music culture is a synthesis of various musical phenomena with different nature, form and function. Culture, according to the broad sense and popular understanding, refers to human creation, which is the sum of human material civilization and spiritual civilization. Music culture, as a specific form of human culture, must be the synthesis of material, system and concept. From the whole point of view of historical cultural anthropology, aesthetic value is one of the various values of music culture, not the whole value or the only value. Therefore, we should not only look at a country's music culture from the level of consciousness, art and aesthetics, but also look at a country's music culture from the level of material, system and concept.

The characteristics and forms of contemporary Chinese music culture are the result of many factors. The development process of Chinese music from ancient times to the present, different concepts and systems from different historical stages, different means of communication at different stages, and also influenced by the culture of other countries, have jointly formed today's Chinese music culture.

Starting from the records related to music in China, the earliest records are the ancient music and dance in order to survive and pray in the ancient Xia and Shang Dynasties. Music is used for sacrifice and some rituals. The music of Zhou Dynasty served politics, served rulers, recorded the deeds of rulers, praised the greatness of rulers. Different levels of court officials would accept different levels of music performance, but ordinary people could hardly enjoy such court music. Chinese music in this period has always been studied and developed in their own native place. During the spring and Autumn period, the Warring States period and the Three Kingdoms period, there were constant wars, and music did not get more development. In the Han Dynasty, music and poetry are inseparable, most of the music comes from poetry, so it is widely spread, and many poems have been handed down to this day. When we came to Tang Dynasty, it was a very prosperous period. There was great development and progress in literature, music, economy and politics. Tang Dynasty accepted the

musical instruments and music theories and different music styles brought by other countries. On this basis, Chinese musicians also developed a lot of music theories. Music culture and music theories had a great development in this period. In the Song Dynasty, because of the emergence of the market, the common people also developed their own music one after another, whether it was labor songs when working or acrobatic performances to earn money in the market. At that time, in many different regions and different customs of the place began to form their own style of music, and spread in that region. The different tones of Chinese opera and Chinese traditional rap developed at that time. From the Song Dynasty, music began to move from the court to the ordinary people. In the Qing Dynasty, China adopted a closed door policy, and the development of music changed little.

In the 20th century, China gradually began to learn from the West. First, the scholars who came back from abroad proposed to learn from foreign education, so they launched some music schools, taught music, and developed «school songs», introduced foreign songs and filled in lyrics, or created songs with western creative methods, as well as the development of «new music» later, with the development of the Anti Japanese War, in the war environment, a group of excellent musicians emerged in China and created a group of excellent revolutionary songs. Many excellent songs representing the Chinese spirit and with Chinese style were produced at that time and have been spread to the present day [13, p. 165–201.] Later, after the end of the Second World War, China ushered in the reform and opening up, and China's music culture ushered in a lot of new blood. Since the 1970s, lyric pop songs began to prevail in Hong Kong and Taiwan. Chinese new rock music, represented by Teresa Teng and Cui Jian, also developed and swept the country for a time. [12, p.1–2.]There are also a number of patriotic music styles. Various styles of foreign music continued to spread and were further developed. [6, p.2–4].

The western music culture has been influencing China. The western culture can be traced back to ancient Greece and Rome. In the process of the development of the West for a thousand years, it has formed a complete scientific and objective music system, such as harmony acoustics, notation, orchestration and religious music. The

pursuit of personalized creation is an important feature of western music. In the 1880s, the first western orchestra appeared in China, which was founded by foreigners in Shanghai. It was not until the emergence of the «Hurd Orchestra» that there was a real Orchestra in China. With the outbreak of the Opium War, people began to change their understanding of the western music culture, began to learn from the west, translated western theoretical books, opened new schools, took «song and music» as an important subject in the classroom, and adopted the western education mode [7, p. 2–10.]

China's modern education took a historic step. «School songs» began to be popular. At that time, Chinese composers used some Western songs for reference and filled the melody of the songs into the lyrics in Chinese. The earliest group of excellent musicians appeared in the history of modern Chinese music, and gradually replaced the unshakable position of traditional Chinese music. During the Anti Japanese War, many composers also used western music playing methods to create many excellent songs that have been sung so far. The founding of new China in 1949 stimulated the creative enthusiasm of many musicians, such as «Dongfanghong» and «Liangzhu». In particular, «Liangzhu» takes the Western orchestral Concerto as the theme, runs through the traditional Chinese folktales, takes the Western symphonic music as the content, adds the Chinese national musical instruments, and integrates the Chinese traditional opera with the Chinese characteristic melody. It has become a successful Chinese and Western symphony. After the reform and opening up, the new western music culture and a series of reforms were introduced into China, which made the development of Chinese music more vigorous. Chinese musicians also selectively learn from western music, making Chinese music culture more and more mature [14, p. 1–14.]

Not only changes in the background of the times will lead to changes in music culture, but also changes in the way of communication will affect the development of music culture. How many ways did music spread?

1. The original way of communication: a large number of folk music in the dissemination only includes the disseminator (singer, performer, creator) and the receiver (audience), there is no media in the

middle, so the scope of dissemination is small and the speed is slow. So music at that time could only be the art of a few people, and music activities could only be local activities.

2. Breakthrough of audio recording technology: the invention of music score is a great revolution in the history of human music. The emergence of music can make people communicate and inherit music on a relatively standard platform, and the scale of communication also expands. But this is just the spread of musical text form. In 1877, the voice recorder invented by American scientist Edison successfully realized the recording of human voice. In 1989, Dane Paulson invented steel wire recording. The emergence of the two makes the mass communication of music a relatively complete system.

3. The leap of music communication technology – from analog to digital: the emergence of CD player has gradually replaced the record of recording and simulating sound. In the early 1990s, Sony developed the first complete family MD Player, which can repeat and select specific tracks. MIDI technology developed in the 1980s provides convenience for music production, video dubbing, film post production, multimedia and stage performance design. 4. The development trend of media technology – digitization, interactivity and integration: media technology is rapidly changing from analog mode to digital mode. Radio and television gradually upgraded from the traditional single function to the interactive communication system. Because of the gradual improvement of people's cultural quality, people of different ages, majors and personalities can choose different hobbies.

5. Music big data: information technology is changing the music industry. Not only has the audience changed the way they find and consume music, but also enterprises are using new technology to cope with the industry competition. Audiences can see countless music lists by clicking on the computer and mobile phone.

6. Music communication: when people understand the phenomenon of music communication, they are starting to understand music communication rationally and summarize a set of theoretical system of music communication. Music communication is not only a simple communication phenomenon and media, but also includes the content of music communication, the social, historical, cultural, scientif-

ic and technological background of media and music audience, the characteristics of the ultimate target, the relationship between concepts and relevant laws. The mode of music culture communication in modern China is mostly reflected in TV and Internet big data [18, p. 1–5].

Nowadays, Chinese music culture also plays an indispensable role in the world music culture. For example, various talent shows emerge in endlessly in China, encouraging Chinese creators to make their own music. Background music in many TV plays is very popular. Some TV plays are very representative because they tell Chinese historical stories or ancient Chinese legends. There are irreplaceable Chinese national musical instruments and poetic words in their music. The speed of network communication also makes a lot of Chinese folk music culture spread, so that people in the world have heard the Chinese traditional music and «Chinese style», attracted a lot of foreigners are very interested in Chinese music and Chinese culture. However, most of China's music adapts and lyrics songs from other countries, or covers classic old songs. The influence, production level, creative concept, industrial maturity, independent music development trend and other aspects need to be improved. Compared with Europe and the United States, Japan, South Korea and other countries, there are some differences. European and American pop music started early. English, French and German, as the common language carrier of European and American music, are relatively close in language, which lays the foundation for the spread of music. In China, Hong Kong music world with Cantonese as the main language developed first, [1, p. 1–2] which makes it difficult for the mainland music world to integrate well in language. Moreover, Europe and the United States have the high quality standard of Grammy, The business model is also very mature, and music is compatible with film media. Japanese music is the first European and American music market in Asia, and its quality is also very high. The Korean music industry has found its own style orientation. The dance music styles of women's and men's groups have also deeply influenced us. Their K-pop music has an indispensable important position. For China, the quality of the Chinese audience also needs to be improved. With a Chinese spirit

and attitude, good music and culture with high quality still need to be developed.

Under such a development, Chinese contemporary music shows several complex forms: leading music culture, high music culture, popular music culture, folk music culture.

Leading music culture. Ideological content of leading music culture mainly reflects the ideology of government and national policy. Under the leadership of the government and the country, it is music with guidance. For example, during the Anti Japanese War, there was «March of the volunteers». During the cultural revolution, there were eight model operas and quotation songs. The contemporary leading music has changed a lot from the past, among which the most representative is «national popular songs». The characteristics of these songs not only focus on nationality, but also pay attention to popularity. In the past, the dominant music was more didactic, while the contemporary dominant music absorbed a lot of popular elements, and its expressive force became more and more rich, such as "love me China", "often go home to have a look" and so on. This kind of music is also known as China's "party music", which not only integrates the forms of music, but also promotes the social spirit and connotation [8, p. 3–4].

High music culture. The classification of elegant music culture is generally divided into western classical music, such as symphony, String Quartet, chamber music, etc. There are also light music played by pure musical instruments. This kind of music is considered to express serious themes and profound meanings with bright melody, which needs careful experience [16, p. 216–225]. The other is Chinese poetry. Some famous poems of famous poets are written into songs and sung among the people. Some of them become melodies, which are handed down by Chinese traditional musical instruments and become very charming and thought-provoking music. The other is Peking Opera, the quintessence of China. The various singing styles and different singing methods of "Sheng, Jing, Dan, Mo, Chou" and the different appearances of each role are all unique Chinese culture. These musical cultures are the representative of professional arts and intellectuals, and are inherited by the academies. This sys-

tem includes two sub-systems: Western professional music system and new national music system. They all have the characteristics of paying attention to the theme seriously, form innovation, personalized exploration and paying attention to nationality. In modern times, there are three representative types of elegant music creation: serious music, trendy music and new national music. Serious music includes «Liang Zhu», «Yellow River Chorus» and so on. Based on the traditional aesthetic mode, the new folk music has been composed by professional composers and performing artists, such as Beijing Opera «Tang Princess» and Erhu Concerto «random thoughts on the Great Wall». In the instrumental music, there are some chamber music and orchestral music works which break the traditional music team and have flexible forms, such as «Da Zhaimen» Jinghu, pipa, bamboo flute and Western orchestras are the soundtracks of the TV series. The most representative of the scope of modern music is the creation of chamber music. There are a lot of songs with free form, novel inspiration and various styles, such as string quartet «wind, elegance and ode». These works show the artistic personality and exploration spirit of contemporary Chinese composers. Generally speaking, the performance of Chinese elegant art music has gradually increased, and also has a great change. In the professional college, a series of national music processing, adaptation and innovation movement is in full swing, the creation of serious music has also achieved fruitful results, and the exploration of new music has also made a certain impact [19, p. 1–5.]

Popular music culture. Popular music culture refers to the popular entertainment and popular music culture accepted by all social strata. This kind of music culture is a secular cultural phenomenon based on the western modern industrial civilization, with distinct commercial attributes. This kind of music is mainly to make people get rid of the fast-paced busy life, relieve people's competitive pressure, and achieve the purpose of leisure, recreation and relaxation. It does not pursue serious and major social themes, and has no high-level pursuit of art. Popular music has gradually become the mainstream music of the times. Firstly, because of its large number, the ways of creation

and dissemination are becoming more and more diverse. Secondly, its creation is promoted by the commercialization and industrialization of music. Thirdly, the dense population and the improvement of production and consumption have increased people's demand for this kind of music. Fourthly, it can meet the needs of daily entertainment, but it can not meet the needs It also leads to the patterned and typed characteristics of pop music. After a song becomes popular, it will produce a lot of imitations and copies, and become patterned. Finally, people no longer feel fresh about it, forcing writers to innovate and continue to evolve. Because of the large number and influence of pop music, it will also reflect the social phenomenon in time, and inevitably there will be music with negative and different attitudes, so we should treat it dialectically [17, p. 117–120].

Folk music culture. Folk music culture is a marginal culture popular in the society, life and folk culture of rural people, represented by farmers and folk musicians. This kind of original folk culture music does not necessarily need mass media, but more in rural areas of China, face-to-face communication through oral communication mode, and has the characteristics of regionality, variability, popularity, spontaneity and daily life, which is closer to the life of rural people than mass music. However, with the changes of social relations and living environment, folk songs began to die out gradually. Folk instrumental music and folk song and dance music have lost their religious purpose in the past, and have been preserved in some folk customs and wedding and funeral customs. Most of the folk opera is about how to "preserve" the tradition, and creation has become the patent of the school system. Many of the folk music performed on today's stage and played in the media has been separated from the original environment and processed [19, p. 5–9; [20, p. 3–9].

Contemporary Chinese musical culture is characterized by a variety of styles. In China's real society, elegant music is at the top, folk music is at the edge, and popular music culture represents the mainstream and should conform to the dominant music culture. These four kinds of music culture interweave with each other, and sometimes it is difficult to distinguish clearly, which also shows the diversity and

complexity of Chinese contemporary music culture. In recent years, the songs of «Chinese style» are a kind of «re deconstruction» of traditional culture. These works use Chinese style lyrics, match western popular songs, and often use Chinese traditional musical instruments in instrument configuration. In addition, many serious music creations of the academic school also embody the characteristics of pluralism and integration [2, p. 1–2].

Chinese traditional culture and classical national culture are extensive and profound. Various types of traditional music and classical national music continue to spread in each historical stage, but some kinds of music and music forms gradually die out with the historical changes. Especially in modern times, all fields of economy, politics and society are developing rapidly. In this context, China's music culture has also appeared an unprecedented prosperous situation, but also faces various challenges. Now let's analyze the current situation and trend of modern traditional music and classical folk music.

1. Thorough scientific research is being carried out in China, the typology and features of traditional music, classical folk music are determined. Since traditional musical culture retains a high aesthetic value, historical and cultural value, it is the basis for the development of Chinese musical culture. In depth research will make them more systematic and theoretical, so as to improve the masses' understanding of traditional music and traditional music, and even enable the masses to systematically learn their favorite traditional culture and folk music. Traditional music culture should be the mainstream of our art, it should be an important part of people's life and cultural literacy.

Research can also protect China's folk marginalized classical folk music, so that they can avoid extinction, be inherited, and reappear in the public view. With the changes of the times, traditional music can not be fixed, can not be conservative, it should also change with the times. Therefore, on the basis of retaining the original style, traditional music and classical folk music inject the blood of contemporary new music, abandon the things that are not suitable to the contemporary, and develop towards such a trend [4, p. 1–3].

2. Absorb the essence of western music for our own use. When the western music culture was introduced into China, it gradually reflected some backward places in Chinese traditional music. For example, the traditional notation of Chinese music is not intuitive, and the time value rhythm of music needs to be taught orally and memorized by heart. With the introduction of western culture, our concept has also changed. Chinese composers began to learn Western musical instruments, music theory knowledge, composition techniques, etc., accepted and gradually used them in their own creation, and began to process and transform traditional Chinese music. Then such a new kind of music gradually became the mainstream. As a result, contemporary musicians have been trying to reconcile the essence of Chinese traditional music and folk music with Chinese Western music culture, and the research trend of integration is getting better and better.

3. The Chinese government's strong support in policy and economy. China's classical folk music is still marginalized, and few people listen to it. Even in a minority area, the folk music is less and less popular. Most people are listening to some popular music, so some classical folk music is more and more marginalized, even on the verge of extinction. Therefore, the Chinese government has issued policies to provide financial support and advocate the protection of classical folk music and traditional music culture. In modern times, many Chinese music culture and traditional music foundations have been developed to protect and provide financial support for the people who have made contributions to Chinese traditional music. More importantly, more traditional music culture has been gradually injected into the textbooks of all kinds of primary and secondary schools and universities. 4. The media should strengthen the propaganda of Chinese traditional music culture. In the modern society, the network and a lot of streaming media are more and more developed, people get more and more things through the media, and the spread of the media is more extensive and faster, then traditional music and classical folk music can be spread and displayed through the media [11, p. 2–3]. In response to the call of the government and the state, in order to promote China's traditional music culture, let classical folk

music be known by more people, provide opportunities for traditional musicians and folk singers, writers to show and perform, and increase the exposure rate of traditional music. This will also make the whole society gradually begin to care about and love my traditional music and classical folk music.

Modern China's music culture is faced with the prevailing situation of some popular culture and foreign culture, but the traditional music culture is developing towards the culture that is more advancing with the times and more China's essence. Chinese classical folk music culture has been marginalized, few people listen to it, and some of them are still on the verge of extinction. But modern is working hard to protect them, let them better inheritance and development [9, p. 20–34].

There are many types of music in modern China, and the music of other countries has also been greatly developed in China. People's living standard is getting higher and higher, life is becoming more and more rich, music has gradually become a part of their life. The rapid development of network and media has brought innovation and breakthrough to music culture. On the whole, China's music culture is becoming better and better, more and more colorful, but in the process of development, it is also facing some problems and challenges.

In the modern development of Chinese musical culture, two groups of basic problems can be distinguished. The first concerns the development of music education. The second relates to the field of musical cultural production.

1.Problems in Chinese Music Education

1. There are some problems in the concept of Chinese Music Education: Although China's music education develops rapidly, with the development of music education, there are two extreme concepts in the field of music education. One idea is that only Chinese traditional music is good, Teaching Western music concepts and knowledge is not conducive to students' understanding of music culture. The educated only accept Chinese traditional culture. Another idea is that western culture is excellent, European classical music, western pop music are the most advanced in the world, while Chinese traditional

music is relatively backward, which will lead to the blind pessimism and disappointment of Chinese traditional music culture. Due to the existence of these two concepts, to a certain extent, it hinders our absorption of western advanced culture and the correct understanding and inheritance of Chinese local culture, and also leads to our deviation and imbalance in the development of music education and music culture [10, p. 2–16].

2. There are some problems in the curriculum. Chinese traditional music education has been declining or even stagnating for a long time. The curriculum of Chinese traditional culture education is very few, and western music culture is the main body in theoretical study and practical reference, while the curriculum of Chinese traditional music culture or national music is usually incomplete. And it's hard to get students interested, this makes it more and more difficult to inherit and carry forward. However, some music courses are not deep enough and formalized seriously. Many of them stay in the initial stage, which makes the educated unable to really understand and grasp the knowledge, and the learning effect is sometimes not ideal.

3. Problems in teaching. The teaching contents of foreign music courses pay more attention to the construction of discipline system. Their syllabus design, textbook selection and teacher selection are very targeted and operable, so the students have their own characteristics. In contrast, the teaching content in China is relatively rigid, the selection of courses and teaching materials tends to be the same, the teaching mode is relatively unified, the teaching content is not rigorous enough, the teaching method is relatively single, and the characteristics of colleges and universities are not distinct, which is not conducive to the in-depth research and innovation of teaching, so the quality of students is not high sometimes.

4. There are problems in people's cognition of music. In China, many parents still think that music is just an accessory, and they don't need to pay attention to it. The most important thing is to learn culture lessons (Chinese, mathematics, English, etc.), only culture lessons are useful. Some schools don't attach importance to music courses, which is just like a dispensable decoration. These phenome-

na will also hinder the promotion and development of music education, because people's attention is not enough, so the depth of music education research has been slowly shelved [15, p. 1–9].

2. Problems in Chinese music creation and performing arts circle.

1. Lack of innovation, nationality and traditional music in music creation. In China, the songs that people are familiar with and like to hear are still representative songs such as «descendants of the dragon» and «Liang Zhu» which appeared around the 1990s. Although contemporary songs emerge in endlessly, they are not as intriguing as before, and most of them are rewritten and created on the basis of a framework. Innovation becomes difficult, or some music created by authors who want to innovate cannot be accepted by most people. However, there are few songs with traditional music or folk music, and fewer and fewer people listen to traditional music and folk music.

2. The quality of music performance industry has declined and the direction has deviated. Music talent shows emerge in endlessly on TV, which is a good phenomenon to encourage a new generation of excellent singers. It can cause some people's fanatical star chasing phenomenon, and some star chasing has been separated from their love for music and just blindly pursue this person. With the development of Internet music, the speed of music transmission is faster, but the ability to choose music works is reduced, Some music that does not conform to the contemporary social values will flow into the market, which may convey bad information to some minors who can not distinguish good from bad. Traditional music, folk music, opera performance, classical music and other music performances are not as lively as network music and pop music. There is no standard to judge a song or a really good music [5, p. 4–5].

3. Serious commercialization of music. In China, in order to make money, some musicians lost their original intention of making music with their heart, and pirated music made by others can be known by the public [3, p. 1–2]. Some really good music is very unknown, not known, not sung. More and more exciting competition also makes it difficult for some musicians to survive and finally be buried. This also leads to the deviation of people's cognition of music, so that the really good music is buried.

References

1. China Cultural Industry Network. Is the spring of pop music coming [Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.ccln.org.cn/. – Date of access: 14.01.2021.
2. Daokebaba search articles. The main characteristics of Chinese traditional music culture. [Electronic Resource]. – Mode of access: https://m.doc88.com/p-205512137041.html. – Date of access: 14.01.2021.
3. Feng Xiaoxuan. Thesis of Music Department of Jining Normal University. The present situation and outlet of Chinese music culture industry .China's economy and trade. [Electronic Resource] / Xiaoxuan Feng. – Mode of access: https://wk.baidu.com/view/1d934515a300a6c30d229f01?pcf=2 – Date of access: 15.02.2021.
5. Hu Yongnan. On the development of contemporary Chinese music / Yongnan Hu // Music Time magazine. № 5. 2013. Pp. 18–20.
6. Jiang Yimin. On the reasons for the backwardness of Chinese music culture / Yimin Jiang // Journal of Music Studies,1980. Pp. 4–5.
7. Li Songpei term paper. The development prospect of Chinese music culture. [Electronic Resource]. – Mode of access: https://wk.baidu.com/view/12ddbe977f1922791788e810?pcf=2. – Date of access: 14.01.2021.
8. Liu Ying. The influence of western music culture on the development of modern Chinese music. WeChat official account [Electronic Resource] / Ying Liu. – Mode of access: https://mp.weixin.qq.com/s?src=11&timestamp=1611029229&ver=2837&signature=rK6qdG-DDKkpMHi-LRI7yPNPMSI63ApF. – Date of access: 10.03.2021.
9. Li Shao. The cultural characteristics of contemporary Chinese music / Shao Li // Contemporary music magazine. № 1. 2018. Pp. 18–23.
10. Luo Qin. Culture in music and music in culture / Qin Luo. – Shanghai calligraphy and painting Publishing House, 2010. – 222 p.
11. Liu Guizhen. Art College of Lanzhou University. Articles of National Social Science Foundation of China. The main body reconstruction of contemporary Chinese music culture [Electronic Resource] / Guizhen Liu. https://www.docin.com/touch_new/previewHtml.do?id=697116374. – Date of access: 10.03.2021.
12. Research on the current situation and inheritance path of traditional music culture. Reading and writing. Education Edition. № 6. 2019. Pp.27–29.
13. Search articles in Baidu Library. Research on the cultural development of music industry [Electronic Resource] // About Chinese pop music. – Mode of access: https://wk.baidu.com/view/c3a9cab2f111f18583d05a93?pcf=2. – Date of access: 14.01.2021.
14. Sun Jinan. A brief history of Chinese music / Jinan Sun, Zhuquan Zhou. – Shandong Education Press, 2017. – 465 p.

15. Search articles in Baidu Library. The main characteristics of the development of Chinese modern music. [Electronic Resource] https://wk.baidu.com/view/5f998d607e21af45b307a8e2. – Date of access: 13.03.2021.
16. Wang Jing. On the main problems of music education in China at the present stage / Jing Wang // Journal of science and technology information, 2014. № 34. –Pp. 34–37.
16. Yu Runyang. A general history of western music / Runyang Yu. – Shanghai Music Publishing House, 2016. – 414 p.
17. Zeng Suijin. Chinese popular music / Suijin Zeng. – Communication University of China Press, 2003. – 418 p.
18. Zhuang Yuan. Articles of scientific research and Graduate Office of Nanjing Art College. Music communication and media technology. China Music Network [Electronic Resource] / Yuan Zhuang. - https://wk.baidu.com/view/9c3ddf546bec0975f565e244?pcf=2. – Date of access: 13.03.2021.
19. Zhang Zi. The structure analysis of Chinese contemporary music culture / Zi Zhang // China Journal of Adult Education. – October 2007. – Pp. 1–9.
20. Zhou Chunlian. Graduation thesis of Jiangxi Normal University. On the development status and problems of Chinese folk music culture [Electronic Resource] / Chunlian Zhou. – https://wk.baidu.com/view/9c3ddf546bec0975f565e244?pcf=2. – Date of access: 14.03.2021.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Сывей Пу

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *1471403754@qq.com*

Данная статья касается проблемы определения роли культуры в преподавании китайского языка. Автор, прослеживая взаимосвязь языка и культуры, рассматривает роль межкультурной коммуникации в изучении фонетических особенностей, лексического состава, правил грамматики и других аспектов китайского языка. Особое внимание уделяется объяснению того, как студенты понимают реалии культуры при усвоении языка, как это влияет на их языковую грамотность.

Ключевые слова: культура; китайский язык; преподавание; изучение; иностранный язык.

CULTURAL TRADITIONS IN TEACHING CHINESE AS A FOREIGN LANGUAGE

Siwei Pu

Belarusian State University, Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *1471403754@qq.com*

The article deals with the problem of defining the role of culture in the teaching of the Chinese language. The author, tracing the relationship between language and culture, considers the role of intercultural communication in the study of phonetic features, lexical composition, grammar rules and other aspects of the Chinese language. Special attention is paid to explaining how students understand the realities of culture when learning a language, and how this affects their language literacy.

Key words: culture; Chinese language; teaching; learning; foreign language.

Teaching Chinese as a foreign language refers to the teaching of Chinese to people whose native language is not Chinese. It is the teaching of Chinese as a second language. The fundamental purpose of teaching Chinese as a foreign language is to cultivate the Chinese language thinking and practical communication skills of Chinese learners. Therefore, it is determined that the teaching of Chinese as a foreign language is not only limited to the traditional systematic teaching mode, but also takes into account the practicality of the teaching content and the actual effect of the teaching effect. People who have learned Chinese have been around since ancient times, but the real use of Chinese as a language for special purposeful teaching activities began after the founding of New China. The teaching of Chinese as a foreign language in New China began in July 1950. At that time, Tsinghua University began to organize the "Chinese Language Course for Exchange Students from Eastern Europe", and the first batch of students from Eastern Europe entered the university in December of the same year. This is the beginning of new China's teaching Chinese as a foreign language. The development of teaching Chinese as a foreign language has only lasted for a few decades. It is a young discipline emerging with the development of science and technology and cultural exchange. It has an important practical significance in the information age of globalization today [1]. Teaching Chinese as a foreign language is a national and national undertaking and an integral part of the overall situation of national reform and opening up. The development of teaching Chinese as a foreign language can spread the excellent culture of the Chinese nation, enhance mutual understanding and friendship between the people of China and other countries, cultivate more friendly people to China, and expand economic and cultural exchanges and cooperation between China and other countries in the world.

It has great significance for our country. As a special subject, teaching Chinese as a foreign language has made great progress. Since 1983, Beijing Language Institute, Beijing Foreign Studies University, Shanghai Foreign Studies Institute and East China Normal University have successively established the undergraduate specialty of "teaching Chinese as a foreign language", which specializes

in training teachers of Chinese as a foreign language. Some colleges and universities have successively recruited master's students in this major since 1986. In 1999, the state approved the establishment of the first doctoral program of teaching Chinese as a foreign language in Beijing Language and Culture University. The Chinese Society for teaching Chinese as a foreign language, established in 1988, has 1142 members and has established five branches across the country. By 1999, the society had organized four national academic seminars. At present, in the field of teaching Chinese as a foreign language, more than 400 kinds of teaching materials have been organized and compiled, hundreds of scientific research projects have been completed, three syllabus for undergraduate, long-term study and short-term strengthening of Chinese language majors for foreign students have been formulated, a series of professional journals have been established, special research institutions and professional publishing houses have been established, and various types of academic seminars have been held, The discipline construction of teaching Chinese as a foreign language has developed healthily and gradually matured along the road of scientization and standardization. The pace of mankind has entered the 21st century. Through China's entry into WTO, China's influence on world economic development will be further increased. China's development and progress have provided great development power and rare opportunities for the development of Chinese teaching as a foreign language. Teaching Chinese as a foreign language is bound to achieve greater development in the new century. Chinese will gradually become an important language in international exchanges and be used in more countries and regions in the world. It has become an important tool and bridge for developing political diplomacy, economy, trade, culture, education, science and technology exchanges among countries.

As we all know, culture is everywhere in our life. So there are many definitions of culture. As E. Hall says, "Culture is a word that has so many meanings already that one more can do it no harm" [2]. The definition of culture has different words from different angles. The former Soviet Union academic circle had a heated discussion, the result is that researchers have different opinions. The theory of

communication holds that communication is everywhere in nature and human society. It can be said, that where there is human existence, there will be communication and communication. In this paper, the author focuses on the definitions of the interaction between culture and communication. Marsella proposed the following definition: "Culture is to enhance the survival ability of individuals and society, enhance the ability to adapt to maintain their growth and development, pass on from generation to generation, and adopt common behaviors acquired through acquired". Although the definitions of culture are different, each definition of culture is similar.

1. Culture can be acquired. Acquisition is the most important feature of culture.

2. Culture is passed on from generation to generation. If a civilization is to survive, it must ensure that its key messages and elements are passed on. It is through the communication and dissemination between people that the various civilizations of mankind can be continued and developed.

3. Culture is based on symbols. From Marseni's definition of symbols, we can notice the relationship between symbols and culture: "A symbol is anything that people in the same cultural background use to refer to a special meaning" [3]. Symbols are so important to culture that the anthropologist Clark Hong once wrote: "If human culture has no language, it is unthinkable" [4]. It is precisely because humans have the special symbol of language that humans can not only impart knowledge to each other, but also impart ideas.

4. Culture is easy to change. The earth we live in is always in endless changes in motion, our world and human life are both a process. From the migration and wandering of nomadic tribes thousands of years ago, to today thousands of people read the same news from the Internet. Culture is always facing the intrusion of foreign ideas and information. The innovation and diffusion of culture and the cultural adaptation brought by it will never end.

5. Culture is a complete system. As E. Hall said, "You will be affected by other parts of the culture when you come into contact with it" [5]. Every cultural movement in our history is not limited to a certain aspect of life, which is a good example.

6. Culture traditions are highly adaptable. In human history, the culture of each country has been more or less affected by natural disasters, wars, such as China, the United States, and Japan, but the culture of these countries and nations have continued from generation to generation, which just illustrates the culture strong adaptability [6].

Cultural research in teaching Chinese as a foreign language began in the s of last century. It mainly studies the form, status, principles and methods of culture in teaching Chinese as a foreign language, and does not make a clear expression of the concept of culture. With the in-depth discussion on the relationship between culture and language, culture and language teaching, people define the content of culture teaching in teaching Chinese as a foreign language as "the teaching of language itself and cultural factors that cannot be separated". The so-called "cultural factors" mainly reflect the specific cultural connotation of the nation's values, right and wrong orientation, clothing, food, housing and transportation, customs, aesthetic taste, ethics, lifestyle, mode of thinking and so on. "People regard the culture in teaching Chinese as a foreign language as the culture hidden in the form of language structure. This view has lasted for a long time in the field of teaching Chinese as a foreign language, and many specific and different discussions have been carried out around the specific content of cultural factors. Later, people gradually found that the culture in language is not only reflected in "cultural factors", but also reflected in verbal communication and nonverbal communication. Therefore, there are "knowledge culture" and "communication culture". The classification of "knowledge culture" and "communication culture" has the greatest influence and the most profound and extensive in teaching Chinese as a foreign language. Later, on the basis of "communicative culture", someone further emphasized "cross-cultural background" and put forward "cross-cultural communication". However, no matter how the concept of culture is updated, culture in teaching Chinese as a foreign language is basically discussed around "language related culture", which continues to this day.

In short, the influence of culture on people is huge. Anthropologist Ruth Benedict accurately explained the reasons for this influ-

ence: One's life must first adapt to the traditional model of this society. From his birth, the customs of the nation shaped his experience and behavior. When he starts to speak, he becomes a cultural creation, when he grows up and participates in social activities, cultural habits become his habits, cultural beliefs are his beliefs, and cultural limitations become his limitations [7]. Through the analysis and understanding of culture, the author believes that the view of some anthropologists that "culture is communication" is correct. The research results of natural sciences tell us that life is a process. The universe, solar system, earth, world, and society we live in are all a process and are always in a state of change. From this perspective, culture must be constantly changing, culture is communication. Therefore, culture is a kind of communication. This is the correct conclusion that should be drawn from a dynamic perspective of culture [8].

Cultural education in the teaching of Chinese as a foreign language involves the understanding of the basic knowledge of Chinese language and culture, the cultivation of learners' cross-cultural communication awareness, and the international perspective corresponding to Chinese language learning [9]. Chinese and foreign cultural exchange activities in the actual teaching process help Chinese language learners to deeply understand the connotation of Chinese language and culture through cultural atmosphere and flexible application of language knowledge, and fully experience the context of Chinese application. Culture teaching should serve language teaching. Language teaching is to teach language, but in order to enable students to correctly understand and use the language they have learned, we must introduce the relevant cultural knowledge background in combination with the teaching of language elements and the training of language skills and language communication skills [3]. Cultural teaching should be targeted at the communication difficulties and obstacles that are easy to appear in cross-cultural communication. The teaching content should not only be representative, but also look at problems from the perspective of development, bearing in mind that culture is developing and customs is changing. In terms of teaching methods, the teaching of cultural knowledge background

should be subordinate to the teaching of language elements and the training of speech skills and speech communication skills. There are many specific teaching methods. For example, the cultural content can be introduced directly in the form of text content, or explained through notes. Culture teaching enables learners to understand Chinese traditional cultural knowledge in discussion. In the practice of teaching Chinese as a foreign language, cultural knowledge teaching and language teaching are two teaching methods juxtaposed with each other. Cultural knowledge teaching emphasizes the teaching of cultural knowledge, and language teaching pays attention to the cultivation of basic language ability. Due to the disciplinary nature of teaching Chinese as a foreign language, language teaching should be the main body in the teaching process, and cultural factors teaching should be carried out according to the involved knowledge points in the teaching process. The teaching of cultural factors should be carried out in language teaching. In essence, it is classroom teaching in the form of language classroom teaching. The relationship between language teaching and cultural factor teaching is based on language teaching. With the help of cultural factors contained in language forms such as pronunciation, vocabulary and grammar, learners can not only complete the tasks of basic language teaching and learning, but also absorb the target language culture. In the process of language teaching, all aspects of language factors need to integrate certain cultural elements, which is objective and necessary. At the same time, in the practice of teaching Chinese as a foreign language, basic language teaching is the main body and cultural factors assist teaching.

Chinese culture is broad and profound and it has a long history. And it will last forever under the scouring of thousands of years of history. The Chinese language civilization is a jewel in my country's historical and cultural treasure house. Today, as the concept of Chinese language education as a foreign language is changing day by day, the teaching of Chinese as a foreign language has already broken through the stage of simple interpretation of words and sentences. Instead, it has become a platform for Chinese language learners to deeply understand Chinese traditional culture, experience Chinese language

and cultural background. It can effectively spread and promote our country's history and culture. Therefore, the cultural education link in foreign Chinese language education is of great significance in the entire teaching process [10].

As we all know, language and culture are closely related. Language is the carrier of culture, elements of language have certain cultural connotations, and the use of language must also follow the rules of culture. Culture is the foundation of language. As an important part of Chinese language acquisition, it not only has a significant impact on the understanding and use of language, but also affects students' motivation and interest in learning Chinese. During the production and development of Chinese, it consciously preserves and transmits Chinese culture, records the historical process of the Chinese people, and contains the Chinese people's way of thinking. Therefore, in teaching Chinese as a foreign language, the learning of Chinese cannot be separated from the learning of Chinese culture, the teaching of Chinese cannot be separated from the teaching of Chinese culture, and the promotion of Chinese cannot be separated from the spread of Chinese culture. We will explore the importance of culture in teaching Chinese as a foreign language from the macro and micro levels.

References

1. Tang, Zh. Research on Teaching Chinese as a Foreign Language from Cultural Perspective: Doctoral Dissertation / Zh. Tang. – Changsha: Hunan Normal University, 2012. – 198 p. = 唐智芳。文化视角下的对外汉语教学研究。长沙。:湖南师范大学博士学位论文。2012。198页。
2. Hall, E. T. The Silent Language. A Division of Random House /E.T. Hall. – NY.: INC, 1990. – 100 p.
3. Ji, X. Things Change / X. Ji. – Beijing: Contemporary China Press, 2006. – 138 p.
4. Zhang, X. On the soft power function of Confucius Institutes / X. Zhang // World Chinese Language Teaching. – 2007. – № 3. – P. 15–19. = 张晓。论孔子学院的软实力功能[J]。《世界汉语教学》2007年第3期，第15–19页。
6. Lu, B. Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language / B. Lu. –Beijing: Language and Culture Institute Press, 1996. – 156 p.
7. Sun, D. Let Science Achieve Teaching-Research on Teaching Chinese as a Foreign Language/ D. Sun. – Beijing: Beijing Normal University Press, 2007. – 256 p.

8. Krasovskaya, A. Guests from Jiangsu / A. Krasovskaya // BELARUS. Politics. Economy. Culture. Magazine for you. – 2018. – № 11. – P. 26 –29.
9. Confucius Institute of Belarus – The picture is taken by the author. – Mode of Access: http://confucius. bseu.by/eng/about-us/. – Date of Access: 03.11.2021.
10. Hall, E. T. The Silent Language. A Division of Random House /E.T. Hall. – NY.: INC, 1990. – 100 p.
11. Rulong, L. A brief discussion on the two principles of teaching Chinese as a foreign language / L. Rulong, W. Ming // Language Teaching and Research. – 2005. – № 2. – P. 41–47.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ КИТАЯ

Фу Жао

Белорусский государственный университет, факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *jao.fzhao@yandex.by*

В статье рассматриваются состояние, перспективы и проблемы развития индустрии музыкальной культуры в Китае. Особое внимание уделяется вопросу связи музыкальной индустрии с процессами дигитализации и технологизации культуры. Выявляются актуальные характеристики музыкальной культурной индустрии Китая, к которым отнесены креативный характер современной музыкальной культуры, ее связь с экономикой и другими культурными индустриями, создание качественного музыкального продукта. Несмотря на успехи музыкальной индустрии Китая существует ряд проблем, препятствующих ее развитию. В ответ на них применяется подход «ориентировано на человека», направленный на высококачественную подготовку специалистов в сфере музыкальной культуры.

Ключевые слова: музыкальная культура; культурные индустрии; дигитализация; технологии; экономика; музыкальное образование.

THE CURRENT STATE, PROBLEMS AND WAYS OF DEVELOPMENT OF THE CHINESE MUSIC AND CULTURAL INDUSTRY

Fu Rao

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *jao.fzhao@yandex.by*

The article examines the state, prospects and problems of the development of the industry of musical culture in China. Particular

attention is paid to the issue of the relationship between the music industry and the processes of digitalization and technologization of culture. The article reveals the actual characteristics of the musical cultural industry in China, which include the creative nature of modern musical culture, its connection with the economy and other cultural industries, and the creation of a high-quality musical product. Despite the successes of the music industry in China, there are a number of problems that hinder its development. In response to them, a "human-centered" approach is applied, aimed at high-quality training of specialists in the field of musical culture.

Key words: musical culture; cultural industries; digitalization; technology; economy; musical education.

В последние годы в области прав интеллектуальной собственности в Китае наблюдается процесс значительного улучшения состояния защиты прав интеллектуальной собственности в сфере музыкальной индустрии. Технологические инновации и развитие социальных сетей сделали «мобильную» музыку основным направлением ее потребления. Масштабы онлайн-пользователей музыки еще больше увеличились, что привело к дальнейшему развитию современной музыкальной индустрии и усилению ее связи с экономикой, а также роли в инновационной экономике в целом. В то же время по сравнению с рядом экономически развитых стран способность Китая к созданию оригинального музыкального продукта находится еще не на достаточно высоком уровне, а соответствующая правовая система несовершенна. Нуждается в совершенствовании и процесс подготовки профессиональных кадров. Все это стало проблемами, ограничивающими развитие музыкальной культурной индустрии Китая.

Индустрия музыкальной культуры относится к ряду видов деятельности, связанных с производством, распространением, обслуживанием и потреблением музыкального контента. Важнейшим звеном во всей производственной цепочке является обеспечение качественной музыкальной продукцией, ключевыми элементами которой являются творческий, авторский и иной нематериальный капитал [1, с. 3].

Создание и дальнейшее продвижение продукта музыкальной индустрии обладает следующими характеристиками: 1) наличие идеи, креативности; 2) владение необходимыми теоретическими и практическими компетенциями; 3) понимание того, что культурный музыкальный продукт обладает качеством высокой добавленной стоимости; 4) связан с экономикой и фактически инкорпорирован в ее сферу.

Современное музыкальное творчество должно сегодня соответствовать критерию оригинальности, а создатели культурного продукта должны обращать внимание на самые разные нюансы его создания и продажи. Это значит, что автору/авторам произведения необходимо выстраивать связи, осуществлять коммуникацию с дизайнерами, стилистами, продюсерами, промоутерами и т.д. Современный продукт уже не является результатом творчества только одного человека – скорее, он плод (со) авторства многих людей. Немалое значение имеет и умение преодолеть ограниченность традиционных рамок мышления, что инициирует способность к созданию новых идей, требует вдохновения, творческого воображения.

Производство высококачественной музыкальной продукции требует глубоких теоретических знаний. Стиль, техника и выразительность работы отражают теоретические знания автора, его культурную философию и мировоззрение.

Музыкальная культурная индустрия в немалой степени представляет собой высокоразвитую дигитальную сферу, тесно связанную или даже включенную в экономику. Поэтому она должна обладать высоким уровнем технического развития, особенно по мере того, как платформа цифровой музыки становится все более и более совершенной [2, с. 104]. Это предполагает формирование разнообразной музыкальной среды, ее качественного с точки зрения технической доступности контента, а также предоставление такого продукта, который вызывает у пользователя желание и готовность платить. Очевидно, что затраты на высококачественную техническую оснащенность, запись, пользование, продвижение продукта существенно по-

вышает его стоимость. Эту особенность, как и ценностно-духовное содержание музыкальных произведений нужно учитывать при их производстве и поступлении на рынок.

Связь продукции музыкальной индустрии с экономикой проявляется не только в контексте ее характеристик как товара, но и в форме включенности в другие области культурных индустрий – туристической, спортивной, а также в сферу образования. Новое развитие отрасли проявляется в комплексной системе, в которой восходящий и нисходящий потоки взаимодействуют друг с другом, и каждый элемент связи поддерживает друг друга. Основная концепция построения этой системы заключается в формуле «Контент-ориентированный, инновации побеждают».

Комплексное развитие музыкальной культуры может создать больше возможностей и для инвестиционных стратегий, и для развития экономики государства в целом. Судя по состоянию индустрии музыкальной культуры можно утверждать, что текущая ситуация в индустрии музыкальной культуры Китая постоянно улучшается.

Свидетельством этому является внедрение элементов технологических инноваций во все уровни индустрии музыкальной культуры, что обеспечило музыкальные компании техническими условиями для точного понимания основных потребностей потребителей и придавало новый импульс развитию отрасли [3, с. 57]. Например: «умные» колонки с функцией голосового взаимодействия и технология “Dolby Atmos/X-DMAX” (это музыкальный эффект, сочетающий динамические объекты и новый способ направленного микширования звука и саундтрека, так что аудитория окружена звуком во всех направлениях), реализующие распространение звука в трехмерном пространстве, изменили качество восприятия музыки и усилили спрос на потребление музыкальной продукции. Эти инновации способствовали глубокой интеграции индустрии музыкальной культуры Китая и индустрии технологий, а также способствовали интеграции и развитию индустрии музыкальной культуры

и других отраслей. Так, сотрудничество между Midear IQiyi-видео и Kugou-музыка создали новый способ органической интеграции традиционных домашних технологий и музыкальной индустрии, реализовав трансграничное взаимодействие игр, музыки и традиционного производства.

Приведем еще один пример. Музыкальный фестиваль туризма, который проводится в разных местах Китая, благодаря уникальной комбинации «музыка и туризм», ставит своей целью предоставить потребителям музыки высококачественный и разнообразный туристический опыт через знакомство с музыкальными традициями разных культурных сообществ.

В последние годы музыкальная и культурная индустрия Китая быстро развивается. Однако наряду с этим существуют и определенные проблемы. В наш цифровой век развитие индустрии музыкальной культуры может не только улучшить культурные потребности и художественные достижения людей, но и расширить потребление, увеличить возможности трудоустройства и стабилизировать экономический рост. Поэтому дальнейшее развитие индустрии музыкальной культуры и решение социально-культурных и экономических проблем в Китае стало главным приоритетом.

Уровень музыкального образования определяет качество музыкальных кадров, и деятельность различных музыкальных учреждений в области образования и обучения должна быть, на наш взгляд, улучшена. Поэтому в систему подготовки кадров необходимо внедрять национальный и мировой актуальный опыт, инновационные формы и способы обучения. Данный тезис относится не только к подготовке исполнителей, музыкантов, но и промоутеров, менеджеров, маркетологов, специализирующихся в области культурных индустрий. Кроме того, отделы культурного образования на всех уровнях системы образования должны интегрировать ресурсы музыкального образования и оказывать всестороннюю поддержку музыкальным талантам. Музыкальная индустрия по-прежнему нуждается в стандартизации законодательства. Это касается в первую очередь такого

явления, как музыкальное пиратство. Мы полагаем, что необходимо увеличить штрафы за нарушение прав на видео- и музыкальные произведения, увеличить размер компенсации за ущерб, причиненный авторам. В целом, система защиты авторских прав должна работать эффективнее. Это обеспечит надежную правовую защиту для большинства владельцев авторских прав на музыку.

Еще одним аспектом развития китайской музыкальной индустрии является принцип «ориентировано на человека». Он направлен на удовлетворение вкусов, потребностей разной аудитории, с одной стороны. С другой – нацелен на воспитание и развитие эстетического вкуса потребителей. В связи с этим важно учитывать фактор так называемой любительской музыки и непрофессиональных авторов и музыкантов, чье творчество востребовано массовой аудиторией, а также независимых исполнителей. Например, Netease- музыка и другие компании запустили планы поддержки независимых музыкантов для всестороннего продвижения – системы независимых музыкантов.

Литература

1. 陈光曦:《中国社会科学：中国音乐产业的创新发展路径》, 中国社会科学院, 北京，2018，47页. =Чэнь, Гуанси. Китайские социальные науки: путь инновационного развития музыкальной индустрии Китая / Гуанси Чэнь. – Пекин: Китайская академия социальных наук, 2018. – 47с .
2. 王靖一:《艺术研究：音乐文化产业的发展与大庆城市音乐文化建设》, 哈尔滨师范大学, 哈尔滨，2016年，105页. =Ван, Цзиньи. Исследования в области искусства: развитие индустрии музыкальной культуры и создание музыкальной культуры города Дацин / Цзиньи Ван. – Харбин: Издательство Харбинского педагогического университета, 2016. – 105 с.
3. 胡慧源:《中国出版：新版权环境下中国数字音乐产业链整合模式研究》, 中国新闻出版社, 北京，2017年,第11期，57-60页. =Ху, Хуэйюань. Китайское издательство / Хуэйюань.Ху // Исследование способа интеграции сети цифровой музыкальной индустрии Китая в новую среду авторского права. – 2017. – №11. – С. 57–60.

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 3

В. А. Будучев. КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ДИНАМИК УТВЕРЖДЕНИЯ И РАЗМЫВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫМИ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ ТЕЛЕКАНАЛАМИ 3

И. Б. Горбунова, А. А. Панкова. СОВРЕМЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КУЛЬТУРЕ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ 14

А. Д. Крывалап. НАЦЫЯНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ПРАСТОРА І ЗМЕСТ ЦІ СРОДАК І МЭТА 29

А. Б. Сташкевич. НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕСТИНАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 38

Э. А. Усовская. КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ИСКУССТВЕ 49

КРУГЛЫЙ СТОЛ 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 56

К. А. Талейко. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ 56

Я. С. Слуцкий. ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УНИВЕРСИТЕТАХ И КОЛЛЕДЖАХ США 65

Т. Ю. Павельева. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНЛАЙН-ДОСКИ MIRO В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ 75

М. Ю. Шода. АПОВЕД ПРА СВЕТ ЯК ПРАБЛЕМА НОБЕЛЕЎСКАЙ ЛЕКЦЫІ ВОЛЬГІ ТАКАРЧУК 80

С. К. Видишева, Т. В. Ситникова. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ 87

А. В. Тучинский, В. Н. Занчук. ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ И РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В КОНТЕКСТ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЛАКУН (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 91

Е. В. Андрианова. ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ Г. МЮЛЛЕР «КАЧЕЛИ ДЫХАНИЯ» 97

Н. С. Зелезинская. МОТИВ САМОУБИЙСТВА ДИДОНЫ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛАТИНСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. ШЕКСПИРА 104

Е. В. Шульмина, Н. Е. Попова. РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ 114

Чжай Хаоянь. КУЛЬТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ И ИДЕИ ПОЗНАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 119

КРУГЛЫЙ СТОЛ 2. МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ 124

И. В. Воробьёва. РЕЛИГИОЗНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО: ФОРМЫ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ 124

Н. Ю. Фролова. КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИЗАЙН В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 140

Е. К. Сельченок. ГНОСТИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ФИЛОСОФИИ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ 148

Н. А. Телюк. ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ 155

В. А. Карпиевич. СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ 165

А. С. Савченко. ОРКЕСТРОВКА И. СТРАВИНСКОГО В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ КОМПОЗИТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. 173

А. А. Аллахгулиева, Н. Е. Попова. ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР 181

Н. Г. Шпаковская. ВИКИНГ КАК КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ КОММУНИКАТОР В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СКАНДИНАВИИ 187

Н. М. Звёздкин. НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПАТРИОТИЧЕСКИЙ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 195

О. И. Ажгиревич. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР БЕЛАРУСИ, РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (В РАМКАХ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ») 204

Я. С. Зяноўка, Э. У. Русецкая, З. А. Дзенісюк, А. Я. Драгун, А. У. Унучак, Н. В. Анофранка, Д. І. Латышэвіч, В. А. Захар'еў, Ю. С. Гецэвіч. ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА БЕЛАРУСІ З АСАБІСТЫМІ АЎДЫЯГІДАМІ «KROKAM» 214

В. Ю. Себруковіч. МЕДЫЯПРАСТОРА СУЧАСНАГА МУЗЕЯ: КАМУНІКАТЫЎНЫ АСПЕКТ 224

О. Е. Гопиенко. ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР КАК ЧАСТЬ САМОПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА 232

О. Л. Гутько. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОММУНИКАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ ЭДВАРДА Т. ХОЛЛА 238

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 248

Сюе Лина. ТРАДИЦИОННАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ 248

Фу Жао. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ КИТАЯ 256

Ли Вэйвэй. ДВИЖУЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИХ КОММУНИКАЦИЙ 262

Лю Синься. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНЫХ ТАНЦЕВ) 271

Чжун Цяньцянь. ВОПЛОЩЕНИЕ ИНЬ-ЯН В ДРЕВНЕМ КИТАЙСКОМ ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАРНЫХ ДРАКОНОВ) 278

Цзя Ляльна. ФОМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРЫ КНР 282

А. А. Юкович. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО МОДЫ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 288

Чжао Шэншань. ИНТЕРАКЦИЯ СУБКУЛЬТУР КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 296

Чжао Цзэнфан. СУБКУЛЬТУРА ВЕБ-ТРАНСЛЯЦИИ КАК ПРОСТРАНСТВО КОММУНИКАЦИИ КИТАЙСКИХ ПОДРОСТКОВ 303

Ван Цзихен. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г. ХОВСТЕДЕ 308

СТУДЕНЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 318

Н. А. Вербельчук. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИГУРЫ БЕЗУМЦА В РАБОТЕ М. ФУКО «БЕЗУМИЕ И НЕРАЗУМИЕ. ИСТОРИЯ БЕЗУМИЯ В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ» 318

А. В. Леньшина. ОТРАЖЕНИЕ БЫТА СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖЕФРИ ЧОСЕРА «КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ» 324

Д. Г. Клименкова. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 330

А. Б. Сосновик. КОНЦЕПТЫ «ТЕЛЕСНОСТЬ» И «БИОПОЛИТИКА» В АНТРОПОЛОГИИ МИШЕЛЯ ФУКО 339

Цю Янгуан. КОННОТАЦИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ 348

М. Е. Саранцева. КОНЦЕПЦИЯ КАРНАВАЛА М. М. БАХТИНА КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 354

Ван Ин. НАПРАВЛЕНИЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ.....363

Сывей Пу. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....379

Фу Жао. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ КИТАЯ.....388

Научное издание

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных статей
по материалам
VI Международной
научно-практической конференции

(Минск, 8–9 апреля 2021 г.)

Ответственный за выпуск *Е. С. Патей*
Компьютерная верстка *Т. А. Хорошко*

Подписано в печать 31.12.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 17,92.
Тираж _ экз. Заказ 18967.

Издатель и полиграфическое исполнение:
общество с ограниченной ответственностью «Колорград».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/471 от 28.07.2015.
Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, Минск.

+375 17 361 91 40
post@segment.by
segment.by

facebook.com/segment.by
vk.com/segment_belarus
instagram.com/segment.book

Наш сайт

Для авторов и ученых

Интернет-магазин